

Весеннее Чувство

春

情

китайские повести

параллельные тексты на
китайском и русском языках

автор-составитель выражает глубокую признательность преподавателю китайской филологии госпоже Ма Тяньюй за помощь в работе.

при составлении этой книги были использованы следующие издания:

на китайском языке:

- (明) 冯梦龙 原著 曾胡 主编
《喻世明言》赏析 (上)
警官教育出版社
- (明) 凌濛初 著 《拍案惊奇》
上海古籍出版社, 1992年。
- (明) 凌濛初 著 《二刻拍案惊奇》
上海古籍出版社, 1992年。
- (明) 冯梦龙 编纂 《醒世恒言》 (上)
河北人民出版社, 1993年。

на русском языке:

- "Удивительные истории нашего времени и древности" составитель И.Э.Циперович переводы с китайского и комментарии В.А.Вельгуса и И.Э.Циперович, Москва, "Художественная литература", 1988 г.
- "Китайский эрос". Научно-художественный сборник автор-составитель А.И.Кобзев. СП<<Квадрат>> Москва, 1993 г.

Предисловие

Повести, собранные в этой книге, принадлежат перу или редакции крупнейших писателей эпохи Мин --- прозаикам, драматургам и издателям --- Фэн Мэнлуну /1574 ---1646 / и Лин Мэнчу /1580 --- 1647/.

Повести "Продавец масла покоряет царицу цветов" и "Две монахини и блудодей" из сборника Фэн Мэнлуна "Слово бессмертное, мир пробуждающее", а повесть "Цзян Сингэ вновь видит жемчужную рубашку" из сборника "Слово назидательное, мир наставляющее" того же автора.

Остальные три повести из сборника Лин Мэнчу "Рассказы совершенно удивительные"/часть 1 и 2/.

Живость сюжета, жизненные ситуации этих шедевров привлекут внимание любого любителя почитать, а наличие параллельных текстов делает эту книгу прекрасным пособием по изучению изящной словесности и овладению искусством перевода для тех, кто изучает китайский и русский языки.

Н.Н.Воропаев
г. Чита

Весеннее Чувство

учебное издание
автор-составитель Н.Н.Воропаев

Томск 2000

第一卷 蒋兴哥重会珍珠衫

白话译文

冯梦龙 (1574--- 1646)

仕至千钟非贵，年过七十常稀。浮名身后有谁知？万事空花游戏。
休逞少年狂荡，莫贪花酒便宜。脱离烦恼是和非，随分安闲得意。

这首词，名叫《西江月》，是劝人安分守己，随缘作乐，不被“酒”、“色”、“财”、“气”，损伤精神，弄坏品行。求快乐时不快乐，得便宜时失便宜。说起这四个字，总还是“色”字最利害。眼睛是情的媒介，心是欲望的种子。得手的时候，惦念得放不下心；过去后，又尖魂落魄。如果是墙花路柳，偶然玩玩，不妨碍正事；

Цветочек или ива — иносказ.: женщины легкого поведения, девицы-гетеры веселых домов.

Цзян Сингэ

вновь видит

жемчужную рубашку

перевод И.Э.Циперович

комментарии В.А.Вельгуса

Фэн Мэнлун(1574--- 1646)

Служба не так дорога,
пусть даже платят немало;
Возраст за семьдесят лет —
редчайший удел человека.
Многие ль вспомнят потом
о славе твоей мицолетной?
Хлопоты в жизни, дела —
забавы одни, да и только.
Годы младые не стоит
растрачивать на безумства.
Надо ли соблазняться
вином и прелестью женской?
Прочь от мирской суеты,
от правды ее и неправды;
С жизни уделом смирясь,
довольствуйся мудрым покоем.

Стихотворение это написано на мотив «Луна над Западной рекой». В нем говорится о том, что надо пытаться удержать достигнутое в жизни, находя радость в сложившейся судьбе, а также избегать четырех вещей: вина, женщин, богатства и тщеславия — и не растрачивать на все это духовные силы. Потому что ведь известно: «Удовольствие, за которым погнался, обернется неудовольствием; выгода, которую обрел, обернется потерей». Но из четырех этих зол ни одно так не губительно, как женщины. Верно говорят: «Глаза — сваха в любви, желанье — похоти источник». Поначалу вас влечет к женщине лишь сердцем, а затем вы теряете и разум. Правда, если случится встретиться где-нибудь с *цветочком или с ивой*, то в том нет беды. Другое

假如是心中设计谋，败坏风俗，只顾自己一时的欢乐，却不管别人家多年的情分。假如你自己的娇妻爱妾，被别人调戏上了，你心中会怎样想？古人有四句说得好：

人心或可昧，天道不差移。

我不淫人妇，人不淫我妻。

诸位，那么今天听我说《珍珠衫》这套词话，可见果然报应得不错，正好为少年人做个榜样。

单说一个人，姓蒋名德，字兴哥，是湖广襄阳府枣阳县人。父亲名叫蒋世泽，从小常去广东做生意。因为妻子罗氏死后，只留下这个兴哥，年纪才九岁，没有别的儿女。蒋世泽舍不得

孩子，又不忍断绝去广东做买卖的生路，反复思考，没有办法，只好带上那九岁的孩子一同上路，并且教他讨人喜欢的本领。这孩子虽然年幼，长得：

眉清目秀，齿白唇红。行步端庄，言辞敏捷。聪明赛过读书家，伶俐不输长大汉。人人唤做粉孩儿，个个羡他无价宝。

蒋世泽怕人妒忌，一路上不说

Имя.— Имеется в виду официальное имя (см. «Второе имя»).

Второе имя.— В старом Китае у человека, как правило, было несколько имен. Первое — маленькое (детское, или молочное) имя ребенок получал при рождении, и оно сохранялось за ним обычно до школьного возраста; для детских ласкательных имен чаще всего подбирались поэтические слова. Когда ребенок поступал в школу, отец или учитель давали ему официальное (книжное, большое, или школьное) имя, которое сохранялось за человеком на всю жизнь и употреблялось во всех официальных случаях. Кроме того, друзья, учителя и родители давали юноше, когда он становился взрослым, второе имя. Образованный человек обычно имел и литературное прозвище. Ученые-литераторы нередко подбирали себе еще и литературный псевдоним, используя для него поэтические слова, обозначающие благородство, силу, красоту и т. п.

Человек, продавший себя в рабство или поступивший в услужение, обычно не только получал от хозяина новое имя, но и принимал его фамилию.

дело, если специально строишь на этот счет планы, нарушаешь приличия, семейные обычаи и ради мига собственного блаженства пренебрегаешь многолетними чувствами других. Подумай, что пришлось бы переживать тебе самому, если бы кто-то стал заигрывать с твоей красавицей женой или с любимой наложницей и в результате добился бы своего. В древних стихах хорошо об этом сказано:

Бессмысленно обманывать людей —
Пути небес ты этим не изменишь:
Не покушайся на жену чужую,
И на твою никто не покусится.

Итак, уважаемые, послушайте повесть о жемчужной рубашке. Из этой истории вы увидите, что возмездие неба неминуемо, и рассказ этот да послужит молодым людям хорошим уроком.

Рассказ начнем с одного человека, фамилия которого Цзян, *имя — Дэ, молочное имя — Сингэ; был он уроженцем города Цзаоян, что в области Сянъян. Отца его звали Цзян Шицзэ. Еще с юных лет Цзян Шицзэ стал ездить с товарами торговать в Гуандун. Но вот у него умерла жена, и он остался вдвоем с сыном, которому в то время было всего девять лет. Других детей у супругов Цзян не было. Отцу жалко было оставлять сына одного, а отказаться от поездок в Гуандун, бросить дело, которое его кормило, он тоже не мог. Цзян Шицзэ прикидывал и так и этак, думал-думал, но выхода не находил. Оставалось одно: взять девятилетнего ребенка и вместе с ним отправиться в путь. «К тому же,— рассудил Цзян Шицзэ,— мальчик чему-то научится, узнает кое-какие секреты торговли». Сингэ хоть был еще мал, но выглядел уже не ребенком:

Четкие брови, спокойные очи,
Белые зубы, алые губы.
Вот он идет — изящен и строен,
Заговорил — умен и находчив.
Сметливее многих начитанных в книгах,
Приворен не меньше, чем парень здоровый.
Все восхищаются: «Ну и красавец!»,
Каждый завидует, как он хороши.

Опасаясь, что люди будут ему завидовать, Цзян Шицзэ во время путешествия никому не говорил, что

亲生儿子，只说是内侄罗

小官人。原来罗家也是走广东做买卖的，蒋家只走了一代，罗家倒已走了三代了。广东那边的客店饭馆，都同罗家世代认识，象自己的亲戚一样。蒋世泽做买卖，开始也是丈人罗公领着做起的；因为罗家最近多次遭遇冤屈的官司，家道中落，有几年不曾到广东做买卖了。这些客店饭馆的人见了蒋世泽，没有一次不问罗家消息的，非常挂念！这一回见蒋世泽带了个孩子来了，问明是罗小官人，并且长得十分清秀，对答聪明，想到他祖父三代的交情，现在又来了这第四长，没有一个不高兴的。

闲话少说。只说蒋兴哥跟着父亲做买卖，走得几遍，学得伶俐乖巧，生意行中，每样都会，父亲高兴得不得了。哪里料到兴哥十七岁那一年，父亲病死了。只是好在是在家中，还不是客途之鬼。兴哥哭了一场，免不了擦干眼泪，整理后事。殡殓之外，做了功德超度，当然不用说。七七四十九天内，内外宗亲，都来吊孝。本县有个王公，正是兴哥的新岳丈，也上门祭奠，少不了蒋家亲戚陪着说说话。言谈之中说到：兴哥少年老成，这种大事。

Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего. — Культ предков являлся одним из основных элементов народной религии Древнего Китая. Люди верили, что душа умершего обладает способностью воздействовать на изменение их судьбы в зависимости от степени их забот о ней. С этим представлением были связаны сложнейшие обряды похоронных церемоний, поклонение предкам и принесение жертв душам усопших.

Похоронный обряд состоял из трех основных элементов: панихида, самих похорон и установки на домашнем алтаре поминальной таблички (см.). В зависимости от достатка семьи, панихида длилась от трех до сорока девяти дней (число дней должно было быть нечетным). Все эти дни гроб с телом покойного оставался в доме или около него в специально отведенном для этого помещении. На жертвенном столике перед гробом устанавливалась поминальная табличка. Во время панихиды близкие умершего, его друзья и знакомые приходили или приезжали издалека поклониться усопшему.

Сингэ — его родной сын, а выдавал мальчика за молодого Ло, племянника жены. Следует сказать, что семья Ло тоже занималась торговлей, совершая поездки в Гуандун. Но если Цзян Шицзэ первым в своей семье взялся за это дело, то в семье Ло этим занимались уже целых три поколения. Поэтому там, в Гуандуне, и хозяева торговых подворий, и посредники в делах на протяжении многих лет были знакомы с людьми из семьи Ло и считали их чуть ли не родственниками. Кстати, и самого Цзян Шицзэ ввел в это дело Ло, отец его жены, некогда взяв его мальчиком с собой в путешествие. Но в последнее время семье Ло пришлось вести тяжбы по несправедливым обвинениям; тяжбы эти окончились для Ло неудачно, семья обеднела, и вот уже который год никто из них не ездил торговаться в Гуандун. Не удивительно, что и посредники в делах, и люди на торговых подворьях всякий раз, встречая Цзян Шицзэ, расспрашивали его о семье Ло. Когда же они узнавали, что мальчик, с которым он приехал, из семьи Ло, да еще видели, какой ребенок красивый и умный, все, конечно, очень радовались. При этом они думали о том, что их деды и отцы дружили с семьей Ло, а ныне вот появился мальчик, принадлежащий уже к четвертому поколению Ло.

Однако не будем отвлекаться.

Итак, Сингэ несколько раз ездил с отцом торговаться. Сообразительный мальчик быстро изучил все тонкости и ходы в торговле, все прекрасно понимал, и отец его был этим безмерно доволен. Когда Сингэ минуло семнадцать лет, отец вдруг заболел и умер. Хорошо еще, что это случилось дома, на родине, и Цзян Шицзэ не стал бродячей душой где-то в чужом kraю. Сингэ долго плакал и рыдал. Но что было делать: пришлось утереть слезы и заняться всем тем, что связано с церемонией похорон и трауром по родителю. Он обрядил отца, как полагается в подобных случаях, уложил его в гроб и, само собой разумеется, заказал заупокойную молитву. **Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего и выразить соболезнование Сингэ.* Явился и господин Ван, земляк и будущий тесть Сингэ. Помогая при обряде и прислуживая Вану, родственники и друзья Сингэ, разумеется, рассказывали ему, как и что. Разговор зашел и о Сингэ, о том, что он хоть и молод, но серьезен и обстоятелен, что вот сумел сам все подготовить и устроить как поло-

亏了他独自支撑。因而在讲话中间，就有人撺掇说：“王老亲家，如今您女儿也长大成人了，为什么不乘这个机会完婚，让他夫妇二人作个伴，也好过日子。”王公没有肯答应，当天回家去了。各位亲戚又等安葬的事完毕，撺掇兴哥。兴哥开始也不肯，又被撺掇了几次，心想孤身没个伴，也就答应了。央求原来的媒人到王家去说，王公只是推辞，说：“我家也要准备一些微薄的嫁妆，短时间怎么准备得好？何况你守孝不满一年，妨碍礼仪。即使要成亲，也要过了一年之后再商量。”媒人回话，兴哥见他说得有理，也就不勉强了。

光阴如箭，不知不觉一周年已经到了。兴哥祭过了父亲的灵位，换下粗麻衣服，再求媒人到王家去说，这才答应。没隔几天，礼义完备，娶了新娘进门。有《西江月》为证：

孝幕翻成红幕，色衣换去麻衣。画楼结彩烛光辉，合
卺花筵齐备。那羨妆奁富盛，难求丽色娇妻。今
宵云雨足欢娱，来日人称恭喜。

话说这个新娘是王公最小的女儿，小名叫做三儿；因

Почему бы не поженить их теперь же, учитывая сложившиеся обстоятельства? — В старину в период траура запрещалось совершать свадьбы. Дозволялось это в исключительных случаях, но и тогда сразу же после обряда бракосочетания молодые снова облачались в траур.

Малый траур длится тринадцать месяцев после похорон.

Красный. — Красный цвет в Китае — цвет радости: в красное одевалась невеста, в красном паланкине она отправлялась в дом жениха, на красной бумаге писались свадебные приглашения и т. д.

Брачные чаши — см. «Соединили чаши».

«Соединили чаши» — один из элементов старого свадебного обряда: новобрачные пили вино из специальных парных винных чаш, сделанных из половинок одной тыквы. Выражение «соединить чаши» стало художественным образом бракосочетания.

жено для совершения траурного обряда. Слово за слово, и кто-то из присутствующих сказал, обращаясь к Вану:

— Уважаемый господин Ван, ваша дочь уже взрослая. *Почему бы не поженить их теперь же, учитывая сложившиеся обстоятельства? И ему будет легче, и ей хорошо.

Ван с этим предложением не согласился и вскоре, распрощавшись, ушел. Когда и обряд самих похорон был завершен, родственники Сингэ завели разговор о женитьбе с Сингэ. Поначалу он отказался, но после того как с ним поговорили об этом и раз, и другой, подумал, что вот он остался теперь в доме один, рядом никого нет... и решил согласиться. Попросили пойти к Вану ту самую женщину, которая в свое время была свахой у семей Цзян и Ло. Ван отказал и ей:

— Нужно подготовить хоть какое-то приданое: сразу ведь этого не сделаешь! Кроме того, и года после похорон еще не прошло — не положено так! Дождемся конца *малого траура, тогда и поговорим.

Сваха передала все это Сингэ, и тот, понимая, что Ван прав, не стал настаивать.

Время летело словно стрела — незаметно прошел год. Сингэ совершил жертвоприношения перед *поминальной табличкой отца, снял с себя грубую пеньковую траурную одежду и снова попросил сваху пойти к Вану. На этот раз согласие было получено, и через несколько дней после совершения всех положенных предсвадебных обрядов молодую ввели в дом Сингэ. Все в общем было как в том стихотворении на мотив «Луна над Западной рекой»:

*Траурный занавес переменили на *красный,
Пеньковое платье — на пестрый наряд.
Празднично убран дом,
Свечи ярко сияют.
К торжественному пиру все готово,
И *брачные чаши их ждут.
Ничто приданого богатство
В сравнении с изяществом и красотой невесты.
Радостна будет брачная ночь,
Наутро придут с поздравлениями люди.*

Скажу еще, что новобрачная была третьей и самой младшей дочерью господина Вана, звали ее Саньда или, ласкательно, Саньдаэр. Так как она родилась

为是七月七日出生的，又叫做三巧儿。王公以前嫁过的两个女儿，都是出色标致的。枣阳县里，人人称赞羡慕，造出四句口号，说是：

天下妇人多，王家美色寡。

有人娶着他，胜似为驸马。

常言说：“做买卖不着，只一时；讨老婆不着，是一世。”许多官宦大户人家，只选门户相当，或者贪图嫁妆丰厚，不分是非，定了亲事。后来娶了一房奇丑的媳妇，亲戚面前，出来相见，做公婆的好没意思。并且丈夫心中也不喜欢，难免私下里寻花问柳。偏偏是丑媳妇会管丈夫，如果一般见识的，便会夫妻不和睦；如果爱惜面子，让他一两回，他就越发厉害了。有这么多坏处，所以蒋世泽听说王公一向生有好女儿，很早便送过财礼，定下他的小女儿和儿子的婚事。今天娶过门来，果然姿色娇艳，说起来，比她的两个姐姐更加漂亮。正是：

吴宫西子不如，楚国南威难赛。

若比水中观音，一样烧香礼拜。

Седьмой день седьмого месяца. — В этот день, когда, по старинной китайской легенде, встречаются Пастух и Ткачиха, женщины занимаются рукоделием, молятся об удаче, ниспосланный им детей, умении шить, ткать, вышивать и т. д.

Один из вариантов легенды о Пастухе и Ткачихе таков. Ткачиха (дух звезды «альфа» из созвездия Лирь) была в наказание изгнана с небес на землю. Там она встретила Пастуха (духа звезд «бэта» и «гамма» созвездия Орла), вышла за него замуж, и они жили счастливо. Когда кончился срок ее изгнания, Ткачиха вернулась на небо. Пастух хотел последовать за ней, но Небесная Река (Млечный Путь) преградила ему дорогу. С тех пор им позволялось видеться раз в год — в седьмую ночь седьмой луны. В этот день на Млечный Путь слетались сороки и образовывали мост, на котором и встречались любящие супруги.

Молодая является в дом жениха... и обнаруживается, что она уродлива.... — В средневековом Китае, где браки обычно совершались по предварительномуговору между родителями жениха и невесты, жених, как правило, впервые видел свою нареченную лишь в день бракосочетания.

в *седьмой день седьмого месяца, ее называли также Саньцяо, то есть «Третья-удачливая». Две старшие дочери господина Вана, которых еще раньше выдали замуж, были так хороши собой, что все в городе восхищались их красотой и даже сочинили о них стишки:

Женщин немало на свете,
Но красавиц таких, как дочери Вана,
Редко найдешь.
Откажешься стать императорским зятем,
Коль выпадет счастье
Жениться на дочери Вана.

Поговорка не случайно гласит: «Не повезло в торговле — это временно; с женой не повезло — вот это на всю жизнь». А ведь когда в богатых, знатных семьях собираются просватать сына, то обычно стараются подыскать невесту из семьи с соответствующим положением; бывает и так: позарившись на большое состояние, без всяких раздумий совершают говор с каким-нибудь богачом. Но вот наступает день, *молодая является в дом жениха — тут-то вдруг, бывает, и обнаруживается, что она уродлива; и когда после бракосочетания она вынуждена выйти к родственникам мужа, дабы представиться им, то тестю и теще становится очень не по себе. Муж, конечно, разочарован и тайком начинает искать любовь на стороне. Но, как правило, именно некрасивые жены умеют держать в руках своих мужей. Если будешь обходиться с такой женой так же, как и она с тобой, то начнутся ссоры, а коли сочтешь, что скандалить неловко, и уступишь ей раз-другой, она станет задирать нос да показывать себя.

Отец Сингэ понимал, что ничего хорошего в подобных браках нет; поэтому, проведав в свое время о том, что дочь у господина Вана девочка хорошая, к тому же еще и недурна собой, он совершил с ним брачный говор; это было тогда, когда Сингэ и Саньцяо были еще детьми малыми. Теперь, когда Саньцяо вошла в дом Сингэ, он увидел, что его жена действительно хороша собой — изящна, стройна и красива, красивее даже, чем ее старшие сестры. Вот уж поистине:

В красоте ей уступит *Си Ши из дворца князя У,
*Нань Чжиэй из владения Чу — не столь хороша,
Как *Гуаньинь она, что смотрит на луну в воде,
Достойна поклонения и воскурений.

蒋兴哥本来长得一表人才，又娶了个美貌的妻子，分明是一对玉人，良工琢成，男欢女爱，比别的夫妻更多十分。三天之后，依照先例换了浅色衣服，不谈外面的事，专门在楼上同妻子成双成对，早晚取乐。真是形影不离，梦里作伴。从来是苦日子难熬，欢乐的时光容易过，寒来暑往，孝期已经满了。起灵除孝，不用多说了。

兴哥有一天白天想起父亲生前广东的生意，现在已经担保了三年多了，那边还有许多客账，还没拿到，晚上便同妻子商量，想要去一趟。妻子开始也答应说该去，后来说到路途远，恩爱夫妻，怎么忍心分离？不知不觉两人泪流下来。兴哥也是舍不得，两人又感伤了一场，又放弃这个主意了。这样已经不只一次。

时间渐渐过去了，不觉又过了二年。那时兴哥决心要走，瞒着妻子，在外面偷偷收拾了行李。挑了个最吉利的日子，五天前才对妻子说：“常言‘坐吃山空，我们夫妻两人，也要成家立业，难道丢弃了这条生活之路？现在这二月天气，不冷不热，不上路又等什么时候？”妻子想到留不住他了，只好问：

Си Ши — знаменитая красавица древности. Существует предание о том, как князь Юэ (V в. до н. э.), потерпевший поражение от князя соседнего удела У, решил прибегнуть к хитрости и подослал к победителю свою наложницу — красавицу Си Ши. Пленившись ее красотой, князь удела У забросил государственные дела, предался любовным утехам и праздным развлечениям, и вскоре его войска были разбиты князем удела Юэ. Таким образом, красота Си Ши послужила причиной гибели целого княжества.

Нань Чживэй. — Существует предание о том, как в период Вуюющих царств (V — III вв. до н. э.) князь царства Цзинь взял себе в наложницы Нань Чживэй, уроженку княжества Чу. Плененный ее красотой, князь три дня подряд предавался любви с ней, забыв о государственных делах. Опомнившись, он был вынужден отослать ее обратно. Впоследствии имя Нань Чживэй, так же как имя Си Ши (см.), стало нарицательным для выражения притягательной силы женской красоты, способной «сокрушить царство».

Сингэ и сам был красив, а теперь еще и красавица жена. Это была пара, словно выточенная из нефрита искусственным мастером, и любили они друг друга так, как, казалось, не любил друг друга никто из супругов. Через три дня после свадьбы Сингэ и Саньцяо сменили нарядную одежду на скромное платье. Под предлогом, что они все еще в трауре, Сингэ не занимался делами и ценные дни, с утра до вечера, сидел дома со своей женой и наслаждался общением с нею. Молодые буквально не отходили друг от друга и были вместе даже в своих снах. Издревле известно: тяжкие дни тянутся долго, радости время быстро летят. Минуло лето, прошла зима. Сингэ и Саньцяо даже не заметили, как кончился период большого траура. Они сняли с себя траурное одеяние и убрали поминальную табличку. Но об этом подробно рассказывать не будем.

Однажды, подумав о том, что прошло уже более трех лет с тех пор, как отец был в Гуандуне, где осталось немало счетов, по которым он в свое время так и не успел получить, Сингэ вечером заговорил об этом с женой и сказал, что собирается съездить в Гуандун.

— Надо поехать,— согласилась она поначалу. Но когда речь зашла о том, как далек туда путь и как трудно будет им перенести разлуку, у Саньцяо невольно потекли слезы. Сингэ самому тоже было тяжко расставаться с женой, поэтому, подавленные горем и печалью, они оставили разговор о его отъезде. И так повторялось не раз.

Время текло, дни шли своим чередом, и вот прошло еще два года. Сингэ наконец твердо решил отправиться в путь и тайно от жены, вне дома, потихоньку подготовлял все необходимое. Он уже выбрал *благоприятный день и лишь за пять дней до отъезда признался жене, что решил ехать.

— Как говорится, «если сиднем сидеть и только есть, то и лес опустеет», — сказал он ей при этом. — Нам ведь с тобой тоже надо позаботиться о том, чтобы семья была как семья и дом как дом. Неужто так и забросить дело, которое кормило меня? Теперь у нас весна, не холодно и не жарко, и если сейчас не поехать, то когда же еще? Самое время отправиться в путь.

Саньцяо поняла, что на этот раз ей не удержать мужа, и только спросила:

Благоприятный (счастливый) день. — Согласно старинной традиции, для начала любого важного дела (посев, открытие торговли, заключение брака, поездка и пр.) существовали благоприятные или неблагоприятные дни. Их узнавали по гаданию или находили в специальном календаре.

“丈夫”

你这一去什么时候可以回来?”兴哥说:“我这次出去,很不得已,好歹一年便回来,宁可第二次去时多去几天罢。”妻子指着楼前一棵椿树说:“明年这棵树发芽时,就盼望你能回来。”说完,泪如雨下。兴哥用衣袖替她擦拭,自己的眼泪也掉下来了。两人感伤别离,非常恩爱,一句话也说不尽。

到了第五天,夫妻两人哭哭啼啼,说了一夜的话,干脆不睡了。五更时,兴哥就起来收拾,把祖上传下的珍珠细软,都交给妻子收着,自己只带了本钱银两、帐目底本和随身衣服、铺盖之类,又准备了送礼的事,都装好了。原来有两个男仆,只带了一个年轻的去;留一个年长些的在家中,听妻子使唤,办理日用品。两个老婆子,专门管理厨房。又有两个丫头,一个叫晴云,一个叫暖雪,专门在楼里侍候,不许远离。吩咐好了,对妻子说:“娘子耐心过日子。地方上轻浮的少年不少,你又长得漂亮,不要在门前偷看,招惹是非。”妻子说:“官人放心,早去早回。”两人擦着泪道别。正是:

世上万般哀苦事,无非死别与生离。

兴哥上路,心里只想着妻子,整天不看风景不答理别人。没有几天,到了广东,住了客店。这帮过去认识的人都来见面,兴哥送了些

Гуаньинь — одно из наиболее популярных в Китае и Японии божеств буддийского пантеона. Милосердный бодхисаттва Гуаньинь чаще всего изображается в Китае после XIV в. в виде женщины. Культ милосердной богини, чадоподательницы Гуаньинь был одним из самых распространенных в Китае, а изображение ее на картинах, смотрящей на отражение луны в воде, является классическим изображением Гуаньинь в иконографии буддизма.

Стража.— В древности в Китае с семи вечера до пяти утра каждые два часа сменялисьочные стражи; смена стражи отмечалась ударами в барабан, а иногда стуком колотушек. Отсюда двухчасовые отрезки времени стали именовать «стражей». Первая стража — от семи до девяти часов вечера; вторая — от девяти до одиннадцати; третья — от одиннадцати до часу ночи; четвертая — от часу до трех; пятая — от трех до пяти часов утра.

— Когда же ты рассчитываешь вернуться?

— Я ведь и сам не рад, что приходится теперь ехать. Удачно сложатся дела или нет, но через год вернусь. В крайнем случае второй раз съезжу туда и, если нужно будет, тогда уж задержусь.

— В будущем году, когда появятся почки на этом дереве, буду ждать твоего возвращения,— сказала Саньцяо, указывая на душистый ясень, росший перед домом, и слезы дождем полились у нее из глаз. Сингэ стал рукавом утират их и сам невольно заплакал. Горюя о предстоящей разлуке, они были так нежны друг с другом, что в двух словах это и не передашь.

Наступил день отъезда. Всю ночь супруги, роняя слезы и рыдая, проговорили до утра, так и не сомкнув глаз. В пятую *стражу Сингэ поднялся, привел в порядок вещи, а также достал все драгоценности и украшения, которые были в его семье, и передал их жене, чтобы та сохранила. В дорогу Сингэ взял лишь необходимую на дело сумму, долговые записи, одежду и постельные вещи. Все это он уложил и упаковал. С собой он решил взять одного из двух слуг — того, что помоложе; того, что постарше, он оставлял дома, дабы тот делал покупки и все необходимое по хозяйству. В доме были еще две пожилые кухарки и две молодые служанки. Одну из них звали Цинъюнь, другую — Нуаньсюэ. Обе должны были прислуживать самой Саньцяо и не отлучаться из дома.

Распорядившись обо всем, он сказал на прощание жене:

— Ты уж потерпи, поживи одна. Только не выглядывай на улицу, чтобы не случилось чего неладного: женщина ты красивая, а молодых легкомысленных людей у нас тут хватает.

— Не волнуйся и возвращайся пораньше,— сказала она в ответ. Расстались они со слезами на глазах. Вот уж поистине:

*Нет тяжелее, горестней нет
Разлуки при жизни, прощанья перед смертью.*

В пути Сингэ только и думал о своей жене и ни на что не обращал внимания. Но вот наконец он добрался до Гуандуна и остановился в гостином дворе. Все, кто его знали, приходили повидать его, и всем он раздавал

人情，挨家挨户安排了接风的酒席，接连半月二十天，不能空闲。兴哥在家时，身体本来已经被淘虚了，路上又经了些劳碌，到了这会儿难免又饮食无节制，得了疟疾，一个夏天没好，秋天时又转成了水痢。每天请大夫号脉，吃药调治，直到秋天过完，才完全好了。把买卖都耽误了，眼看着一年回去不可能了。正是：

只为蝇头微利，抛却鸳鸯良缘。

兴哥虽然想家，到底时间长，干脆把念头放下了。

不说兴哥做生意的事，再说妻子王三巧儿，自从那天丈夫吩咐了，果然数月之内，眼睛不偷看窗户，脚不下楼。光阴似箭，不觉剩下的年月快过去了，家家户户，热热闹闹地暖火盆放爆仗，吃团圆饭玩耍子。三巧儿触景伤情，想念丈夫，这一晚上很凄凉！正应了古人的四句诗，说是：

腊尽愁难尽，春归人未归。

朝来嗔寂寞，不肯试新衣。

第二天是正月初一，是一年的开始。晴云、暖雪两个丫头，一起劝三巧儿到前楼去看看街景。原来蒋家住宅前后通着两

Врач шупал его пульс. — В Китае, так же как в Греции, Индии и арабских странах, врачи с древних времен уделяли особое внимание изучению пульса: на основании данных пульсации ставился диагноз болезни, определялись ее прогноз и методы лечения.

Трещали петарды, пылали сосновые ветки. — По народному обычаю, в канун Нового года люди у себя во дворе разводили огромные костры из веток сосны или бамбука и пускали трещащие петарды. Обычай этот связан с поверью, что треск бамбука и горящих сосновых веток отгоняет нечистую силу.

подарки; надо было ходить и на званые пиры, которые в честь его приезда по очереди устраивали его добрые знакомые, — так что почти три недели у него не было для дела и минуты свободной. Надо сказать, что Сингэ еще дома подорвал свое здоровье, дала себя знать и усталость от дороги, а тут еще жизнь в Гуандуне, когда волей-неволей нарушалась должная мера и свое-временность в еде. В результате Сингэ заболел малярией, проболел все лето, а осенью его одолела дизентерия. Каждый день *врач шупал его пульс, назначал лекарства. Поправился Сингэ лишь в конце осени. Все дела во время болезни, разумеется, были заброшены, и стало ясно, что к обещанному сроку ему не успеть вернуться домой. Вот уж, право:

*Всего-то выгоды с мушиную головку,
А он оставил дом, от счаствия ушел.*

Вначале Сингэ беспрестанно думал о доме, но со временем постепенно перестал терзать себя мыслью о нем.

Оставим теперь речь о том, как Сингэ жил в Гуандуне, и расскажем о его жене.

Саньцяо, как и велел ей муж в день отъезда, действительно несколько месяцев подряд не то что в окно не выглядывала — вниз не спускалась из своей комнаты. Между тем время мчалось стрелой, и незаметно наступил канун Нового года. В каждом дворе *трещали петарды, пылали сосновые ветки; люди собирались вместе, пили, ели, развлекались, играли в различные игры. Все это навевало на Саньцяо грусть, тоску по мужу, и в эту ночь она чувствовала себя особенно одиноко.

Точь-в-точь как в древних стихах:

*Кончился год, но нет у печали конца,
Весна возвратилась, но тот, кого ждешь,
не вернулся.*

*Утро пришло — грусть и тоска все сильнее,
Желания нет новый наряд примерять.*

Следующий день — первый день первого месяца — был Новый год, и обе служанки, Цинъюнь и Нуаньсюэ, стали уговаривать хозяйку пойти в передний дом и поглядеть, что делается на улице. Следует сказать, что дом Сингэ состоял из двух отдельных, соединенных

带楼房，第一带临大街，第二带才做卧室，三巧儿平常只在第二带中呆着。这一天被丫头们撺掇，只好从这边房中走到前楼，吩咐推开窗户，把帘子放下，三个人在帘里观看。这天街上很热闹繁杂！三巧儿说：“这么多行人，偏偏没有算命先生；如果有，叫他上来问问官人消息也好。”晴云说：“今天是一年的头一天，人人要休息玩乐，谁会出来算卦？”暖雪说：“您包在我们两人身上，五天之内一定叫一个来算算。”

到了初四早饭过后，暖雪下楼上厕所，忽然听到街上咣咣的声音。响的这件东西，叫做“报君知”，是瞎子卖卦的道具。暖雪等不到解完手，慌忙系了裤腰带，跑到门外，叫住瞎先生，掉转脚一口气跑到楼上，告诉女主人。三巧儿吩咐：叫在楼下坐着。问他算卦的价钱，通过之后，走下楼梯，听他解释判断。瞎先生占了一卦，问是什么。那时厨房两个老婆子，听到热闹，也都跑来了，替女主人说：“这卦是问行人的。”瞎先生说：“是妻子问丈夫吗？”婆子说：“是。”先生说：“青龙统治了世界，财这一爻开始起动；如果是妻子问丈夫，那么行人已在半路上了，金银玉帛有千箱，没有一点麻烦的事。青龙属于木，木兴旺在春季，立春前后，已经动身了。

Звук ударов по медной пластине. — Ударяя маленькими молоточками по круглой медной пластине (атрибут профессиональных гадателей-слепцов), гадатель дает знать о своем появлении.

между собой строений. Одно выходило прямо на улицу, другое стояло в глубине и служило спальным помещением. Саньцяо обычно все время проводила во втором доме, и вот, поддавшись уговорам служанок, она наконец впервые решилась пойти в передний дом. Приказав открыть окно и опустить занавеску, она села у окна и вместе со служанками стала смотреть на улицу сквозь занавеску. Что творилось на улице в этот день: оживление, шум, толчье!

— Столько тут народа, а вот гадателя не видно,— заметила Саньцяо.— А то позвала бы его погадать, что с мужем,— добавила она.

— Сегодня Новый год, всем хочется поразвлечься да погулять. Кто в такой день выйдет гадать! — ответила на это Цинъюнь.

— Матушка, мы с Цинъюнь берем это на себя,— вмешалась в разговор Нуаньсюэ.— Ручаюсь, не позднее чем через пять дней гадатель будет у вас.

Утром в четвертый день Нового года после завтрака Нуаньсюэ приспичило выбежать во двор, и вдруг она услышала *звук ударов по медной пластине. Стремглав бросившись за ворота, она окликнула слепца-гадателя, попросила его подождать, а сама побежала наверх сообщить о нем хозяйке.

— Приведи его, пусть посидит внизу в гостиной за ширмами,— распорядилась Саньцяо.

Узнав, сколько стоит гадание, Саньцяо помолилась и спустилась вниз послушать, что ей скажет слепец. Гадатель расположил все, что нужно для гадания, и спросил, что здесь хотят узнать.

Услышав необычное оживление в доме, прибежали из кухни и обе кухарки.

— Гадание касается человека, который в отъезде,— сказала одна из них за хозяйку.

— Жена хочет знать о муже, не так ли?

— Именно так,— хором отвечали женщины.

И тут гадатель произнес:

— Ныне зеленый дракон управляет миром, и в действии сейчас символ богатства. Если жена вопрошают о муже, то человек этот уже на полпути домой. Везет он с собой сундуки золота и ценностей, и никаких у него нет тревог и волнений. Зеленый дракон соответствует древу, а древо в расцвете весной; стало быть, где-то в начале весны человек ваш уже отправился в путь и

过了这个月到下月初，一定到家，又带有许多的财物。”三巧儿叫男仆，付三分银子打发了算命先生，非常高兴地上楼去了。真是所说的“望梅止渴”、“画饼充饥”。

一般人没有希望，倒也不把事放在心上；一有希望，就胡思乱想，很难过日子了。三巧儿只因为相信了算命先生的话，一心只盼丈夫回来，从此常到前楼去，在帘里向外东张西望。直到二月上旬，棒树发芽了，还没有丈夫回家的迹象。三巧儿想起丈夫临走时的约定，更加心神不定，一天几次，向窗外张望。也是凑巧该有事，遇到这个英俊的年轻人。正是：

有缘千里能相会，无缘对面不相逢。

这个英俊的年轻人是谁？原来不是本地人，是徽州新安县人，姓陈名商，小名叫大喜哥，后来改叫大郎。才二十四岁，又长得一表人材，虽然比不上宋玉、潘安，也并不比这两个人差。大郎也是父母亲都去世了，凑了二三千金本钱，到襄阳贩卖米盐之类，每年都来一次。他落脚处在城外，恰巧这一天进城来，到大市街汪朝奉当铺中间问家中音信。那家当铺

Фэн — денежная единица, равная одной сотой доли лана (см.).

Лан — слиток серебра, служивший с древних времен весовой денежной единицей.

Ли — мера длины, около 0,6 км.

Сун Юй (IV в. до н. э.) и Пань Ань (IV в.) — поэты древности, славившиеся своей красотой; имя того и другого стало нарицательным для красивого мужчины.

в конце этого или в начале будущего месяца должен вернуться, да еще с огромным богатством.

Саньцяо приказала слуге дать слепому три *фэня серебром и проводить его, а сама, безмерно счастливая, поднялась к себе наверх. Вот уж действительно, понадеяться, что можно

*Утолить жажду, глядя на сливы,
Умерить голод, рисуя лепешки.*

Обычно на что человек не надеется, о том он мало и думает; но стоит появиться надежде — тотчас рождаются бесплодные мысли, бредовые мечты, и каждая минута ожидания становится непереносимой.

После того что наговорил гадатель, Саньцяо только и думала о возвращении мужа. С этих пор она стала часто ходить в передние покои и выглядывать на улицу из-за занавески.

Шел второй месяц, на душистом ясене уже появились почки, а о Сингэ все еще ничего не было слышно. Помня обещание мужа, Саньцяо начала тревожиться и теперь уже по несколько раз в день смотрела на улицу. И видимо, так уж должно было случиться, что она увидела молодого и красивого человека.

Поистине:

*Коль суждено — друг друга встретят,
Хоть сотни *ли их разделяют;
А не судьба — так рядом будут
И то друг с другом не столкнутся.*

Кто же он, этот молодой и красивый человек? Оказывается, он не местный, а уроженец области Хуэйчжоу, уезда Синъян. Фамилия его — Чэн, имя — Шан. Молчанье им было Дашибэй, но потом он сменил его на Далан. Хотя по красоте он и уступал *Сун Юю и Пань Ань, но в свои двадцать четыре года был очень собой недурен. Далан, как и Сингэ, тоже был круглым сиротой. Собрав в свое время несколько тысяч для торговли, Далан стал ездить в Сянъян закупать рис, бобы и прочее. Бывал он в Сянъяне обычно каждый год и останавливался в Цзаояне, за городом. И вот однажды направился он в город на Большую базарную улицу к некоему господину Вану, владельцу закладной лавки, чтобы узнать, нет ли каких вестей из дома. Лавка эта

对门，因此经过蒋家门口。你知道这年轻人怎么打扮的？头上带着一顶苏样的百柱鬟帽，身上穿一件鱼肚白的湖纱道袍，正好和蒋兴哥平常穿着很相似。三巧儿远远看见，以为是她的丈夫回来了，揭开帘子，目不转睛地看。陈大郎抬头，看见楼上一个年轻的美貌妇人，眼睛不动珠地看他，只以为是喜欢上他了，也对楼上使了个眼色。谁知道双方都弄错了。三巧儿看到不是自己丈夫，羞得双脸通红，急忙把窗子关上，跑到后楼，靠着床沿坐着，心里一个劲儿突突地跳个不停。谁知道陈大郎的全部精魂，早已被妇人眼光儿摄上去了。回到住处，心里放不下她，心中想到：“家里的妻子，虽然有些姿色，怎么比得上这个妇人的一半！想得到些情分，怎奈没有机会。如果能同她住一夜，就是花费了这些本钱，活在世上也不算冤枉。”叹了几口气，忽然想起大市街东巷，有个卖珠子的薛婆，曾经同他做过交易。这个老婆婆能说会道，并且每天走街串巷，哪一家不认识，只要问问她，一定有结果。

这一晚上翻来覆去，勉强熬过去了。第二天起了个大早，只推说有事，要了些凉水梳洗了，取了一百两银子，两大锭金子，急急忙忙跑到城里来。这叫做：

欲求生受用，须下死工夫。

находилась как раз напротив дома Сингэ. Таким образом Далан и оказался там. Вы спросите, как он был одет? В простом из белого шелка халате, на голове плетеная шапка, какие носят в Сучжоу, словом, точь-в-точь как одевался Сингэ. Увидев из окна Далана, Саньцяо издали приняла его за мужа. Она тотчас откинула занавес и, не отрывая глаз, стала смотреть на приближавшуюся фигуру. Далан, поравнявшись с домом Сингэ, заметил наверху в окне молодую красивую женщину, которая не сводила с него глаз. Он решил, что произвел впечатление, и бросил на красавицу многозначительный взгляд. Как было им знать, что каждый из них ошибался!?

Когда Саньцяо поняла, что обозналась, лицо ее от стыда залилось краской. Она тут же закрыла окно, опустила занавеску и побежала в задний дом. Долго еще, сидя у себя, она чувствовала, как сильно бьется ее сердце.

Что касается Далана, то прекрасные женские глаза просто-напросто захватили всю его душу. Вернувшись в гостиницу, он не переставал думать о красавице.

«Жена моя, конечно, тоже хороша собой, но с этой женщиной ей не сравниться,— рассуждал он про себя.— Написать бы ей записку. Но вот через кого передать? Все отдал бы, только бы она согласилась провести со мной хоть одну ночь. Тогда считал бы, что не зря прожил на свете». Молодой человек все вздыхал и вздыхал и вдруг вспомнил, что совсем рядом с Большой базарной улицей, в Восточном переулке, живет некая старушка Сюэ, которая торгует жемчугом. Как-то раз Далану довелось иметь с ней дело, и он помнил, что бабка эта находчивая и поговорить умеет. «Да и ходит она изо дня в день то к одним, то к другим — конечно, должна знать всех в округе»,— подумал Далан и решил с ней посоветоваться — может, и сумеет она что-нибудь придумать.

Всю ночь Далан переворачивался с боку на бок, едва дождавшись утра. Чуть свет он поднялся, умылся холодной водой, причесался и тотчас поспешил в город, захватив с собой сто *ланов серебром и два больших слитка золота. Не зря говорят:

Хочешь добиться чего-то при жизни —
Нужно ль тянуть до смертного часа?

陈大郎进城，一路来到大市街东巷，敲薛婆子的门。薛婆子蓬松着头发，正在天井里选珠子，听到敲门，一边收拾珠包，一边问：“是谁？”刚听到说出“徽州陈”三个字，慌忙开门请他进来，说：“我还没梳洗，不能施礼了。您起得可真早！有什么事呢？”陈大郎说：“特地赶来，如果迟了，怕遇不到您。”薛婆说：“是不是想从我这买些珍珠首饰？”陈大郎说：“珠子也要买，还要和你做一笔大买卖。”薛婆说：“我除了卖珠子这一行，别的行业都不熟悉。”陈大郎说：“这里可以说话吗？”薛婆于是把门关上，请他到小楼上坐，问：“您有什么吩咐？”大郎看到周围没有人，就从衣服袖子中拿出银子，解开布包，摊在桌子上，说：“这一百两白银，干妈收下后，再说。”薛婆不知道究竟是什么事，哪里肯收下？大郎说：“难道嫌少？”慌忙又拿出黄灿灿的两锭金子，也放在桌子上，说：“这十两金子，一齐请您收下。如果干妈不收，就是故意推脱了。今天是我来找你，不是你来求我。只因为这桩大买卖，除了您没人办得成，所以特地来恳求。如果说办不成，你尽管拿着这些钱，总不会我又来要回去，以后不再答理你，我陈商不是那种小气的人！”

Вытащил из рукава. — Удлиненная часть низа широкого рукава китайского халата или немного сшивалась по направлению к кисти, или просто сужалась к кисти, и таким образом в нижнем углу рукава получался своеобразный карман.

Добравшись до города, Далан направился на Большую базарную улицу, свернул в Восточный переулок и стал стучать в ворота, где жила старуха Сюэ. Та, еще не причесанная, сидела в это время во дворе и отбирала жемчуг для продажи.

— Кто там? — спросила она, пряча жемчуг.

— Из Хуэйчжоу, Чэн...

Этого ей было достаточно, чтобы понять, кто пришел, и она тут же бросилась открывать ворота.

— Я даже не успела причесаться. В таком виде не смею должным образом приветствовать вас, — проговорила она и спросила: — А вы что так рано? Есть дело какое?

— Да, специально по делу и пришел. Боялся, что не застану, если явлюсь позже, — ответил Далан.

— Неужели хотите оказать услугу покупкой жемчуга или каких-нибудь украшений?

— И жемчуг купить хочу, и еще дело одно, большое, выгодное, предложит.

— Но я, старая, только этим и занимаюсь и ничем другим...

— А здесь нам можно поговорить откровенно?

Старуха закрыла ворота, провела Далана в маленькую гостиную и предложила ему сесть.

— Что прикажете, господин Чэн?

Убедившись, что они одни, Далан *вытащил из рукава сверток, развернул его и выложил на стол серебро.

— Здесь сто ланов, прошу вас принять, тогда я и осмелюсь все объяснить.

Не понимая, в чем дело, старуха отказывалась взять деньги.

— Может быть, вы находите, что этого мало? — спросил Далан и выложил на стол еще два блестящих слитка золота. — Здесь еще десять ланов. Прошу все это принять, — настаивал он. — Если, матушка, вы и теперь откажетесь, значит, просто не хотите мне помочь. Ведь это я пришел к вам с просьбой, а не вы ко мне! А пришел потому, что крупное дело, которое я задумал, без вас не получится. Не договоримся — оставьте себе это золото и серебро и делайте с ними что хотите. Требовать деньги обратно не стану. Будут у нас когда-нибудь потом еще дела — встретимся. А вообще-то, полагаю, вы знаете, я не из мелочных.

各位，您说从来来说客的婆子哪一个不贪图钞票？看到这种黄金白银，怎么会不动心呢？薛婆当时满脸堆笑，说：“您不要错我，我一辈子没有拿过一厘一毫不明不白的钱。今天既然您吩咐了，那么我就暂时收下；如果是不能办到，仍然还给您。”说完，把金锭和白银一起放在包中，一齐收起来，叫声：“我大胆收下了。”拿到卧室去藏好，忙走出来，说：“大官人，我先不敢道谢，你先说是桩什么买卖，用得上我？”大郎说：“我急着找一件救命的宝贝，到处都没有；只有大市街上一家人家里才有，特地请您去借。”薛婆笑着说：“怪事！我在这条巷住了二十多年，没有听说大市街有什么救命的宝贝。你说，有宝贝的是哪一家？”大郎说：“这里汪三朝奉当铺对面高楼是谁家的？”婆子想了一会儿，说：“这是蒋兴哥家。丈夫出门做生意，一年多了，只有妻子在家。”大郎说：“我要的救命的宝贝，正是要向他妻子借。”于是把椅子移近薛婆，向她讲了心事。婆子听完，连连摇头说：“这件事很难！蒋兴哥新娶的妻子，还不满四年，夫妻两人好得很，形影不离。现在，为了生计没有办法出门去了，他妻子连楼都不下，很贞节。因为蒋兴哥人

Теперь скажи, читатель, существовала ли на свете когда-нибудь хоть одна такая бабка-посредница, которая не была бы жадна до денег?! При виде этакого количества золота и серебра у старухи, как говорится, душа загорелась огнем жадности. Она вся присияла.

— Не обессудьте, я в жизни и гроша не брала, если не знала, за что мне платят. Но раз уж вы так хотите, хорошо, я пока оставлю это у себя; не смогу быть полезной — сразу же все верну, — говорила она, распившись в улыбке, и со словами: — Уж извините, что осмеливаюсь, — завернула золото и серебро в сверток и унесла к себе. — Не решаюсь пока благодарить вас, — сказала она, вернувшись. — Так объясните же, зачем я вам понадобилась.

— Мне срочно нужно обрести спасающую душу драгоценность, — отвечал Далан. — Ее нигде нет, кроме как в одном доме на Большой базарной улице. Вот я и хотел бы просить вас пойти туда поговорить, чтобы мне ее одолжили.

— Ну и чудеса! — воскликнула старуха, рассмеявшись. — Я живу в этом переулке уже больше двадцати лет и никогда не слыхала, чтобы здесь, у нас, на Большой базарной улице, у кого-то была какая-то душеспасительная драгоценность. Ну, ладно, — перебила она сама себя, — так скажите же, господин Чэнь, в чьем доме эта вещь?

— Кто живет в том большом двухэтажном доме, что напротив закладной лавки моего земляка Вана? — спросил в ответ Далан.

— Это дом здешнего человека по имени Цзян Сингэ, — подумав, ответила старуха. — Сам он уже больше года как в отъезде по торговым делам, и в доме теперь только его жена.

— Нужную мне драгоценность я как раз и хотел попросить в долг у этой женщины, — сказал Далан и, придвинув стул поближе к старухе, выложил ей все, что у него было на душе.

Выслушав Далана, старуха покачала головой.

— О, это невозможно! — сказала она. — Цзян Сингэ взял эту женщину в жены четыре года назад, и они, словно рыба и вода, и минуты не могли прожить друг без друга. С тех пор как он уехал, она даже вниз не спускается — так ему верна. А вот сам Сингэ — чело-

很怪，容易生气，我从没有到他家中去过。连他妻子脸长脸短，我还不知道，怎么办这件事？刚才您给的钱，是我没福气，无法享用了。”陈大郎听到后，马上双腿跪下。薛婆去拉他时，被他双手抓住衣袖，紧紧按在椅子上，没法动了。嘴上说：“我陈商这条命，全在干妈您这了。您一定要想个巧妙的主意，办成这件事，救我一命。事情办成那天，再用白金百两答谢。如果您推脱，那么今天我就只有死了。”薛婆没有办法，连忙答应说：“好，好，不要折了我的寿，您请起，我有话要说。”陈大郎这才起来，拱了手说：“有什么妙计，请快讲。”薛婆说：“这件事一定要镇静地计划，只要办成功，不要管时间。如果限定时间，我很难办成。”陈大郎说：“如果真的办得成，就是推后几天又怕什么？只是是个什么计谋？”薛婆说：“明天不能太早、不能太晚，早饭以后，约好在汪三朝奉当铺中见面。大官人可以多带些银子，只说是和我做生意，其中自会有办法。如果我这双脚跨进了蒋家大门，就是大官人的福气。大官人就可以回到你的住处，不要在她家门口徘徊，被别人看破，误了大事。得到了三分把握，我自然会来报告。”

век со странностями: чуть что — смотришь, рассердился. Поэтому я никогда и порога их дома не переступала и даже не знаю, какое у нее лицо — узкое или круглое. Как же смогу я взять на себя такое поручение?! Видно малая доля счастья суждена мне в жизни — не смогу я принять ваш подарок,— заключила старуха.

Тут Далан стал перед ней на колени. Старуха протянула руки, чтобы поднять его, но он схватил ее за рукава и так прижал к стулу, что она и пошевельнуться не смогла.

— Вся моя жизнь теперь зависит только от вас! — взмолился Далан. — Вы должны что-нибудь придумать, чтобы эта женщина стала моей, — этим вы сохраните мне остаток моей жизни. Когда дело сладится, я дам вам еще сто ланов, а если откажетесь помочь — покончу с собой.

Старуха не знала, что делать.

— Ладно, ладно,— твердила она.— Вы сломаете все мои кости. Отпустите меня, пожалуйста, тогда поговорим.

Только теперь Далан поднялся и, поклонившись ей, произнес:

— Так что же вы придумали, говорите скорей!

— В таком деле нужно действовать не торопясь. Важно, чтобы все получилось как надо, а о том, сколько потребуется на это времени, говорить не приходится. Если вы будете настаивать на каких-то сроках, мне придется отказаться.

— Раз вы обещаете мне удачу, то днем ли раньше, днем ли позже — не так уж важно. Но скажите, что же вы все-таки придумали?

— Завтра с утра, после завтрака, но не раньше и не позже, встретимся с вами в лавке у господина Вана. Захватите с собой побольше денег. Когда придете, скажете, что ищете меня по делу, а там увидите... Считайте, что вам повезло, если моим ногам удастся войти в дом семьи Цзян. Но только после этого,— продолжала старуха,— вы должны будете сразу вернуться к себе, во всяком случае, уж не задерживаться возле их дома, иначе там могут что-нибудь заподозрить, и вы, всем этим испортите. Если окажется, что есть хоть какая-то надежда, я сама приду к вам и сообщу.

陈大郎说：“就按您说的办吧。”唱了个喏，高兴地推门出去了。正是：

未曾灭项兴刘，先见筑坛拜将。

当天没有什么事。到了第二天，陈大郎穿了一身整齐的衣服，拿了三四百两银子，放在大皮箱里，叫小郎背着，跟着他到大市街汪家当铺来了。瞧见对门楼窗紧关，想到妇人不在，就和管当的人作了揖，要了个木凳儿坐在门前，向东看着。不多一会儿，只见薛婆抱着一个竹编的箱子来了。陈大郎叫住她，问：“箱子里是什么东西？”薛婆说：“珠宝首饰，大官人要么？”大郎说：“我正要买呢。”薛婆进了当铺，和管事人见了，说了声打扰，就把箱子打开。里面有十几包珠子，又有几个小盒儿，都装着新样子的攒花点翠的首饰，奇巧动人，光彩夺目。陈大郎挑了几串极粗极白的珠子，和一些簪子耳环什么的，推在一块儿，说：“这些我都要了。”婆子就用眼看着他，说：“大官人要用的时候尽管用，只怕你不愿意出这样大的价钱。”陈大郎已经明白，开了皮匣，把这些白哗哗的银子，摊了一桌子，大声说：

Сян Юй не уничтожен, еще Лю Бан не сел на трон.— В 205 г. до н. э., когда Лю Бан, основатель династии Хань (см.), собирался идти походом на восток и начать борьбу со своим противником Сян Юем, он, ко всеобщему изумлению, передал командование армией никому ранее не известному Хань Синю. При этом следует иметь в виду, что только император мог назначать главнокомандующего, а Лю Бан, еще не став им, велел воздвигнуть помост, собрать всех военачальников и в их присутствии совершил церемонию возведения Хань Синя в ранг главнокомандующего.

— Покорно повинуюсь,— ответил Далан и, зычным голосом поприветствовав Сюэ на прощанье, радостный, удалился. Вот уж действительно:

Еще *Сян Юй не уничтожен,
Еще Лю Бан не сел на трон.
А выстроен уже помост,
Уже назначен полководец.

На следующее утро Далан принарядился, уложил в большой кожаный короб около четырехсот ланов серебром и позвал молодого слугу. Тот взвалил короб на плечо, и они вдвоем направились на Большую базарную улицу, в закладную лавку господина Вана. Подойдя к лавке, Далан заметил, что окна в доме напротив плотно закрыты, и понял, что красавицы сейчас там нет. Поприветствовав приказчика, Далан попросил у него скамейку, сел перед входом и стал поглядывать в сторону Восточного переулка. Через некоторое время он увидел старуху Сюэ, которая направлялась к лавке, держа в руках коробку из тонкого плетеного бамбука.

— Что у тебя там в коробке?— спросил Далан старуху, когда та подошла.

— Жемчуг и разные украшения. Вас, может быть, это интересует?

— Да, я как раз хотел купить что-нибудь в этом роде.

Старуха прошла в лавку, поприветствовала приказчика и, извинившись перед ним за беспокойство, раскрыла свою коробку. Там лежало пакетов десять жемчуга и нескольких небольших шкатулок с головными украшениями из искусственных цветов и перьев зимородка. Сделаны они были очень красиво и переливались разными яркими цветами. Далан отобрал несколько связок самого крупного белого жемчуга, несколько женских наколок для волос и серьги.

— Вот это все я возьму,— сказал он старухе.

— Коли надо, берите,— ответила та, многозначительно глядя в лицо Далану.— Но только стоит все это очень дорого. Боюсь, не захотите потратиться,— добавила она.

Далан понял намек. Он раскрыл свой короб, выложил на прилавок целую кучу сияющего белизной серебра и умышленно громко бросил старухе:

“有这么多银子，难道买不起你的东西！”这时候邻居中没事的人已经走来了七八个，在当铺前站着看。婆子说：“我开个玩笑罢，哪里敢小看大官人。这些银子一定要仔细收好了，东西的价钱只要还得公平就行。”双方一边讨价讨得多，另一方还得又少，差距很大。讨价的一点不松口，这里陈大郎手中拿着东西，不放手，又不加钱，故意走出屋子，一件件反复鉴别，讨论真假，分量的在太阳光下炫耀。惹得街上的人都来看，不住的还有人喝采。婆子乱叫说：“买就买，不买就不买，只管耽误干么！”陈大郎说：“怎么不买？”两人又讨了一次价。正是：

只因酬价争钱口，惊动如花似玉人。

王三巧儿听到对门热闹，不觉走到前楼，推开窗户偷看。只看见珠光闪烁，宝光辉煌，很可爱。又看见婆子和客人争得定不下价，就吩咐丫头去叫那个婆子，看看她的东西。晴云答应了，走到街上，一拉薛婆衣角，说：“我家女主人叫你。”婆子故意问：“是哪一家？”晴云说：“对门蒋家。”

— Неужто с этакой-то суммой мне не купить твоих безделушек?!

Тем временем у лавки собралось около десятка праздношатающихся людей, живших поблизости. Все они молча стояли, наблюдая за происходящей сценой.

— Я, старая, пошутила, — ответила Далану Сюэ. — Мне ли сомневаться в ваших возможностях?! А с деньгами вы бы поаккуратней! Уберите их, а мне отсчитайте столько, сколько эти вещи стоят, по справедливости.

Старуха запрашивала много, он давал ей мало, и в цене они разошлись так далеко, как небо с землей. Запрашивающая сторона не желала уступать, а Далан держал вещи, не выпуская их из рук, но и не набавляя ничего. Он нарочно вышел из лавки на улицу и стал одно за другим перебирать украшения и рассматривать их на свет: про одно скажет, что настоящее, другое назовет подделкой. Прикидывал на вес в руках то то, то это — и все среди белого дня, на виду у всех. Уже чуть ли не весь город собрался у лавки. Вещи были такие красивые, что вызывали возгласы восхищения у окружающих.

— Покупаешь — так покупай, а нет — не задерживай! — заголосила тут старуха.

— Конечно, покупаю, — отвечал Далан.

И верно:

*Из-за цены возникший спор и крик
Встревожил ту, что словно яшина иль цветок.*

Шум и гам у ворот невольно заставили Саньцяо пройти в передний дом. Она открыла окно и стала подглядывать на улицу. Жемчуг и другие украшения, которые так и сияли, очень ей понравились. Видя, что старуха спорит с покупателем и что они никак не сойдутся в цене, Саньцяо, приказала служанке позвать старуху, чтобы поглядеть на ее вещи.

Цинъюнь тут же вышла на улицу.

— Хозяйка наша приглашает тебя, — сказала она старухе, дернув ее за рукав.

— Кто это ваша хозяйка? — спросила та, делая вид, что не знает, кто ее зовет.

— Из семьи Цзян, в доме напротив, — ответила Цинъюнь.

婆子把珍珠之类东西，劈手从陈商手中夺过来，连忙包好，说：“我没有那么多闲工夫，和你纠缠！”陈大郎说：“再加一点钱你卖了罢。”婆子说：“不卖不卖，象你这样的价钱，我早就卖出去了。”一边说，一边放到箱儿中，象以前那样锁好了，抱着就走。晴云说：“我帮您老人家拿罢。”婆子说：“不用。”头也不回，直奔对门去了。陈大郎心里暗暗高兴，也收拾了东西，同管事人道声再见，回到自己的住处。正是：

眼望捷旌旗，耳听好消息。

晴云带着薛婆上楼，和三巧见了面。薛婆看到那妇人，心里想：“真是天仙呢？怪不得陈大郎迷了心窍，如果我做男的，也要迷了。”马上说：“我早听说您贤慧，只是没机会拜见。”三巧儿问：“您老人家姓什么？”婆子说：“我姓薛，在这儿东巷住，和您也算邻居。”三巧儿说：“你的东西，为什么不卖？”婆子笑着说：“如果不卖，我干吗要拿出来？那个过路客人真可笑，白长得一表人才，却不识货。”说完就又开了箱儿，取了几件簪子和耳环，递给那妇人看，说：“大娘，你说这样的首饰，就工钱就要多少！他们太不象话了，

Тут старуха выхватила вещи из рук Далана и торопливо стала укладывать их в коробку.

— Нет у меня, старой, времени зря с тобой валаниться,— говорила она при этом.

— Ладно, прибавлю еще немного, покупаю! — сказал Далан.

— Не отдам,— заявила старуха.— За ту цену, что ты назначаешь, я давно бы их продала.— С этими словами она заперла коробку с драгоценностями и пошла за служанкой.

— Дайте я понесу,— предложила Цинъюнь.

— Не надо,— ответила старуха и, даже не повернув головы в сторону Далана, прямехонько направилась к дому напротив.

Далан, довольный в душе, тоже собрал свое серебро и, распрощавшись с приказчиком, пошел обратно в гостиницу. Вот уж о ком можно сказать:

*Очи видят стяг, возвестивший победу,
Уши слышат столь долгожданную весть.*

Итак, Цинъюнь повела старуху наверх к Саньцяо. «Воистину божественна! — подумала старуха, увидев Саньцяо. — Не удивительно, что Далан сошел с ума. Будь я мужчиной, тоже поволочилась бы за ней».

— Давно я, старая, наслышана о вас, о вашей добродетельности; жаль только, не было случая познакомиться и поклониться вам,— сказала Сюэ, обращаясь к хозяйке.

— Как величать вас, матушка? — спросила Саньцяо.

— Фамилия моя Сюэ, живу я тут, в переулке, и мы, можно сказать, соседи.

— Вы только что отказались продать свои вещи. Почему это? — спросила Саньцяо.

— Если бы я не желала продать их, мне незачем было бы их и выносить,— улыбаясь, ответила старуха.— Но, смешно сказать,— продолжала она,— тот приезжий торговец только выглядит таким представительным и образованным человеком, а в вещах ну никак не разбирается.— С этими словами она раскрыла коробку, вынула оттуда несколько наколок и серег и передала их хозяйке.

— Вот посмотрите. Одна работа чего стоит! А цена, которую он предлагал, это же просто безобразие! Разве

让我在主人面前，怎么讲？”又提了几串珠子说：“这样出色的东西，他们不识。”三巧儿问了她讨价还价的事，就说：“你真是有点亏了。”婆子说：“到底大户人家，见多识广，比男人眼光强十倍。”三巧儿叫丫头沏茶，婆子说：“不打扰了。我还有件急事，要去西街，没想到遇到个客人，耽误了许多时间，真是：‘买卖没有做成，耽误了时间’。这箱子连锁一起放在这里，麻烦您收着。我先去一下，一会儿就来。”说完，就走了。三巧儿叫晴云送她下楼，出门向西去了。

三巧儿心里喜欢这几件东西，专等婆子回来讲价钱，一连五天没有来。到了第六天午后，忽然下了一场大雨。雨声不断，敲门声砰砰响起了。三巧儿叫丫头开了门，只见薛婆衣服半湿，提了个破伞进来，俗话说：

晴干不肯走，直待雨淋头。

把伞儿放在楼梯边，走上楼来道了个万福说：“大娘，那天晚上失约了。”三巧儿慌忙回礼说：“这几天到哪里去了？”婆子说：“小女儿最近生了个孩子，我去看一看，住了几天，今天早晨才回来。半路上下起雨来，

хозяин, у которого я беру эти вещи на продажу, поверили бы, что я понесла такой убыток.— Затем старуха вынула несколько связок жемчуга:— А этот первосортный жемчуг! Да такие, как этот покупатель, ничего подобного и во сне не видывали!

Саньцяо поинтересовалась, сколько старуха просит за украшения и за сколько покупатель соглашался взять их.

— Да, действительно, маловато он давал за них,— заметила Саньцяо, услышав ответ старухи.

— Уж, конечно, в подобных делах разбираются лучше женщины из богатых семейств. Куда там мужчинам до них!— проговорила старуха.

Саньцяо велела служанкам подать чай.

— Не беспокойтесь,— отказывалась старуха,— у меня есть одно важное дело, и я, собственно, и шла-то туда, да вот встретила этого торговца, и проморочил он меня целых полдня. Действительно, «договариваться купить или продать — только время терять». А вот коробку мою хочу просить разрешения оставить пока у вас. Я скоро вернусь за ней.

Старуха направилась к выходу, и Саньцяо велела служанке проводить ее.

Украшения, которые увидела Саньцяо, очень понравились ей, и она с нетерпением ждала возвращения старухи, чтобы договориться о цене. Но та целых пять дней не появлялась. На шестой день после обеда вдруг разразился ливень. Через некоторое время раздался стук в ворота. Саньцяо велела служанке открыть и посмотреть, кто там. Это оказалась старуха Сюэ, вся промокшая, с дырявым зонтом в руке. Со словами:

*В погожий час сидишь, не вылезая;
Полетится дождик — выйдешь за ворота! —*

она поставила зонт возле лестницы, поднялась наверх, поздоровалась с Саньцяо, кланяясь, как подобает, и извинилась:

— Хозяюшка, я ведь в тот день не сдержала слова, так и не вернулась.

— Где же вы пропадали все эти дни?— поспешило отвечая на приветствие, спросила Саньцяо.

— Дочь моя, благодарение небу, родила мне внука, и я отправилась к ней. Провела там несколько дней и только сегодня вернулась. В пути меня застиг дождь,

到一个认识的人家借了把伞，又是破的，真倒霉！”三巧儿说：“您老人家几个子女？”婆子说：“儿子只有一个，结完婚了。女儿倒有四个，这是我第四个了，嫁给徽州朱八朝奉做偏房，就在这北门外开盐店的。”三巧儿说：“你老人家女儿多，不当回事了。本乡本土一夫一妻的并不少，怎么舍得给异乡人做小老婆？”婆子说：“大娘不知道，倒是异乡人有情分。虽然是小老婆，他的大老婆只在家里，我的小女儿自己住在店中，使唤仆人婢女，一样舒服。我每次去时，他总当个尊敬的长辈看待，不怠慢。现在生了个儿子，更加好了。”三巧儿说：“也是你老人家福气，嫁得好。”说完，正好晴云送茶来，两人喝了。婆子说：“今天下雨没有事，我大胆求您把首饰给我看一下，看一些巧样儿的在心中也好。”三巧儿说：“也只是平常的东西，你老人家不要笑话。”就拿一把钥匙，开了箱笼，陆续搬出许多钗、钿、缨络之类。薛婆看了，夸奖个不停，说：“大娘有这么样的宝贝，把我的几件东西，看不上了。”三巧儿说：“好哇，我正要和你老人家谈价钱。”婆子说：“娘子是内行，哪里用我多说。”

Вторая жена. — В старом Китае человек мог одновременно иметь несколько жен; при этом женщины жили вместе с мужем в одном доме. Первая жена считалась старшей, хозяйкой дома; ее первенец был законным наследником семейного имущества и пользовался всеми привилегиями, вытекавшими из патриархальных родовых обычаяв.

пришлось завернуть к знакомым одолжить зонтик, а он оказался дырявым. Ну и везет же мне!

— А сколько у вас детей? — поинтересовалась Саньцяо.

— Один сын, уже женат, и дочерей четверо. Вот внук родился у самой младшей, а выдали мы ее *второй женой за господина Чжу из Хуэйчжоу. Он держит соляную лавку у нас тут, возле Северных ворот.

— А вы, матушка, совсем не цените своих дочерей. Разве здесь, в нашем kraю, мало мужчин, которые имеют по одной жене? И не жаль вам было отдавать собственную dochь за человека из другого, далекого kraя?

— Знаете, женщине куда выгодней выходить замуж за торгового человека из чужих kraев, — проговорила в ответ старуха и продолжала: — Вот, к примеру, первая-то его жена у него дома, на родине, а моя dochь хоть и является второй женой, но живет здесь при лавке как полноправная хозяйка. И слуги в ее распоряжении, и пользуется она теми же благами и правами, какие имеет старшая жена. Всякий раз, когда я бываю у них, ее муж встречает меня с большим почтением, относится ко мне словно к старшей в семье. А теперь, когда родился внук, будет и того лучше.

— Значит, вам повезло, удачно выдали, — заметила Саньцяо.

Тем временем Цинъюнь подала чай.

— Раз сегодня день такой дождливый да и дел у меня никаких нет, — заговорила старуха, попивая чай, — то хотела бы попросить вас дозволить мне взглянуть на ваши украшения, чтобы хоть запомнить, как некоторые из них сделаны.

— Только не смейтесь, пожалуйста, — отвечала Саньцяо, — у меня они все очень простой работы.

Она достала ключ, открыла сундук и стала вынимать из него головные наколки, шпильки, булавки, ожерелья и прочее.

— Ну, знаете, после таких драгоценностей, что могут стоить мои в ваших глазах! — глядя на все это, восхищалась Сюэ.

— Ну что вы! Я как раз хотела осведомиться о цене некоторых из ваших вещей.

— В подобных делах вы ведь сами прекрасно разбираетесь, и мне, старой, ис к чему зря молоть языком.

三巧儿把东西收起来，拿来薛婆的竹箱来，放在桌子上，把钥匙递给薛婆说：“你老人家开了，看一看。”婆子说：“大娘太精细了。”马上开了箱子，把东西一件件搬出。三巧儿谈论价钱和薛婆的价差不多，婆子并不争论，高高兴兴地说：“这样，就不委曲人了。我就是少赚几贯钱，也是高兴的。”三巧儿说：“只是一样，眼下凑不了那么多钱，只好现付一半。等我丈夫回来，一起付款。他也只在这几天回来了。”婆子说：“就是晚几天，也不碍事。只是价钱上退让多了，银子要全纹的。”三巧儿说：“这也是小事。”就把喜欢的几件首饰和珠子收起来。叫晴云取杯子和酒来，她要陪老人家坐坐。婆子说：“怎么好打扰呢？”三巧儿说：“平常很清闲，难得你老人家到这来，做伴讲话。你老人家如果不嫌怠慢，常来走走。”婆子说：“多谢您不嫌弃，我家中太杂乱，您府上又太清静了。”三巧说：“你家儿子做什么生意？”婆子说：“也只是接待些珠宝商人，每天弄吃弄喝，搞得人不耐烦，我亏了在各处走动，在家时间很少，还好。如果只在家里呆着，真炒死人了。”三巧儿说：“我家和你家很近，你

Саньцяо убрала свои вещи, затем принесла коробку старухи.

— Откройте, матушка, и проверьте,— сказала Саньцяо, поставив коробку на стол и передав старухе ключ от нее.

— Вы уж слишком щепетильны,— ответила на это старуха, открыла коробку и стала одну за другой вынимать оттуда вещи. Саньцяо рассматривала их и оценивала. Цены, которые она называла, были в общем вполне подходящими, и торговаться старуха не стала.— Коли так, я не останусь в обиде,— радостно заявила она.— Пусть даже чуть меньше заработка, зато получу удовольствие, имея дело с таким покупателем.

— Только вот что, мне не набрать сразу всей суммы,— призналась Саньцяо.— Сейчас я могу предложить вам лишь половину, а когда муж вернется, тотчас рассчитаюсь. Он через день-другой должен вернуться.

— Не беда, если и попозже отдадите. Но коли я уступаю в цене, то уж прошу уплатить серебром качественным.

— Ну, об этом не беспокойтесь,— ответила Саньцяо, убирая отобранные украшения и жемчуг, и тут же приказала служанке подать вино. Услышав это, старуха заявила:

— Я и так обеспокоила вас, надоела. Смею ли еще доставлять хлопоты?

— Как раз очень хорошо, что вы зашли; я ведь целями днями сижу без дела, вот и побеседуем. И если не сочтете, что принимаю вас без должного внимания, то приходите почаше.

— Благодарю вас, не заслужила я такого милостивого отношения с вашей стороны,— отвечала старуха.— Но как у вас здесь тихо, спокойно! А у меня так шумно, так шумно — просто невыносимо.

— Чем же у вас там дома занимаются?— поинтересовалась Саньцяо.

— Да вот принимаем всяких торговцев жемчугом и драгоценностями. То вина им подай, то отвара... и до того все это хлопотно. До смерти надоело! Хорошо еще, что мне приходится ходить по делам в разные места и я мало бываю дома. Крутись я с утра до ночи на нашем пятаке, так меня уж давно доконал бы этот шум.

— Вы ведь живете неподалеку от нас. Когда бу-

心烦时,就过来说话。”婆子说:“只是不敢常来打搅。”三巧儿说:“老人家说的哪儿的话。”

只见两个丫头轮流走动,摆下两副杯子筷子,两碗腊鸡,两碗腊肉,两碗鲜鱼,连同果盘蔬菜,一共十六个碗。婆子说:“怎么这么丰富!”三巧儿说:“现成的,别怪怠慢。”说完,斟了酒递给婆子,婆子回敬,两人坐下对着喝。原来三巧儿酒量不错,那个薛婆又是酒壶酒瓮,喝起酒来,越发投机了,只恨见面太晚。那天一直喝到傍晚,雨刚刚停,婆子谢了就要回去。三巧儿又拿了大银碗来,劝了几碗,又陪她吃了晚饭,说:“你老人家再坐一会儿,我把这一半价钱付给你。”婆子说:“天太晚了,大娘请随便,不在乎这一个晚上,明天我来拿。连同这竹箱儿,我也不拿回去了,省得路上滑不好走。”三巧儿说:“明天专门去看你。”婆子道别下了楼,拿了破伞,出门去了。正是:

世间只有虔婆嘴,哄动多多少少人。

再说陈大郎在住处呆了几天,没有消息来。看到这天下雨,想到婆子在家,冒雨进城来问消息,又没有遇见。自己在酒店喝了三杯酒,吃了些点心,

Палочки.— Тонкими палочками (из бамбука, слоновой кости или серебра) китайцы пользуются при еде: две палочки зажимаются между пальцами правой руки, и ими, как щипцами, достают из блюда кусочки мелко накрошенной еды, мяса, лапшу, рис и т. д.

дет невмоготу, приходите, потолкуем,— предложила Саньцяо.

— Не решусь так часто тревожить вас.

— Ну что вы, матушка!

Пока они разговаривали, служанки поставили на стол две рюмки, положили две пары *палочек и расставили закуски к вину: два блюда куриных, два из соленины, два рыбных, несколько блюд из зелени — всего шестнадцать.

— Зачем же такое богатое угощение!

— Все это приготовлено из того, что нашлось в доме. Уж не обессудьте.— С этими словами Саньцяо налила вина, встала и подошла к старухе. Та, в свою очередь, поднявшись, поднесла вина хозяйке, после чего обе сели.

Саньцяо выпить, оказывается, могла, и немало. А в старуху вино лилось ну прямо как в винный жбан. Пока ели да пили, они все больше и больше нравились друг другу, и обе только и сожалели, что не довелось им раньше встретиться. Просидели они за вином почти до самого вечера. К этому времени дождь прекратился, и старуха стала прощаться. Тогда Саньцяо достала большие серебряные чары и уговорила старуху выпить еще. После этого они поужинали.

— Вы, матушка, посидите еще немножко,— сказала Саньцяо.— Сейчас я приготовлю ту сумму, которая у меня есть, захватите ее с собой.

— Поздно уже,— ответила старуха.— И не стоит вам беспокоиться. Разве обязательно сейчас? Завтра утром зайду за деньгами. И коробку свою тоже не стану брать,— на улице скользко, идти трудно.

— Буду вас завтра ждать,— сказала на прощанье Саньцяо.

Старуха спустилась вниз, взяла зонт и ушла.
Да, действительно:

*Лишь бабки-свадьбы языком
Мог обмануть столько людей на свете.*

Но вернемся к Далану. Прождал он у себя нескользко дней, а известий от старухи так никаких и не получил. И вот в тот день, когда полил дождь, он решил, что старуха наверняка должна быть дома, и, шагая по лужам и грязи, поплелся в город, надеясь что-нибудь разузнать о своих делах. Но дома старухи не оказалось. Он зашел в винную лавку, закусил, выпил несколько

又到薛婆门口打听，还没有回来。看到天晚了，刚要转身，只见婆子一脸春色，脚步踉跄地走进巷子。陈大郎去她作了一下揖，问：“说得怎么样？”婆子摆手说：“还早。现在刚下种，还没有发芽呢。再过五、六年，开花结果，才到你嘴里。你不要在这探头探脑，我不是白吃闲饭的。”陈大郎看他醉了，只好回去。

第二天，婆子买了一些新鲜水果，鲜鸡、鱼、肉等，叫了个厨子安排好，装了两个盒子，又买了一坛上好的陈酒，让隔壁的小二挑了，来到蒋家门口。三巧儿这天，没见婆子来，正要叫晴云出来探望，正好遇到。婆子叫小二把东西放在楼下，先打发他走了。晴云已经报告给女主人，三巧儿把婆子当个贵客一样，直到楼梯边迎她上去。婆子千恩万谢地施了礼，就说：“今天我准备了一些水酒，拿来和您一块儿享用。”三巧儿说：“反而要你老人家贴钱，不敢当了。”婆子让两个丫头把东西搬上来，摆了一桌子。三巧儿说：“你老人家太认真了，这样大弄。”

Короб — большой короб с крышкой, предназначенный для переноса в нем приготовленной пищи. Вплоть до настоящего времени в таких коробах носили заказанную на дом еду, например, из ресторанов.

Коромысло. — Китайцы пользуются коромыслом для переноса тяжестей; в отличие от нашего, оно не изогнутое и не громоздкое.

чарок и снова отправился к Сюэ. Ему сказали, что она еще не вернулась. Время было позднее, и Далан уже собрался было в обратный путь, но тут заметил, как из-за угла появилась старуха. Она шла, вся раскрасневшаяся, ноги у нее заплетались. Далан направился ей навстречу.

— Ну как? — поклонившись ей, спросил Далан.

— Рано, рано еще, — отвечала та, отмахиваясь от него. — Только-только поселя семя, и нет еще ростка. Вот лет через пять-шесть расцветут цветы, пойдут плоды, тогда и попробуешь. А пока нечего тут вертеться да выведывать, — продолжала она. — Я, знаешь, не из тех, кто занимается всякими там чужими делышками.

Видя, что старуха пьяна, Далану ничего не оставалось, как вернуться к себе.

На следующий день старуха купила фрукты, свежую курицу, рыбу, мясо, многое другое и пригласила повара, чтобы тот приготовил все как полагается. Когда все блюда были готовы, она уложила их в два *короба, купила жбан хорошего крепкого вина, попросила соседского парня взять коробы на *коромысло, и они вместе направились к дому Сингэ.

Саньцяо ждала старуху с утра, а та все не шла. Тогда Саньцяо велела Цинъюнь пойти за ворота поглядеть. Цинъюнь вышла на улицу как раз в тот момент, когда Сюэ подходила к их дому. Старуха велела парню занести короба в дом, оставить их внизу, а самому отправляться обратно. Тем временем Цинъюнь уже доложила о ней хозяйке.

Спустившись вниз, Саньцяо встретила старуху как дорогую гостью и повела ее наверх. Старуха долго благодарила, приветствовала хозяйку дома, а затем сказала:

— У меня, у старой, сегодня случайно оказалось простенькое вино, и я захватила его с собой, чтобы за чаркой с вами развлечься.

— Выходит, я ввожу вас еще и в расходы! Не следовало бы мне принимать все это, — ответила Саньцяо.

Тут старуха попросила служанок занести наверх короба и вино, и они расставили все блюда на столе.

— Уж слишком вы роскошествуете! — воскликнула Саньцяо.

婆子笑着说：“小户人家，准备不了什么好东西，只当作一杯茶罢。”晴云就去拿了杯子筷子，暖雪就升了炉子。一会儿酒就暖好了，婆子说：“今天是我一点点心意，请您坐在客位上。”三巧儿说：“虽然这样，但在我家中不必这样！”两人谦让了半天，薛婆只好坐了客席。这是第三次聚会，更加觉得熟悉了。

喝酒的时候，婆子问：“你丈夫出去许多时候了！还没回来，亏他舍得你。”三巧儿说：“就是，说过一年就回来，不知怎么耽误了？”婆子说：“依我说，放下这样如花似玉的娘子，就算金玉堆成山也没什么稀罕。”婆子又说：“一般走江湖的人，把客店当家，把家当客店。象我第四个女婿朱八朝奉，有了小女，早晚作乐，哪里想家？有时三、四年，才回一次家，住不了一两个月，又回来了。他家里的大老婆替他担心守着空房，哪里知道他在外面的事情？”三巧儿说：“我丈夫不是这样的人。”婆子说：“我只当闲话讲讲，怎么会比较呢？”那天两个人猜谜掷色子，喝得大醉才分别。

第三天，婆子和伙计来取装吃的用具，就拿了一半价钱。三巧儿又留她吃点心。

Вино тут же было подогрето.— В Китае вино пили подогретым: пить холодное вино считалось вредным для здоровья.

— Что мы, бедные люди, можем приготовить хорошего!— улыбаясь, ответила старуха.— Это, собственно, не больше, чем угостить чаем.

Цинъюнь отправилась за чарками и палочками, а Нуаньсюэ разожгла маленькую печурку, и *вино тут же было подогрето.

— Сегодня хоть скромно, но угощаю я, старая, поэтому прошу вас занять почетное место гостя.

— Конечно, вам пришлось из-за меня похлопотать, но все-таки ведь это вы у меня в доме. Как я могу допустить такое!

Они долго препирались, и Сюэ в конце концов пришлось занять место гостя.

Это была уже их третья встреча, и потому они стали ближе друг другу, чувствовали себя свободнее.

— Что это хозяин ваш все не возвращается?— попивая вино, спросила старуха.— Уже и времени-то многовато прошло, как он уехал,— продолжала она.— И как это он решился оставить вас?

— Говорил, что вернется через год, а вот почему-то задержался,— ответила Саньцяо.

— По мне, хоть груды золота, хоть горы нефрита сулит торговля, не стоит она того, чтобы оставлять такую вот, как цветок, как яшма, жену. А вообще,— продолжала старуха,— кто разъезжает по торговым делам, тот в чужих краях живет словно дома, а дома — словно в гостях. Вот, к примеру, мой четвертый зять, господин Чжу: женился на моей дочери, и вечером-то они счастливы, и утром радостны, а о доме он и думать не думает. Съездит раз в три или в четыре года домой к старшей жене, побудет там месяц-другой и возвращается обратно. Она у него там, словно вдова, страдает от одиночества. И разве знает она, как он живет на стороне?

— Нет, мой муж не такой,— отвечала Саньцяо.

— Ну что вы, я ведь просто так говорю,— оправдывалась старуха.— Разве посмею я сравнивать небо с землей?

Обе женщины долго сидели за вином, загадывали друг другу загадки, играли в кости и расстались совсем пьяные.

На третий день старуха Сюэ с тем же соседским парнем зашла забрать короба, посуду и заодно взяла половину денег за украшения, проданные Саньцяо. Саньцяо уговорила ее остаться позавтракать.

从这以后，以另一半欠着的钱作理由，只装做问兴哥的消息，经常走动。这婆子伶牙俐齿，能说会道，又装傻充楞地和丫头们打闹说笑，所以蒋家上下都喜欢他。三巧儿一天不见她来，就感到寂寞，叫老仆人认识了薛婆住处，早晚常去请她，所以薛婆越来得多了。世上有四种人不好惹，开了头，再不好拒绝他。是哪四种呢？

游方僧道，乞丐，闲汉，牙婆。

前三种人还可以，只有牙婆是进到人家里的，女眷们寂寞的时候，十有九个要同她交往。现在薛婆是个不善的人，一般的甜言蜜语，三巧儿就和她成了最好的朋友，时刻少不了她。正是：

画虎画皮难画骨，知人知面不知心。

陈大郎几次问消息，薛婆只说还早。这时已五月中旬，天气渐渐热了。婆子在三巧儿面前，在时说起家里地方小，又是朝西的房子，夏天最不舒服，不象这楼上高广凉快。三巧儿说：“你老人家如果舍得家里，到这儿过夜也好。”婆子说：“好是好，只怕你丈夫回来。”

С тех пор старуха Сюэ часто захаживала к Саньцяо. Всякий раз она спрашивалась, нет ли известий от Сингэ. Было ясно, что причина ее прихода — желание получить остальную сумму, однако вслух она об этом не говорила. У старухи был хорошо подвешен язык, она умела сообразить, где что сказать, что ответить, и, прикидываясь не то глуповатой, не то простоватой, постоянно острila и шутила со служанками. Поэтому в доме Цзян ее полюбили. Дошло до того, что если она день не заходила, Саньцяо начинала скучать, чувствовать себя одинокой. Она велела слуге узнать, где живет Сюэ, и нет-нет да посыпала за ней. Так она стала привязываться к старухе все сильнее и сильнее.

На свете есть четыре сорта людей, с которыми не стоит иметь дела: свяжешься с ними — потом уж и отказать им неудобно. Что это за люди? Странствующие монахи-бродяги, нищие, бездельники и посредницы-сводни. Первые три — еще полбеды, а вот посредницы-сводни — те бывают вхожи то в одни дома, то в другие, и женщины, когда им скучно, в девяти случаях из десяти сами приглашают их к себе. И вот бабка Сюэ — существо далеко не из добродетельных — сладкими речами да ласковыми словами вкрадалась в доверие к Саньцяо, и они стали лучшими друзьями, так что Саньцяо и часа не могла прожить без старухи. Вот уж поистине:

Когда рисуешь тигра ты —
Что там, под шкурой, не покажешь;
Когда знакомишься с людьми —
Лицо ты видишь, а не сердце.

Надо сказать, что за это время Далан не раз наведывался к Сюэ, пытаясь узнать, как идут его дела, но та только и твердила, что еще рано.

В середине пятого месяца началась жара, дни становились все более знойными. Как-то раз, беседуя с Саньцяо, старуха заговорила о тесноте в своем доме, о том, что дом ее обращен окнами на восток, поэтому летом у нее невыносимо, не то что в доме Саньцяо — таком высоком, просторном и прохладном.

— Если вы сможете оставить домашних, приходите сюда ночевать, это было бы только хорошо, — предложила Саньцяо.

— Хорошо-то хорошо, да боюсь, как бы ваш хозяин не вернулся, — ответила старуха.

三巧儿说：“他就是回来，也不会是半夜里。”婆子说：“您不怕烦，我当然知道，今晚就搬了铺盖，过来和您作伴。怎么样？”三巧儿说：“铺盖有，不需要拿过来。你老人家告诉家里一声，干脆搬过来住一个夏天去好不好？”婆子真的对家里儿子媳妇说了，只带了梳头盒子过来。三巧儿说：“你老人家多事，难道我家还缺头油梳子，你又带来做什么？”婆子说：“我这辈子最怕同一盆水洗脸，同一把梳子梳头。你当然不会没有精致的梳具，我怎么敢用呢？其他人的，我也不敢用，还是自己带了方便。不知道把我安排在什么地方休息？”三巧儿指着床前一个小小的藤床，说：“我事先安排你的住处了，我们俩个近一点，夜里睡不着好说会儿话。”说完，拿出一顶青纱帐，叫婆子自己挂了，又一起喝了一会儿酒，才休息。两个丫头原来是在床前打铺作伴，因为有了婆子，打发她们到隔壁房间去睡了。

从这以后，婆子白天出去走街串巷做生意，晚上就到蒋家休息。常一起拿着酒壶喝酒热闹，不只一次。床是按照丁字形状铺下的，虽然隔着帐子，却象是同一头睡觉。夜里絮絮叨叨，你问我答，凡是街坊污秽的事，没有不谈及的。这薛婆有时装

— Если даже он и вернется, то уж, наверное, не среди ночи,— отвечала Саньцяо.

— Ну, если я вам не буду в тягость,— а я обычно с людьми легко уживаюсь,— то сегодня же вечером перенесу сюда постель и буду ночевать у вас. Не возражаете?

— Постель и все прочее у нас есть, так что переносить ничего не надо. Сходите только домой и предупредите своих. А вообще, лучше всего, живите здесь все лето.

Старуха, не долго думая, пошла предупредить домашних и вернулась, захватив с собой только туалетную шкатулку.

— Да вы что, матушка,— возмутилась Саньцяо,— неужто у нас здесь не нашлось бы гребенки?! Зачем было такие вещи брать с собою?!

— Я, старая, больше всего в жизни боюсь мыть лицо из одного таза с другими и причесываться чужим гребешком,— отвечала старуха.— Конечно же, лично у вас есть и прекрасные гребенки, и прочее, но я бы не посмела до них дотронуться, а пользоваться вещами других женщин вашего дома мне бы не хотелось. Поэтому-то я и принесла все свое. Только скажите, в какой комнате мне поселиться?

Указывая на небольшую плетеную тахту возле своей постели, Саньцяо сказала:

— Я уже заранее приготовила вам место, чтобы мы были ближе друг к другу. Если ночью вдруг не будет спаться, сможем поболтать.

С этими словами она достала зеленый полог из тонкого шелка, чтобы старуха повесила его себе над тахтой. Затем они выпили вина и легли.

После отъезда мужа в комнате Саньцяо всегда ночевали две ее служанки, но теперь она отправила их спать в соседнюю комнату.

С этих пор старуха днем, как всегда, ходила по своим делам, вечером же, на ночь, возвращалась к Саньцяо. И не раз, а довольно часто она прихватывала с собой вина, угощала хозяйку, и они весело проводили время. Кровать Саньцяо и тахта старухи Сюэ стояли углом друг к другу, и спали они, собственно, голова к голове, хотя и разделенные пологом. Ночью они заводили разговор: одна спросит, другая ответит, и говорили они о чем угодно, даже о самых непристойных слухах, которые ходили по городу. Частенько, притворяясь

醉酒，说到自己年轻时偷汉子的许多故事，去勾引妇心的春心。害得那妇人娇嫩的一张脸，红了又白，白了又红。婆子已经知道妇人心活了，只是那些话不好说出口。

时间过得很快，又到了七月初七日了，正好是三巧儿的生日。婆子早上就准备了两盒礼物，给她过生日。三巧儿谢了，留他吃面。婆子说：“我今天有些事忙，晚上来陪你，看牛郎织女见面。”说完，自己去了。

下了台阶没几步，正好遇到陈大郎。路上不好讲话，到了一个僻静的小巷中。陈大郎皱着眉头，埋怨婆子说：“干妈，你性子真慢！春去夏来，现在又立秋了。你今天说还早，明天说还早，却不知道我度日如年。再过几天，她丈夫回来，这件事就完了，活活害死我了！在阴间一定要和你算账！”婆子说：“你先不要着急，我正要去请你，你来得正好。事情成不成功，只在今天晚上，一定要按我说的办事。这样做，全都要轻轻悄悄的，不要连累别人。”陈大郎点头说：“好主意，好主意！事情办成后，一定重谢。”说完，高高兴兴地走了。正是：

排成窃玉偷香阵，费尽携云握雨心。

Пастух встречается с Ткачихой — см. «Седьмой день седьмого месяца».

«Разложены украденные яшма, благовонья...» — В строке заключены два намека. Первый связан с историей одного бедного молодого человека по фамилии Чжэн, похитившего драгоценную яшму, чтобы добиться брака с любимой девушкой. Второй — с историей о дочери вельможи III в. Цзя Чуна, которая влюбилась в Хань Шоу. Она похитила у отца и передала тайком Хань Шоу курения, пожалованные ей императором и предназначавшиеся для того, кто станет ее мужем. Когда обман открылся, отцу ничего не оставалось, как выдать дочь за Хань Шоу.

совсем пьяной или охваченной безумием, старуха рассказывала о том, какие у нее были в молодости, тайком от мужа, любовные похождения. Делалось это с расчетом возбудить в Саньцяо соответствующие весенние чувства. Рассказы старухи доводили Саньцяо до того, что ее прекрасное нежное лицо то бледнело, то заливалось краской. Старуха поняла, что добилась своего, но как заговорить о порученном ей деле, все еще не знала.

Время летело быстро, и вот наступил седьмой день седьмого месяца — день рождения Саньцяо. Старуха с раннего утра подготовила два короба яств в подарок Саньцяо. Поблагодарив ее, та стала уговаривать ее поесть вместе лапши.

— Сегодня у меня много дел, тороплюсь, — отказалась Сюэ. — Уж вечером будем вместе с вами наблюдать, как *Пастух встречается с Ткачихой.

С этими словами она попрощалась и только вышла из ворот, как тут же натолкнулась на Далана. Разговаривать здесь было неудобно, и поэтому они свернули в тихий переулочек.

— Матушка, ну и тянешь же ты! — упрекнул ее Далан, нахмурив брови. — Прошла весна, настало лето, теперь уж осень, а ты все твердишь свое: «рано» да «рано». А ведь день для меня словно год. Пройдет еще несколько дней, вернется ее муж, тогда вообще всему конец. Ты меня просто живьем на тот свет отправляешь! Но ничего, я и с того света до тебя доберусь, — пригрозил Далан.

— Да не выходи ты из себя! — прервала его старуха. — Ты очень удачно мне попался, я ведь как раз собиралась найти тебя. Получится что или не получится — зависит от сегодняшнего вечера, но только ты должен делать все так, как я тебе прикажу.

Объяснив ему, как и что, старуха под конец добавила:

— Только делай все тихо, бесшумно — иначе подведешь меня.

— Великолепный план! Великолепный! — воскликнул Далан, кивая головой в знак согласия. — Если все получится, щедро отблагодарю!

И, радостный, он удалился. Вот уж понтине:

*Разложены украденные яшма, благовонья:
Продумано все, чтобы встречи любовной добиться.

再说薛婆约着陈大郎这天晚上办成这件事，中午后细雨茫茫，到了晚上也没有星月。婆子暗中带领陈大郎埋伏在附近，自己去敲门。晴云点了个纸灯儿，开门出去。婆子故意在袖子中一摸，说：“丢了一条汗巾儿。姐姐，请你帮着找一找。”骗晴云把灯向街上照去。这里薛婆趁机，引陈大郎溜进门了，先让他在楼梯背后空地藏好。婆子就叫：“有了，不要找了。”晴云说：“正好火也没有了，我再去点一盏给你。”婆子说：“走熟了的路，不用点火。”两人摸黑关了门，走上楼来。三巧儿问：“你少了什么东西？”婆子从袖子中扯出一个小手绢，说：“就是这个东西，虽然不值钱，是一个北京客人送我的，就说是‘礼轻情义重’”。三巧儿说：“难道是你老相好送你的纪念。”婆子说：“也差不多。”当天晚上两人喝酒取乐。婆子说：“酒菜挺多，为什么不拿一些赏给厨房的人？也叫他们热闹一下，象个过节的样子。”三巧儿真就把四碗菜，两壶酒，分给丫环，拿下楼去。那两个婆子，一个男仆，吃了一会儿，各自去休息了。

再说婆子喝酒时，问：“你丈夫怎么还不回家？”

Бумажный фонарик — в данном случае небольшой фонарик со свечой внутри; низ его, где устанавливается свеча, деревянный; пламя предохраняется от задувания бумажным абажуром, открытым сверху. Такой фонарик обычно держится на цепочке, к которой крепится ручка.

Полотенце — своеобразный пояс-полотенце; используется одновременно и как пояс, и как полотенце для утирания пота.

Чайник вина. — В Китае вино обычно подается в чайниках.

Итак, старуха Сюэ договорилась с Даланом, что в этот вечер они попытаются добиться успеха. Во второй половине дня заморосил дождь, и когда наступил вечер, ни луны, ни звезд не было видно. Далан в темноте следовал за старухой. Подойдя к дому Саньцяо, она велела ему притянуться, а сама стала стучать в ворота. Цинъюнь зажгла *бумажный фонарик, вышла во двор и открыла ворота. Тут старуха умышленно стала шарить в рукавах.

— Обронила где-то *полотенце, — сказала она. И, обращаясь к служанке, попросила: — Доченька, уж потрудись, поищи-ка, пожалуйста!

Цинъюнь пошла с фонариком вперед, а старуха, улучив момент, махнула рукой Далану, и тот проскользнул в ворота. Она провела его в дом, спрятала внизу, в проеме за лестницей, и тут закричала:

— Нашла, нашла! Не ищи!

— Вот хорошо, а то свеча у меня как раз дрогнула, — ответила ей служанка. — Пойду возьму другую, чтобы посветить вам.

— Не нужно, — возразила старуха, — я хорошо знаю, как у вас тут пройти.

Вдвоем с Цинъюнь они заперли внизу дверь и сшуплю поднялись наверх.

— Что это вы потеряли? — спросила Саньцяо.

— Вот эту вешничку, — проговорила старуха, показывая полотенце. — Она хоть ничего не стоит, зато это подарок от одного продавца из Пекина, а ведь, как говорится, «легок пух, привезенный в подарок издалека, да дорого вниманье».

— Уж не старый ли ваш дружок подарил вам его на память? — пошутила Саньцяо.

— Вы недалеки от истины, — улыбаясь, ответила старуха.

В тот вечер они смеялись, шутили, пили вино.

— У нас так много закусок и вина. Не дать ли чего-нибудь кухаркам? — предложила старуха. — Пусть им тоже будет весело, пусть и у них будет праздник.

Саньцяо, тут же велела служанке отнести вниз, на кухню, четыре блюда закусок и два *чайника вина. Кухарки с пожилым слугой выпили, и вскоре все трое разошлись — каждый к себе отдыхать.

За вином, во время разговора, старуха спросила:

— Что это господин ваш все не возвращается?

三巧儿说：

“就是有一年半了。”婆子说：“牛郎织女，也是一年一相会，你比她们到多隔了半年。常言说：‘一品官，二品客。’做客的到哪里都有风花雪月？只苦了家里的妻子。”三巧儿叹了口气，低头不说话。婆子说：“是我多嘴了。今晚牛郎织女相会的时候，只应该喝酒作乐，不该说伤感情的话。”说完，就斟酒去劝那个女人。

大概喝得半醉，婆子又用酒去劝两个丫头，说：“这是牛郎织女的喜酒，劝你多喝几杯，过后嫁个恩爱的丈夫，一步也不离开。”两个丫头被缠不过，勉强吃了，各自不胜酒力，东倒西歪。三巧儿吩咐关了门，先让他睡了。她们俩自己再喝酒。

婆子一边吃，嘴里一边说：“你是几岁嫁人的？”三巧儿说：“十七岁。”婆子说：“破身晚，还不吃亏；我是十三岁就破了身。”三巧儿说：“嫁得这样早？”婆子说：“论到嫁，是十八岁了。不瞒大娘说，因为是在隔壁人家学针线，被他家小官人调戏，一时贪图他长得俊俏，就答应和他偷情了。开始时很疼痛，两三回后，就知道快乐了。你是不是也是这样？”三巧儿只是笑。

Ветерок, цветы, снег и луна — образно: обстановка для любовных свиданий.

— Да, уж полтора года прошло,— ответила Саньцяо.

— Пастух и Ткачиха и те раз в год встречаются, а вы, получается, уже на полгода больше ждете. Впрочем, известно ведь, что «чиновник — первая фигура, за ним — разъезжающий торговец». Так есть ли такой край, где бы они не нашли себе *«ветерок, цветы, снег и луну», когда оказываются вдали от дома?

Саньцяо вздохнула, склонила голову, но ничего не ответила.

— Ой, кажется, я лишнее сболтнула,— проговорила старуха.— Сегодня ночь встречи Пастуха и Ткачихи, надо пить и веселиться, а не заводить разговор о том, что расстраивает человека.— С этими словами старуха налила вина и поднесла его Саньцяо.

Обе уже сильно захмелели, когда старуха налила вина и поднесла прислуживавшим за столом Цинъюнь и Нуаньсюэ.

— Выпейте за радостную встречу Пастуха и Ткачихи,— предложила им старуха.— Да пейте побольше: потом выйдете замуж за любимого и любящего вас человека и будете с ним неразлучны.

Предлагала она так настойчиво, что служанкам, хоть они того и не хотели, пришлось выпить. Пить они не привыкли и потому сразу опьянили. Тогда Саньцяо приказала им запереть входные двери на втором этаже и отправляться спать, а сама продолжала пить со старухой.

Старуха пила и не переставая говорила то о том, то о сем.

— Сколько вам было лет, когда вы вышли замуж?— спросила она, между прочим, Саньцяо.

— Семнадцать,— ответила та.

— Поздно вы лишились девственности. Можно сказать, не пострадали. А вот со мной это случилось уже в тринадцать лет.

— Почему это вы так рано вышли замуж?

— Вышла-то я, когда мне было восемнадцать,— ответила старуха.— Но, откровенно говоря, задолго до того соблазнил меня сын соседей, у которых я училась шитью. Увлекла меня его красота, я и поддалась. Сначала было очень больно, но после двух-трех встреч я познала удовольствие. А у вас тоже так было?— спросила она хозяйку.

Саньцяо в ответ лишь улыбнулась.

婆子又说：“那会儿倒是不知道滋味的还好，尝过了的就放不下了，心里边一阵阵发痒。白天还好，晚上可真难过。”三巧儿说：“想你在娘家时遇人挺多，亏你怎么冒充黄花女儿嫁出去？”婆子说：“我妈也知道一些，生怕我丢人，教我一个童女方，用石榴皮生矾两样煎汤。我只装作叫疼。就遮过去了。”三巧儿说：“你做女儿时，晚上也少不了得自己睡。”婆子说：“还记得在娘家时，哥哥出门去，我和嫂嫂一头睡。”三巧儿说：“两个女人，有什么好处？”婆子走过三巧儿这边，挨肩坐下，说：“大娘，你不知道，只要大家知己，一样有趣，也撒得火。”三巧儿伸手在婆子肩上打了一下，说：“我不信，你说谎。”婆子看她心思动了，就又去撩拨她，又说：“我今年五十二岁了，晚上还时常痴性发作，熬不住，亏你年轻却老练。”三巧说：“你老人家熬不住，总还可以去偷汉子。”婆子说：“年纪大了，现在谁还会要我？不瞒你说，我也有个自取其乐救急的办法。”三巧儿说：“你说谎，又是什么办法？”婆子说：“等会儿到床上躺下，再细细讲给你听。”

说完，看见一个飞蛾在灯上飞旋，婆子就用扇子一扑，故意扑灭了灯，叫声：“啊呀！我亲自去点个灯来。”

— В этом деле, пожалуй, лучше и не понимать всей прелести: поймешь, потом не бросить — такое с тобой творится, что места не находишь. Днем еще куда ни шло, а ночью — просто невыносимо!

— Вероятно, когда вы жили у своих родных дома, многих повстречали людей, — проговорила Саньцяо. — Но как же вам удалось выйти замуж и утаить, что вы не невинный цветок?

— Видите ли, мать моя кое о чем догадывалась и, чтобы избежать позора, научила меня, как притвориться девственницей. Вот и удалось скрыть правду.

— Но пока вы не были замужем, вам, наверное, приходилось часто спать и одной? — спросила Саньцяо.

— Да, приходилось. Но помню, когда брат уезжал куда-нибудь, я спала с его женой.

— Какой же, собственно, интерес спать с женщиной?

Тут старуха подсела к Саньцяо и сказала:

— Вы не знаете, милая; если обе женщины понимающие, то это так же приятно и это тоже, как говорится, «укрощает огонь».

— Не верю! Врете вы! — воскликнула Саньцяо, хлопая старуху по плечу.

Сюэ, видя, что страсти у Саньцяо разгораются, нарочно стала подливать масла в огонь:

— Мне вот, старой, пятьдесят два года уже, и то ночью часто, бывает, глупости всякие лезут в голову, да так, что просто не сдержать себя. А вы ведь молодая... Хорошо, что вы из скромных.

— Неужели вы все еще знаетесь с мужчинами когда, как вы говорите, вам бывает трудно удержаться?

— Ну что вы! Увядший цветок, засохшая ветка ивы — кому я теперь нужна? — ответила на это старуха и продолжала: — Да уж ладно, не буду скрывать от вас, милая: я знаю способ, как самой находить удовольствие, — это на крайний случай.

— Неправду вы говорите! Что это еще за способ?
В ответ на это старуха сказала:

— Ладно! Погодя ляжем спать — все объясню.

В это время залетевшая бабочка стала кружиться возле светильника, и старуха хлопнула по ней с расчетом, чтобы погас свет.

— Ой! — воскликнула она, когда стало темно. — Пойду схожу за огнем.

就去开楼门。

陈大郎已经自己走上楼，等在门边很久了。——都是婆子事先设下的圈套。婆子说：“忘带个火柴了。”又走回来，领陈大郎到自己床上呆着。婆子下楼去了一次，又上来说：“夜太深了，厨房的火都灭了，怎么办？”三巧儿说：“我点灯睡惯了，黑漆漆地，挺吓人！”婆子说：“我陪你睡怎么样？”三巧儿正要问她急救的办法，答应说：“很好。”婆子说：“大娘，你先上床，我关门就来。”三巧儿先脱了衣服，上了床，叫：“你老人家快睡罢。”婆子说：“就来了。”却把陈大郎拖到床边，赤条条地推在三巧儿床上去。三巧儿摸着身子，说：“你老人家那么大岁数，身上这么光滑！”那个人并不回答，钻到被子里。那妇人一是因为喝多了酒，醉眼朦胧；二是因为被婆子挑拨，春心飘荡，到了这会儿顾不上弄清楚，由着他轻薄。

一个是闺中怀春的少妇，一个是客邸慕色的才郎。一个打熬许久，如文君初遇相如；一个盼望多时，如必正初谐陈女。分明久旱逢甘雨，胜过他乡遇故知。

Вэньцзюнь.—Речь идет о Чжо Вэньцзюне, красавице-жене знаменитого поэта Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.); известна также как поэтесса. В китайских исторических хрониках, в биографии Сыма Сянжу говорится о его любопытной встрече с Вэньцзюнем. Однажды Сыма Сянжу оказался в городе Бинчжун на пиру в доме местного богача Чжо Вансуня, отец которого Бичжэн. В разгар пира Сянжу попросили сыграть на инструменте, что у Чжо Вансуня есть дочь, женщина молодая, недавно овдовевшая, и что она любит и понимает музыку, Сянжу стал исполнять мелодии, которые могли бы тронуть ее сердце. Вэньцзюнь, плененная игрой, стала подглядывать за игравшим. Сам Сянжу настолько ей понравился, что ею овладело несбыточное, как ей казалось, желание выйти за него замуж. Кончив играть, Сянжу велел прислуге щедро одарить служанок Вэньцзюнь, с тем чтобы те довели до сведения их хозяйки о его уважении и почтении к ней. В ту же ночь Вэньцзюнь вместе с Сянжу бежала из отчего дома в Чэнду, где им пришлось жить в крайней бедности. В конце концов отец Вэньцзюнь, который отказался от сбежавшей дочери, простил ее, подарил молодым сто слуг, миллион монет, отдал Вэньцзюнь ее приданое, и тогда Сянжу и Вэньцзюнь поженились и зажили богато.

Она направилась к входной двери на второй этаж и сняла запор. К тому времени Далан уже сам потихоньку пробрался наверх и давно стоял возле входа. Пока все шло как было задумано. Открыв дверь, она вернулась назад.

— Ох, забыла лучину захватить! — громко сказала старуха, ведя за собой Далана. Уложив его в спальню на свою тахту, Сюэ спустилась вниз, а возвратясь, заявила:

— Уже поздно, на кухне все огни загасили. Как быть?

— Я привыкла спать при свете. Ночью, когда темно, мне страшно.

— Ну, тогда я, старая, лягу с вами. Как вы?

Саньцяо, которой очень хотелось расспросить ее о способе на крайний случай, ответила:

— Хорошо.

— Тогда вы ложитесь первая, — сказала старуха, — а я запру входные двери наверх и вернусь.

Саньцяо разделась и легла.

— Ложитесь и вы поскорее, — попросила она.

— Сейчас иду, — ответила старуха, а сама тем временем подняла Далана с тахты и подтолкнула его, уже раздетого, к постели Саньцяо.

Коснувшись голого тела, Саньцяо проговорила:

— Вы, матушка, хоть и в летах, но, оказывается, такая гладкая.

Далан, разумеется, молча залез под одеяло.

Саньцяо выпила лишнего, и глаза у нее уже слипались. К тому же старуха так раздразнила ее разговорами, разожгла в ней чувства, что она была сама не своя... И потому свершилось то, чего хотел Далан.

Одна — молода и полна чувств весенних,
жила, как затворница в доме, скучая;
Другой — гость заезжий из дальних краев,
мыслю о встрече любовной томился.
Одна — уже долго ждала и терпела
и, словно *Вэньцзюнь, повстречала Сянжу;
Другой — уж давно помышлял о красотке
и обнял свою *Цзяолянь, как Бичжэн.
И счастливы, будто в долгую засуху
сладкий пролился дождь;
Их встреча похожа на встречу друзей
далеко, на чужбине.

Бичжэн.—Согласно преданию, Бичжэн и Цзяолянь были разлучены после помолвки на долгие годы и неожиданно встретились в удивительных обстоятельствах.

陈大郎是走过风月场的人，颠鸾倒凤，尽情欢乐，弄得妇人魂不附体。事情完后，三巧儿才问：“你是谁？”陈大郎把楼下相遇，怎样爱慕，怎样苦苦求薛婆帮忙，细细说了：“这次能顺了心愿，一死也瞑目了。”婆子走到床边，说：“不是我大胆，一是可怜大娘青春孤独，二是要救陈郎性命。你们两个也是前生有姻缘，不关我的事。”三巧儿说：“事情已经这样了，万一我丈夫知道了，怎么办？”婆子说：“这件事你知我知，只要收买了晴云、暖雪两个丫头，不许她们多嘴，还会有谁知道？这件事包在我身上，只管夜夜欢乐，一点事也没有；只是以后不要忘了我。”三巧儿到了这会儿，也顾不了许多，两人又狂荡起来。直到五更鼓响过了，天快亮了，两人还不舍分开。婆子催促陈大郎动身，送他出门去了。

从此没有一夜不相会，有时是婆子一块儿来，有时是陈郎自己来。两个丫头被婆子用好话骗过，又用厉害话吓唬过，又让女主人赏给了几件衣服，汉子到时，经常给她们零碎银子买果儿吃，骗得高高兴兴，已经成了自己人。白天晚上，一来一

Умереть с закрытыми глазами — то есть умереть спокойно. По народным поверьям, открытые глаза у покойника свидетельствуют о том, что душа его испытывает беспокойство.

Далан, этот бывалый человек, изведавший сладость любовных встреч, знал все тонкости в подобных делах и довел Саньцяо до того, что у нее буквально «душа рассталась с телом». И только когда, как говорится, «прекратилась буря и тучи рассеялись», Саньцяо наконец спросила:

— Кто ты такой?

Далан подробно рассказал ей, как случайно ее увидел, как она понравилась ему и он не мог оставить мысли о ней, как умолял старуху что-либо придумать.

— И вот теперь, когда свершилось то, чего я хотел больше всего в жизни, я могу *умереть с закрытыми глазами.

Тут к кровати подошла сама Сюэ.

— Так просто я не осмелилась бы решиться на такое, — сказала она, обращаясь к Саньцяо. — Мне было жаль смотреть, как в одиночестве уходят ваши молодые годы; да и господина Чэня я хотела спасти. Можно сказать, что я тут ни при чем, — продолжала она, — так уж, по-видимому, было суждено вам обоим.

— Что случилось, то случилось, — ответила Саньцяо. — Но как быть, если муж узнает?

— Об этом знаем лишь я да вы. А кроме служанок, кто еще может проболтаться? Поэтому надо сделать так, чтобы Цинъюнь и Нуаньсюэ не смели распускать язык... Положитесь на меня — и встречаться будете каждую ночь, — продолжала старуха. — Все будет гладко. Но уж вспоминайте иногда и меня, старую.

Раздумывать Саньцяо уже не приходилось. Всю ночь они предавались бурным страстям. Уже светало, а им все еще было не расстаться. Тут старуха стала торопить Далана, заставила его подняться и выпроводила.

С тех пор не было ночи, чтобы молодые люди не встречались. Далан то один приходил к ней в дом, то со старухой. Что касается обеих служанок, то старуха сумела и сладкими речами задурить им голову, и запугать угрозами. Саньцяо по совету старухи дарила им то одни, то другие платья, а когда приходил Далан, он обычно давал им на сладости какую-нибудь мелочь серебром. Словом, втроем они так сумели прибрать к рукам Цинъюнь и Нуаньсюэ, что те, довольные, стали заодно с хозяйкой. Поэтому, приходил ли Далан

去，都是丫头迎送，没有妨碍。真是男欢女爱，如漆似胶，比夫妇还好。陈大郎一心想结识这个妇人，经常买些好衣服，好首饰送她，又替他还了欠婆子的一半价钱。又拿了一百两银子谢了婆子。来往半年多，这汉子花费了千金之余。三巧儿也有三十多两银子东西，送给婆子。婆子只为图这些不义之财，所以才肯牵头。这都不用再说了。

古人说：“天下没有不散的筵席。”

才过十五元宵夜，又是清明三月天。

陈大郎想到耽误了许久的买卖，想要回家。晚上和妇人说了，两人恩深义重，都舍不得。妇人倒是愿意收拾了细软银钱，跟汉子走，去做长久夫妻。陈大郎说：“这不行。我们交往开始到现在，一切全在薛婆心里。就是主人家吕公，见我每夜进城，难免没有怀疑？况且客船上人多，瞒不了人！两个丫头又没法带去。你丈夫回来，问出些究竟，怎么会罢休？你暂且耐心，等明年这会儿，我再来这，找个僻静住处，悄悄通个信给你，那时兩人一块儿走，神不知鬼不觉，不很稳当吗？”

Праздник фонарей — кульминационный момент новогодних праздников:падает на пятнадцатое число первого лунного месяца, когда наступает полнолуние. Ночь с пятнадцатого на шестнадцатое отмечается шумными гуляниями при ярком сиянии луны в свете фонарей самых различных форм и размеров.

День поминанья предков.— Речь идет о празднике весны (см.).

Праздник весны приходится по европейскому календарю приблизительно на начало апреля. В этот день совершают загородные прогулки, а также, по установленному издревле обычаю, поминают усопших родственников, приводят в порядок их могилы.

вечером, уходил ли утром, никто ему не чинил препятствий: одна из служанок всегда встречала и провожала его.

Саньцяо и Далана влекло друг к другу, и они любили друг друга больше, чем муж и жена. Далану очень хотелось быть еще ближе любимой женщине, поэтому он часто заказывал для Саньцяо красивые платья, дарил ей украшения и вернулся старухе деньги, которые осталась должна ей Саньцяо. Старухе же в знак благодарности он подарил еще сто лан серебром. В целом Далан отдал Сюэ около тысячи ланов, а Саньцяо — ланов тридцать различными подарками. Именно на такую богатую прибыль и рассчитывала старуха, соглашаясь быть свидетельницей и посредницей между ними.

Но оставим все это.

Еще древние говорили: «Не бывает на свете пира, который бы не кончился», и, казалось,

*Едва прошел веселый *праздник фонарей,
А уж настал *день поминанья предков.*

Далан стал подумывать о том, что давно забросил дела и пора бы ему возвратиться домой. И вот как-то ночью он поделился этим с Саньцяо. Но настолько были сильны их чувства, так их влекло друг к другу, что расстаться они были не в состоянии. Саньцяо шла даже на то, чтобы собрать вещи, сбежать с милым куда угодно и стать его женой.

— Нет, это не годится,— говорил Далан.— О наших отношениях до малейших подробностей знает старуха Сюэ. Кроме того, и хозяин гостиного двора, почтенный Люй, мог что-то заподозрить, видя, как я каждый вечер отправляюсь в город. Да и джонка, на которой нам пришлось бы ехать, как всегда, будет набита торговцами из разных краев — разве удастся уехать незамеченными? А Цинъюнь и Нуаньсюэ? Мы ведь не можем взять их с собой. А когда вернется твой муж и обо всем узнает, вряд ли он оставит так это дело. Прошу тебя, потерпи: в следующем году в эту пору я снова буду здесь, найду укромный уголок, сообщу тебе и мы тайком уедем. Тут уж ни боги, ни дьяволы — никто ничего не узнает. Так будет вернее.

妇人说：“万一你明年不来，怎么办？”陈大郎就发起誓来。妇人说：“既然你有这份真心，我也一定不辜负。你如果到了家，有人来，托他带个信儿给薛婆那儿，也让我放心。”陈大郎说：“我会费心，不用吩咐。”

又过了几天，陈大郎雇了船，把粮食装好，又来和妇人告别。这一晚更加眷恋，两人说一会儿，哭一会儿，又狂荡一会儿，整整一夜没有合眼。到五更动身，妇人就去开箱子，拿出一件宝贝，叫做“珍珠衫”，递给陈大郎说：“这件衣服，是蒋家祖传的宝贝，夏天如果穿了它，清凉透骨。你这回去天正热，正好用得着。我把这个给你做个纪念，穿了这件衣服，就象我贴着你一样。”陈大郎哭得出不来声，软成一团。妇人就把衣服亲自替汉子穿上，叫丫环开了门，亲自送他出去，再三珍重道别。诗说：

昔年含泪别夫郎，今日悲啼送所欢。

堪恨妇人多水性，招来野鸟胜文鸾。

话分两头，再说陈大郎有了这件珍珠衫，每天贴身穿着，

— А если все-таки вдруг случится, что ты в будущем году не приедешь, тогда как? — спросила Саньцяо.

Далан поклялся, что непременно вернется.

— Ну ладно, раз ты мне искренне предан, — сказала Саньцяо, — я тоже буду тебе верна. Только прошу, когда вернешься домой, напиши мне письмо и, как только представится случай, попроси доставить его старухе Сюэ, чтоб я не тревожилась.

— Не беспокойся, я и сам хотел так поступить.

Несколько дней спустя Далан подрядил джонку, погрузил в нее закупленное зерно и пришел к Саньцяо проститься.

В эту ночь они были особенно нежны друг с другом, и предстоящая разлука казалась им невыносимой. Поговорят они, поговорят и заплачут, потом безудержно предаются любви. Ночью они так и не сомкнули глаз. В пятую стражу оба поднялись. Саньцяо достала из сундука дорогую вещь, которую называли «жемчужная рубашка», и поднесла ее Далану.

— Эта рубашка передавалась из поколения в поколение в семье моего мужа, — сказала она ему. — В знойные дни, когда надеваешь ее, ощущаешь приятную прохладу. Сейчас, когда с каждым днем становится жарче, она тебе как раз пригодится. Дарю ее тебе на память, и, когда наденешь ее, пусть тебе кажется, что это я прильнула к твоей груди.

Далан разрыдался. Он и слова не мог произнести в ответ и сидел поникший. Тут Саньцяо собственноручно надела на Далана рубашку, приказала служанке открыть ворота и сама вышла проводить его до ворот. Они расстались, без конца прося друг друга беречь себя.

Стихи говорят:

Когда-то, роняя слезы,
супруга она провожала;
А нынче, рыдая, расстаться
с новым любимым не может.
Изменчивы женские чувства,
словно текущие воды:
Сегодня — с дивною птицей,
с птахой залетною — завтра.

Но поведем наш рассказ дальше. Далан каждый день теперь надевал эту жемчужную рубашку, да и во-

就是晚上脱下，也放在被子里一块儿睡，一步也不离。一路上遇了顺风，不到两个月走到了苏州枫桥地方。枫桥是柴米饭馆很多的地方，难免要找一家去卖点货，不用多讲。

忽然有一天，赴个同乡人的酒席。席上遇到个襄阳客人，长得风流标致。那人不是别人，正是蒋兴哥。原来兴哥在广东买了些珍珠、玳瑁、苏木、沉香之类，搭伴动身。一伙人商量，都要到苏州去卖。兴哥久闻“上有天堂，下有苏杭”，好地方，很想去一次，做了这个买卖，再回去。还是去年十月中旬到苏州的。因为隐姓为商，都称为罗小官人，所以陈大郎更不怀疑。他们俩人萍水相逢，年貌相当，谈吐投和，彼此敬慕。就在席间问了住处，互相拜访，两人就成了朋友，经常见面。

兴哥讨完了客账，想要动身，到陈大郎住处告别，大郎准备了酒招待，促膝谈心，很融洽。这时五月下旬，天气炎热。两人脱了衣服喝酒，陈大郎露出珍珠衫来。兴哥心中吃了一惊，又不好认是他的，只夸奖这件衣服很美。陈大郎凭着是朋友，就问：

Su, Xan — сокращенно: название городов Сучжоу и Ханчжоу. Сучжоу — административный центр, крупный порт и один из самых живописных городов Китая (пров. Цзянсу); Ханчжоу — административный центр: славится своими живописными местами (prov. Чжэцзян). С 1134 по 1275 г. (во время династии Южная Сун) Ханчжоу являлся столицей Китая и был переименован в Линъян.

обще ни на минуту с ней не расставался: даже ночью, когда ложился спать, держал ее при себе в спальном мешке.

С попутным ветром через каких-то два месяца Далан уже добрался до города Фэнцяо, что в области Сучжоу. Фэнцяо был центром, где сосредоточивалась торговля деревом, зерном и многими другими товарами. Чтобы сбыть свой товар, он, разумеется, остановился в одном из торговых подворьев, куда обычно заезжали торговцы зерном и где они хранили свою кладь.

Но оставим подробности по этому поводу.

Однажды, на пиру у своего земляка, Далан встретил торговца из Сянъяна. Непринужденный в своих манерах, красивый молодой человек был не кем иным, как Сингэ. Оказывается, Сингэ закупил в Гуандуне жемчуг, панцири черепах, сапановое и орлиное дерево и вместе с попутчиками выехал из Гуандуна; все, с кем он ехал, собирались сбыть свой товар в Сучжоу. Сингэ давно уже слышал, что «рай — на небесах, а на земле — *Су, Хан», и знал к тому же, что это большие портовые города. Не мудрено, что ему очень хотелось побывать там, продать товар, и уж тогда возвращаться домой. В Сучжоу он прибыл еще в минувшем году, в десятом месяце. Поскольку некогда в торговых делах он скрыл свою настоящую фамилию и все называли его молодым господином Ло, то при встрече с Сингэ у Далана не возникло никаких подозрений. Сингэ и Далан были ровесниками, оба были схожи и по внешнему виду, и в манерах. Случайно познакомившись, они разговорились и прониклись взаимной симпатией. Узнав, где кто остановился, они потом довольно часто навещали друг друга и вскоре стали друзьями.

Покончив с делами и получив все, что ему полагалось по счетам, Сингэ собрался уезжать и зашел к Далану проститься. Далан подал вино, угощение; они сидели и вели дружескую, откровенную беседу. Был уже конец пятого месяца, дни стояли жаркие, оба за вином скинули с себя верхнюю одежду, и тут Сингэ увидел на Далане свою жемчужную рубашку. Крайне удивленный, он не осмелился сказать, что рубашка эта его, и только заметил, какая она, мол, красивая.

Поскольку молодые люди стали друзьями, то Далан решился спросить:

“你们县大市街有个蒋兴哥家，罗兄认识吗？”兴哥倒也乖巧，回答说：“我出门很久了，平日虽然知道这个人，并不熟识。陈兄为什么问他？”陈大郎说：“不瞒你说，小弟和他有些关系。”就把三巧儿的事，告诉了一遍。拿着衣服看了，眼泪汪汪地说：“这件衣服是她送给我的。大哥这回回去，我有一封信，烦您带去，明天早起送到你那儿。”兴哥嘴上答应着：“好，好。”心里却想：“有这种怪事！现在有珍珠衫作证，不是假的了。”立刻如针刺肚，借口不喝了，急忙起身回去。回到住处，想了又恼，恼了又想，恨不得学个缩地的办法，立刻回家。连夜收拾，第二天就上船走。

只见岸上一个人气吁吁跑来，是陈大郎。亲自把一包书信，递给兴哥，嘱咐一定要带去。气得兴哥面如土色，说不出话，活也不是，死也不是。只等陈大郎走了，看信，信封上写：“这信烦寄大市街东巷薛妈妈家。”兴哥一把撕开，却是八尺多长一条桃红绉纱汗巾。又有个纸糊的长匣儿。里面有羊脂玉凤头簪一根。信上写：“小礼物两样，烦劳干妈转给心爱娘子三巧儿亲收，姑且算是纪念。相会的时间，一定是在明年春天。保重，保重。”兴哥大怒，

— В вашем городе, на Большой базарной улице, живет некто Цзян Сингэ. Знаете ли вы его, брат Ло? Сингэ, уже настороженный, ответил:

— Я давно не был дома, но помню, что там есть такой человек; правда, сам я с ним не знаком. А почему вы спрашиваете о нем, брат Чэнь?

— Не буду скрывать от вас, я в некотором отношении с ним связан, — ответил Далан и рассказал Сингэ всю историю его любовных отношений с Саньцяо. При этом он дотронулся рукой до жемчужной рубашки и, глядя на нее, прослезился: — Это она подарила ее мне. Прошу вас, раз вы возвращаетесь туда, сделайте мне одолжение — передайте письмо, которое я написал. Завтра я его принесу.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отвечал Сингэ, а сам про себя подумал: «Бывают же такие невероятные вещи! Но доказательство — жемчужная рубашка. Значит, это не пустая болтовня». В груди у него словно иглами закололо; под каким-то предлогом он отказался пить, быстро поднялся, простился и ушел. Вернувшись к себе, он не переставал обо всем этом думать, и чем больше думал, тем сильнее выходил из себя. Как хотелось ему овладеть магическим способом сокращать расстояния, чтобы в мгновение ока очутиться дома. В ту же ночь он собрался, а рано утром был на джонке.

Когда они готовы были уже отчалить, Сингэ увидел, как вдоль берега, запыхавшись, бежит человек. Это был Далан. Он передал Сингэ огромный пакет-письмо и настойчиво просил во что бы то ни стало его доставить. От злости лицо Сингэ стало землистым, сказать он ничего не мог, не мог ответить, умереть не мог, и жить не хотелось. Только когда Далан ушел, Сингэ взглянул на пакет. «Прошу доставить матушке Сюэ. Восточный переулок. Большая базарная улица» — было написано на пакете. Ярость охватила Сингэ. Он разорвал пакет — внутри оказалось длинное шелковое полотенце нежно-розового цвета и картонная коробка, в которой лежала шпилька для волос из чисто-белого нефрита с украшением в виде головы феникса. В самом письме говорилось: «Эти две ничтожные вещицы прошу вас, матушка, передать любимой госпоже Саньцяо, лично ей, в знак того, что помню ее и что встреча наша непременно состоится будущей весной. Прошу ее беречь себя, очень прошу». Вне себя от

把信撕得粉碎，扔在河里；拿起玉簪在船板上一摔，折成两截，一想又说：“我太糊涂了！为什么不留着这些做个证明也好。”就挑了簪子和汗巾，包了一包，催促开船。急忙赶回家乡，看见自己家门，不觉掉下眼泪了。想起：“当初夫妻那么恩爱，只因为我贪图蝇头小利，剩下她青年守活寡，弄出这些丑事来，现在后悔也来不及了。”在路上着急，巴不得赶回。等真的到了，心里又苦又恨，走一步，停一步。进了家门，难免忍住了气，勉强相见。兴哥并没有说话，三巧儿自己心虚，觉得很惭愧，不敢殷勤上前讲话。兴哥搬完了行李，只说是去看丈人丈母，仍旧到船上住了一晚上。

第二天早上回家，对三巧儿说：“你父母同时生病，很危险。昨晚上我只好住下了，看护了他们一晚上。他们心中只惦记着你，想见你一面。我已经请了轿子在门口，你可以快回去，我以后马上来。”三巧儿见丈夫一夜不回，心里正怀疑；听说父母病了，就认真了，怎么会不着急？急忙把箱子上的钥匙递给丈夫，叫了个老妈子跟着，上轿去了。兴哥叫住了老妈子，从袖子中拿出一封信，吩咐他送给王公：“送完信，你就跟着轿子回来。”

злости, Сингэ разодрал на мелкие клочки письмо и бросил их в воду, а шпильку с такой силой швырнул на палубу, что она разломалась пополам. Но тут он спохватился: «Какой же я дурак! Надо все это оставить как доказательство». Он поднял шпильку, завернул ее вместе с полотенцем в один пакет, и пакет припрятал. Затем он стал торопить лодочников, чтобы они отчаливали.

Вскоре он оказался в родном городе. Когда он увидел ворота своего дома, невольно слезы потекли у него из глаз. «Как мы любили друг друга тогда,— думал он.— И надо было мне из-за ничтожной, величиной с мухиную головку, выгоды, на которую я позарился, оставить молодую жену одну однешенку, чтобы получился такой вот позор. Но сожалеть об этом теперь уже поздно!»

Надо сказать, что в пути Сингэ не терпелось поскорей добраться домой, а теперь, когда он оказался здесь, возле дома, так ему стало горестно, так тяжко, что он едва передвигал ноги. Однако, переступив порог своего дома, он взял себя в руки и, сдерживая гнев, через силу поздоровался с женой. Больше Сингэ ни слова не произнес, а Саньцяо, чувствуя за собой вину и краснея от стыда, не решилась подойти к мужу и заговорить с ним, проявить должную приветливость. Когда весь багаж был перенесен в дом, Сингэ сказал, что идет навестить тестя и тещу, а сам отправился обратно на джонку и там переночевал.

На следующий день утром он вернулся домой.

— Мать и отец твои больны, и очень тяжело,— сообщил он Саньцяо.— Вчера мне пришлось там остаться, и я провел возле них всю ночь. Они только и думают что о тебе и хотели бы с тобой повидаться. Я уже нанял паланкин, он у ворот — так что побыстрее собирайся и поезжай, я отправлюсь вслед за тобой.

Саньцяо, охваченная тревогой и подозревая что-то недобroе после ночи, когда муж не вернулся домой, услышав теперь, что отец и мать больны, конечно, поверила в это и всполошилась. Второпях она передала мужу ключи от сундуков, велела одной из кухарок быстро собраться, чтобы сопровождать ее, а сама направилась к паланкину. Тем временем Сингэ задержал кухарку, вытащил из рукава письмо и сказал ей, чтобы она передала его господину Вану.

— Как только отдашь письмо, сразу же возвращайся с паланкином,— добавил он, вручая письмо.

再说三巧儿回家，见爹娘双双安然无恙，吃了一惊。王公见女儿不接自己就回来了，也很惊讶。在老妈子手里拿过信来，折开来看，却是一纸休书。上面写着：

立休书人蒋德，是襄阳府枣阳县人，从小凭着媒妁娶王氏为妻子，没有想到过门之后，这个妇人有许多过失，正符合七出，因为念及夫妻情分，不忍心明说，愿意退回家，听凭改嫁，这都是真心话。

成化二年 月 日 手掌为记

信中又包着一条桃红汗巾，一根打折了的羊脂玉凤头簪。王公看了，大吃一惊，叫女儿过来问原因，三巧儿听说丈夫把她休了，一句话也不说，哭起来。王公气愤地一直走到女婿家。蒋兴哥连忙上前作揖。王公回礼，就问：“女婿，我女儿是清清白白嫁到你家的，现在有什么过失，就就把她休了？一定要讲清楚。”蒋兴哥说：“我不好说，只要问问你女儿就知道了。”王公说：“她只是哭，不肯讲，让我心里很纳闷！小女从小聪明贤慧，不会犯淫盗的错。如果是小错，你也看老汉我的面子，饶了她罢。你们两人是七、八岁定的亲，结婚后也没有争吵过，很和

Отпускная — свидетельство о возвращении жены ее родителям после развода.

Семь статей, дающих повод для развода. — В одной из канонических книг конфуцианства (см. «Конфуций») оговорены семь причин, по которым муж может отказаться от жены: если она не рожает сына; если беспутна и развратна; если не служит свекру и свекрови; если невоздержанна на языке; если нечиста на руку; если она ревнива; если больна дурной болезнью.

Второй год правления под девизом «Чэн-хуа» — то есть 1466 г.

Саньцяо приехала к своим родителям, нашла их обоих в добром здравии и не на шутку перепугалась. Отец ее, господин Ван, увидев дочь, которая вдруг ни с того ни с сего приехала к ним домой, тоже всполошился. Распечатав письмо, которое ему передала кухарка, он увидел, что это *отпускная. В ней было написано:

*«Составитель настоящей отпускной — Цзян Дэ родом из Цзаояна, области Сянъян. В свое время был совершен сговор о том, что он берет в жены девицу из семьи Ван. Однако, уже живя в доме мужа, эта женщина совершила немало проступков, которые входят в *семь статей, дающих повод для развода. Память о прежних супружеских чувствах удерживает от того, чтобы назвать эти проступки. Посему дается согласие на возвращение ее в свой прежний род, а также на вторичное ее замужество по вашему усмотрению.*

*Настоящая отпускная является подлинной. *Второй год правления под девизом «Чэн-хуа», такой-то месяц, день. Отпечаток руки в качестве свидетельства».*

Вместе с письмом в пакете находился еще и сверток, в котором лежали розовое шелковое полотенце и поломанная головная шпилька из чистого белого нефрита. Увидев все это, Ван, встревоженный, призвал дочь и стал допытываться, что произошло. Когда Саньцяо узнала, что муж отказался от нее, она горько заплакала, но так ничего отцу и не объяснила. Разгневанный, Ван тут же направился к зятю. Сингэ встретил его поклоном, Ван ответил на приветствие.

— Дорогой зять, — без промедлений начал Ван, — дочь моя была чиста и невинна, когда вошла в твой дом. Какой же проступок она совершила, что ты от нее отказываешься? Ты должен мне объяснить.

— Нет, мне об этом говорить неудобно, — отвечал Сингэ. — Спросите вашу дочь и узнаете.

— Да она только плачет и рта не желает раскрывать, — вот мне и приходится переживать и думать не весть что! Ведь дочь моя с детства была умной, — продолжал Ван. — Не могла она пойти на прелюбодеяние или кражу; а если и допустила какую малую оплошность, то уж ради меня, старика, простил бы ее. Ведь сговор о браке был совершен, когда вам обоим было лет восемь, а после свадьбы вы жили мирно, спокойно,

顺。你现在做生意才回来，又没有住三五天，能有什么破绽落在你眼里？你真这样狠心，也被别人笑你无情无义。”蒋兴哥说：“岳父在上，我也不敢多说。我家祖上传下一件珍珠衫，是你女儿收着的，你只问她现在在不在，如果在，不再说休的事；如果不在，只好休了。”王公忙转身回家，问女儿说：“你丈夫只向你要什么珍珠衫，你拿给什么人了？”那妇人听他说到要紧的东西，羞得满脸通红，开不了口，更加大哭起来，慌得王公没办法。王婆劝她：“你不要只顾哭，把实情告诉父母，也好帮你想办法。”妇人哪里肯说，悲悲切切，哭个不停。王公只好把休书和汗巾簪子，都交给王婆，让他慢慢地安慰女儿，问个明白。

王公心里纳闷，到邻居家闲聊天去了。王婆见女儿哭得两眼红肿，生怕苦了她，安慰了几句，走到厨房去暖酒，要让女儿消愁。三巧儿在房里独自坐着，想着珍珠衫事泄漏的原因，想不出来！这汗巾和簪子，又不知从哪儿来的。想了一会儿说：“我知道了：这断了的簪子是镜破钗分的意思；这条汗巾，明明是让我自杀。他念及夫妻之情，不忍

ни разу не поссорились. Теперь ты только вернулся из поездки, не прожил и двух дней — что же неладное ты заметил? Если ты так жестоко поступаешь о то станешь посмешищем, люди будут говорить о тебе, что ты не знаешь чувства жалости и чувства долга.

— Уважаемый тесть, я не осмелюсь много говорить, — отвечал Сингэ, — скажу только, что у меня еще от далеких предков осталась жемчужная рубашка, которую я просил вашу дочь сохранить. Спросите у нее, есть сейчас эта рубашка в доме или нет. Если есть, то все в порядке, и разговору конец. Если нет, тогда извините, не обессудьте.

Ван тут же отправился домой.

— Муж твой только спрашивает о какой-то жемчужной рубашке, — сказал он дочери. — Отдала ты ее кому-то, что ли?

Поняв, что речь идет о самой ее сокровенной тайне, Саньцяо от стыда залилась краской. Сказать в ответ ей было нечего, и она так разрыдалась, что старик Ван растерялся, не зная, как ему поступить.

— Перестань ты без конца реветь, — уговаривала ее мать. — Лучше расскажи всю правду, как она есть, чтобы мы с отцом знали, в чем дело, и могли за тебя хоть слово сказать.

Но Саньцяо упорно молчала и продолжала рыдать. Наконец Ван, отчаявшись, передал бумагу о разводе, полотенце и шпильку жене, велел ей успокоить дочь и постараться выведать у нее, что же произошло, а сам так расстроился, что решил уйти из дома и пошел к соседям, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

Саньцяо все плакала, глаза ее распухли от слез. Мать, боясь, как бы дочь совсем не извелась, всячески утешала ее, потом отправилась на кухню согреть вина, надеясь хоть вином отвлечь ее от тяжелых мыслей.

Тем временем Саньцяо сидела у себя в комнате одна. Она все думала и думала и никак не могла понять, каким образом история с жемчужной рубашкой дошла до Сингэ. Не могла она также понять, что это за полотенце и шпилька. «Пожалуй, — наконец решила она, — сломанная шпилька означает разбитое счастье, а полотенце — намек на то, чтобы я повесилась. Во имя нашей былой супружеской любви он не пожелал об

明说，是顾全我的脸面。可惜四年恩爱，一天断绝，是我不好，辜负丈夫恩情。就是活在人世，想也没有好日子过，不如吊死，倒也痛快。”说完，又哭了一会儿，把凳子垫高，把汗巾挂在梁上，正要自杀。也是命不该死，没有关上屋门。正好王婆暖了一壶好酒进屋，见女儿正这样，急得手忙脚乱，放下酒壶，就上来拖。不想一脚踢翻了凳子，娘俩摔在一起，酒都泼出来了。王婆爬起来，扶起女儿，说：“你好糊涂！二十多岁的人，一朵花还没有开好，就做这样没后果的事？别说你丈夫还有回心转意的日子，就是真的休了，这样的容貌，还怕没人要你？难免再选好人家，图个下半辈子享受。你就放心过日子去，不要心烦。”王公回家，知道女儿自杀，也劝了他一回，又嘱咐王婆用心防备。过了很久，三巧儿没办法，也只好把自杀的想法放下了。正是：

夫妻本是同林鸟，大限来时各自飞。

再说蒋兴哥用两条绳子，把暖雪、晴云两个丫环捆起来，拷问事情。

Великий срок — то есть конец жизни.

этом говорить прямо, хотел сберечь мою честь. Да, — продолжала она мысленно рассуждать, — четыре года любви и, увы, такой конец! В этом виновата я сама — пренебрегла чувствами мужа, изменила ему. Теперь, если я даже и останусь жить на свете, не видать мне счастливых дней. Действительно, уж лучше повеситься, по крайней мере со всем будет покончено». Придя к этой мысли, она снова расплакалась. И вот она взяла табуретку, положила на нее первое, что попалось под руку, чтобы стать повыше, и закинула на балку то самое полотенце — оставалось только сунуть голову в петлю. Но, видимо, не суждено было тому случиться. Дверь в комнату Саньцяо не была запертой, и как раз в этот момент ее мать вернулась из кухни, держа в руках чайник с подогретым вином. Увидев, что надумала дочь, она настолько растерялась, что бросилась к ней прямо с чайником в руках, обхватила дочь свободной рукой, пытаясь удержать ее, при этом задела за табуретку и опрокинула ее. Обе женщины повалились на пол. Тут же лежал чайник, из которого лилось вино. Поднявшись, мать стала поднимать дочь, приговаривая:

— Пришло ж тебе в голову этакое! Всего-то тебе каких-то двадцать лет — можно сказать, бутон, еще полностью не распустившийся! Как же ты решилась на подобную глупость?! — продолжала она. — Муж-то твой, может, еще и одумается. Ну а если даже и окончательно решил отказаться от тебя, так что?! Неужто тебя, такую красивую, никто другой не возьмет! Ничего, выйдешь еще замуж и будешь счастлива. Так что не расстраивайся, живи себе спокойно!

Когда Ван вернулся домой и узнал, что Саньцяо пыталась покончить с собой, он тоже сказал ей несколько слов в утешение, а жене наказал не спускать с дочери глаз.

Прошло какое-то время, предпринять Саньцяо ничего не могла и наконец оставила мысль о смерти. Поистине:

Жена и муж — совсем как птицы,
живут в одном лесу;
Но вот *великий срок приходит,—
тогда им врозь лететь.

А теперь вернемся к Сингэ. После ухода тестя он связал Цинъюнь и Нуаньсюэ и стал допрашивать обеих

那两个丫头开始抵赖，吃不住打，只好从头到尾，细细招供出来。已经知道是薛婆勾引，不关别人的事。到了第二天早上，兴哥领了一伙人，赶到薛婆家中，打得她家一切粉碎，只差拆她的房子了。薛婆知道自己不好，躲在一边，并没有人敢说话。兴哥看她这样，也出了口气。回去叫了个能说的婆子，把两个丫头都卖了。楼上细软箱笼，大大小小共十六只，写了三十二个封条，打叉封了，再不开它们。这是什么意思？只因为兴哥夫妻，本来是十二分相爱的。虽然一时休了，心里很难过。见物思人，怎么忍心看。

话分两头。再说南京有个吴杰士，做广东潮阳县知县，从水路上任，从襄阳经过。没有带家眷，有心要找一个美貌侍妾。一路上看了不少女子，并不满意。听说枣阳县王公的女儿，很漂亮，闻名全县，出了五十金财礼，求媒人提亲。王公倒也高兴这样，只是怕过去的女婿有难听的话，亲自到蒋家，告诉兴哥。兴哥也不阻挡。临嫁那天晚上，兴哥雇了人，把楼上十六箱东西，原封不动，连钥匙一起送到吴知县船上，交给三巧儿，当陪嫁。妇人心里过意不去。别人知道这件事的，也有夸兴哥为人忠厚的，也有笑他痴呆的，还有骂他没志气的；真是人心各不相同。

Цзиньши — высшая чиновная степень

служанок. Сначала они отпирались, но, когда он начал их бить, не выдержали и выложили все начистоту. Узнав, что историю с Даланом подстроила старуха Сюэ и что все это дело только ее рук, Сингэ на следующее же утро собрал десяток молодцов и направился с ними к ее дому. Там они разнесли у нее все в пух и прах, разве что только дом не сломали. Сама Сюэ, сознавая свою вину, заранее скрылась, и никто из людей не посмел сказать и слова в ее защиту.

Возвратясь к себе, он велел привести посредницу и продал ей обеих служанок. Каждый из шестнадцати сундуков с вещами и драгоценностями,— больших и малых,— которые стояли наверху в доме, он опечатал двумя полосами бумаги и больше к ним не прикасался. Почему? Да потому, что Сингэ очень любил жену, и хоть отказался от нее, но на душе у него было тяжело. Глядя на вещи, как известно, вспоминаешь человека. Так мог ли он раскрывать сундуки и заглядывать в них?

Теперь рассказ пойдет еще об одном человеке — о некоем У Цзе, *цзиньши из Нанкина. Получив назначение на должность начальника уезда Чаоянсянь в провинции Гуандун, он отправился туда водным путем и проезжал через область Сянъян. Жена у него осталась дома, и он решил подобрать себе молодую наложницу. На пути к месту службы он встречал немало молодых женщин, но ни одна не пришла ему по душе. Как-то он просыпал о дочери старика Вана из Цзаояна: говорили, что она хороша собой и славится красотой на весь уезд. Он пригласил сваху и в качестве сговорного подарка дал ей пятьдесят ланов золота. Ван был этому рад, но, боясь, как бы его прежний зять не стал протестовать, сам пошел к Сингэ и рассказал ему о сватовстве. У того никаких возражений не было. В день свадьбы Саньцяо Сингэ нанял людей, которые перенесли все шестнадцать сундуков на джонку У Цзе. Опечатанные бумагой сундуки, до которых Сингэ так и не дотронулся, были отданы вместе с ключами к ним. Все это отдавалось Саньцяо в качестве приданого, и ей, конечно, было не по себе. Когда стало известно, как поступил Сингэ, одни хвалили его, говорили, что он великодушен; другие смеялись над ним, называли дураком; иные поносили его за бесхарактерность. Вот уж понтине, «сколько людей, столько и мнений»!

闲话少说。再说陈大郎在苏州把货卖完，回到新安，一心只想着三巧儿。早晚看着这件珍珠衫，唉声叹气。他妻子平氏知道这件衣服来得有名堂，等丈夫睡着，悄悄地拿去，藏在天花板上。陈大郎早起要穿时，找不到衫儿，向老婆要。平氏哪里肯承认。急得陈大郎性发，翻箱倒柜地找了个够，还是不见，就张口骂起老婆来。惹得老婆哭哭啼啼，和他争吵，吵了两三天。陈大郎心情烦乱，急忙收拾了银两，带了个小仆人，再朝襄阳旧路去了。

快到枣阳时，没想到遇到一伙强盗，把本钱都劫走了，小郎也被杀了。陈商眼尖，走到船尾舵上藏着，幸免活下来。想到回家回不去，暂且到旧住处住下，等和三巧儿相会了，向她借些东西，再想恢复的事。叹了一口气，只好离船上岸。

走到枣阳城外主人吕公家，把路上遭遇告诉他；又说现在要求卖珠子的薛婆，和一个熟人借些本钱周转。吕公说：“大郎不知道，那婆子因为勾引蒋兴哥的妻子，做了些丑事。去年兴哥回来，问妻子要什么‘珍珠衫’。原来被妻子送给情人了，回答不上来。兴哥立刻休了妻子，现在妻子转嫁给南京吴进士做第二房夫人了。那婆子被蒋家打得片瓦不留，婆子没法安身，

Но не будем отвлекаться и вернемся теперь к Далану.

Сбыв свой товар в Сучжоу, Далан приехал к себе домой, в Синъянь, и все его мысли только и были что о Саньцяо. Утром ли, вечером ли, глядя на жемчужную рубашку, он постоянно вздыхал. Жена его, госпожа Пин, недоумевая, откуда взялась эта рубашка, и заподозрив что-то неладное, однажды, когда муж спал, тайком унесла ее и спрятала на чердаке. Утром Далан хотел надеть рубашку, ее не оказалось, и он стал требовать ее у жены. Та ни в чем не признавалась. Далан рассвирепел, перевернул вверх дном сундуки и короба, обшарил все углы и, нигде не найдя ее, набросился на жену с руганью. Госпожа Пин разрыдалась, началась перебранка, и ониссорились несколько дней подряд. В полном смятении чувств Далан наспех собрал деньги, взял с собой молодого слугу, сел на джонку и направился обратно в Сянъян. Случилось так, что, когда они подъезжали уже к самому Цзаояну, на джонку напала шайка разбойников. Лодку ограбили, все деньги, которые он вез с собой, украли, слугу убили. Далан благодаря своей сообразительности и ловкости успел спрятаться на корме за рулем и тем спас себе жизнь. Понимая, что домой ему теперь нельзя возвращаться, он решил, что поселятся в прежней гостинице, свидится с Саньцяо, одолжит у нее какую-то сумму, а когда наладит дело, вернет свой долг. Тяжело вздохнув, он оставил джонку и сошел на берег.

Оказавшись за городом, Далан добрался до гостиницы и поведал хозяину, господину Люю, обо всем, что с ним приключилось. При этом он признался, что собирается попросить старуху Сюэ, которая торгует жемчугом, одолжить у одного его знакомого кое-какую сумму для дела.

— О, вы не знаете, — отвечал ему на это стариик Люй. — Эта старуха совратила жену Цзян Сингэ, подстроила там грязное дело. В прошлом году, когда Сингэ вернулся из поездки, он стал требовать у жены какую-то «жемчужную рубашку». А жена, оказывается, подарила эту рубашку любовнику и ей нечего было сказать в свое оправдание. Сингэ тотчас же отказался от жены и отправил ее обратно к родным, а теперь она в качестве второй жены вышла за господина У Цзе из Нанкина. Сингэ разнес дом старухи Сюэ, да так, что целой черепицы на нем не осталось. Продолжать здесь жить

也搬到邻县去了。”

陈大郎听了这话，好象一盆冷水从头上浇下来，这回可吓得不轻。当天晚上便害起病来。这病又是忧郁病，又是相思病，又是惊吓病，又是胆怯病，在床上躺了两个多月，反反复复就是不好，连累主人家小仆人，侍候得不耐烦了。陈大郎心中不安，强打起精神，写了封家信。请了吕公商量，要找个方便的人往家里带信，带些路费，要个亲人来探望并一同回去。正好有个差人，拿了上级的公文要去徽宁那边，水陆交通，很快的。吕公拿了陈大郎的书信，又替他出了五钱银子，送给差人，求他顺便带去。的确是“自行由得我，官差急如火”，没有几天，就到了新安县。问到陈商家在哪儿，送了书信，那个差人就飞马走了。正是：

只为千金书信，又成一段姻缘。

话说平氏拆开家信，真是丈夫笔迹，写着：

陈商再拜，妻子平氏：我走后在襄附遇到强盗，钱被劫走仆人被杀。我受了惊吓生了病，只好躺在旧主人吕公家，两个月还没好。

老太婆，当然，不能够和她一起住，搬到了隔壁的村子里。

听说这样，大郎惊呆了，浑身发冷，仿佛被冷水浇了一身。整个晚上他都躺在床上，翻来覆去睡不着。他的病是忧郁症、相思症、惊吓症、胆怯症的综合。在床上躺了两个多月，连家里的小仆人都开始厌烦他。大郎心中非常不安，勉强打起精神，写了一封家信。请了吕公商量，想找个方便的人把信带回家，带上一些路费，让一个亲人来探望并一起回去。正好有一个差人，拿着上级的公文要去徽州，水陆交通，很快就到了。吕公拿了大郎的信，又给了他五钱银子，交给差人，让他顺便带去。的确是“自己由得我，官差急如火”，没过几天，差人就飞快地赶到了新安县。问到陈商家在哪儿，送了信，差人就飞快地走了。正是：

Когда идешь по делам своим —
бродишь, сколько хочешь,
А коль по службе нарочным послан —
мчишься, как комета.

没过多久，邮差就到了。大郎打开信，发现是丈夫的笔迹，内容如下：

Всего лишь было
что письмо к жене,
А вышло так —
что вдруг сыграли свадьбу.

太太打开信，认出是丈夫的字迹，但信的内容让她大吃一惊：

“亲爱的太太，太太！你丈夫大郎在向你致意。自从他离开家后，遇到了强盗，丢了钱，仆人也被杀了。他得了重病，一直躺在床上，已经两个多月了。现在他躺在吕公家，情况没有好转。他非常想念你，希望你能尽快回来。他写信时，你可能已经不在家了。希望你能够理解他的心情，尽快回来。他非常爱你。”

信一到可以让一个亲人，多

带些钱，快点来看我。躺在床上，字迹草草。

平氏看了，半信半疑，想：“上次回家，亏了千金资本。依据这件珍珠衫，一定是邪路上来的。这次又说被劫，多要钱，恐怕是假话。”又想：“他要个亲人，快来探望，一定是病得不轻。这话是不是真的，也不一定。现在求谁去好呢？”左思右想，放心不下。和父亲平老先生商量了一下。收拾起细软家私，带了陈旺夫妇，就请父亲作伴，雇了个船只，亲自去襄阳看丈夫。到了京口，平老汉上火发病，求人送回家去了。平氏带着儿女，顺水继续走。

不到一天，来到枣阳城外，问到旧主人吕家。原来十天前，陈大郎已经死了。吕公贴进一些钞票，就要把陈大郎入丧。平氏哭倒在地，很久才醒过来。慌忙换了孝服，再三对吕公说，想要开棺看一眼，另外买一副好棺材，重新装殓。吕公执意不肯。平氏没办法，只好买了木头做了个外棺把棺材包起来，请和尚做法事超度了，多多烧了纸钱。吕公已经自己拿了她二十两银

Бумажные деньги — специальные жертвенные деньги, которые сжигались при жертвоприношениях божествам и духам умерших. Считалось, что, сгорая, они принимают свой настоящий облик и служат божествам и духам усопших в загробной жизни.

жу все в той же гостинице у господина Люя. Когда это письмо дойдет до тебя, прошу направить ко мне надежного человека, дабы он побыстрее приехал присмотреть за мной, и передай с ним побольше денег на дорогу. Пиши кое-как, лежа на подушке».

Госпожа Пин раздумывала над письмом, не зная, верить ли тому, что в нем говорилось.

«В последний раз, когда он вернулся домой, он, видите ли, потерпел убыток на целую тысячу ланов серебром. А эта жемчужная рубашка? Наверняка ведь досталась ему каким-то нечестным путем. Теперь убеждает, что его ограбили, и просит прислать побольше денег на дорогу. Боюсь, врет он все!» Еще поразмыслив, она рассудила: «Он просит надежного, близкого человека побыстрей явиться ухаживать за ним, значит, действительно тяжело болен, и вполне вероятно, что все это правда. Но кого же послать?» Чем больше она думала, тем сильнее овладевало ею беспокойство. Она рассказала обо всем своему отцу, господину Пину, решила собрать все ценности, какие были в доме, взять с собой слугу Чэнь Вана и его жену, а также попросила отца поехать вместе с ней. Наконец была нанята лодка, и она отправилась к мужу в Сянъян. Но едва они добрались до Цзинкоу, как у старого господина Пина начался удручающий кашель, и его пришлось отправить домой. Сама госпожа Пин вместе с Чэнь Ваном и его женой продолжала путь дальше.

В конце концов они добрались до Цзаояна и там разузнали, где подворье господина Люя. Оказалось, Далан еще десять дней тому назад скончался. Лежал он в простеньком гробу, на который пожертвовал какую-то сумму Люй. Госпожа Пин, рыдая, упала на землю и долго не могла прийти в себя. Она надела грубую траурную одежду, стала уговаривать господина Люя открыть гроб, чтобы взглянуть на мужа, и собиралась, как подобает, уложить его тело в другой, хороший гроб, но Люй ни за что не соглашался. Пин оставалось только купить материал и сделать наружный гроб. Затем она пригласила монахов, было совершено молебствие о спасении души усопшего и сожжено огромное количество *бумажных денег. Старик Люй, получивший от Пин в благодарность за все его хлопоты двадцать ланов серебром, разрешал ей делать, что она хочет,

子作为谢礼钱，随他吵闹，并不多说。

过了一个多月，平氏找了个好日子，扶灵回去。吕公见这妇人年轻漂亮，想是守不住寡，又因为口袋里有钱，想到儿子吕二，还没有成家，为什么不留下她，完成一件好事，两方都好？吕公买酒请了陈旺，求他老婆委婉劝说，许给厚礼答谢。陈旺的老婆是个蠢货，哪儿知道什么委婉？不管高低，对主人平氏直说了。平氏大怒，把她骂了一顿，一连打了几个耳光，连吕公也被骂了几句。吕公得了没趣，敢怒不敢言。正是：

羊肉馒头没的吃，空教惹得一身骚。

吕公就去怂恿陈旺逃走。陈旺也想没什么好处了，和老婆商量，叫她做内应，里应外合，把银钱首饰，偷光了，两口儿连夜走了。吕公明知名情，反而埋怨平氏不该带这样的坏人出来，幸亏只偷了自己主人的东西，如果偷了别人家的，可就连累人了！又嫌这灵柩让他不舒服，叫他快快抬走。又说年轻寡妇，在这儿住不方便，催她快走。平氏被逼不过，只好自己另外租了一间屋住了。雇人把灵柩移来，安放在屋里。这种凄凉景象，先不用说。

隔壁有个张七嫂，为人很活跃，听到平氏哭泣，经常过来劝解。

Люй Второй.— В старые времена было принято называть человека по порядку его рождения в семье.

и без единого слова упрека переносил шум и суматоху в доме.

Прошло больше месяца. Госпожа Пин решила выбрать благоприятный день и отправиться с гробом на родину. Между тем старик Люй задумывался над тем, не удержать ли здесь эту женщину: молода, недурна собой — вряд ли до конца своей жизни будет вдовствовать, да и деньги у нее кой-какие водятся, а сын его, *Люй Второй, еще не женат. Так почему бы не совершить благое дело, устраивающее обе стороны? Он купил вина, пригласил Чэнь Вана и попросил, чтобы его жена попробовала поговорить с госпожой об этом; разумеется, Люй пообещал щедро его отблагодарить. Жена Чэнь Вана была женщиной глупой, деликатностью не отличалась и потому без всяких обиняков сказала обо всем своей госпоже. Пин вышла из себя. Ругая старуху, она несколько раз ударила ее по щеке, при этом недобрными словами понося и самого хозяина гостиницы. Получив по носу этакий щелчок, старик Люй обозлился, но сказать ничего не посмел. Вот уж поистине:

*Бараньих пампушек поесть не поел,
Только вонью бараньей насквозь пропитался.*

После этого случая Люй стал подговаривать Чэнь Вана сбежать от хозяйки. Чэнь Ван поразмыслил, что хорошего ему теперь уже не видать, посовещался с женой, и, действуя вдвоем — одна в доме, другой вовне, они сумели прибрать к рукам все деньги и драгоценности хозяйки, после чего однажды ночью сбежали. А Люй, прекрасно знавший подоплеку этого дела, обвинил во всем госпожу Пин, говоря, что не следовало ей брать с собой таких негодяев, что, мол, хорошо еще, что обокрали одну ее, а не многих других. Тут же Люй заявил, что гроб в гостинице мешает ему, и попросил поскорее его убрать. Помимо прочего, он стал торопить госпожу Пин с отъездом, объясняя это тем, что она молодая вдова и жить здесь ей не особенно приличествует. Старик до того допекал Пин, что ей пришлось снять отдельный домик. Она наняла людей, и гроб перенесли туда. О том, как она при всем этом убивалась, излишне и говорить.

По соседству с Пин жила некая Чжан Седьмая. Женщина она была общительная и, когда слышала, как госпожа Пин плачет, нередко приходила утешать ее.

平氏又经常求她当几件衣服过日子，非常感谢她。不到几个月，衣服都当光了。平氏从小学了一手好针线，想要到个大户人家，教针线过日子，再做打算。正和张七嫂商量这事，张七嫂说：“我不好说，这大户人家，不是你年轻人去的地方。死人没福气自己死了，活着的人还要过下去。你后面的日子长呢，总不能做针线娘了你下半生吧？况且名声不好，被人看不起了。还有一件，这个灵柩，怎么处理？也是你的一件大事。就是出钱租房，总不是长久之计。”平氏说：“我也想到了，只是没有办法。”张七嫂说：“我倒有一个办法，你不要怪我。你离家这么远，孤身一人，手头没有钱，想要运这灵柩回去，多不可能。不要说你衣食不全，到最后难守；就是多守一阵儿，又有什么好处？照我说，不如趁年轻美貌，找个好人，一夫一妻，跟了他走。得些财礼，就买块土来埋了你丈夫，你的终身有了依靠，可不是死人活人都安心吗？”平氏看他说的有理，沉思了一会儿，叹口气说：“算了，我卖身葬夫，别人也不会笑话我。”张七嫂说：“娘子如果主意定了，我现在这儿有一个人。

Пин время от времени просила ее то продать, то заложить что-нибудь из вещей и была очень благодарна соседке за заботы.

Не прошло и нескольких месяцев, как вся одежда оказалась заложенной. Тогда Пин подумала о том, что раз она с детства хорошо вышивает, то могла бы для начала найти какую-нибудь состоятельную семью, где стала бы учить вышиванию — это ее пока прокормит, а дальше видно будет. Как-то она поделилась своими мыслями с Чжан Седьмой.

— Мне не очень удобно говорить вам то, что я собираюсь сказать, — отвечала ей Чжан Седьмая. — Болтые семьи — не те места, куда следует ходить молодой женщине. И вообще, кто умер, тот умер, а кто жив, тому все-таки надо жить. У вас ведь все еще впереди, — продолжала Чжан Седьмая, — так неужели же всю оставшуюся жизнь быть вышивальщицей? Да и репутация за этой профессией не больно-то хорошая: люди к вышивальщицам относятся с пренебрежением. И еще одно — как быть с гробом? Без конца снимать помещение для гроба — не выход.

— Да я обо всем этом сама думала, — отвечала Пин, — только не знаю, что и предпринять.

— Есть у меня одно соображение, — сказала Чжан Седьмая, — только не обижайтесь на мои слова. Вы здесь за тысячу ли от родных мест, одна, без денег, и думать о том, чтобы увезти гроб на родину, — пустая мечта. Я уж не говорю о том, что и одеться-то вам почти не во что, да и питаться нечем — так долго не продержишься. А если какое-то время и продержитесь так вот, соблюдая вдовство, какая в том польза? Вот мне и кажется, не лучше ли, пока вы молоды и красивы, найти себе хорошего человека и последовать за ним, как жена за мужем? Появятся у вас кой-какие деньги в виде свадебных даров, купите клочок земли, похороните мужа да и себе жизнь обеспечите. И получится тогда, что и мертвый не в обиде, и живому не в чем себя упрекнуть.

Госпожа Пин понимала, что Чжан Седьмая права.

— Что ж, пусть так, — подумав немного, со вздохом произнесла Пин. — Если я продам себя ради того, чтобы похоронить мужа, люди надо мной не станут смеяться.

— Если вы действительно решитесь на это, то у меня как раз есть на примете подходящий человек. Ему

年纪和你相

似，人长得很好，又是富裕的人家。”平氏说：“他既然很有钱，怕是不要再婚的。”张七嫂说：“他也是续弦了，本来对我讲：不管头婚二婚，只要人才出众。象你这样姿色，还怕不满意？”原来张七嫂曾受蒋兴哥委托，求她找一个妻子。因为前妻三巧儿出色标致，所以现在也要找个美貌的。那平氏相貌，虽然不如三巧儿，论及手脚伶利，心中内容，又超过她。

张七嫂第二天就进了城，和蒋兴哥说了。兴哥听说是下路人，更加喜欢。这里平氏不要一点儿财礼，只要买块好地埋葬丈夫。张七嫂来回走了几次，双方都答应了。

闲话少说，再说平氏送了丈夫灵柩入土，祭奠完了，大哭一场，少不了起灵除孝。临嫁了，蒋家送了衣服首饰过来，又把她当了的衣服都赎回来了。结婚那天晚上，一样大吹大擂，洞房花烛。正是：

规矩熟习虽旧事，恩情美满胜新婚。

蒋兴哥见平氏举止端庄，很敬重。

примерно столько же лет, сколько и вам, выглядит он привлекательно, к тому же очень богат.

— Ну, если богат, вряд ли захочет взять себе в жены женщину, которая уже была замужем,— сказала Пин.

— Он тоже женится вторично,— отвечала Чжан Седьмая.— Он говорил мне, что ему не важно, была или не была женщина замужем, лишь бы была красивой. А вы, с вашей внешностью, не можете ему не понравиться.

Оказывается, это Цзян Сингэ просил Чжан Седьмую подыскать ему жену. И так как его первая супруга — Саньцяо — была необыкновенная красавица, он непременно хотел найти подобную ей. Что касается госпожи Пин, хоть она и уступала в красоте Саньцяо, но ловкостью, сообразительностью и трезвостью ума пре- восходила первую жену Сингэ.

На следующий же день после этого разговора Чжан Седьмая отправилась в город и рассказала Сингэ о госпоже Пин. Когда Сингэ узнал, что эта женщина к тому же, как и он, из низовья Янцзы, он остался очень доволен. Пин отказалась от каких-либо денежных свадебных даров и только высказалась пожелание, чтобы была куплена земля, на которой она могла бы похоронить мужа. Не один раз пришлось Чжан Седьмойходить то от Сингэ к госпоже Пин, то от нее к нему, пока в конце концов обе стороны не пришли к полному согласию.

Однако не будем многословны. Скажем только, что госпожа Пин предала земле гроб с телом мужа, совершила жертвоприношение и долго плакала возле могилы. Вслед за этим, само собой разумеется, все траурное в доме было убрано, и Пин сняла траурное одеяние. К определенному сроку Сингэ прислал госпоже Пин одежду и украшения, а также выкупил из закладной лавки все, что она в свое время заложила. В вечер, когда состоялось бракосочетание, как положено, играла музыка, брачные покои были празднично украшены, всюду горели свечи. Поистине:

*Справляли свадьбу оба не впервые,
Но каждый счастлив был как в первый раз.*

Видя, как скромно и с каким достоинством держит себя Пин, Сингэ питал к ней большое уважение.

一天，他从外面回家，平氏正在收拾衣箱，里面有一件珍珠衫。兴哥认识，吃惊地问：“这件衣服从哪儿来？”平氏说：“这件衣服来得奇怪。”就把前夫怎么张狂，夫妻怎么争吵，怎么赌气分别，讲了一遍。又说：“前一阵艰苦时，几次想把珍珠衫当了，只怕来历不明，怕惹出是非，不敢露面。连我在内，不知这东西怎么来的。”兴哥说：“你前夫陈大郎的名字，是不是叫做陈商？是不是白净脸皮，没有胡子，左手指甲长么？”平氏说：“是的。”蒋兴哥把舌头一伸，拍掌对天说：“这么说，天理公道，真吓人！”平氏问他原因，蒋兴哥说：“这件珍珠衫，原来是我家的东西。你丈夫骗奸了我的妻子，得了这件衣服为纪念。我在苏州遇见陈商，看到这件衣服，才知道情况，回家把王氏休了。谁知道你丈夫死在异地，我现在续弦，只听说徽州陈客的妻子，谁知道就是陈商！真是一报还一报！”平氏听完，毛骨悚然。从此恩情很深。这才是“蒋兴哥重会珍珠衫”的正话。诗说：

Сингэ ние. Однажды, вернувшись откуда-то домой, Сингэ застал жену за тем, что она укладывала сундуки. И вдруг среди вещей он увидел свою жемчужную рубашку.

— Откуда у тебя эта рубашка? — в крайнем недоумении спросил он.

— Не знаю, какими судьбами она оказалась у мужа, — отвечала Пин и рассказала о том, как однажды, возвратясь из поездки домой, странно вел себя ее бывший муж Далан, как они повздорили и как он, рассердившись, уехал. Затем добавила: — В былье дни, когда мне было особенно трудно, я не раз помышляла о том, чтобы заложить или продать эту рубашку, но так как не знала, откуда она взялась, то и не решалась показывать ее людям — боялась, как бы не вышло чего неладного. Ведь я до сих пор так и не знаю, откуда она у него.

— Твой муж Чэнь Далан, он же Чэнь Шан, не так ли? Без усов, с чистой гладкой кожей на лице, с длинным ногтем на левом мизинце?

— Да, — отвечала Пин.

Сингэ даже рот раскрыл от удивления и, сложив перед грудью руки и подняв глаза к небу, произнес:

— Если так, то действительно пути небесные всеведущи и справедливы. Страшно даже!

Пин стала расспрашивать, в чем дело.

— Эта жемчужная рубашка давно принадлежит моей семье, — отвечал Сингэ. — Твой муж совратил мою жену, и она подарила ему эту рубашку на память. Обо всем этом я узнал в Сучжоу, когда встретился там с твоим мужем и увидел на нем свою жемчужную рубашку. Поэтому, возвратясь домой, я отказался от своей жены. И нужно же было так случиться, что твой муж умер на чужбине, а я решил жениться вторично. Но я знал только, что ты жена некоего купца Чэня из Хуэйчжоу, и все. Кто мог подумать, что твой муж — тот самый Чэнь Шан! Вот уж, поистине: «Тем же тебе и воздастся!»

Пин похолодела, услышав рассказ Сингэ. С тех пор они еще больше стали любить друг друга.

Вот это и есть подлинная история о том, как «Цзян Сингэ снова увидел жемчужную рубашку». Стихи говорят:

天理昭昭不可欺，两妻交易孰便宜？

分明欠债偿他利，百岁姻缘暂换时。

再说蒋兴哥有了管家娘子，一年之后，又去广东做买卖。也是活该有事，一天到合浦县买珍珠，价都讲好了。主人家老头，只挑了一颗最大的偷过了，死不承认。兴哥气不过，一把抓住他袖子要搜。没想到劲大了，把老头儿推在地上，摔下就没了声了。急忙去扶，气已经断了。儿女邻居，哭的哭，叫的叫，一阵拥过来，把兴哥捉住。不由分说，痛打一顿，关在空房里。连夜写了状纸，只等天亮，县令升堂，带了人告状。县令准了，因为这天有公事，吩咐把凶手押好，第二天审讯。

你知道这县令是谁？姓吴名杰，南畿进士，正是三巧儿的后夫。开始本来在潮阳，上司因为看他清廉，调他到合浦县采珠的地方做官。这天晚上，吴杰在灯下把准过的状词仔细阅读。三巧儿正在旁边闲看，偶然看见宋福告的人命状子，凶手罗德，枣阳县客人，不是蒋兴哥是谁！想起旧日恩情，不觉难过，哭着告诉丈夫说：“这个罗德是我的亲哥哥，过继给舅舅罗家的。没有想到做生意，犯了大错。官人看我的面子，救他一

Очевидно, что небеса
ни в чем нельзя обмануть:
Две женами обменялись —
кому от этого прок?!
Мы увидим, как взятое в долг
уплачено за проценты,
И судьба, дарованная навек,
переменилась вмиг.

Остается добавить следующее. Сингэ, у которого была теперь в доме хозяйка, спустя год снова отправился по торговым делам в Гуандун. И видимо, суждено было случиться тому, что случилось. Однажды он продавал жемчуг в городе Хэпу. В одном доме он уже договорился о цене, сделка была совершена, но тут покупатель-старик взял и упрятал самую большую жемчужину и ни за что не хотел в этом признаться. Возмущенный, Сингэ схватил старика за рукав с намерением обыскать его да так резко дернул, что тот повалился наземь, а упав, не произнес ни звука. Сингэ бросился поднимать его, но оказалось, что тот уже мертв. Сбежались родственники старика, соседи. Кто плакал, кто кричал. Сингэ схватили, не желая ничего слушать, жестоко избили и заперли в пустом помещении. В тот же вечер была написана жалоба, а на следующее утро Сингэ поволокли к начальнику уезда на утренний прием. Начальник уезда принял жалобу, но так как в этот день у него были другие дела, то велел преступника запереть, с тем чтобы учинить допрос на следующее утро.

И кто, как вы думаете, был этот начальник уезда? Это, оказывается, был тот самый У Цзе из Нанкина, который взял себе второй женой Саньцяо. Он прослужил начальником уезда в Чоянсяне, и высшее начальство, учтя его бескорыстие, перевело его сюда, в Хэпу, где промышляли добычей жемчуга. В тот же день, вечером, когда начальник, у себя дома, при лампе прощатывал жалобы, Саньцяо сидела подле него. Случайно она обратила внимание на жалобу некоего Сун Фу об убийстве. Убийцей в документе значился Ло Дэ, торговец из Чоянина. Ну кто же это мог быть иной, как не Цзян Сингэ! Саньцяо вспомнила об их былой любви, сердце у нее невольно сжалось, и она со слезами обратилась к мужу:

— Ло Дэ — мой родной брат, усыновленный дядей по матери. Подумать только, что на чужбине он мог совершил такое преступление! Очень прошу вас, ради

命回家。”县令说：“得看审讯结果。如果人命案子是真的，叫我也难宽恕。”三巧儿两眼含泪，跪下苦苦哀求。县令说：“你先别急，我自有办法。”第二天早上升堂，三巧儿又拉住县令衣袖哭着说：“如果哥哥没得救，我也就自杀，不能再见了。”

当天县令升堂，第一个就问这个案子。只见宋福、宋寿兄弟两个，哭着要为父亲报仇，禀报：“因为争珠子有了不和，立刻打昏，倒地就死了。希望您做主。”县令问各位证人供词，也有说打倒的，也有说推摔的。蒋兴哥分辨说：“他父亲偷了我的珠子，我气不过，和他争吵。他因为年纪大腿脚不利索，自己摔倒了，不关我的事。”县令问宋福说：“你父亲多大年纪了？”宋福说：“六十七岁了。”县令说：“老年人容易昏倒，不一定是打的。”宋福、宋寿坚持是打的。县令说：“有伤没有伤，一定要凭检验。既然说是打死的，把尸体送到漏泽园去，等晚上听候检查。”原来宋家也是大户人家，有体面的，老头

Освидетельствование трупа. — Практика судебной экспертизы по освидетельствованию трупов существует в Китае с древних времен. Первый трактат об этом был написан в 1247 г. и является самым ранним произведением по судебной медицине.

меня — спасите его и помогите ему вернуться на родину.

— Там видно будет в ходе допроса. Если он действительно убил человека, трудно мне будет дать ему поблажку.

Саньцяо, рыдая, опустилась на колени и продолжала молить.

— Ладно, успокойся, найду какой-нибудь выход, — сказал У Цзе.

На следующий день, когда У Цзе собрался выйти на утренний прием, Саньцяо схватила его за рукав и снова, плача, взмолилась:

— Если брата нельзя спасти, я покончу с собой, и больше мы не увидимся.

Утренний прием начальник уезда начал именно с жалобы на Сингэ. Братья Сун Фу и Сун Шоу — оба, плача, просили о том, чтобы убийца понес должное наказание за смерть их отца.

— В споре из-за жемчужины он по злобе побил отца, тот свалился на землю и умер, — доложили они. — Просим вас решить это дело.

Начальник уезда стал допрашивать свидетелей: одни говорили, что старика били и он упал, другие — что его просто толкнули.

Сингэ показал следующее:

— Отец жалобщика украл у меня жемчужину, я возмущился, и мы заспорили. Старик, оказывается, плохо держался на ногах, сам упал, ушибся и умер, так что я не виноват.

— Сколько лет было твоему отцу? — спросил начальник уезда у Сун Фу.

— Шестьдесят семь.

— Такой пожилой человек вполне мог упасть в обморок, и вполне возможно, что его и не били, — сказал начальник уезда.

Но оба брата упорно настаивали на том, что отец их умер от побоев.

— Раз вы говорите, что его избили до смерти, то надо проверить, есть ли на теле следы побоев или ран, — ответил на это начальник уезда и распорядился: — Отправьте тело на казенное кладбище, а во второй половине дня совершим официальное *освидетельствование трупа.

Надо сказать, что семья Сунов была из богатых, пользующихся хорошей репутацией семей, а сам старик

曾当过里长，儿子怎么肯让父亲在尸场被剥骨？两人双双叩头说：“父亲死的样子，大家都看到了，只求您到我家里检验，不愿意送到尸场检验。”县令说：“如果看不到伤痕，凶手怎么肯认罪？没有尸场证明，上司怎么通过？”兄弟两人只是求告。县令发怒说：“你既不愿意检验，这案子我也难问了。”急得他们兄弟两人连连叩头说：“听凭老爷明断。”县令说：“快七十的人，死是正常的。如果不是因为被打而死，冤枉了一个老百姓，反而增添了死者的罪过。就是你当儿子的，等到父亲上了年纪，又把个不得善终的罪名给他，怎么忍心？当然如果打死人是假，推倒是真，如果不重罚罗德，也很难替你出气。我现在让他披麻带孝，和亲儿子一样行礼；一切丧葬费用，都让他出。你服气吗？”兄弟两个说：“老爷吩咐，我们怎么敢不执行。”兴哥看县令不用刑罚，断得干净，喜出望外。立刻原告。

одно время был даже старостой их квартала. Поэтому сыновья его, разумеется, не могли допустить, чтобы отца повезли на казенное кладбище и ковырялись там в его теле. Опустившись на колени, оба они земно кланялись и говорили:

— Очень многие видели, каким образом отец скончался. Поэтому просим вас побывать у нас дома и там все расследовать, а официального освидетельствования на кладбище не совершать.

— Разве преступник признается в своей вине, если не будет обнаружено следовувечья? Да и как я могу без официальной бумаги об освидетельствовании трупа отправить дело начальству на утверждение?

Но братья продолжали молить его, настаивая на своем.

— Не желаете освидетельствования трупа, значит, и не надейтесь на продолжение расследования дела! — в гневе воскликнул начальник уезда.

Тут оба брата, в замешательстве, кланяясь, говорили:

— Полагаемся во всем на ваше решение.

Тогда начальник произнес:

— Человеку уже под семьдесят: в этом возрасте смерть — дело вполне естественное. Если только он умер не от побоев, то зря пострадает невинный человек, и это ляжет виной на самого же скончавшегося. А вы, его дети, которые, конечно, хотели, чтобы отец жил помольше, обвинением этим сослужите ему плохую службу, будто скончался он недоброй смертью. Так неужели же вы, его родные сыновья, решитесь пойти на такое?! И еще должен сказать, — продолжал начальник, — что умер он от побоев — это ложь. А вот что обвиняемый толкнул твоего отца и он упал — похоже на правду. Но если со всей строгостью не наказать обвиняемого Ло Дэ, то вы будете все-таки в обиде. Так вот, я полагаю, надо заставить обвиняемого надеть на себя грубую пеньковую траурную одежду, совершив обряды, как полагается в подобном случае родному сыну, и все расходы, связанные с похоронами, также возложить на Ло Дэ. Согласны ли вы с таким решением?

— Не посмеем не согласиться с вашим распоряжением, — отвечали в один голос братья.

Сингэ был безмерно счастлив, что начальник уезда не прибегнул к пыткам и решил дело таким образом, что он остался незапятнанным. Поэтому и жалобщики,

被告都叩头道谢。县令说：“我也不写审单了，叫差人押出去，等事情处理好，把原告词给你销毁就行了。”正是：

公堂造业真容易，要积阴功亦不难。

试看今朝吴大尹，解冤释罪两家欢。

再说三巧儿从丈夫升堂之后，如坐针毡。一听到退衙了，就迎上来问消息。县令说：“我这样断了，看你的面子，一板也没有难为他。”三巧儿千恩万谢，又说：“我和哥哥离别很久，思念得很，想问问父母情况。官人你不如行个方便，让我兄妹相见，恩情不小。”县令说：“这也容易。”诸位，你说三巧儿被蒋兴哥休了，恩断义绝，怎么肯这样多情？他们夫妻原来十分恩爱，因为三巧儿做了错事，兴哥不得已才休了她。心中并不忍心；所以她改嫁那晚，把十六只箱笼，完全送给了她。只这一件，三

Ямэнь.— Так в Китае, начиная примерно с X—XI вв. и до 1911 г., обычно называли правительственные учреждения.

и Сингэ — все земно кланялись и благодарили начальника.

— Ну, раз так, то и никакого официального документа по этому делу составлять не буду,— заключил начальник, обращаясь к Сингэ, добавил:— Тебя будут сопровождать служащие *ямэня, и, когда ты все совершишь, как должно, я просто аннулирую жалобу.

Вот уж поистине:

Власть предержащие очень легко
зло нанесут человеку;
И добroе дело им совершить
тоже труда не составит.
Вот, например, как начальник У Цзе
дело решил справедливо:
Выяснил суть, разобрался во всем —
и стороны обе довольны.

Надо сказать, что с того момента, как У Цзе направился в зал присутствия разбирать дело, Саньцяо сидела словно на подстилке из иголок. И как только ей стало известно, что присутствие закончилось, она сразу же пошла навстречу мужу и стала его расспрашивать, как и что.

— Дело я решил следующим образом...— начал У Цзе и, рассказав Саньцяо, как все было, добавил:— Ради тебя я пощадил Сингэ, даже не наказал его ни единым ударом.

Саньцяо благодарила и благодарила мужа.

— Я давно рассталась с братом,— сказала она под конец,— и очень хотела бы его повидать, порасспросить об отце и матери. Не сделали бы вы одолжение и не разрешили бы нам как-то встретиться? Это было бы величайшей милостью с вашей стороны.

— Ну, это нетрудно,— ответил начальник уезда.

Читатель! Ведь Сингэ сам отказался от Саньцяо и порвал с ней всякие отношения. Почему же, по-вашему, она так беспокоилась о его судьбе и проявляла такую о нем заботу? Дело в том, что они ведь очень любили друг друга, и Сингэ именно по вине Саньцяо пришлось от нее отказаться, хоть и расставаться с ней ему было очень больно и тяжко. Вот почему в день ее вторичного замужества Сингэ в качестве подарка отправил ей все шестнадцать сундуков с вещами и драгоценностями. Уже одного этого было вполне достаточно,

巧儿的心中,也不能不软了。现在她身处富贵,看见兴哥落难,怎么会不救?这叫做知恩报恩。

再说蒋兴哥依照县令的结论,确实小心办理,不怕破费,宋家兄弟都没话了。丧事办完,差人押着兴哥到县里答复。县令把他叫进衙内让了坐,说:“大舅这场官司,如果不是你妹妹再三恳求,我几乎得罪了。”兴哥不知其中道理,回答不了。喝了一会儿茶,县令把他请入里边书房,叫三巧儿出来相见。你说这次意外相逢,不象梦境么?他们两人也不行礼,也不说话,紧紧地彼此相抱,放声大哭。就是哭爹哭娘,也没有这样凄惨,连县令在旁边,也不忍心了,就说:“你们两人也别悲伤,我看你们不象兄妹,快说真情,我自有办法。”两人哭得停不住,哪个肯说?被县令盘问紧了,三巧儿只好跪下,说:“我罪该万死,这人是我的前夫。”蒋兴哥想到瞒不住,也跪下来,把以前恩

чтобы смягчить ожесточение Саньцяо против Сингэ, если у нее в свое время и возникло подобное чувство. И вот сегодня, когда сама она была знатна и богата, а Сингэ очутился в беде, как же ей было не помочь ему! Это и есть, что называется: «Помнить о добре и отвечать добром».

Но вернемся к Сингэ. Неукоснительно придерживаясь решения, которое вынес начальник уезда, он совершил все положенные обряды, николько не жалея на это денег, так что у братьев Сун не оставалось больше повода для претензий или недовольства. После похорон служащие ямэня привели Сингэ к начальнику уезда, чтобы доложить о выполнении вынесенного по делу решения. Начальник уезда пригласил Сингэ на свою жилую половину, провел его в гостиную и предложил сесть.

— Уважаемый свояк! — заговорил начальник, обращаясь к Сингэ. — В этой тяжбе, если бы не ваша сестра, я чуть было не оказался неправым по отношению к вам.

Сингэ не мог понять, о чем идет речь, и потому не нашелся, что ответить. Через некоторое время, после чая, начальник предложил Сингэ пройти в его кабинет и приказал, чтобы позвали младшую госпожу. Представляете себе эту неожиданную встречу! Настоящий сон! Саньцяо и Сингэ, даже не поприветствовав друг друга и не сказав друг другу ни слова, бросились в объятия и громко разрыдались. Так горько не плачут даже по матери или по отцу.

Начальнику уезда, стоявшему тут же в стороне, стало так жаль молодых людей, что он наконец сказал:

— Ну, будет, хватит вам убиваться! Как я вижу, вы не походите на брата и сестру. Расскажите мне сейчас же всю правду, и я что-нибудь предприму.

Сингэ и Саньцяо пытались сдержать себя, однако это им не удавалось, и они продолжали рыдать, не выдавая тайны. Начальник уезда снова потребовал разъяснений, и наконец Саньцяо, не выдержав, опустилась перед ним на колени.

— Я, ничтожная, во всем виновата и заслуживаю тысячи и тысячи смертей, — проговорила она. — Человек, который перед вами, — мой первый муж..

Сингэ, пристыженный, тоже опустился на колени и подробно рассказал начальнику уезда об их прёжней

爱,和休妻再嫁的事,一一告诉了。说完,两人又哭成一团,连吴知县也落泪不止,说:“你们俩人这么相爱,我怎么忍心拆散你们?幸亏三巧儿在这三年,没有生育,马上领去团聚吧。”两人不住道谢。

县令连忙要了个轿子,送三巧儿出衙门;又叫了人,把三巧儿赔嫁的十六个箱笼抬去,叫兴哥收领了;又派一个小官,护送他们夫妇出境。——这是吴知县的厚德。正是:

珠还合浦重生采,剑合丰城倍有神。

堪羡吴公存厚道,贪财好色竟何人!

这人一向没有儿子,后来调到吏部,在北京纳了妾,一连生了三个儿子,科举不绝,人们都说是阴间报应,这是后话。

再说蒋兴哥带了三巧儿回家,和平氏见了面。谈到结婚,王氏在前;只因为被休了一次,这平氏倒是明媒正娶,又因为平氏年龄大一岁,让平氏做正房;王氏反而做了偏房,

Встретились снова мечи.— Согласно легенде, в глубокой древности одновременно были выкованы два парных меча, впоследствии утраченных; много веков спустя из реки Яньпинцзинь вылетели два дракона и взвились к небесам,— это были вновь соединившиеся знаменитые мечи, которые воплотились в драконов.

Жемчуг вернулся в Хэпу.— Образ этот связан с преданием о некоем Мэн Чане (II в.), бескорыстном правителе области Хэпу. Жадные до денег и продажные предшественники Мэн Чана довели свой народ, который жил добычей жемчуга, до полного разорения, и жемчуга в Хэпу в конце концов не стало. Мэн Чан в корне изменил существовавшие до него порядки, и не прошло и года, как жемчуг снова появился в Хэпу.

любви, о разводе, о ее вторичном замужестве. И тут они с Саньцяо опять разрыдались и бросились обнимать друг друга. Глядя на них, и сам начальник уезда невольно уронил слезу.

— Раз вы так любите друг друга, как могу я вас разлучить!— сказал он и продолжал:— Вам повезло, что за эти три года у нас так и не было детей, так что вы, Цзян Сингэ, возьмите ее и живите снова вместе.

Саньцяо и Сингэ без конца били земные поклоны начальнику, словно ставили свечи перед божеством.

Начальник уезда тут же приказал подать паланкин для Саньцяо. Затем он позвал людей и велел вынести все шестнадцать сундуков приданого Саньцяо и передать их в распоряжение Сингэ. Помимо того, он распорядился, чтобы один из служащих его канцелярии сопроводил супругов Цзян до границ соседнего уезда. Это был великодушный и поистине добродетельный поступок со стороны начальника У Цзе. Да,

*Жемчуг вернулся в Хэпу,
вновь засиял нежным блеском;
*Встретились снова мечи,
мощь проявили былую.
Добрым поступком У Цзе,
право же, нас восхищает.
Можно ль людьми называть
ладких до женщин и денег?!

У Цзе постоянно печалился о том, что у него не было сыновей. Но потом, когда его перевели в Пекин, в ведомство гражданских чинов, он нашел там себе другую младшую жену, и она родила ему подряд трех сыновей. Впоследствии все трое, один за другим, выдержали экзамены на высшую ученую степень. Люди говорили, что это было вознаграждением за добро, содеянное в свое время У Цзе. Но это уж мы заглянули вперед.

Вернемся к Сингэ, который увез к себе домой Саньцяо и представил ее госпоже Пин. Если учесть, что Саньцяо была первой женой Сингэ, то ей следовало бы быть старшей. Но так как в свое время Сингэ от нее отказался, а брак с госпожой Пин был совершен по всем должным правилам и с соблюдением всех обрядов, да еще к тому же госпожа Пин была на год старше Саньцяо, то Саньцяо стала теперь младшей женой Сингэ,

两人姐

妹相称。这以后一夫二妇，团圆到老。有诗作证：
恩爱夫妻虽到头，妻还作妾亦堪羞。
殃祥果报无虚谬，咫尺青天莫远求。

а госпожа Пин — старшей. Женщины называли друг друга сестрами, и с этих пор муж и обе его жены жили вместе до самой старости.

Вот слова, которые можно привести в подтверждение этой истории:

*Хотя до конца своих дней
супругами нежными были,
Но, право, позорно жене
наложницей вдруг оказаться.
Воздастся за зло иль добро
лишь так, как положено будет:
От нас ведь вершок до него —
до чистого, синего неба.*

冯梦龙 (1574--- 1646)

第十五卷

赫大卿遗恨鸳鸯缘

皮包血肉骨包身，强作娇妍诳惑人。

千古英雄皆坐此，百年同共一坑尘。

这首诗乃昔日性如子所作，单戒那淫色自戕的。论来好色与好淫不同。假如古诗云：“一笑倾人城，再笑倾人国。岂不顾倾城与倾国，佳人难再得！”

—————

КОММЕНТАРИИ

¹ «Две монахини и блудодей» («Повесть о том, как Хэ Дацин оставил после смерти супружескую ленту») — рассказ пятнадцатый из сборника «Син-ши хэн-янь» («Слово вечное, мир пробуждающее»), впервые изданного в 20-х годах XVII в.

Фэн Мэнлуун(1574--- 1646)

Две монахини и блудодей

Перевод и комментарии Д. Н. Воскресенского,
стихи в переводе Л. Е. Черкасского.

Женщина любая — знаем сами,
В сущности, всего лишь тюк
с костями.

Но посредством нежности
и пыла
Нас она всегда с ума
сводила.

И герои попадались в эти
Так хитро расставленные
сети.

Годы незаметно проходили,
Люди становились горстью
пыли.

Эти стихи сложены в стародавние времена монахом по прозвищу «Малое дитя». Он хотел предостеречь людей от опасностей, которые идут следом за распутством и любовной страстью. Впрочем, если уже зашла об этом речь, оговоримся, что распутство и любовь — не одно и то же. Возьмите, к примеру, древнее стихотворение, которое гласит:

От одной ее улыбки
Городские рухнут стены,

А от двух погибнет царство,
Трон обрушится нетленный.
Поглядите же скорее:
Как улыбка та прелестна!

Нелегко красу такую
Дважды встретить в Поднебесной.

此谓之好色。若是不择美恶，以多为胜，

如俗语所云：“石灰布袋，到处留迹，”其色何在？但可谓之好淫而已。然虽如此，在色中又有多般。假如张敞画眉，相如病渴，虽为儒者所讥，然夫妇之情，人伦之本，此谓之正色。又如娇妾美婢，倚翠偎红；金钗十二行，锦障五十里；樱桃杨柳，歌舞擅场；碧月紫云，风流旖艳；虽非一马一鞍，毕竟有花有叶，此谓之傍色。又如锦营献笑，花阵图欢，露水分司，身到偶然留影；风云随例，颜开哪惜缠头。旅馆长途，堪消寂寞，花前月下，亦助襟怀。虽市门之游，豪客不废；然女间之遗，正人耻言，不得不谓之邪色。至如上蒸下报，同人道于兽禽；钻穴逾墙，役心机于鬼蜮；偷暂时之欢乐，为万世之罪人，明有人诛，幽蒙鬼责，这谓之乱色。又有一种不是正色，不是傍色。虽然比不得乱色，却又比不得邪色。填塞了虚空圈套，污秽却清净门风；惨同神面刮金，恶胜佛头浇粪，远则地府填单，近则阳间业报。奉劝世人，切须谨慎！正是：

不看僧面看佛面，休把淫心杂道心。

~~~~~

² ...любви своей супруги.—Чжан Чан жил во времена династии Хань, он славился своим пылким чувством к жене и выражал свою любовь тем, что подкрашивал жене брови. Любовь поэта Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.) к своей жене поэтессе Чжо Вэнъцзюнь считалась в древности образцом супружеской верности.

³ ...что их окружает частокол золотых шпилек.—Золотая шпилька — одно из названий наложницы.

⁴ ...парчовый навес длиною в пятьдесят ли.—В династию Цзинь (III—V вв.) сановники Ши Чун и Ван Кай постоянно хвастались друг перед другом своими богатствами. Ван Кай однажды сделал полог из фиолетового шелка длиной в сорок ли. Но Ши Чун решил перещеголять соперника и построил навес из парчи длиной в пятьдесят ли.

Здесь изображается истинная любовь. А если кто просто-напросто охотится за женщинами, заботясь лишь о числе любовниц, а не о любовном чувстве, то выходит в точности по пословице: «Мешок с известью везде следы оставляет». Разве это любовь? Распутство, и ничего больше!

Любовная страсть бывает различна. Например, Чжан Чан подрисовывал жене брови, а Сыма Сянжу даже во время болезни жаждал любви своей супруги². Некоторые ученые насмехаются и над тем, и над другим, но они забывают, что ласка — основа супружеской жизни. А стало быть, супружескую связь, подобную тем, какие мы только что назвали, можно именовать любовью истинной. Бывает и любовь, которую следует называть «сторонней». Это любовь к изящным наложницам и соблазнительным служанкам. О тех, кто в ее власти, говорят, что они припадают к зеленому нефриту и пунцовому румянцу, что их окружает частокол золотых шпилек³. Такой человек способен воздвигнуть парчовый навес длиною в пятьдесят ли⁴. Он проводит дни в песнях и танцах, среди ив и вишн. Жизнь его течет под бирюзовой луной и лиловыми облаками и наполнена безмятежным весельем. Этот скакун, как гласит пословица, покрыт не одним седлом. Однако же разве не бывает на одном стебельке несколько листьев!

Еще один вид любви — это когда расточают улыбки в домах веселья и ищут наслаждений среди «цветов». Здесь сходятся и расходятся подобно облакам на ветру, а чувства вспыхивают и гаснут так же быстро, как сохнет под солнцем роса. Лицо расцвело в улыбке — и уже не жалеют для нее дорогое платка.

На придорожных станциях во время долгого пути мы стараемся рассеять уныние и тоску любовными объятиями меж цветов, озаренных сиянием луны. Да, веселые дома не знают нужды в беспутных гостях, но праведный человек постыдится упомянуть о девичьих комнатах. Такую любовь следует называть не иначе как беспутной.

Сеть любовной страсти опасна для любого возраста, и кто запутался в ней, уподобляется дикому зверю. Он готов залезть на стенку, проползти в самую узкую щелку, он отдает свою душу демону. Ради мимолетного наслаждения он становится злодеем и преступником. В нашем мире он идет на казнь, а в загробном царстве его ждет жестокая кара. Такую любовь следует называть злодейской.

Истинная любовь — не то что «сторонняя», и тем более несравнимая со злодейской или беспутной. Но и она способна заманить в ловушку и забрызгать грязью чистое имя. Человек, охваченный любовью, напоминает кумира, с которого соскребли позолоту, а иной раз доходит до такого ослепления, до такого злодейства, что не останавливается и перед кощунством. Наш мир полонится мольбой о его страшных и позорных поступках, а в подземном царстве растет список его преступлений. Вот почему мы хотим предупредить всех и каждого: проявляйте величайшую осторожность! Поистине верно гласят стихи:

Не бери пример с монахов,
Чистым будь пред лицом Будды:
Добродетельную душу
Не пятнай позором блуда.

说这本朝宣德年间，江西临江府新淦县，有个监生，姓赫名应祥，字大卿，为人风流俊美，落拓不羁，专好的是声色二事。遇着花街柳巷，舞榭歌台，便流连不舍，就当做家里一般，把老大一个家业，也弄去了十之三四。浑家陆氏，见他恁般花费，苦口谏劝。赫大卿倒道老婆不贤，时常反目。因这上，陆氏立誓不管，领着三岁一个孩子喜儿，自在一间净室里持斋念佛，由他放荡。一日，正值清明佳节，赫大卿穿着一身华丽衣服，独自一个到郊外踏青游玩。有宋张咏诗为证：

春游千万家，美人颜如花。

三三两两映花立，飘飘似欲乘烟霞。

Рассказывают, что в нынешнюю династию, в годы Сюань-дэ жил в Синьганьском уезде, что входит в область Линьцзян провинции Цзянси, один цзяньшэн по имени Хэ Инсян, или Хэ Дацин. Он был хорош собою, но нравом отличался крайне легкомысленным и беспутным. В целом свете для него не существовало ничего иного, кроме музыки и женщин. Он был завсегдатаем повсюду, где люди развлекались и веселились, и чувствовал себя, как дома, «на цветочных улицах и в иловых переулках». Очень скоро четверть, а не то и треть его богатого состояния былапущена на ветер и утекла между пальцев. Его жена, госпожа Лу, видя такое мотовство, пыталась образумить мужа и не раз горько его укоряла. Но Хэ Дацин считал ее глупой и назойливой и постоянно с нею бранился. В конце концов все эти раз-

доры опротивели госпоже Ли, и она дала клятву не вмешиваться в жизнь мужа. Запершись с трехлетним сыном Сиэром в своей комнате, она читала священные сутры и постилась, а о муже почти не вспоминала, предоставив ему делать все, что бы он ни надумал.

Как-то раз, во время праздника Цинмин, Хэ Дацин оделся понаряднее и отправился за город, чтобы, как говорится, притоптать зеленую травку и развлечься. Сунский поэт Чжан Юн написал однажды:

Прекраснейшие юноши весной
Идут за город шумною
гурьбой.

Втроем, вдвоем расходятся
они,
В беспечности они проводят
дни.

Среди цветов под городской
стеной
Прекрасною любуются весной.

赫大卿只拣妇女丛聚之处，或前或后，往来摇摆，卖弄风流，希图要逢着个有缘分的佳人。不想一无所遇，好不败兴。自觉无聊，走向一个酒馆中，沽饮三杯。上了酒楼，拣沿街一副座头坐下。酒保送上酒肴，自斟自饮，倚窗观看游人。不觉三杯两盏，吃够半酣，起身下楼。算还酒钱，离了酒馆。一步步任意走去。此时已是未牌时分。行了多时，渐渐酒涌上来，口干舌燥，思量得盏茶来解渴便好。正无处求觅，忽抬头见前面林子中，幡影摇曳，磬韵悠扬，料道是个僧寮道院，心中欢喜。即忙趋向前去。抹过林子，显出一个大寺院来。赫大卿打一看时，周围都是粉墙包裹，门前十来株倒垂杨柳，中间向阳两扇八字墙门，上面高悬金字扁额，写着非空庵三字。赫大卿点头道：“常闻得人说，城外非空庵中有标致尼姑。只恨没有工夫，未曾见得。不想今日趁了这便。”即整顿衣冠，走进庵门。转东一条鹅卵石街，两边榆柳成行，甚是幽雅。行不多步，又进一重墙门，就是小小三间房子，供着韦驮尊者。庭中松柏参天，

⁵ Цин.—Ударный музыкальный инструмент. Представляет собой раму с подвешенными к ней каменными или металлическими пластинами, по которым бьют билом.

⁶ Вэйто.—Буддийское божество, один из загробных владык, хранитель буддийских канонов.

Хэ Дацин выбрал место, где было много женщин, и принял разгуливать взад-вперед, небрежно покачиваясь на ходу. Своим изысканным и небрежным видом он рассчитывал привлечь внимание какой-нибудь красотки, а потом познакомиться с нею поближе. Но никто не обращал на него ни малейшего внимания, и мало-помалу радостное возбуждение его угасло. Понуро поплелся он в ближнюю харчевню выпить вина. Он поднялся на второй этаж и выбрал место у окна, выходившего на улицу. Слуга принес вина и закусок, Дацин облокотился на подоконник и стал потягивать питье, бросая взгляды на прохожих. После двух или трех чарок он захмелел. Спустившись

вниз, он расплатился и пошел куда глаза глядят.

Дело было в середине дня. Винные пары улетучивались, а от долгой ходьбы пересохло во рту. Хэ Дацину захотелось чаю, но ни харчевни, ни чайной лавки поблизости не было. Вдруг сквозь листву деревьев Хэ увидел развевающиеся флаги и услыхал размеренные удары цина⁵. Он понял, что перед ним буддийский храм, обрадовался и поспешил вперед. Раздвигая ветви, он прошел сквозь лесок, и перед его взором предстали просторные строения, обнесенные белой стеной. Стена прерывалась обращенными к югу воротами, перед которыми росло с десяток плакучих ив. Над воротами—доска с золотою надписью: «Обитель Отрешения от мирской суеты».

— Давно я слышу, что в этом монастыре прелестные монахини, но до сих пор не было случая взглянуть на них собственными глазами. Вот уж никак не думал, что случай представится именно сегодня,— промолвил Дацин, обращаясь к самому себе.

Он отряхнул платье, поправил на голове шляпу и вошел в ворота. К востоку тянулась дорожка, вымощенная камешками величиною с голубиное яйцо. По обеим ее сторонам выстроились ивы и вязы, они сообщали этому дворику таинственную прелесть. Еще несколько шагов, и Хэ Дацин приблизился к следующим воротам. За ними было здание, состоявшее из трех небольших залов. В среднем зале высилось изваяние божества Вэйто⁶. Перед зданием росли высокие, чуть ли не до самого неба сосны и кипа-

树上鸟声嘈杂。从佛背后转进，又是一

条横街。大卿径望东首行去，见一座雕花门楼，双扉紧闭。上前轻轻扣了三四下，就有个垂髫女童，呀的开门。那女童身穿缁衣，腰系丝绦，打扮得十分齐整。见了赫大卿，连忙问讯。大卿还了礼，跨步进去看时，一带三间佛堂，虽不甚大，倒也高敞。中间三尊大佛，相貌庄严，金光灿烂。大卿向佛作了揖，对女童道：“烦报令师，说有客相访。”女童道：“相公请坐，待我进去传说。”须臾间，一个少年尼姑出来，向大卿稽首。大卿急忙还礼，用那双开不开，合不合，惯输情，专卖俏，轻眯眼的俊眼，仔细一觑。这尼姑年纪不上二十，面庞白皙如玉，天然艳冶，韵格非凡。大卿看见恁般标致，喜得神魂飘荡。一个揖作了下去，却像初出锅的糍粑，软做一塌，头也伸不起来。礼罢，分宾主坐下，想道：“今日撞了一日，并不曾遇得个可意人儿。不想这所在倒藏着如此妙人。须用些水磨工夫撩拨她，不怕不上我的钩儿。”大卿正在腹中打点草稿，谁知那尼姑亦有此心。从来尼姑庵也有个规矩，但凡客官到来，都是老尼迎接答话。那少年的，如闺女一般，深居简去，非细相熟的主顾，或是亲戚，方才得见。若是老尼出外，或是病卧，竟自辞客。就有非常势要的，立心要来认那小徒，也少不得三请四唤，等得你个不耐烦，方才出来。这个尼姑为何挺身而出？有个缘故。她原是个真念佛，假修行，爱风月，嫌冷静，怨恨出家的主儿。偶然先在门隙里，张见了大卿这一表人材，倒有几分看上了。所以挺身而出。当下两只眼光，就如针儿遇着磁石，紧紧地摄在大卿身上，笑嘻嘻地问道：“相公尊姓贵表？府上何处？至小庵有甚见谕？”

⁷ ...она любила ветер и луну...—
Поэтический образ: означает
влечение людей к земным удово-
льствиям.

рысы, меж их ветвями щебетали птицы... Позади изваяния была дверь, а за дверью уходила в сторону дорожка. Дацин пошел по дорожке и оказался перед высоким строением. Створки дверей, украшенных диковинной резьбой, были плотно затворены. Дацин тихонько постучал. Двери со скрипом приоткрылись, и на пороге появилась девочка-послушница с косичками, опрятно одетая, в черном халате, подпоясанная шелковым шнуром. Послушница поздоровалась с Дацином, и тот, ответив на приветствие, переступил порог. Он находился в разгороженной на три зала мольельне, не слишком большой, но достаточно высокой. Посредине сверкали позолотою величественные изображения трех будд. Хэ Дацин склонился перед богами, а потом сказал:

— Передай настоятельнице, что пришел гость.

— Присядьте, господин, я сейчас доложу,— ответила послушница и вышла.

Они сели. Дацин подумал: «Весь день я сегодня проходил понапрасну и ничего подходящего не встре-

тил. Кто бы мог подумать, что здесь скрывается такая красотка. Но чтобы с нею поладить, надо запастись терпением. Не беда! Рано или поздно, но она попадется ко мне на крючок!»

Волокита уже перебирал план за планом, даже не догадываясь, что в точности те же мысли занимали и монахиню. В монастырях существовало общее правило: если в обители появлялся мужчина, его встречала только старая монахиня-настоятельница, а молодые монахини, точно невесты на выданье, всегда сидели взаперти, в дальних комнатах, и редко показывались на людях — разве что приедут их близкие знакомые или родичи. Если настоятельница захворает или уедет, монахини вообще посетителей не принимают. Если же вдруг прибудет кто-нибудь особенно влиятельный и настаивает на свидании с молодой монахиней, она выходит лишь после долгих и неотступных просьб. Почему же теперь красавица монахиня так смело и так скоро вышла к Хэ Дацину? А все дело в том, что Будду она чтила лишь на словах, душою же была привержена к радостям и удовольствиям. Как говорится, она любила ветер и луну¹ и ненавидела холодное одиночество. Монашеская жизнь была ей отвратительна. Когда Хэ Дацин вошел в молельню, она увидела его в дверную скважину. Статный молодец сразу же ей приглянулся, потому она и не заставила себя ждать. Взоры гостя притягивали ее, словно магнит иголку.

— Как ваша уважаемая фамилия, господин, как ваше драгоценное прозвище? Откуда вы родом, что привело вас в нашу скромную

大卿道：“小生姓赫名大卿，就在城中居住。今日到郊外踏青，偶步至此。久慕仙姑清德，顺便拜访。”尼姑谢道：“小尼僻居荒野，无德无能，谬承枉顾，蓬筚生辉。此处来往人杂，请里面轩中待茶。”大卿见说请到里面吃茶，料有几分光景，好不欢喜。即起身随入。行过几处房屋，又转过一条回廊，方是三间净室，收拾得好不精雅。外面一带，都是扶栏，庭中植梧桐二树，修竹数竿，百般花卉，纷纭辉映，但觉香气袭人。正中间供白描大士像一轴，古铜炉中，香烟馥馥，下设薄团一坐，左一间放着朱红厨柜四个，都有封锁，想是收藏经典在内；右一间用围屏围着，进入看时，横设一张桐柏长书桌，左设花藤小椅，右边靠壁一张斑竹榻儿；壁上悬一张断纹古琴，书桌上笔砚精良，纤尘不染。侧边有经卷数帙。随手拈一卷翻看，金书小楷，字体摹仿赵松雪，后注年月，下书弟子空照薰沐写。大卿问：“空照是何人？”答道：“就是小尼贱名。”大卿反复玩赏，夸之不已。两个隔着桌子对面而坐。女童点茶到来。空照双手捧过一盏，递与大卿，自取一盏相陪。那手十指尖纤，洁白可爱。大卿接过，啜在口中，真个好茶！有吕洞宾茶诗为证：

王蕊旗枪称绝品，僧家造法极工夫。
兔毛瓯浅香云白，虾眼汤翻细浪休。

⁸ ...тунбоский столик...—Тунбо—местность в провинции Хэнань, славящаяся своими изделиями из дерева.

⁹ Люй Дунбинь.—Один из восьми даосских святых, покровитель магии, а также различных ресел.

обитель?—спросила монахиня с зазывной улыбкой.

— Меня зовут Хэ Дацин, живу я в городе. Я вышел погулять и забрел сюда случайно. Но я давно слышу о непорочной добродетели дочерей Будды и хочу засвидетельствовать им свое уважение.

— Мы темные и неразумные, мы всегда в уединении, вдали от людей. Ваш приход для нас—незаслуженная радость. Пожалуйста, пройдемте со мной в трапезную и выпьем чаю, а то здесь все время снуют люди.

Приглашение пройти во внутренние покои кое-что обещало. Обрадованный Дацин поднялся и направился следом за монахиней. Они миновали несколько комнат, полукруглую галерею и очутились в открытой с одной стороны зале, тоже разделенной натрое. Зала была убрана чисто и не без изящества; ее окаймляла низкая изгородь с перилами, а за изгородью росли два утуна и бамбук. Повсюду были цветы, они ярко сверкали в лучах солнца и испускали сладостный аромат. Посредине залы стояла картина, изображавшая богиню милосердия Гуаньинь. В медных курильницах старинной работы дымились дорогие благовония. У стены на полу лежал круглый молитвенный коврик из камыша. Слева виднелись четыре запертые шкафа ярко-красного цвета; там, вероятно, хранились свитки священных буддийских книг. В правой части залы—вход туда закрывала ширма—Хэ Дацин увидел тунбоский столик⁸ и невысокие стулья на гнутых ножках. У правой стены стояла пятнистого бамбука кушетка, а над нею висел древний цинь; лак на

нем потрескался от времени. На стене—чистый, без единой пылинки письменный прибор превосходной работы и несколько свитков. Хэ Дацин развернул один из них. Мелкие золотые иероглифы прописного почерка напоминали о кисти известного юаньского каллиграфа Чжао Сунсюэ. В конце свитка—дата, а ниже подпись: «Начертано в благоговении ученицею Кунчжоу».

— Кто эта Кунчжоу?—спросил гость.

— Это мое ничтожное имя,—ответила монахиня.

Дацин залюбовался свитком и на все лады принялся его хваливать. Они сели за стол друг против друга, и послушница наполнила чашки чаем.

Кунчжоу поднесла чай гостю. Дацин успел заметить, что пальчики у хозяйки ослепительно-белые и необыкновенно изящные. Он взял чашку, отхлебнул чаю и вскинулся:

— О, какой дивный напиток!

Есть стихи, воспевающие чай, который заваривал «волшебник Люй Дунбинь»⁹. Вот они:

Напиток божественный—
равного нет—
Пьем в стужу ли, в полдень
ли жаркий.

Монахи давно разгадали секрет
Особенно этой заварки.

За речкой, за чащей найдешь
невзначай
Растущий в укромных уроцищах
чай.

Заваришь—он светится,
как небосвод,
Чайнка-другая порою мелькнет.
А чаша изящна и неглубока,

断送睡魔离几席，增添清气入肌肤。

幽丛自落溪岩外，不肯移根入上都。

大卿问道：“仙庵共有几位？”空照道：“师徒四众。家师年老，近日病废在床，当家就是小尼。”指着女童道：“这便是小徒。她还有师弟在房里诵经。”赫大卿道：“仙姑出家几年了？”空照道：“自七岁丧父，送入空门，今已十二年矣。”赫大卿道：“青春十九，正在妙龄，怎生受此寂静？”空照道：“相公休得取笑！出家胜俗家数倍哩。”赫大卿道：“哪见得出家的胜似俗家？”空照道：“我们出家人，并无闲事缠扰；又无儿女牵绊，终日诵经念佛，受用一炉香，一壶茶，倦来眠纸帐，闲暇理丝桐，好不安闲自在。”大卿道：“闲暇理丝桐，弹琴时也得个知音的人儿在旁喝采方好。这还罢了。则这倦来眠纸帐，万一梦魔起来，没人推醒，好不怕哩！”空照已知大卿下钩，含笑而应道：“梦魔杀了人也不要相公偿命。”大卿也笑道：“别的魔杀了一万个全不在小生心上，像仙姑恁般高品，岂不可惜！”两下你一句，我一声，渐渐说到分际。大卿道：“有好茶再求另泼一壶来吃。”空照已会意了。便教女童去廊下烹茶。大卿道：“仙姑卧房何处？是什么纸帐？也得小生认一认。”空照此时欲心已炽，按捺不住，口里虽说道：“认它怎么？”却早已立起身来。大卿上前拥抱，先做了个“吕”字。空照往后就走。大卿接脚跟上。空照轻轻地推开后壁，后面又有

И пар благовонный летит
в облака.

Глоток отхлебнешь — забываешь
про сон,
Ты отдан неведомым силам.
И бодрости ток от второго
глотка
Легко заструится по жилам.
Нельзя его корень с собой
унести,
Он в городе людном не станет
расти.

— Сколько человек живет в вашей обители? — спросил Дацин.

— Вместе с настоятельницей всего четверо, — ответила монахиня. — Наша настоятельница в преклонных годах, все время болеет, и я, как видите, ее заменяю. — Она указала на девочку. — А это наша ученица. Она вместе с подругой разучивает псалмы.

— Давно вы ушли из семьи?¹⁰

— Мне было семь лет, когда умер отец и меня отправили к Вратам Пустоты¹¹. И вот уже двенадцать лет, как я здесь.

— Значит, вам исполнилось двенадцать весен! Какой прекрасный возраст! Но скажите: как выносите монастырское уединение?

— О, господин, что вы говорите! Ведь уйти в монастырь несравненно лучше, чем оставаться в суетном мире.

— Откуда же вы знаете, что монастырская жизнь лучше мирской?

— Тех, кто удалился от мирской суеты, не тревожат пустые заботы, не обременяют дети. Целыми днями мы читаем сутры, служим молебны Будде, воскуряем благовония или же завариваем чай. Когда притомимся, засыпаем под бумажным пологом, пробудимся от сна — иг-

раем на цине. Нет, мы живем спокойно и поистине свободно.

— Но чтобы хорошо играть на цине, необходимо почтение советоваться со сведущим в музыке человеком, который бы мог оценить вашу игру! И когда спиши под бумажным пологом, может явиться демон и напугать до полусмерти, если только нет рядом человека, который бы вас разбудил.

— О, господин, даже если бы демон напугал меня до самой смерти, никто не стал бы жертвовать жизнью ради меня! — засмеялась Кунчжао, поняв намек спастолюбца.

— Убей он хоть десять тысяч человек — мне это безразлично! Но о вас и ваших высоких достоинствах я бы очень горевал.

За игривую беседу им началило казаться, что они знакомы уже давным-давно.

— Очень вкусный чай! — сказал Дацин. — Нельзя ли приготовить еще чайник?

И снова монахиня поняла намек и отослала послушницу заваривать чай.

— А где ваша спальня? Что это за бумажный полог, про который вы говорили? Любопытно на него взглянуть, — промолвил гость.

Тут в сердце у монахини загорелась страсть, сдержать которую она уже не могла.

— Ничего особенного в нем нет, не стоит и смотреть, — отвечала она, но сама поднялась с места.

Дацин обнял ее, и уста их слились, изобразив и составив иероглиф «люб» — «два рта, соединенных вместе». Монахиня повела гостя за собой. Она легонько толкнула заднюю стенку. За нею оказа-

¹⁰ — Давно вы ушли из семьи? —
Уйти из семьи — означает стать
монахом.

¹¹ Врата Пустоты. — Образное на-
звание буддийского храма.

一层房屋，正是空照卧处。摆设更自济楚。大卿也无心观看，两个相抱而入，遂成云雨之欢。有《小尼姑曲》儿为证：

小尼姑，在庵中，手拍着桌儿怨命。平空里吊下个俊俏官人，坐谈有几句话，声口儿相应。你贪我不舍，一拍上就圆成。虽然是不结发的夫妻，也难得她一个字儿叫做肯。

二人正在酣美之处，不提防女童推门进来，连忙起身。女童放下茶儿，掩口微笑而去。看看天晚，点起灯烛，空照自去收拾酒果蔬菜，摆做一桌，与赫大卿对面坐下。又恐两个女童泄漏机关，也教来坐在旁边相陪。空照道：“庵中都是吃斋，不知贵客到来，未曾备办荤味，甚是有慢。”赫大卿道：“承贤师徒错爱，已是过分。若如此说，反令小生不安矣。”当下四人杯来盏去，吃到半酣，大卿起身挨至空照身边，把手勾着颈儿，将酒饮过半杯，递到空照口边。空照将口来承，一饮而尽。两个女童见他肉麻，起身回避。空照一把扯道：“既同在此，料不容你脱白。”二人猝脱不开，将袖儿掩在面上。大卿上前抱住，扯开袖子，就做了个嘴儿。二女童年在当时，情窦已开。见师父容情，落得快活。四人搂做一团，缠做一块，吃得个大醉，一床而卧，相偎相抱，如漆如胶。赫大卿放出平生本事，竭力奉承。尼姑俱是初得甜头，恨不得把身子并做一个。到次早，空照叫过香公，赏他三钱银子，买嘱他莫要泄漏。又将钱钞教去买办鱼肉酒果之类。那香公平昔间，挨着这几碗黄齑淡饭，没甚肥水。

лассь комната, убранная еще старательнее, чем трапезная. Это и была спальня Кунчжао. Но Дацин не стал ее разглядывать. Они снова обнялись и устремились прямо к пологу.

Об этом сложена песенка под названием «Маленькая монашка». Вот она:

В обители монахиня жила,
Томилась, одиночество кляла.

Но как-то раз в один
из мирных дней
Случайный путник постучался
к ней.

Любовной страстью воспылали
вмиг,
Бороться с ней не мог никто
из них.

Беседа их недолго была,
Она к деяньям дивным
привела.

Новоявленные любовники совсем забыли про послушницу и, когда она отворила дверь, вскочили в смущении. Но девочка молча поставила чай на стол и вышла, прикрывая рукою рот, чтобы не рассмеяться.

Стемнело, и Кунчжао зажгла лампу. Потом она подала вино, фрукты и овощи. Любовники сели за стол друг против друга. Но монахиня была в тревоге. Она боялась, как бы послушница не разболтала о том, что видела, и решила пригласить девочку и ее подругу к столу.

— Мы здесь блюдем пост, а гости не ждали, и ничего мясного у нас нет. Простите за жалкое угождение,—сказала хозяйка.

— О, не надо так говорить, ваши извинения меня смущают! Кроме вашего расположения и добродети ваших учениц, мне не надо ничего! — воскликнул гость.

Все четверо принялись за еду и питье. Чарка сменяла чарку, и они быстро захмелели. Дацин поднялся со своего места и, пошатываясь, подошел к Кунчжао. Отхлебнув глоток из своей чарки, он обвил рукою шею монахини и поднес вино к ее губам.

Кунчжао осушила чарку до дна и совсем опьянила. Видя ее слабость, послушницы хотели выйти, но Кунчжао удержала их.

— Нет, мы были вместе и будем вместе. Я вас никуда не отпущу.

Девочки стыдливо прикрыли лица рукавом халата. Дацин обнял обеих по очереди и, отведя рукав, крепко поцеловал. В этот миг для юных послушниц распахнулись врата любви, и чувство стеснения перед наставницей исчезло. Сбившись в тесный кружок, все продолжали пить, пока хмель окончательно не затуманил им голову. Потом все легли на кровать и стали обниматься, прижавшись друг к другу так крепко, словно их склеили липким лаком. Хэ Дацин взялся за дело и исполнял привычные свои обязанности с таким усердием и старанием, что Кунчжао, впервые вкушившая плоды любви, жалела лишь о том, что они не вдвоем в постели.

Наступило утро. Кунчжао позвала прислужника, который воскурял благовония в храме, и дала ему три цяня серебром: она хотела подкупить его и задобрить, чтобы он никому и ни о чем не рассказывал. Потом она дала ему еще денег и велела купить вина, рыбы, мяса и овощей.

Обычно прислужнику за целый день доставалась лишь чашка-другая похлебки да тарелка крошеных овощей. Вкуса настоящей еды от

到口，眼也是盲的，耳也是聋的，身子是软的，脚儿是慢的。此时得了这三钱银子，又见要买酒肉，便觉眼明手快，身子如虎一般健，走跳如飞。那消一个时辰，都已买完。安排起来，款待大卿。不在话下。

却说非空庵原有两个房头，东院乃是空照，西院的是静真，也是个风流女师。手下只有一个女童，一个香公。那香公因见东院连日买办酒肉，报与静真。静真猜算空照定有些不三不四的勾当。教女童看守房户，起身来到东院门口。恰好遇见香公，左手提着一个大酒壶，右手拿个篮儿，开门出来。两下打个照面，即问道：“院主往哪里去？”静真道：“特来与师弟闲话。”香公道：“既如此，待我先去通报。”静真一手扯住道：“我都晓得，不消你去打照会。”香公被道着心事，一个脸儿登时涨红，不敢答应。只得随在后边，将院门闭上，跟至净室门口，高叫道：“西房院主在此拜访。”空照闻言，慌了手脚，没做理会。教大卿闪在屏后，起身迎住静真。静真上前一把扯着空照衣袖，说道：“好呀，出家人干的好事，败坏山门。我与你到里正处去讲。”扯着便走。吓得个空照脸儿就和七八样的颜色染的，一搭儿红一搭儿青，心头恰像千百个铁槌打的，一回儿上一回儿下，半句也对不出，半步也行不动。静真见她这个模样，呵呵笑道：“师弟不消着急！我是要你。但既有佳宾，如何瞒着我独自受用？还不快请来相见？”空照听了这话，方才放心。遂令大卿与静真相见。大卿看静真姿容秀美，丰采动人，年纪有二十五六上下。虽然长于空照，风情比她更胜。乃问道：“师兄上院何处？”

даже и не знал. Он был уже стар, слаб телом, глух и подслеповат, ноги его двигались медленно и с трудом. Но теперь, получив три цяня и деньги на вино и мясо, он словно преобразился. Взор сделался острее, руки проворнее, тело стало крепче, чем у тигра, и он громадными прыжками помчался на рынок. Не прошло и двух часов, как он вернулся с покупками, и угощение уже стояло перед гостем. Но это к нашему рассказу прямого отношения не имеет.

Кроме Кунчжао, которая занимала восточную половину обители, в монастыре жила еще одна монахиня. Звали ее Цзинчжэнь, и нрава она была не менее ветреного. Ее покой находились на западной стороне. При ней состояли послушница и прислужник, смотревший за курильницами. Несколько дней подряд прислужник замечал, что в восточные ворота то и дело проносят вино и разные кушанья. Он доложил об этом Цзинчжэнь, и та мигом догадалась, что Кунчжао веселится непристойным для монахини образом. Однажды, оставив в своих покоях послушницу, она направилась к Кунчжао. Едва подошла она к дверям, как они распахнулись, и на пороге появился прислужник с большим чайником для вина и пустой корзиной.

— Что угодно наставнице? — осведомился он.

— Я пришла поговорить с твоей хозяйкой.

— Сейчас я ей доложу.

— Мне все известно, — остановила его Цзинчжэнь. — Докладывать незачем.

Увидев, что они попались, служка покраснел и не осмелился воз-

разить ни единственным словом. Он молча запер двери и двинулся следом за Цзинчжэнь, но когда они приблизились к спальню Кунчжао, громко крикнул:

— Пришла наставница с западного двора!

Кунчжао сперва растерялась, услыхав возглас прислужника, но тут же и опомнилась. Она велела Дацину спрятаться за ширмой и поспешила навстречу гостью.

— Хорошее ты нашла себе занятие, нечего сказать! — воскликнула Цзинчжэнь. — Ты осквернила наш храм! Мне придется свести тебя в сельскую управу!

И она потянула Кунчжао за руказ.

От страха лицо Кунчжао покрылось пятнами, сердце застучало, словно железный молот. Она не могла вымолвить и двух слов, ноги ее не слушались, колени подгибались. Довольная действием, которое произвела ее угроза, Цзинчжэнь громко рассмеялась.

— Не бойся, я шучу. Но если у тебя и на самом деле поселился гость, несправедливо скрывать его от меня и пользоваться всеми радостями и удовольствиями одной! Покажи-ка его скорее!

Кунчжао успокоилась и велела Дацину выйти.

Цзинчжэнь была на редкость хороша собою, и ее очарование пленяло всех, кто бы ее ни увидел. На вид ей можно было дать лет двадцать или немножко побольше. Она была старше Кунчжао, но своею прелестью намного ее превосходила.

— Где вы живете? — спросил Дацин.

静真道：“小尼即此庵西院，咫尺便是。”大卿道：“小生不知，失于奉谒。”两下闲叙半晌。静真见大卿举止风流，谈吐开爽，凝眸留盼，恋恋不舍。叹道：“天下有此美士，师弟何幸，独擅其美！”空照道：“师兄不须眼热。倘不见外，自当同乐。”静真道：“若得如此，佩德不浅。今晚奉候小坐，万祈勿外。”说罢，即起身别。回至西院，准备酒肴伺候。不多时，空照同赫大卿携手而来。女童在门口迎候。赫大卿进院，看时，房廊花径，亦甚委曲。三间净室，比东院的更觉精雅。但见：

潇洒亭轩，清虚户牖。画列江南烟景。香焚真腊沉檀。庭前修竹，风摇一派珮环声；帘外奇花，日照千层锦绣色。松阴入槛琴书润，山色侵轩枕簟凉。

静真见大卿已至，心中欢喜。不复叙礼，即便就坐。茶罢，摆上果酒肴馔。空照推静真坐在赫大卿身边，自己对面相陪。又扯女童打横而坐。四人三杯两盏，饮够多时。赫大卿把静真抱置膝上，又教空照坐至身边。一手勾着颈项儿，百般旖旎。旁边女童面红耳热，也觉动情。直饮到黄昏时分，空照起身道：“好做新郎，明日早来贺喜。”讨个灯儿，送出门口自去。女童叫香公关门闭户，进来收拾家火，将汤净过手脚。赫大卿抱着静真上床，解脱衣裳，钻入被中。酥胸紧贴，玉体相偎，赫大卿乘着酒兴，尽生平才学恣意搬演，把静真弄得魄消魂消，骨酥体软，四肢不收，委然席上。睡至巳牌时分，方才起来，自此之后，两院都买嘱了香公，轮流取乐。赫大卿淫欲无度，乐极忘归。将近两月，大卿自觉身子困倦，支持不来，思想回家。

— В этой же обители, только на западном дворе — в двух шагах отсюда.

— Я этого не знал и лишь потому не побывал у вас, чтобы засвидетельствовать свое уважение.

Они долго беседовали, и Цзинчжэнь была совершенно покорена красотою Дацина и его обращением, непринужденным и вместе с тем изысканным.

— Подумать только, какие прекрасные бывают в Поднебесной мужчины, — вздохнула она. — И за что тебе такое счастье, сестрица?

— Не завидуй мне, — сказала Кунчжао. — Раз у нас нет еще одного друга, будем делить радости на двоих.

— О! Доброта твоя безмерна! Если ты так решила, я прошу сегодня же вечером посетить мое скромное жилище, — сказала Цзинчжэнь и стала прощаться.

Возвратившись к себе, она тут же приготовила угощение и села в ожидании гостей. Скоро они появились, держась за руки. Послушница встречала их у входа.

Войдя в ворота, Дацин увидел галерею и прихотливо извивающиеся дорожки, обсаженные цветами. Дом Цзинчжэнь, разделенный на три залы, отличался еще большим изяществом, чем покой Кунчжао.

Прекрасны очертанья галерей.
Стоят, как стражи, сосны
у дверей.

Высоко к небу тянется бамбук.
И колокольцев так приятен
звук.

Лучи, играя, льются с высоты
На яркие, на свежие цветы.

Своим чудесным запахом сандал
Страницы книг и струны
пропитал.

А тени гор ложатся у окна,
И тонкая циновка холодна.

Когда Цзинчжэнь увидела Дацина, великолепное ликование наполнило ее душу. Не теряя времени, она пригласила гостей к столу. Появился чай, за ним — вино и закуски. Кунчжао посадила Хэ Дацина рядом с подругою, а сама села напротив. Сбоку поместилась послушница. Чарка следовала за чаркой; они потеряли счет времени. Хэ Дацин обнял Цзинчжэнь и привлек ее к себе на колени, затем, усадив рядом с собою Кунчжао, он обнял ее за шею и принял ласкать. При виде этого юная послушница покраснела, уши ее зарделись, а в сердце зашевелилось странное беспокойство. Наступили сумерки, и Кунчжао поднялась.

— Ну, жених, не подведи сваху. Завтра приду вас поздравить.

Она спросила фонарь и удалилась. Послушница велела служке запереть двери, а сама вернулась, чтобы прибрать комнату и подать монахине и гостю воды для омовения. Хэ Дацин поднял Цзинчжэнь на руки и отнес на ложе. Они сбросили одежду и скользнули под одеяло. Проснулись они лишь поздним утром.

С этого дня обе монахини покупали своих служек и делили любовные радости с гостем поочередно. Сила страсти Дацина была безмерна. Он был так счастлив, что даже забыл о семье. Прошло однако же месяца два, и Дацин ощутил недомогание и усталость. Он начал подумывать о том, чтобы вернуться

怎奈尼姑正是少年得趣之时，哪肯放舍。赫大卿再三哀告道：“多承雅爱，实不忍别。但我到此两月有余，家中不知下落，定然着忙。待我回去，安慰妻孥，再来陪奉。不过四五日之事，卿等何必见疑？”空照道：“既如此，今晚备一酌为饯，明早任君回去。但不可失信，作无行之人。”赫大卿设誓道：“若忘卿等恩德，犹如此日！”空照即到西院，报与静真。静真想了一回道：“他设誓虽是真心，但去了必不能再至。”空照道：“却是为何？”静真道：“是这样一个风流美貌男子，谁人不爱！况他生平花柳多情，乐地不少。逢着便留恋几时。虽欲要来，势不可得。”空照道：“依你说还是怎样？”静真道：“依我却有个绝妙策儿在此，教他无绳自缚，死心塌地守着我们。”空照连忙问计。静真伸出手叠着两个指头，说将出来，有分教赫大卿：

生于锦绣丛中，死在牡丹花下。

当下静真道：“今夜若说可行，多劝几杯，把来灌醉了，将他头发剃净，自然难回家去。况且面庞又像女人，也照我们妆束，就是达摩祖师亲来也相不出他是个男子。落得永远快活。且又不相干，岂非一举两便！”空照道：“师兄高见，非我可及。”到了晚上，静真教女童看守房户，自己到东院见了赫大卿道：“正好欢娱，因甚顿生别念？何薄情至此！”大卿道：“非是寡情，只因离家已久，妻孥未免悬望，故此暂别数日，即来陪侍。岂敢久抛，忘卿恩爱！”静真道：“师弟已允，我怎好勉强。但君不失所期，方为信人。”大卿道：“这个倒不须多嘱！”少顷，摆上酒肴，四尼一男，团团而坐。静真道：“今夜置此酒，乃离别之筵，须大家痛醉。”

домой, но молодые монахини, вкушившие сладость любви, ни за что его не отпускали. Много раз Дацин со слезами молил Кунчжао:

— Вы щедро одарили меня своею сладостной любовью, и теперь мне до крайности трудно с вами расстаться. Но я живу у вас уже больше двух месяцев, а дома никто не знает, что со мною сталося. Конечно, они очень тревожатся. Я только повидаю свою жену и сына и через четыре, самое большое пять дней вернусь. Неужели вы мне не верите?

— Ну что ж, в таком случае мы устроим сегодня проводы, а завтра ступайте. Но только, пожалуйста, не обманите нас!

— Разве могу я забыть вашу доброту и те дни, которые я с вами провел! — воскликнул Дацин.

Кунчжао немедленно направилась к подруге и рассказала ей о решении Дацина.

— Клятвам его я верю, и все-таки он уйдет и может больше не вернуться.

— Как так? — удивилась Кунчжао.

— А вот как! Кто не залюбуется на такого красавца, с таким тонким и изящным обращением? Да и сам он ветренник, каких мало; а веселые места попадаются на каждом шагу. Встретит он красотку, вспыхнет любовью и — прощай Дацин! Выходит, что он хоть и обещал вернуться, а ждать можно совсем иного.

— Что же нам делать?

— Не тревожься! Мы без веревок опутаем нашего Дацина по рукам и ногам, и он волей-неволей останется с нами.

— Что ты надумала? — с любопытством спросила Кунчжао.

Подруга вытянула руку, загнула два пальца и принялась объяснять:

— Сегодня за прощальным ужином мы его подпоим, а когда он захмелеет, обреем его, и тогда уж ему от нас не уйти! Вдобавок лицом он похож на женщину — мы нарядим его в наши платья, и тогда даже сам Бодхисатва не догадается, кто он такой. А нам только этого и надо — мы будем вкушать радость и веселье, ни о чем не беспокоиться, — сказала Цзинчэн.

— Твоей ловкости мне, видно, никогда не достигнуть, — сказала восхищенная Кунчжао.

Вечером Цзинчэн приказала послушнице присматривать за домом, а сама отправилась к Кунчжао.

— Ведь мы жили так счастливо, почему же вы покидаете нас с такой поспешностью? Вы совершенно к нам равнодушны! — сказала она Дацину.

— Нет, не равнодущие уводят меня от вас, а то, что я так давно не был дома, и моя семья, наверное, в величайшей тревоге. Но через несколько дней я вернусь к вам снова. Разве можно забыть о вашей доброте и оставить вас на долгий срок? — воскликнул Хэ Дацин.

— Если моя подруга согласилась, то я и спорить не стану. Но поверим мы вам только тогда, когда вы вернетесь, и вернетесь в срок.

— Так оно и будет, можете не сомневаться!

Тут появилось угощение, и все сели за стол.

— Нынче вечер прощания и разлуки, и потому не грешно выпить побольше, — сказала Цзинчэн.

照道：“这个自然！”当下更番劝酬，直饮至三鼓，把赫大卿灌得烂醉如泥，不省人事。静真起来，将他巾帻脱下，空照取出剃刀，把头发剃得一茎不存，然后扶至房中去睡，各自分别就寝。赫大卿一觉，直至天明，方才苏醒。旁边伴的却是空照。翻身来，觉得精头皮在枕上抹过。连忙把手摸时，却是一个精光葫芦。吃了一惊，急忙坐起，连叫道：“这怎么说？”空照惊醒转来，见他大惊小怪，也坐起来道：“郎君不要着恼！因见你执意要回，我师徒不忍分离，又无策可留，因此行这苦计，把你也要扮做尼姑，图个久远快活。”一头说，一头即倒在怀中，撒娇撒痴，淫声浪语，迷得个赫大卿毫无张主。乃道：“虽承你们好意，只是下手太狠！如今教我怎生见人？”空照道：“待养长了头发，见也未迟。”赫大卿无可奈何，只得依她，做尼姑打扮，住在庵中，昼夜淫乐。空照、静真已自不肯放空，又加添两个女童：

或时做联床会，或时做乱点军。那壁厢贪淫的肯行谦让？这壁厢买好的敢惜精神？两柄快斧不够劈一块枯柴，一个疲兵怎能当四员健将。灯将灭而复明，纵是强阳之火；漏已尽而犹滴，哪有润泽之时。任教铁汉也消熔，这个残生难过活。

大卿病已在身，没人体恤。起初时还三好两歉，尼姑还认是躲避差役。

— О, конечно, конечно! — поддержала ее Кунчжао.

Обе принялись сердечно почтевать Дацина. К третьему удару барабана он совсем охмелел и уже ничего не соображал. Цзинчжэнь сняла с него платок, а Кунчжао взялась за бритву, и скоро на голове у гуляки не осталось ни волоска. Монахини вдвоем отнесли его на постель, а потом и сами разошлись по своим спальням.

Утром, открывши глаза, Хэ Дацин увидел, что рядом с ним в постели лежит Кунчжао. Он перевернулся с одного бока на другой и вдруг почувствовал, что голова как-то непривычно скользит по подушке. Он ощупал голову рукою — она была гладкая, как тыква. В испуге он подскочил на кровати и закричал:

— Что это случилось со мною?

Кунчжао проснулась и сказала ему так:

— Не пугайтесь! Когда мы убедились, что намерение ваше твердо и неизменно, мы поняли, что не перенесем разлуки, и только потому отважились на этот дерзкий и злой поступок. Ведь иного средства удержать дорогого гостя у нас нет. А теперь мы хотим одеть вас монахиней, чтобы вы всегда доставляли нам радость.

Кунчжао прильнула к нему с величайшею нежностью. Ее страстные слова, сулившие новые, еще более сладостные ласки, вскружили Дацину голову, и он промолвил нерешительно:

— Вы сыграли надо мною злую шутку, пусть даже и из добрых побуждений. Как я теперь покажусь на глаза людям?

— Волосы быстро отрастут, ждать придется недолго.

Дацину пришлось уступить. Он переоделся монахиней и продолжал жить в обители, день и ночь предаваясь любовным утехам. Кунчжао и Цзинчжэнь не давали ему ни отдыха, ни поблажки, а вскоре к ним присоединились и две юные послушницы Кунчжао.

Порой Кунчжао с юношей была,
Порой Цзинчжэнь его к себе
звала.

Порой, дневные завершив дела,
Они все вместе шли из-за
стола.

Вонзились в ствол два острых
топора,
Но дерево стоит, как и вчера.

А воину — пусть он в бою
неплох —
Легко ли биться против
четырех?

Почти погасла лампа, но на миг
Последний яркий пламень в ней
возник.

Уже почти что пуст часов сосуд,
Но капли редкие еще текут.

Как будто им дано восстановить
Часов и дней разорванную
нить...

Будь из железа наш любитель
жен —
Ведь и тогда расплавился бы он.

Неутомим, он долго все сносил
И наконец совсем лишился сил.

Дацин начал хиреть, но никто даже замечать не хотел его недуга. В первое время, когда Хэ Дацин пытался отказываться от любовных забав, монахиням казалось, будто он просто-напросто увиливает от главной своей обязанности. Вско-

次后见他久眠床褥，方才着急。意欲送回家去，却又头上没了头发，怕他家盘问出来，告到官司，败坏庵院，住身不牢。若留在此，又恐一差两误，这尸首无处出脱，被地方晓得，弄出事来，性命不保。又不敢请觅医人看治。只教香公去说病讨药。犹如浇在石上，哪有一些用处。空照、静真两个，煎汤送药，日夜服侍。指望他还有痊好的日子。谁知病势转加，淹淹待毙。空照对静真商议道：“赫郎病体，万无生理，此事却怎么处？”静真想了一想道：“不打紧！如今先教香公去买下几担石灰。等他走了路，也不要寻外人收拾；我们自己与他穿着衣服，依般尼姑打扮。棺材也不必去买。且将老师父寿材来盛了。我与你同着香公女童相帮抬到后园空处，掘个深穴，将石灰倾入，埋藏在内，神不知，鬼不觉，哪个晓得！”不提二人商议。且说赫大卿这日睡在空照房里，忽地想起家中，眼前并无一个亲人，泪如雨下。空照与他拭泪，安慰道：“郎君不须烦恼！少不得有好的日子。”赫大卿道：“我与二卿邂逅相逢，指望永远相好。谁想缘分浅薄，中道而别，深为可恨。但起手原是与卿相处。今有一句要紧话儿，托卿与我周旋。万乞不要违我。”空照道：“郎君如有所嘱，必不敢违。”赫大卿将手向枕边取出一条鸳鸯绦来——如何唤做鸳鸯绦？原来这绦半条是鹦哥绿，半条是鹅儿黄，两样颜色合成，所以谓之鸳鸯绦——当下大卿将绦付与空照，含泪而言道：“我自到此，家中分毫不知。今将永别，可将此绦为信，报知吾妻，教她快来见我一面，死亦瞑目。”空照接绦在手，忙使女童请静真到厢房内，将绦与她看了，商议报信一节。静真道：“你我出家之人，私藏男子，已犯明条。况又弄得淹淹欲死。他浑家到此，怎肯干休，必然声张起来。你我如何收拾？”

Женщина сидела на полу в темноте, плакала и говорила о своем муже.

ре, однако ж, он до того ослабел, что подолгу не мог подняться с постели, и тут они не на шутку встревожились. Сперва они хотели отправить его домой, но волосы у Дацана еще не отросли, а монахини боялись, как бы родня гулящего, узнав правду, не обратилась в суд. Тогда им не сдобривать, да и самой обители, пожалуй, грозит бесславный конец. Но и оставлять больного нельзя! Что если случится непоправимое и он умрет — мертвое тело ведь никуда не спрячешь! Дознаются местные власти, все обнаружится, и беды не миновать. Даже лекаря пригласить и то опасно. Оставалось лишь одно — послать служку к врачу, чтобы он рассказал о болезни, спросил совета и купил лекарств. Дни и ночи монахини настаивали целебные травы и выхаживали больного в надежде, что он поправится. Но было уже поздно: Дацану становилось все хуже, он уже едва дышал.

— Что делать? Что делать? Ведь он кончается! — воскликнула в смятении Кунчжао.

— Ничего! — ответила ее подруга, подумав. — Скажем служке, чтобы он купил несколько даней известии. Когда Дацан умрет, мы собственными руками обрядим его в монашеское платье и положим в гроб. А гроб у нас уже есть — тот, что приготовлен для настоятельницы. Вместе с прислужниками и послушницами мы отнесем тело в дальний конец сада, выроем яму поглубже, а гроб засыплем известью. Так склоним, что ни добрые духи, ни злые бесы не отыщут!

В этот самый день Хэ Дацан лежал в комнате Кунчжао. Он вспомнил свой дом и горько заплакал

при мысли, что умирает вдали от родных.

— Не огорчайтесь, господин! — пыталась утешить его Кунчжао, отирая слезы, которые катились из его глаз. — Вы скоро поправитесь.

— Случай свел меня с вами. Я думал, что счастье будет сопутствовать нам вечно, но судьба безжалостна, и, как ни горько, нам приходится расстаться на полпути. С тобою первой вкусила я любовь в этой обители и потому именно тебя хочу просить о помощи. Это очень важно для меня, не отвергай же мою просьбу.

— Говорите, господин, разве я смогу вам отказать! — воскликнула Кунчжао.

Хэ Дацан вытащил из-под подушки ленту. Она была двухцветная — половина изумрудная, как оперение попугая, половина желтоватая, словно кошачья шкурка. Это цвета уточек-неразлучниц — символ супружеской верности. Дацан протянул ленту монахине и, глотая слезы, промолвил:

— С того дня, как я у вас, я ничего не знаю о своей семье. Последнее мое желание, чтобы ты передала эту ленту моей жене. Она сразу все поймет и придет проститься со мною. Тогда я смогу умереть спокойно.

Кунчжао тотчас велела послушнице сходить за Цзинчжэнью. Узнав о просьбе Хэ Дацина, Цзинчжэнь сказала:

— Мы скрыли в обители мужчину и тем нарушили все святые заповеди до единой. Мало того — мы довели нашего гостя до гибели. Если здесь появится его жена, едва ли она согласится молчать. Что мы тогда станем делать?

空照到底是个嫩货，心中犹豫不忍。静真劈手夺取绦来，望着天花板上一丢，眼见得这绦有好几时不得出世哩。空照道：“你撇了这绦儿，教我如何去回复赫郎？”静真道：“你只说已差香公将绦送去了，他娘子自不肯来，难道问我个违限不成？”空照依言回复了大卿。大卿连日一连问了几次，只认浑家怀恨，不来看他，心中愈加凄惨，呜呜而泣。又挨了几日，大限已到，呜呼哀哉。

地下忽添贪色鬼，人间不见假尼姑。

二尼见他气绝，不敢高声啼哭，饮泣而已。一面烧起香汤，将他身子揩抹干净，取出一套新衣，穿着停当，叫起两个香公，将酒饭与他吃饱，点起灯烛，到后园一株大柏树旁边，用铁锹掘了个大穴，倾入石灰，然后抬出老尼姑的寿材，放在穴内。铺设好了，也不管时日利也不利，到房中把尸首翻在一扇板门之上。众尼相帮香公，扛至后园，盛殓在内。掩上材盖，将就钉了。又倾上好些石灰，把泥堆上，匀摊与平地一般，并无一毫形迹。可怜赫大卿自清明日缠上了这尼姑，到此三月有余，断送了性命，妻孥不能一见，撇下许多家业，埋于荒园之中，深为可惜！有小词为证：

贪花的，这一番你走错了路！千不合，万不合，不该缠那小尼姑！小尼姑是真色鬼，怕你缠她不过。头皮儿都擂光了，连性命也呜呼！埋在寂寞的荒园，也这是贪花的结果。

话分两头，且说赫大卿浑家陆氏，自从清明那日赫大卿游春去了，四五日不见回家。只道又在哪个娼家留恋，不在心上。已后十来日不回，叫家人各家去挨问，都道清明之后，从不曾见。陆氏心上着忙。看看一月有余，不见踪迹。陆氏在家日夜啼哭，

~~~~~

Кунчжао, нравом более мягкая и уступчивая, чем ее подруга, была в замешательстве. Тут Цзинчжэн выхватила у нее из рук ленту и бросила под самый потолок. Знак супружеской верности зацепился за балку и повис. Как долго он теперь не появится на свет?

— Что я скажу Хэ Дацину? — воскликнула Кунчжао в испуге.

— Скажи, что мы послали ленту со служкой. Нас он ни в чем не заподозрит, даже если жена и не придет.

Несколько дней подряд Хэ Дацинправлялся, нет ли каких известий, а потом решил, что жена обиделась и не хочет к нему прийти. Он впал в отчаяние, громко стонал и плакал и немного спустя достиг великого рубежа своих дней и скончался:

В загробный мир ушел Дацин,
Бездумный и блудливый —
И больше нет в монастыре
Монахини фальшивой.

Монахини всхлипывали втихомолку — громко рыдать они боялись. Они омыли тело Хэ Дацина душистою водою, обрядили его в новое монашеское одеяние, а потом, кликнув обоих прислужников, досытая их накормили и с горящими свечами в руках направились в дальний конец сада к огромному кипарису. Прислужники вырыли глубокую яму, насыпали в нее известки и поставили гроб настоятельницы. Потом возвратились в покой Кунчжао, положили умершего на створку двери и понесли к могиле. Монахини уложили Дацина в гроб, прислужники плотно закрыли крышку и заколотили гроб гвоздями. Сверху они насыпали еще известки,

завалили яму землей и все старательно разровняли, так что никаких следов погребения не осталось.

Бедняга Хэ Дацин! Со дня праздника Поминовения усопших, когда он впервые повстречался с монахинями, прошло немногим более трех месяцев, а жизни его уже настал конец! Перед смертью он так и не увидел ни жены, ни сына. Промотав значительную часть своего состояния, он обрел конец в могиле, вырытой в заброшенном саду. Поистине судьба этого человека достойна глубочайшего сожаления. Верно говорит о нем следующее стихотворение:

Совет мой: духов злых не трогай,
Иди всегда прямой дорогой.
Что привело тебя в обитель,
Запретных радостей любитель?

Тебя монахини обрили,
Потом в глухом саду зарыли.

В могиле потаенной скрыли.
Нет на земле твоих следов.

Таков конец
Любителя цветов.

А теперь мы обратимся к жене умершего — госпоже Лу. Первые четыре или пять дней после праздника Поминовения она несколько не тревожилась о муже, в полной уверенности, что он веселится с певичками в каком-нибудь из домов радости. Но прошло еще дней десять, а Дацин все не возвращался. Госпожа Лу послала слугу обойти все веселые дома и расспросить о муже. Оказалось, что после праздника его никто не видел. Миновал месяц — Хэ Дацин пропал, как в воду канул. Госпожа Лу встревожилась не на шутку. Она плака-

下招子，各处粘贴，并无下落。合家好不着急！那年秋间久雨，赫家房子倒坏甚多。因不见了家主，无心葺理。直至十一月间，方唤几个匠人修造。一日，陆氏自走出来，计点工程，一眼觑着个匠人，腰间系一条鸳鸯绦儿，依稀认得是丈夫束腰之物，吃了一惊。连忙唤丫鬟教那匠人解下来看。这匠人叫做蒯三，泥水木作，件件精熟，有名的三料匠。赫家是顶门主顾，故此家中大小无不认得。当下见掌家娘子要看，连忙解下，交于丫鬟。丫鬟又递与陆氏。陆氏接在手中，反覆仔细一认，分毫不差。只因这条绦儿，有分教：

贪淫浪子名重播，稔色尼姑祸忽临。

原来当初买这绦儿，一样两条，夫妻各系其一。今日见了这绦，物是人非，不觉扑簌簌流下泪来。即叫蒯三问道：“这绦你从何处得来的？”蒯三道：“在城外一个尼姑庵里拾的。”陆氏道：“那庵叫什么庵？尼姑唤甚名字？”蒯三道：“这庵有名的非空庵。有东西两院，东房叫做空照，西房叫做静真。还有几个不曾剃发的女童。”陆氏又问：“那尼姑有多少年纪了？”蒯三道：“都只好二十来岁。倒也有十分颜色。”陆氏听了，心中揣度：“丈夫一定恋着那两个尼姑，隐他庵中了。我如今多着几个人将了这绦，叫蒯三同去做个证见，满庵一搜，自然出来的。”方才转步，忽又想道：“焉知不是我丈夫掉下来的？且莫要枉杀了出家人。再问他个备细。”陆氏又叫住蒯三问道：“你这绦几时拾的。”蒯三道：“不上半月。”陆氏又想道：“原来半月之前，丈夫还在庵中。事有可疑！”又问道：“你在何处拾的？”蒯三道：“在东院厢房内，天花板上拾的。也是大雨中淋漏了屋，教我去翻瓦，故此拾得。不敢

la, не переставая, и наконец решила расклепать повсюду объявления о пропаже. Все было попусту!

Надвинулась осень, лили затяжные дожди. Дом Хэ Дацина во многих местах дал трещины и расселся, но госпожа Лу не хотела нанимать мастеров без хозяина. Наступила, однако же, одиннадцатая луна, и мастеров все-таки пришлось позвать. Однажды, когда госпожа Лу расплачивалась за сделанную работу, ее внимание вдруг привлекла лента, которую был опоясан один из мастеровых. Лента в точности походила на ту, что обычно носил ее исчезнувший супруг. Сильно встревоженная, она велела служанке сказать мастеровому, чтобы он дал ей взглянуть на ленту поближе. Звали этого мастерового Третим Куаем. Он был сведущ в гончарном, столярном и строительном ремеслах, был знаком каждому в доме богача Хэ. Куай тотчас исполнил просьбу хозяйки, и лента оказалась в руках госпожи Лу. Внимательно осмотрев ленту со всех сторон, она убедилась, что ошибки быть не может: эта лента принадлежала ее мужу. Об этом можно сказать стихами:

О людях память никогда
Не исчезает без следа;
И вот монахиням грозит
Неотвратимая беда.

Когда-то давно супруги купили две одинаковые ленты — одну мужу, другую жене. Хэ Дацин исчез, но след его, оказывается, нестерся без остатка!

Когда госпожа Лу увидела ленту, из ее глаз невольно брызнули слезы.

— Где ты взял эту ленту? — спросила она Куая.

— Я нашел ее в загородной обители, у монахинь.

— Как называется обитель и как зовут монахинь?

— Обитель Отрешения от мирской суеты. В монастыре два двора — восточный и западный. Восточный занимает монахиня Кунчжао, западный — Цзинчжэн. С ними живут несколько послушниц, которые еще не приняли пострига.

— А сколько лет этим монахиням?

— Около двадцати. И обе хороши собой.

«Не иначе как муж спутался с этими монахинями и скрывается у них, — подумала госпожа Лу, услышав ответ мастерового. — Возьму-ка я с собой слуг, позову Куая в свидетели и сегодня же пойду в этот монастырь. Все вверх дном переверну, а правду узнаю. — Госпожа Лу была уже готова взяться за дело, но вдруг ее охватили сомнения: — А что если муж просто обронил эту ленту. Тогда я погублю монахинь без вины. Нет, надо сперва хорошенько все разузнать».

— Скажи: а когда ты нашел у них ленту? — спросила она Куая.

— С полмесяца назад, не больше.

«Выходит, полмесяца назад муж был еще там? Как же это понять?»

— А где ты ее нашел?

— В восточном флигеле, на балке под потолком. Там стала протекать крыша, и меня позвали переложить черепицу, вот тогда я и нашел эту ленту. Осмелюсь

动问大娘子，为何见了此缘，只管盘问？”陆氏道：“这缘是我大官人的。自从春间出去，一向并无踪迹。今日见了这缘，少不得缘在哪里，人在哪里。如今就要同你去与尼姑讨人。寻着大官人回来，照依招子上重重谢你。”蒯三听罢，吃了一惊：“哪里说起！却在我身上要人！”便道：“缘便是我拾得，实不知你们大官人事体。”陆氏道：“你在庵中共做几日工作？”蒯三道：“西院共有十来日，至今工钱尚还我不清哩。”陆氏道：“可曾见我大官人在她庵里么？”蒯三道：“这个不敢说谎，生活便做了这几日，任我们穿房入户，却从不曾见大官人的影儿。”陆氏想道：“若人不在庵中，就有此缘，也难凭据。”左思右算，想了一回，乃道：“这缘在庵中，必定有因。或者藏于别处，也未可知。适才蒯三说庵中还少工钱。我如今赏他一两银子，教他以讨银为名，不时去打探，少不得露出些圭角来。那时着在尼姑身上，自然有个下落。”即唤过蒯三，吩咐如此如此，恁般恁般。“先赏你一两银子。若得了实信，另有重谢。”那匠人先说有一两银子，后边还有重谢，满口应承，任凭差遣。陆氏回到房中，将白银一两付与，蒯三作谢回家。

到了次日，蒯三挨到饭后，慢慢地走到非空庵门口。只见西院的香公坐在门槛上，向着日色脱开衣服捉虱子。蒯三上前叫声香公。那老儿抬起头来，认得是蒯匠，便道：“连日不见。怎么有工夫闲走？院主正要寻你做些小生活，来得凑巧。”蒯匠见说，正合其意。便道：“不知院主要做甚么？”香公道：“说便恁般说，连我也不知。同进去问，便晓得。”把衣服束好，一同进来。弯弯曲曲，直到里边净室中。静真坐在那里写经。香公道：“院主，蒯待诏在此。”静真把笔放下道：“刚要着香公来叫你做生活，恰来得正好。”蒯三道：“不知院主要做甚样生活？”静真道：“佛前那张供桌，原是祖传下来的。年深月久，漆都剥落了。一向要换，没有个施主。前日蒙钱奶奶发心舍下几根木子。今要照依东院一般做张佛柜。选着明日是个吉期，便要动手。必得你亲手制造；那样没用副手，一个也成不得的。

спросить у вас, госпожа: отчего она вас так занимает?

— Эта лента моего мужа: С самой весны о нем ни слуху ни духу. Я увидела ленту и подумала: где вещь, там и хозяин. Хочу сегодня же пойти вместе с тобою в обитель и спросить у монахинь про мужа. Если удастся его разыскать, я щедро тебя отблагодарю.

— Что вы, что вы, госпожа? Я то тут при чем? — испугался мастеровой.— Ленту я нашел — это верно, но о вашем уважаемом супруге знать ничего не знаю!

— Сколько дней ты у них проработал?

— Больше десяти, считая и работы на западном дворе. Они еще со мною до конца не рассчитались.

— А моего мужа не видел?

— За эти дни я обошел все помещения, но вашего хозяина нигде не встречал, верьте слову.

«Если его там нет, ничего не докажешь, хотя бы и с этой лентой! — подумала госпожа Лу. — Но лента оказалась в монастыре неспроста. Третий Куай сказал, что монахини еще с ним не разошлись. Дам я ему лян серебра, и пусть он все там разузнает, когда будет рассчитываться. Глядишь — и откроются какие-нибудь следы. Если муж жил у монашек, след должен остаться».

— Я дам тебе лян серебра. Если выведаешь правду, получишь еще.

И госпожа Лу объяснила мастеровому, что надо делать.

Услышав про деньги, мастер согласился выполнить поручение. Госпожа Лу вынесла ему серебро, Куай поблагодарил и ушел.

На другой день после завтрака Третий Куай отправился в обитель Отрещения от мирской суеты. У входа в западный двор он увидел прислужника. Тот сидел на пропеке, скинув халат, и был вшей. Куай окликнул его. Прислужник поднял голову, узнал мастерового и сказал:

— А, Третий Куай! Давно тебя не видно. Удалось, видно, выкроить свободный часок? Ты пришел кстати: наставница из западного двора спрашивала про тебя — ты ей нужен.

Это как нельзя лучше отвечало планам Куая.

— А не знаешь, зачем я ей понадобился?

— Точно не знаю. Пойдем к ней, сам спросишь.

Он надел халат и поднялся. Прихотливо извивавшаяся дорожка привела их к покоям монахини. Цзинчжэн переписывала сутры.

— Наставница, пришел мастер Куай, — доложил служка.

Монахиня положила кисть.

— Я как раз хотела послать за тобою прислужника, а ты уже здесь. Прекрасно!

— Что угодно наставнице?

— Перед статуей Будды стоит поминальный столик старинной работы. За долгие годы лак на нем совсем облез. Я давно хочу его подновить, да все пожертвований, не было. А тут, на наше счастье, матушка Цянь расщедрилась и пожертвовала несколько досок. Мне хотелось бы, чтобы столик получился в точности такой, как в воссточном приделе. Завтра день счастливый, можешь приступить к делу. Работать будешь сам, без помощников — ты и один справишься,

工钱索性一并罢。”蒯三道，“恁样，明日准来。”口中便说，两只眼四下瞧看。静室内空空的，料没个所在隐藏。即便转身，一路出来，东张西望。想道：“这缘在东院拾的，还该到那边去打探。”走出院门，别了香公，径到东院。见院门半开半掩，把眼张看，并不见个人儿。轻轻地推将进去，捏手捏脚逐步步走入。见锁着的空房，便从门缝中张望，并无声息。却走到厨房门首，只听得里边笑声，便立定了脚，把眼向窗中一觑，见两个女童搅做一团玩耍。须臾间，小的跌倒在地，大的便扛起双足，跨上身去，学男人行事，捧着亲嘴。小的便喊。大的道：“孔儿也被人弄大了，还要叫喊！”蒯三正看得得意，忽地一个喷嚏，惊得那两个女童连忙跳起，问道：“哪个？”蒯三走近前去，道：“是我。院主可在家么？”口中便说，心内却想着两个举动，忍笑不住，格的笑了一声。女童觉道被他看见，脸都红了，道：“蒯待诏，有甚说话？”蒯三道：“没有甚话。要问院主借工钱用用。”女童道：“师父不在家里，改日来罢。”蒯三见回了，不好进去，只得覆身出院。两个女童把门关上，口内骂道：“这蛮子好像做贼的，声息不见，已到厨下了，恁样可恶！”蒯三明明听得，未见实迹，不好发作。一路思想：“孔儿被人弄大，这句话虽不甚明白，却也有些蹊跷。且到明日再来探听。”至次日早上，带着家伙，径到西院，将木子量划尺寸，运动斧锯裁截。手中虽做家伙，一心察听赫大卿消息。约莫未牌时分，静真走出观看。两下说了一回闲话。忽然抬头见香灯中火灭，便教女童去取火。女童去不多时，将出一个灯盏火儿，放在桌上，便去解绳，放那香灯。不想绳子放得忒松了，那盏灯望下直溜。事有凑巧，物有偶然，香灯刚落下来，恰好静真立在其下，不歪不斜，正打在她的头上。扑的一声，那盏灯碎做两片，这油从头直浇到底。静真心中大怒，也不顾身上油污，赶上前一把揪住女童头发，乱打乱踢，口中骂着：“骚精淫妇娼根，被人入昏了，

а деньги получишь сразу за все — и за прежнюю работу, и за эту.

— Ну что ж, завтра и начнем,— согласился Куай, а тем временем внимательно огляделся вокруг.

Комната почти пустая, человеку здесь не склониться. Он вышел и снова огляделся. «Ленту я нашел в восточном дворе, там и надо разведать», — решил он. Он простился с прислужником и направился к восточному двору. Ворота были приоткрыты. Куай заглянул внутрь — двор был пуст. Он проскользнул ворота и подошел к дому. На деревьях висел замок. Куай прильнул ухом к щели — внутри все было тихо. Куай приблизился к кухне. Оттуда раздался смех. Он замедлил шаги и поглядел в окно: в кухне играли и ревелись две послушницы. Одна, поменьше, упала на пол, а другая, как можно было догадаться, изображала мужчину: расставила ноги, села на подружку вверхом и старалась ее поцеловать. Младшая что-то крикнула.

— Чего кричишь, ведь в твои ворота уже входили! — сказала старшая.

Третий Куай от души веселился, глядя на это зрелище. Но внезапно в носу у него засипало, и он громко чихнул. Перепуганные послушницы вскочили на ноги:

— Кто там? — воскликнули обе в один голос.

— Это я. Наставница дома? — сказал Куай и подошел к двери, но, вспомнив только что увиденное, не смог сдержаться и рассмеялся.

Послушницы поняли, что мастеровой подсматривал за ними, и покраснели.

— Какое у тебя дело, мастер Куай? — спросили они.

— Дело нехитрое: пришел к вашей наставнице за деньгами.

— Ее нет дома, вернется через несколько дней.

Куаю ничего не оставалось как уйти. Послушницы заперли дверь и принялись бранить мастерового на чем свет стоит.

— Дикарь! Подкрался, словно вор. Негодяй!

Подслушанный разговор — еще не улика, а никаких следов исчезнувшего Дацина Куай не обнаружил. «И все-таки беседа этих девчонок подозрительна, — думал он. — Правда, я не все понял, но не беда: завтра возьмемся за дело сызнова».

На следующее утро он пришел со столярной снастью на западный дворик. Обмерив доски, он их распилил и принял обстругивать. За работой он беспрерывно раздумывал над тем, как бы раздобыть сведения о Хэ Дацине. В середине дня из дома вышла Цзинчжэн. Перекинувшись с мастером несколькими незначащими словами, она подняла голову и заметила, что лампада почти погасла. Цзинчжэн велела послушнице принести огня. Послушница вернулась с новой плошкой и, поставив ее на столик, принялась распускать веревку, на которой висела лампада. По неосторожности она слишком быстро ослабила веревку, лампада полетела вниз и, угодив прямо в голову стоявшей внизу монахини, раскололась пополам. Масло выплеснулось и обрызгало монахиню с головы до пят. Цзинчжэн вне себя от ярости бросилась к послушнице и схватила ее за волосы.

— Грязная девка! Потаскуха! Тебе вскружили голову, и ты уже

全不照管，污我一身衣服！”蒯三撇下手中斧凿，忙来解劝开了。静真怒气未息，一头走，一头骂，往里边更换衣服去了。那女童打得头发散做一背，哀哀而哭。见她进去，口中喃喃地道：“打翻了油便恁般打骂！你活活弄死了人，该问甚么罪哩？”蒯三听得这话，即忙来问。正是：

情知语似钩和线，从头钓出是非来。

原来这女童年纪也在当时，初起见赫大卿与静真百般戏弄，心中也欲得尝尝滋味。怎奈静真情性利害，比空照大不相同，极要拈酸吃醋。只为空照是首事之人，姑容了她。汉子到了自己房头，囫囵吃在肚子，还嫌不够，怎肯放些须空隙与人！女童含忍了多时，衔恨在心。今日气怒间，一时把真话说出。不想正凑了蒯三之趣。当下蒯三问道：“她怎么弄死了人？”女童道：“与东房这些淫妇，日夜轮流快活，将一个赫监生断送了。”蒯三道：“如今在哪里？”女童道：“东房后园大柏树下埋的不是？”蒯三还要问时，香公走将出来，便大家住口。女童自哭向里边去了。蒯三思量这话，与昨日东院女童的正是暗合，眼见得这事有九分了。不到晚，只推有事，收拾家伙，一口气跑至赫家，请出陆氏娘子，将上项事一一说知。陆氏见说丈夫死了，放声大哭。连夜请亲族中商议停当，就留蒯三在家宿歇。到次早，唤集童仆，共有二十来人，带了锄头铁锹斧头之类，陆氏把孩子教养娘看管，乘坐轿子，蜂涌而来。那庵离城不过三里之地，顷刻就到了。陆氏下了轿子，留一半人在门口把住，其余的担着锄头铁锹，随陆氏进去。蒯三在前引路，

ничего кругом не видишь! Испоганила мне все платье!

Куай отложил в сторону свою счастье и поспешил на помощь девочке. Цзинчжэн, кипя от злости, разжалла руки и, не переставая поносить послушницу, пошла в дом, чтобы переменить платье. Послушница жалобно плакала, волосы ее растрепались и рассыпались по спине. Когда монахиня ушла, она пробормотала:

— Так искошотить меня за то, что я разлила масло! А сама человека в гроб вогнала. Вот бы спросить с нее за это!

Третий Куай поспешил воспользоваться случаем.

Слова что леска и крючок,
Бери же их смелей,
И правду выудишь легко,
Сумеешь ложь поймать.

Юная послушница была в том возрасте, когда впервые пробуждается любопытство к любовным играм. Видя, как Хэ Дацин забавляется с монахинями, она тоже хотела изведать вкус этих забав. Однако, в отличие от Кунчжао, Цзинчжэн отличалась нравом крутым и строптивым. С самого начала она ревновала Дацина к Кунчжао и соглашалась делиться с подругою лишь потому, что той принадлежало первенство в их общей связи. Когда гость оказался в ее комнате, она твердо решила проглотить его одна, без чужой помощи. О том, чтобы дать послушнице ее долю, хотя бы самую малую, не могло быть и речи! Послушница терпела, терпела, но в конце концов в ее сердце родилась ненависть к наставнице. И сегодня, во власти обиды и возмущения, она открыла

тайну, даже не подозревая, с каким вниманием Третий Куай ловит каждое ее слово.

— Как же она уморила человека? — спросил мастер.

— Вместе с той распутницей из восточного двора. День и ночь они по очереди развлекались с господином Хэ и в конце концов свели его в могилу.

— А куда дели труп?

— Позади восточного двора есть заглохший сад. Там его и зарыли под кипарисом.

Третий Куай хотел задать еще вопрос, но в этот миг вошел прислужник, и они умолкли. Девочка, не переставая плакать, ушла. Третий Куай сравнял ее рассказ с разговором, подслушанным накануне. Несомненно, между тем и другим была какая-то связь. Теперь Куай узнал почти все, что хотел. Не закончив работу, он поспешил собрать свою счастье и, сославшись на неотложное дело, опрометью помчался в дом Хэ.

К нему вышла госпожа Лу, и он подробно рассказал ей обо всем, что узнал. Услыхав о смерти мужа, госпожа Лу залилась слезами. В тот же день она созвала родню, чтобы, посоветоваться, как быть дальше, а Третьего Куая оставила ночевать. Наутро госпожа Лу собрала человек двадцать слуг и велела каждому взять заступ, лопату или топор. Оставив сына на попечение няньки, она села в паланкин. Слуги двинулись за нею следом. Быстро прошли они три ли и оказались у ворот обители. Госпожа Лу соскочила на землю. Часть своих людей она оставила караулить ворота, а с остальными проникла в обитель. Третий Куай повел их

径来到东院扣门，那时庵门虽开，尼姑们方才起身。香公听得扣门，出来开，看见有女客，只道是烧香的，进去报与空照知道。那蒯三认得里面路径，引着众人，一直望里边径闯。劈面遇着空照。空照见蒯三引着女客，便道：“原来是蒯待诏的宅眷。”上前相迎。蒯三、陆氏也不答应，将她挤在半边。众人一溜烟向园中去了。空照见势头勇猛，不知有甚缘故，随脚也赶到园中。见众人不到别处，径至大柏树下，运起锄头铁锹，四下乱掘。空照知事已发觉，惊得面如土色。连忙翻身进来，对着女童道：“不好了！赫郎事发了！快些随我来逃命！”两个女童都吓得目瞪口呆，跟着空照转身而走。方到佛堂前，香公来报说：“庵门口不知为甚，许多人守住，不容我出去。”空照连声叫：“若也！且往西院去再处。”四人飞走到西院，敲开院门，吩咐香公闭上。“倘有人来扣，且勿要开。”赶到里边，那时静真还未起身，门尚闭着。空照一片声乱打。静真听得空照声音，急忙起来，穿着衣服，走出问道：“师弟为甚这般忙乱？”空照道：“赫郎事体，不知哪个漏了消息，蒯木匠这天杀的，同了许多人径赶进后园，如今在那里发掘了。我欲要逃走，香公说门前已有人把守，出去不得。特来与你商议。”静真听说，吃这一惊，却也不小！说道：蒯匠昨日也在这里做生活，如何今日便引人来？却又知得怎般详细。必定是我庵中有人走漏消息，这奴狗方才去报新闻。不然，何由晓得我们的隐事。”那女童在旁闻得，懊悔昨日失言，好生惊惶，东院女童道：“蒯匠有心，想非一日了。前日便悄悄直到我家厨下来打听消耗，被我们发作出门。

蒙古文

к восточному двору и постучал в дверь. На стук вышел прислужник. Увидев женщину, он решил, что она хочет воскурить благовония перед статуей Будды, и пошел доложить Кунчжао. Воспользовавшись этим, Куай, который знал здесь все ходы и выходы, повел госпожу Лу и ее слуг за собою. Но тут навстречу незванным гостям вышла Кунчжао.

— Мастер Куай, ты что, пришел со всему семьей? — восхлинула она, увидев женщину, которая следовала за Куаем.

Но неожиданно посетители, не ответив ни слова, оттолкнули хозяйку и, все так же молча, устремились к дальнему концу сада. Монахиня увидела злые, решительные лица. Ничего не понимая, она пошла следом. Когда же все, ни минуты не колеблясь, обступили высокий кипарис и начали рыхлить землю заступами и лопатами, она догадалась, в чем дело. От страха лицо ее посерело. Она опрометью бросилась к дому.

— Беда! — шепнула она послушницам. — Они узнали про Хэ Дацина. Надо спасаться, бегите за мной!

У послушниц выкатились глаза и отнялись языки. Трясясь от ужаса, они последовали за наставницей. В тройной зале перед статуей Будды стоял прислужник.

— Мне не дают выйти из храма. Какие-то люди караулят ворота, — сказал он с изумлением.

— Беда! Беда! Скорее в западный двор! — вскричала монахиня, и все помчались за нею.

Вмиг оказались они у западного двора, и Кунчжао принялась колотить в ворота. На стук вышел служка. Монахиня приказала ему немедленно задвинуть все засовы.

— А если будут стучать, не открывай, — прибавила она.

Цзинчжэн еще не вставала, дверь ее комнаты была на запоре. Кунчжао забарабанила в дверь кулаками и громко закричала. Цзинчжэн поспешно оделась и вышла.

— Что случилось, сестрица, отчего такое смятение? — спросила она.

— Кто-то донес про Хэ Дацина! Этот проклятый плотник привел в дальний сад целую толпу народа! Сейчас они раскапывают могилу! Я хотела убежать, но прислужник сказал, что ворота под охраной — выйти никак нельзя. Что делать?

Несмотря на весь свой ум и самообладание, Цзинчжэн испугалась не на шутку.

— Этот Куай работал у меня вчера, а сегодня привел людей. Стало быть, ему все известно. Не иначе как кто-нибудь из наших проболтался, а этот пес тут же побежал с доносом в дом Хэ. Никто другой нашу тайну выведать не мог.

Ученица Цзинчжэн стояла ни жива ни мертвa. Она горько раскаивалась в том, что сказала мастеровому накануне.

— Этот Куай давно замышлял что-то недоброе, — сказала одна из послушниц Кунчжао. — Позавчера он подкрался к кухне и подслушивал наши разговоры. Мы его, правда, заме-

但不知哪个泄漏的？”空照道：“这事且慢理论。只是如今却怎么处？”静真道：“更无别法，只有一个走字。”空照道：“门前有人把守。”静真道：“且看后门。”先教香公打探，回说并无一人。空照大喜，一面教香公把外边门户一路关锁，自己到房中取了些银两，其余尽皆弃下。连香公共是七人，一齐出了后门，也把锁儿锁了。空照道：“如今走在哪里去躲好？”静真道：“大路上走，必然被人遇见，须从僻路而去。往极乐庵暂避。此处人烟稀少，无人知觉。了缘与你我情分又好，料不推辞。待事平定，再作区处。”空照连声道是，不管地上高低，望着小径，落荒而走。投极乐庵躲避，不在话下。

且说陆氏同蒯三众人，在柏树下一齐着力，锄开面上土泥，露出石灰，都道是了。那石灰经了水，并作一块，急切不能得碎。弄了大一回，方才看见材盖。陆氏便放声啼哭。众人用铁锹垦去两边石灰，那材盖却不能开。外边把门的等得心焦，都奔进来观看。正见弄得不当，一齐上前相帮，掘将下去，把棺木弄浮，提起斧头，砍开棺盖。打开看时，不是男子，却是一个尼姑。众人见了，都慌做一堆。也不去细认，俱面面相觑，急把材盖掩好。说话的，我且问你：赫大卿死未周年，虽然没有头发，夫妻之间，难道就认不出了？看官有所不知。那赫大卿初出门时，红红白白，是个俊俏子弟，在庵中得了怯症，久卧床褥，死时只剩得一把枯骨。

тили и прогнали. А кто проболтался, мы не знаем.

— Ладно, об этом потом, а что сейчас делать? — остановила Кунчжао свою ученицу.

— Бежать! Другого выхода нет! — решила Цзинчжэнь.

— Но ворота под охраной, — напомнила Кунчжао.

— Сейчас узнаем, что делается у задних ворот, — сказала Цзинчжэнь и отправила прислужниц посмотреть.

Прислужник вернулся и сообщил, что у задних ворот никого нет. Наказав ему крепко запереть двери дома, обрадованные монахини собрали все серебро — остальное добро приходилось бросить — и выскользнули через задние ворота, заперев их за собою снаружи.

— Где нам укрыться? — спросила Кунчжао.

Большой дорогой идти нельзя — нас тут же заметят. Пойдем тропкою. Пока спрячемся в обители Великого Блаженства. Обитель малолюдна, искать нас там не станут, — отвечала Цзинчжэнь. — Наставница Ляоян — добрая наша знакомая, она не откажет нам в пристанище. А когда буря уляжется, мы найдем новое укрытие, понадежнее.

Кунчжао одобрила ее план. Не обращая внимания на ямы и кочки, все побежали по тропинке к монастырю Великого Блаженства. Но это уже к нашему рассказу не относится.

Теперь вернемся к тому, что происходило в обители, покинутой монахинями. Толпа слуг под

присмотром госпожи Лу усердно работала под кипарисом. Заступами они разрыли землю и увидели следы извести. Все поняли, что добрались до могилы. Но изесть, смешанная с водою, затвердела и сделалась как камень. Чтобы этот камень раздробить, потребовалось много времени. Наконец появилась крышка гроба. Госпожа Лу зарыдала. Слуги очистили края крышки, но она все не поддавалась. Тем временем караульные у ворот, подстрекаемые ненужным любопытством, бросили свой пост и тоже побежали в сад посмотреть, что там делается. Увидев, что работа остановилась, они дружно кинулись на помощь. Гроб быстро очистили целиком, кто-то всунул под крышку топор, нажал, и крышка отскочила. Но когда посмотрели на умершего, то увидели, что в гробу лежит не Дацин, а монахиня. Все остолбенели от неожиданности. Сбившись в кучу, слуги едва смели взглянуть друг другу в глаза. Внимательно осмотреть мертвое тело никто не решился, и крышку поспешно закрыли.

— Что ты говоришь, рассказчик! Ведь Хэ Дацин умер совсем недавно. Неужели супруга не узнала своего мужа, хотя бы даже и с обритой головой?

— Нет, почтенные слушатели, все правильно! Когда Хэ Дацин ушел из дома, он был в расцвете сил и красоты. У монахинь, как вы помните, он захвачен, долго лежал в постели и отошел до того, что от прежнего Дацина остались лишь кожа да кости.

就是引镜自照，也认不出当初本身了。况且骤然见了个光头，怎的不认做尼姑？当下陆氏倒埋怨蒯三起来，道：“特地教你探听，怎么不问个的确，却来虚报？如今弄这把戏，如何是好？”蒯三道：“昨日小尼明明说的，如何是虚报？”众人道：“现今是个尼姑了，还强辨到哪里去！”蒯三道：“莫不掘错了？再在那边垦下去看。”内中有个老年亲戚道：“不可，不可！律上说，开棺见尸者斩。况发掘坟墓，也该是个斩罪。目今我们已先犯着了。倘再掘起一个尼姑，到去顶两个斩罪不成？不如快去告官，拘昨日说的小尼来问，方才扯个两平。若被尼姑先告，倒是老大利害。”众人齐声道是。急忙引着陆氏就走。连锄头家伙倒弃下了。从里边直至庵门口，并无一个尼姑。那老者又道：“不好了！这些尼姑，不是去叫地方，一定先去告状了，快走，快走！”吓得众人一个个心下慌张，巴不能脱离了此处。教陆氏上了轿子，飞也似乱跑，望新淦县前来察官。进得城时，亲戚们就躲去了一半。

正是活分两头，却是陆氏带来人众内，有个雇工人，叫做毛泼皮，只道棺中还有甚东西，闪在一边，让众人去后，揭开材盖，掀起衣服，上下一翻，更无别物。也是数合当然，不知怎地一扯，那裤子直褪下来，露出那件话儿。毛泼皮看了笑道：“原来不是尼姑，却是和尚。”依旧将材盖好，走出来四处张望。见没有人，就踅到一个房里，正是空照的净室。只拣细软取了几件，揣在怀里，离了非空庵，急急追到县前。

Он бы, пожалуй, и сам себя не узнал, если бы взглянул в зеркало. К тому же слуг и жену сбила с толку бри-тая голова умершего, и все ре-шили, что это монахиня.

Госпожа Лу накинулась на Третьего Куая.

— Я тебе приказывала раз-
узнать все наверняка, а ты при-
тащил мне пустую сплетню!
Ведь это же ни дать ни взять
комедия в театре! Как нам те-
перь быть?

— Послушница все ясно сказала. Какая уж тут сплетня... — пробормотал сконфуженный Куй.

— В гробу-то монахиня, а ты еще споришь! — воскликнули слуги.

— Наверное, не там рыли, надо копать в другом месте.

— Нельзя! Никак нельзя! —
вмешался какой-то старик, ро-
дич Хэ Дацина.—Того, кто
вскроет гроб, закон карает сме-
ртью. И кто разроет могилу—
тому тоже смертная казнь! Мы
уже совершили преступление,
а если выкопаем еще одну мо-
нахиню, вина наша утяжелится
вдвое. Надо как можно скорее
оповестить обо всем начальст-
во и строго допросить ту по-
слушницу. Может быть, удастся
кончить дело полюбовно. Но ес-
ли монахини нас опередят
и явятся к властям первые, не
миновать нам беды!

С этими словами все согласились. Слуги побросали лопаты и заступы на землю и гурьбой повалили из сада. Вместе с хозяйкою, госпожою Лу, они

обошли всю обитель до главных ворот, но ни одной монахини не встретили.

— Плохо! Плохо! — сказал тот же старик.— Монахины отправились к местным властям или же прямо в суд! Надо скопее уходить!

Слова старика нагнали на всех такого страха, что обитель мигом опустела. Госпожа Лу бросилась к своему паланкину и вместе с родичами поспешила в Синьганьский ямынь, чтобы подать прошение. Когда они добрались до города, оказалось, что по дороге половина родичей успела скрыться.

Среди слуг, которых госпожа Лу приводила в монастырь, был поденщик Мао, по прозвищу Шалопут. Он решил, что в гробу непременно должны быть какие-нибудь драгоценности. Спрятавшись в сторонке, Мао дождался, пока все уйдут, и снова побежал к могиле. Он обшарил весь гроб и даже плащ умершего, но ничего не нашел. И тут — как видно, это было определено судьбою — каким-то неловким движением он сдернул с умершего штаны. То, что он увидел, немало его развеселило.

— Эге! Да это не монахи-
ня, а монах,—засмеялся Ша-
лопут.

Он закрыл крышку, вышел из сада и огляделся. В обители никого не было. Мао осторожно пробрался в покой КунчжАО. Там он отобрал несколько ценных вещиц, спрятал их за пазуху и, покинув обитель, быстро зашагал к городу.

正值知县相公在外拜客。陆氏和众人在那里伺候。毛泼皮上前道：“不要着忙；我放不下，又转去相看。虽不是大官人，却也不是尼姑，倒是个和尚。”众人都欢喜道：“如此还好！只不知这和尚，是甚寺里，却被那尼姑谋死？”你道天下有恁般巧事！正说间，旁边走出一个老和尚来，问道：“有甚和尚谋死在那个尼姑庵里？怎麽一个模样？”众人道：“是城外非空庵东院，一个长长的黄瘦小和尚，像死不多时哩。”老和尚见说，便道：“如此说来，一定是我徒弟了。”众人问道：“你徒弟如何却死在那里？”老和尚道：“老僧是万法寺住持觉圆，有个徒弟叫做去非，今年二十六岁，专一不学长俊。老僧管他不下。自今八月间出去，至今不见回来。他的父母又极护短。不说儿子不学好，反告小僧谋死。今日在此候审。若得死的果然是他，也出脱了老僧。”毛泼皮道：“老师父，你若肯请我，引你去看如何？”老和尚道：“若得如此，可知好么！”正待走动，只见一个老儿，同着一个婆子，赶上来，把老和尚接连两个巴掌，骂道：“你这贼秃！把我儿子谋死在哪里？”老和尚道：“不要嚷，你儿子如今有着落了。”那老儿道：“如今在哪里？”老和尚道：“你儿子与非空庵尼姑串好，不知怎样死了，埋在他后园。”指着毛泼皮道：“这位便是证见。”扯着他便走。那老儿同婆子一齐跟来，直到非空庵。那时庵旁人家尽皆晓得，若老若幼，俱来观看。毛泼皮引着老和尚，直至里边。只见一间房里，有人叫响。毛泼皮推门进去看时，却是一个将死的老尼姑，睡在床上叫喊：“肚里饿了，如何不将饭来我吃？”毛泼皮也不管她，依旧把门拽上了。

Как раз в эту пору начальник уезда куда-то уехал по делу, и госпожа Лу ожидала его у ямыня. Мао-Шалопут присоединился к ожидающим.

— Не тревожьтесь! — начал он. — Я надумал еще раз осмотреть тело и, когда вы все ушли, вернулся. И что же, как вы думаете, я обнаружил? Правда, это не господин Хэ, но в гробу лежит не монахиня, а монах.

— Прекрасно! — обрадовались родичи Хэ Дацина. — Наверное, его уморили монахини. Любопытно было узнать, из какого он монастыря.

Удивительные вещи случаются иногда в Поднебесной! Только что Шалопут закончил свой рассказ, как из толпы выходит старый монах.

— Вы говорите, что монахини уморили монаха? Как он выглядит? В каком монастыре его нашли?

— В обители Отрещения от мирской суеты. Мы нашли его на восточном дворе. Наверное, он скончался совсем недавно. Лицо у него продолговатое и худое, щеки желтоватые.

— Да это мой ученик, не кто иной, как он! — промолвил старый монах.

— Как же он туда попал? — удивились присутствующие.

— Видите ли, я настоятель монастыря Великого Закона, мое имя — Цзяюань. У меня был ученик Цюйфэй, двадцати лет от роду. Учиться он не любил и не хотел, и я ничего не мог с ним поделать. В третью луну он пропал и до сих пор не вернулся. Родители, вместо того чтобы бранить сына за лень и нерадивость, постоянно его оправдывали, а потом, когда он исчез,

заявили властям, будто я свел его в могилу. Сегодня дело будет разбираться. Если умерший — действительно мой ученик, обвинение с меня снимается.

— Учитель, пойдемте, я вас провожу, вы все увидите сами, — предложил Шалопут.

— Ну что ж, хорошо! — согласился монах.

Но едва собрались они идти, как к Цзяюаню подбежали старик со старухой. На монаха посыпались удары.

— Плешивый разбойник! Где наш сын? Ты его убил! — кричали они.

— Погодите! Умитесть! Ваш сын нашелся! — закричал в ответ монах.

— Где же он? — воскликнул старик.

— Твой сын спутался с монахинями из обители Отрещения от мирской суеты и там по какой-то причине умер. Тело его зарыто в дальнем конце сада. — Монах указал на Шалопута: — А вот и свидетель.

Он потянул Мао-Шалопута за собой, а старик со старухой пошли следом.

К этому времени крестьяне, жившие подле обители, узнали о случившемся, и все, от мала до велика, сбежались поглядеть. Шалопут, раздвинув толпу, провел монаха в заглохший сад. Вдруг откуда-то из дома послышались стоны. Шалопут распахнул дверь и вошел внутрь. На кровати лежала старая монахиня, по-видимому, уже при последнем издыхании.

— Дайте мне поесть, я умираю с голода, — застонала старуха.

Шалопут, однако ж, остался глух к ее мольбе. Он захлопнул

同老和尚到后园柏树下，扯开材盖。那婆子同老儿擦磨老眼仔细认看，依稀有些相像，便放声大哭。看的人都拥做一堆。问起根由，毛泼皮指手划脚，剖说那事。老和尚见他认了，只要出脱自己，不管真假，一把扯道：“去、去、去，你儿子有了，快去稟官，拿尼姑去审问明白，再哭未迟。”那老儿只得住了，把材盖好，离了非空庵，飞奔进城。到县前时，恰好知县相公方回。那拘老和尚的差人，不见了原被告，四处寻觅；奔了个满头汗。赫家众人见毛泼皮老和尚到了，都来问道：“可真是你徒弟么？”老和尚道：“千真万真！”众人道：“既如此，并做一事，进去稟罢。”差人带一千人齐到里边跪下。倒先是赫家人上去稟说家主不见缘由，并见蒯匠丝绦，及庵中小尼所说，开棺却是和尚尸首，前后事一一细稟。然后老和尚上前稟说，是他徒弟，三月前蓦然出去，不想死在尼姑庵里，被伊父母讦告。“今日已见明白，与小僧无干，望乞超豁。”知县相公问那老儿道：“果是你的儿子么？不要错了。”老儿稟道：“正是小人的儿子，怎么得错！”知县相公即差四个公差到庵中拿尼姑赴审。差人领了言语，飞也似赶到庵里，只见看的人，便拥进拥出，哪见尼姑的影儿。直寻到一间房里，单单一个老尼在床将死快了。内中有一个道：“或者躲在西院。”急到西院门口，见门闭着。敲了一回，无人答应。公差心中焦躁，俱从后园墙上爬将过去。见前后门户，尽皆落锁。一路搜着，并不见个人迹。差人各溜过几件细软东西。倒拿地去回官。知县相公在堂等候，

дверь и повел монаха дальше. Снова сняли крышку гроба. Старик и старуха протерли свои слезящиеся, подслеповатые глаза и принялись внимательно разглядывать тело. Им показалось, что умерший похож на их сына, и они громко заплакали. Зрители, которые толпились поодаль, спрашивали, в чем дело, и Мао-Шалопут, размахивая руками, пустился в объяснения. Видя, что родители опознали тело, монах остался доволен, подозрение в убийстве больше над ним не тяготело, а кто на самом деле лежал в гробу — его ученик или же кто иной, — никакого его не занимало.

— Пошли, пошли! — заторопил он старика. — Сын нашелся, теперь нужно доложить начальству. Успеешь еще поплакать, сейчас надо допросить монахинь.

Старик утер слезы и собственными руками закрыл крышку гроба. Они покинули обитель и вернулись в город. Оказалось, что и начальник уезда уже успел вернуться. Стражник, который должен был охранять старого монаха, сбежал с ног в поисках своего обвиняемого. С лица его градом катился пот. Но вот наконец монах вместе в Шалопутом появился у дверей ямыня, и все бросились к нему с расспросами:

— Ну как? Правда, что это твой ученик?

— Истинная правда, — ответил монах.

— Значит, можно разбирать оба дела вместе, — решили присутствующие.

Стражники ввели всех к начальнику уезда. Жалобщики встали на колени. Первой говорила гос-

пожа Лу. Она рассказала об исчезновении мужа, о ленте, что нашел Куай, о разговоре послушниц и о том, что в гробу лежал мужчина.

За ней взял слово старый монах. Он сообщил, что в третью луну внезапно исчез его ученик. Монах не знал, что он скончался в женской обители, не знали этого и отец с матерью.

— Но сегодня обнаружилось с полной очевидностью, что я в его смерти неповинен. Жду вашего милостивого решения, — закончил монах.

Начальник уезда обратился к старику отцу.

— Это действительно твой сын? Ты не ошибся?

— Какая может быть ошибка, коли это мой сын! — воскликнул старики.

Начальник уезда приказал четырем стражникам идти и привести монахинь. Стражники помчались в обитель, но, кроме праздных зевак, сновавших из одного двора в другой, никого не обнаружили. В одном из приделов они нашли старую настоятельницу, уже при смерти.

— Может, они спрятались на западном дворе? — предположил один стражник.

Все четверо направились туда. Ворота были заперты. Стражники постучались — никакого ответа. Тогда стражники перелезли через стену — на всех дверях висели замки. Стражники взломали двери и осмотрели комнаты — во всем доме не было ни одной живой души. Взявши кое-какие вещи, стражники направились в сельскую управу, а оттуда в город. Все это время начальник уезда дождался их в зале присутствия.

差人禀道：“非空庵

尼姑都逃躲不知去向。拿地方在此回话。”知县问地方道：“你可晓得尼姑躲在何处？”地方道：“这个小人们哪里晓得！”知县喝道：“尼姑在地方上偷养和尚，谋死人命，这等不法勾当，都隐匿不报。如今事露，却又纵容躲过，假推不知。即如此，要地方何用？”喝教拿下去打。地方再三苦告，方才饶得。限在三日内，准要一干人犯。召保在外，听候获到审问。又发两张封皮，将庵门封锁不提。

且说空照、静真同着女童香公来到极乐庵中。那庵门紧紧闭着。敲了一大回，方才香公开门出来。众人不管三七二十一，一齐拥入。流水叫香公把门闭上。庵主了缘早已在门旁相迎。见他们一窝子都来，且是慌慌张张，料想有甚事故。请在佛堂中坐下。一面教香公去点茶。遂开言问其来意。静真扯在半边，将上项事细说一遍。要借庵中躲避。了缘听罢，老大吃惊。沉吟了一回，方道：“二位师兄有难来投，本当相留。但此事非同小可！往远处逃遁，或可避祸。我这里墙卑室浅，耳目又近。倘被人知觉，莫说师兄走不脱，只怕连我也涉在浑水内。如何躲得！”你道了缘因何不肯起来？她也是个广开方便门的善知识，正勾搭万法寺小和尚去非做了光头夫妻，藏在寺中三个多月。虽然也扮作尼姑，常恐露出事来。故此门户十分紧急。今日静真也为那桩事败露来躲避，恐怕被人缉着，岂不连她的事也出丑，因这上不肯相留。空照师徒见了缘推托，都面面相觑，没做理会。到底静真有些贼智，晓得了缘平昔贪财，便去袖中摸出银子，拣上二三两，递与了缘道：

— Монахини скрылись неизвестно куда. Мы на всякий случай привели сельского старосту,— доложили стражники.

— Куда делись монахини? — спросил начальник уезда старосту.

— Ничтожный ничего об этом не знает,— отвечал староста.

— Монахини тайком скрыли в обители мужчину, а потом умертвили его! Это дело гнусное и противозаконное, ты его утаил, а теперь, когда все вышло наружу, пытаешься увильнуть, прикидываешься, будто тебе ничего не известно! Зачем же тогда сельская управа? — загремел начальник и приказал бить его батогами.

Староста стал молить о пощаде, и уездный смилиостился. Он распорядился отпустить старосту на поруки и приказал ему в трехдневный срок поймать преступницу. Стражники получили приказ запереть и опечатать монастырь.

Но вернемся к Кунчжао и Цзинчэн, которые вместе со своими послушницами и прислужниками благополучно достигли обители Великого Блаженства. Ворота обители оказались заперты. На стук вышел прислужник. Без долгих слов гости гурьбою, толкая друг друга, ввалились во двор и велели прислужнику снова запереть ворота. Появилась настоятельница монастыря Ляоюань. Увидев столько нежданных гостей, она растерялась, но тут же сообразила, что это неспроста. Пригласив монахинь отдохнуть в зале Будды, она велела прислужнику приготовить чай и осторожно приступила к расспросам. Цзинчэн, не таясь, рассказ-

зала обо всем случившемся и попросила приюта. Ляоюань испугалась.

— Сестры по вере попали в беду, и мой долг дать им пристанище.—Ляоюань тяжело вздохнула.—Но опасность чересчур велика. Лучше бы вам укрыться где-нибудь подальше. Наша обитель маленькая, тесная, повсюду чужие глаза и уши. Если кто-нибудь узнает про вас, и вам будет худо, и мне тоже.

Почему же монахиня Ляоюань отказалась гостям в убежище? На то имелась веская причина. Дело в том, что Ляоюань была, как говорится, большой охотницей распахнуть всем известную дверцу и уже больше трех месяцев прятала у себя молоденького монашка Цуйфэя из монастыря Великого Закона. С этим монашком, переодетым в женское платье, они жили как два счастливых супруга—только что оба были плеши. Ляоюань опасалась, что ее проделки обнаружатся, а потому все ворота и двери в обители всегда были накрепко закрыты. Молодые монахини попались на том же самом, и Ляоюань испугалась, как бы власти, преследуя подружек из обители Отрешения от мирской суеты, не напали на след ее собственных забав. Поэтому она и не хотела приютить беглянок.

Монахини и послушницы растерянно переглядывались, не зная, что делать дальше. Но Цзинчэн, обладавшая хитрым умом, вспомнила, что Ляоюань очень неравнодушна к деньгам. Вынув из рукава серебро, она взяла два или три ляна и протянула их хозяйке.

“师兄之言，虽是有理，但事起仓卒，不曾算得个去路，急切投奔何处？望师兄念向日情分，暂容躲避两三日。待势头稍缓，然后再往别处。这些少银两，送与师兄为盘缠之用。”果然了缘见了银子，就忘了利害，乃道：“若只住两三日，便不妨碍。如何要师兄银子！”静真道：“在此搅扰，已是不当，岂可又费师兄。”了缘假意谦让了一回，把银收过。引入里边去藏躲。且说小和尚去非，闻得香公说是非空庵师徒五众，且又生得标致，忙走出来观看。两下却好打个照面，各打了问讯。静真仔细一看，却不认得。问了缘道：“此间师兄，上院何处？怎么不曾相会？”了缘扯个谎道：“这是近日新出家的师弟，故此师兄还认不得。”那小和尚见静真师徒姿色胜似了缘，心下好不欢喜。想道：“我好造化！哪里说起，天赐这几个妙人在此，少不得都刮上她，轮流儿取乐快活！”当下了缘备办些素斋款待。静真、空照心中有事，耳热眼跳，坐立不安，哪里吃得下饮食。到了申牌时分，向了缘道：“不知庵中事体若何？欲要央你们香公去打听个消息，方好计较长策。”了缘即教香公前去。那香公是个老实头，不知利害，一经奔到非空庵前，东张西望。那时地方人等正领着知县钧旨，封锁庵门，也不管老尼死活，反锁在内，两皮封条，交叉封好。方待转身，见那老头探头探脑，晃来晃去，情知是个细作，齐上前喝道：“官府正要拿你，来得恰好！”一个拿起索子，向颈上便套。吓得香公身酥脚软，连声道：“他们借我庵中躲避，央来打听的。其实不干我事。”

— Сестра совершенно права, но все произошло так внезапно, что мы не сообразили, куда направиться. Мы надеемся, что почтенная сестра по старой дружбе приютил нас дня на два, на три. Когда опасность несколько поуменьшилась, мы отыщем себе новое убежище. А этими несколькими лянями мы надеемся хоть как-то отплатить сестре за гостеприимство.

Увидев деньги, Ляоюань мигом забыла про все опасности.

— Ну, если не больше двух-трех дней, это дело другое. Только денег я не возьму.

— Нет, пожалуйста, не отказывайтесь! Ведь мы доставили вам столько беспокойства! — воскликнула Цзинчжэн.

Ляоюань еще упиралась и хмурилась для виду, но в конце концов взяла деньги и тотчас унесла к себе в келью.

Тем временем Цюйфэй, узнав, что пришли пять хорошеных монахинь и послушниц из другой обители, выскочил на них посмотреть. Они обменялись приветствиями. Цзинчжэн внимательно оглядела мнимую монахиню с ног до головы, но ей не пришло и в голову, что это мужчина в женском платье.

— Из какой обители новая сестра? Что-то я никогда ее здесь не встречала раньше, — обратилась она к Ляоюань.

— Она у нас совсем недавно, поэтому вы ее и не знаете. — ответила Ляоюань.

Красота Цзинчжэн и остальных пришельц привела Цюйфэя в восторг. «Ну и удача! Кто бы мог подумать, что Небо пошлет сюда таких красоток! Вот бы познакомить-

ся с ними поближе и вкусить радость с каждой по очереди».

Ляоюань приготовила скромное угождение, но беглым монахиням было не до еды. Они не могли усидеть на месте, уши их пылали, глаза блуждали. Когда время подошло к трем часам дня, Цзинчжэн не вытерпела и обратилась к настоятельнице:

— Нам бы необходимо выяснить, что делается в нашей обители. Нельзя ли послать вашего прислужника, чтобы он все разузнал? Тогда мы сможем решить, как быть дальше.

Ляоюань распорядилась, и приглуповатый прислужник, не ведая об опасности, направился к обители Отрешения от мирской суеты. В эту же самую пору у ворот появился сельский староста и несколько сельчан, чтобы по приказу уездного начальника закрыть и опечатать монастырь. Не проверив, жива или мертвя старая настоятельница, они приклеили на ворота две полоски бумаги крест-на-крест, повесили замок и уже собирались уходить, как вдруг заметили старого прислужника, который что-то смотрел и вообще вел себя до крайности подозрительно. Староста и его спутники сообразили, что это неспроста, и бросились на лазутчика.

— Ага, милости просим, добро пожаловать! Уездный ждет тебя не дождется! — закричали они и тут же накинули ему на шею веревку.

У прислужника подкосились от страха ноги.

— Я ни в чем не виноват! Они спрятались у нас в монастыре, а мне приказали узнать, что здесь происходит, — запричитал он.

众人道：“原晓得你是打听的。快说是哪个庵里？”香公道：“是极乐庵里。”众人得了实信，又叫几个帮手，押着香公齐到极乐庵，将前后门把好，然后叩门。里边晓得香公回来，了缘急急出来开门。众人一拥而入，迎头就把了缘拿住，押进里面搜捉，不曾走了一个。那小和尚着了忙，躲在床底下，也被搜出。了缘向众人道：“他们不过借我庵中暂避，其实做的事体，与我分毫无干。情愿送些酒钱与列位，怎地做个方便，饶了我庵里罢。”众人道：“这使不得！知县相公好不利害哩！倘然问在何处拿的，教我们怎生回答？有干无干，我们总是不知，你自到县里去分辨。了缘道：“这也容易。但我的徒弟乃新出家的，这个可以免得。望列位做个人情。”众人贪着银子，却也肯了。内中又有个道：“成不得！既是与他莫相干，何消这等着忙，直躲入床底下去？一定也有些蹊跷。我们休担这样干纪。”众人齐声道是。都把索子扣了，连男带女，共是十人，好像端午的粽子，做一串儿牵出庵门，将门封锁好了，解入新淦县来。一路上了缘埋怨静真连累，静真半字不敢回答。正是：

老龟蒸不烂，移祸于空桑。

此时天色傍晚，知县已是退衙。地方人又带回家去宿歇。了缘悄悄与小和尚说道：“明日到堂上，你只认作新出家的徒弟，切莫要多讲。待我去分说，料然无事。”到次日，知县早衙，地方解进去禀道：“非空庵尼姑俱躲在极乐庵中，今已缉获，连极乐庵尼姑通拿在此。”知县教跪在月台东首。即差人

ଯେତେବେଳେ କୌଣସିଲ୍ ହେବାରେ ପାଇଁ ଏହାରେ କାହାରେ କାହାରେ କାହାରେ କାହାରେ କାହାରେ କାହାରେ

¹² Бросить под днище котла тутовой хворост пришлось.—В одной легенде говорится, что в эпоху Троецарствия (III в.) один человек поймал в горах большую черепаху и преподнес ее Сунь Цюаню, правителью княжества У. Правитель приказал сварить ее.

Слуги сожгли несколько тысяч охапок хвороста, но черепаха так и не сварилась. Тогда военачальник Чжугэ Кэ посоветовал подложить под котел сучья старого тута, после чего черепаха тотчас сварилась.

— Мы так и поняли! А ну, говори, где они спрятались?

— В обители Великого Блаженства.

Выведав все, что нужно, староста кликнул на помощь еще нескольких человек, и, ведя за собою связанного прислужника, они двинулись к обители Великого Блаженства. Первым делом они выставили караулы у всех входов и выходов и только потом постучали в ворота. Ляоюань решила, что это вернулся служка, и поспешила отворить. Ее мигом схватили, отвели в дом и принялись обшаривать комнату за комнатой. Никто из беглянок не успел скрыться. Переодетый монах Цойфэй спрятался было под кровать, но его заметили и с позором оттуда выволокли.

— Я к их делу непричастна! — уверяла Ляоюань. — Они только по-просили у меня приюта на короткое время. Сжальтесь над нашей оби-телью, почтенные, а за благодар-ностью дело не станет.

— Нельзя! — наотрез отказался староста. — Сама знаешь, какой наш начальник уезда строгий! Он непременно спросит, где схватили преступниц, что мы ему ответим? Виновата ты или нет — нам все равно. Ответ дашь в уездном ямыне.

— Конечно, вы правы, но отпустите хотя бы мою ученицу — ведь она только успела принять постриг! Есть же у вас человеческие чувства!

Деньги сделали свое, и староста уже готов был согласиться. Но тут кто-то из его помощников сказал с сомнением:

— Как можно ее отпустить? Если она ни в чем не замешана, почему она так перепугалась и даже

под кровать спряталась? Как хотите, а что-то здесь нечисто.

С ним никто не стал спорить, и переряженного монаха связали. Десять преступников, соединенные одною веревкой, были похожи на пирожки цзун-цы, которые продают в праздник Начала лета, называя на нитку. Итак, монастырь закрыли, и монахинь повели в уездный город. Всю дорогу до города Ляоюань брали и проклинали Цзинчжэнь, которая впутала ее в беду, и та не осмеливалась возразить ни единным словом. Да, поистине верно сказано:

Сварить никак не могли
Старую черепаху,

Бросить под днище котла
Тутовый хворост пришлось¹².

День склонялся к вечеру, и уездного начальника уже не было в ямыне. Староста с помощниками разошлись по домам. Улучив момент, Ляюань успела шепнуть монашку:

нашку.

— Когда завтра нас приведут на суд, ты лучше помалкивай. Скажи только одно — что ты ученица и приняла постриг совсем недавно. Я сама все объясню. Вот увидишь, нам ничего не будет!

На другой день начальник уезда открыл присутствие спозаранку, и староста ввел арестованных.

— Монахини из обители Отрещения от мирской суеты спрятались в обители Великого Блаженства. Мы всех схватили, а заодно привели и монахинь из обители Великого Блаженства.

Уездный начальник приказал арестованным встать на колени у края помоста и отдал распоряже-

唤集老和尚、赫大卿家人、蒯三、并小和尚父母来审。哪消片刻，俱已唤到。令跪在月台西首。小和尚偷眼看见，惊异道：“怎么我师父也涉在他们讼中？连爹妈都在此，一发好怪！”心下虽然暗想，却不敢叫唤、又恐师父认出，倒把头儿别转，伏在地上。那老儿同婆子，也不管官府在上，指着尼姑，带哭带骂道：“没廉耻的狗淫妇！如何把我儿子谋死？好好还我活的便罢！”小和尚听得老儿与静真讨人，愈加怪异，想道：“我好端端活在此，哪里说起却与她们索命？”静真、空照还认是赫大卿的父母，哪敢则声。知县见那老儿喧嚷，呵喝住了，唤空照、静真上前问道：“你既已出家，如何不守戒律，偷养和尚，却又将他谋死？从实招来，免受刑罚。”静真、空照自己罪犯已重，心慌胆怯，那五脏六腑，犹如一团乱麻，没有个头绪。这时见知县不问赫大卿的事情，却问什么和尚之事，一发摸不着个头路。静真那张嘴头子，平时极是能言快语，到这回恰如生漆获牢，鱼胶粘住，挣不出一个字儿。知县连问四五次，刚刚挣出一句道：“小尼并不曾谋死那个和尚。”知县喝道：“现今谋死了万法寺和尚去非，埋在后园，还敢抵赖！快夹起来！”两边皂隶答应如雷，向前动手。了缘见知县把尸首认做去非，追究下落，打着她心头之事，老大惊骇，身子不摇自动。想道：“这是哪里说起！他们乃赫监生的尸首，却倒不问，反牵扯我身上的事来，真也奇怪！”心中没想一头处将眼偷看小和尚。小和尚已知父母错认了，也看着了缘，面面相觑。且说静真、空照俱是娇滴滴的身子，嫩生生的皮肉，如何经得这般刑罚，夹棍刚刚套上，便晕迷了去，叫道：“爷爷不消用刑，容小尼从实招认。”知县止住左右，听她供招。二尼异口齐声说道：“爷爷，

ие стражникам доставить в ямынь старого монаха, родных Хэ Дацина, Третьего Куая и родителей Цойфэя.

Скоро все вызванные явились, и начальник приказал им встать на колени по другую сторону помоста. Тут Цойфэй с немалым изумлением увидел и узнал старого своего учителя. «Что за притча? Как учитель замешался в эту историю? Смотри-ка, и отец с матерью тоже здесь!» — сказал он про себя. Окликнуть родителей он не решился и спрятался подальше за спинами остальных, чтобы его не признали. Нимало не стесняясь присутствием уездного начальника, старики разразились слезами и накинулись на монахинь:

— Бесстыдницы! Наглые суки! За что вы уморили нашего сына? Отдайте нам его, отдайте живого!

Их жалобы и укоры, обращенные к монахиням, повергли Цойфэя в еще большее изумление. «Я жив и здоров, а они кричат, что монахини меня уморили!» Цзинчэнь и Кунчжао, боясь родных Хэ Дацина, не решались раскрывать рот.

— Тихо! Молчать! — прикрикнул на стариков уездный и обратился к молодым монахиням: — Вы дочери Будды и должны блюсти свои обеты, а вы прятали у себя монаха, а потом убили его. Говорите всю правду, и суд окажет вам снисхождение.

Зная тяжесть своего проступка, Цзинчэнь и Кунчжао были чуть живыми от страха. Как говорится, внутренности у них сплеялись в клубок — ни начала не найти, ни конца. Когда же они услыхали, что на-

чальник уезда спрашивает не про Хэ Дацина, а про какого-то монаха, они совсем потерялись. Даже Цзинчэнь, всегда такая бойкая на язык, сейчас не могла вымолвить ни слова, словно губы ей замазали kleem. Лишь после того, как начальник повторил свой вопрос в четвертый и в пятый раз, она выдавила из себя:

— Мы не убивали монаха.

— Ах, ты еще отираешься? — закричал начальник уезда. — Может быть, попробуешь убедить нас, что это не вы убили монаха Цойфэя из обители Великого Закона и закопали его у себя в саду? Пытать их!

Палачи, стоявшие по обе стороны от уездного, рявкнули: «Слушаемся!» — и схватили монахинь.

Настоятельница Ляоюань вся тряслась от ужаса. Начальство приняло мертвого Хэ Дацина за Цойфэя. Но если расследование будет продолжаться, ее любовные проказы тоже откроются! «Удивительное дело! Про Дацина никто не вспоминает, а подбираются прямо ко мне!» — подумала она и стрельнула глазами в сторону монашка Цойфэя. Тот уже понял, что его старики обознались, и ответил настоятельнице беспомощным взглядом. Тем временем палачи надели на монахинь колодки. Но разве нежное, хрупкое тело монахинь способно выдержать жестокую муку? Когда на них надели колодки, они едва не лишились рассудка.

— О, могущественный господин начальник! Не вели нас пытать, мы расскажем всю правду.

Уездный дал знак палачам и приготовился слушать.

— Милостивый господин на-

后园埋的不是和尚，乃是赫监生的尸首。赫家人闻说原是家主尸首，同蒯三俱跪上去，听其情款。知县道：“既是赫监生，如何却是光头？”二尼乃将赫大卿到寺游玩，勾搭成奸，及设计剃发，扮作尼姑，病死埋葬，前后之事，细细招出。知县见所言与赫家昨日说话相合，已知是个真情。又问道：“赫监生事已实了，那和尚还藏在何处？一发招来！”二尼哭道：“这个其实不知。就打死也不敢虚认。”知县又唤女童香公逐一细问，其说相同，知得小和尚这事与她无干。又换了缘、小和尚上去问道：“你藏匿静真同空照等在庵，一定与她是同谋的了。也夹起来！”了缘此时见静真等供招明白，和尚之事，已不缠牵在内，肠子已宽了。从从容容地稟道：“爷爷不必加刑，容小尼细说。静真等昨到小尼庵中，假说被人扎诈，权住一两日，故此误留。其他奸情之事，委实分毫不知。”又指着小和尚道：“这徒弟乃新出家的，与静真等一发从不相认。况此等无耻勾当，败坏佛门体面，即使未曾发觉，小尼若稍知声息，亦当出首，岂肯事露之后，还敢藏匿。望爷爷详情超豁。”知县见她说的有理，笑道：“话倒讲得好。只莫要心不应口。”遂令跪过一边。喝叫皂隶将空照、静真各责五十，东房女童各责三十，两个香公各打二十，都打的皮开肉绽，鲜血淋漓。打罢，知县举笔定罪。静真、空照设计姿淫，伤人性命，依律拟斩。东房二女童，减等，杖八十，官卖。两个香公，知情不举，俱问杖罪。非空庵藏奸之蔽，拆毁入官。了缘师傅虽不知情，但隐匿奸党，杖罪纳赎。西方女童，

чальник, в саду зарыт не монах, а цзяньшэн Хэ.

Услышав имя Хэ Дацина, вся его родня и Третий Куай, не вставая с колен, подползли поближе, чтобы не упустить не единой подробности.

— Почему же он без волос? — удивился уездный, и монахини рассказали ему все как было.

Их рассказ полностью отвечал тому, что сообщалось в жалобе семьи Хэ, и уездный понял, что монахини сказали правду.

— Так! Насчет Хэ Дацина все понятно. Но куда же скрылся монах Цюйфэй? Говорите да поживее! — крикнул он.

— Про монаха мы ничего не знаем, хоть убейте нас на месте, а сочинять и выдумывать не можем, — заплакали монахини.

Начальник уезда допросил послушниц и служек — все отвечали одинаково, и уездный решил: к исчезновению молодого монаха Цзинчжэнь и Кунчжао действительно непричастны. После этого он обратился к настоятельнице Ляоюань и переодетому Цюйфэю.

— Вы укрыли монахинь в своем монастыре, наверняка вы с ними заодно. Пытать обеих!

Но Ляоюань уже видела, что ее собственные проделки остались в тени, а потому приободрилась и отвечала очень храбро:

— Отец наш, не надо пытать, я и так все объясню. Эти монахини пришли в нашу обитель вчера. Они сказали, что им нанесена какая-то обида, и попросили приюта на день или два. Я по неосторожности разрешила им остановиться. Об их прелюбодеянии я знать ничего не знала. А это, — она показала на Цюй-

фэя, — это моя ученица, она только недавно постриглась и никогда прежде даже не видела этих монахинь. О своих бесстыдных проделках, подрывающих основы буддийской веры, они мне ничего не сказали. Знай я об этом, я бы сама пришла с жалобою и уж, конечно, не стала бы прятать их у себя. Я твердо уповаю, что справедливейший наш отец во всем разберется и отпустит меня с миром.

Уездный начальник признал ее слова убедительными.

— Говоришь-то ты складно, да только на сердце у тебя совсем не то, что на языке! — засмеялся он и велел Ляоюань стать на прежнее место.

Тут же последовал приказ палачам: обеим монахиням — по пятьдесят палок, послушницам из восточного придела — по тридцать, обоим прислужникам — по двадцать. Спины и бока наказуемых обратились в кровавое месиво, и кровь их залила место расправы. Затем начальник уезда собственноручно начертал приговор: монахинь Цзинчжэнь и Кунчжао за прелюбодеяние и смертоубийство, в согласии с законом, обезглавить; послушниц из восточного двора продать в казенные веселые заведения, а перед тем бить палками — по восьмидесяти ударов каждой; прислужников за недонесение бить палками нещадно; обитель Отречения от мирской суеты, ставшую притоном разврата, снести, а имущество обители передать в казну; настоятельнице Ляоюань и ее ученице, укрывшим прелюбодеек, но не знавшим об их преступлениях, заменить телесное наказание денежным штрафом; послушницу из западного двора

判令归俗。赫

大卿自作之孽，已死勿论。尸棺着令家属领归埋葬。判毕，各令画供。

那老儿见尸首已不是他儿子，想起昨日这场啼哭，好生没趣，愈加忿恨。跪上去稟知县，依旧与老和尚要人。老和尚又说徒弟偷盗寺中东西，藏匿在家，反来图赖，两下争执，连知县也委决不下。意为老和尚谋死，却不见形迹，难以入罪。将为果躲在家，这老儿怎敢又与他讨人。想了一回，乃道：“你儿子生死没个实据，怎好问得！且押出去，细访个的確证见来回话。”当下空照、静真、两个女童都下狱中。了缘、小和尚并两个香公，押出召保。老和尚与那老儿夫妻，原差押着，访问去非下落。其余人犯，俱释放宁家。大凡衙门，有个东进西出的规矩。这时一干人俱从西边丹墀下走出去。那了缘因哄过了知县，不曾出丑，与小和尚两下暗地欢喜。小和尚还恐有人认得，把头直低向胸前，落在众人背后。也是合当败露。刚出西脚门，那老儿又揪住老和尚骂道：“老贼秃！谋死了我儿子，却又把别人的尸首来哄我么？”夹嘴连腮，只管乱打。老和尚正打得连声叫屈，没处躲避，不想有十数个徒弟徒孙们，在那里看出官，见师父被打，齐赶向前推翻了那老儿，挥拳便打。小和尚见父亲吃亏，心中着急，正忘了自己是个假尼姑，竟上前劝道：“列位师兄不要动手。”众和尚举眼观看，却便是去非。忙即放了那老儿，一把扯住小和尚叫道：

возвратить к мирской жизни. Что же касается Хэ Дацина, то поскольку он за свои прегрешения получил сполна, о нем в приговоре не упоминалось. Семье было разрешено забрать его тело и похоронить. После оглашения приговора каждый из обвиняемых поставил под ним свою подпись.

Обратимся теперь к старику со старухой, которые по ошибке признали умершего господина Хэ за своего сына. Стыдясь своих слез, пролитых накануне над гробом, они так и горели злобой и ненавистью к старому монаху. На коленях поползли они по помосту, умоляя уездного вернуть им сына. Старый монах клялся, что на него возводят напраслину, что Цюйфэй обокрал монастырь и скончался дома у старииков. Обе стороны кричали и спорили так яростно, что уездный растерялся. Он подозревал монаха в убийстве, но улик не было никаких, и притянуть монаха к ответу было не так просто. Вместе с тем, если бы Цюйфэй спрятался дома, старики едва ли решились бы обратиться в суд и действовать с такой настойчивостью. Подумав немного, уездный сказал:

— Жив ваш сын или нет — никому не известно. С кого тут спросишь? Вот когда раздобудете надежные доказательства, тогда и приходите! Увести осужденных! — распорядился он.

Двух монахинь и двух послушниц повели в тюрьму. Настоятельнице Ляоюань, переряженному монашку Цюйфэю и обоим прислужникам — до тех пор, пока не объявятся люди, готовые взять их на поруки, — тоже предстояло заклю-

чение под стражей. Затем из ямыня вышли старый монах и родители Цойфэя, которые собирались продолжать розыски сына, а за ними пошли по домам и все остальные. Как принято и установлено, в присутствие входили через восточные двери, а выходили через западные. Когда настоятельница Ляюань и Цойфэй спустились с западного крыльца во двор, их охватило ликование. И недаром — ведь настоятельница обманула самого начальника уезда, ей удалось, что называется, скрыть свою гниль и мерзость. Цойфэй, боясь, как бы его не узнали, опустил голову на грудь и спрятался за спинами впереди идущих. Но не успели они выйти из западных ворот ямыня, как старик снова принялся ругать старого монаха.

— Плешивый разбойник! Убил моего сына да еще надумал меня дурачить — подсунул чужой труп!

И старик бросился на монаха с кулаками.

Монах, видя неминуемую опасность, громко закричал. На его счастье, поблизости оказались с десяток учеников и мальчишек-послушников из его обители — они пришли к ямыню узнать, чем кончился суд. Услыхав жалобные вопли своего наставника, они бросились к нему на помощь, повалили старика на землю и принялись молотить кулаками. Боясь за отца, Цюйфэй взволновался настолько, что даже забыл о своем женском наряде.

— Братья! Братья! Не бейте его! — закричал он, подбегая к месту свалки.

Послушники подняли глаза и сразу его узнали. Отпустив старика, они обступили товарища.

“师父，好了！去非在此！”

押解差人还不知就里，乃道：“这是极乐庵里尼姑，押出去召保的，你们休错认了。”众和尚道：“哦！原来他假扮尼姑在极乐庵里快活，却害师父受累！”众人方才明白是个和尚，一齐都笑起来。旁边只急得了缘叫苦连声，面皮青染。老和尚分开众人，揪过来，一连四五个巴掌，骂道：“天杀的奴狗！你便快活，害得我苦！且去见老爷来！”拖着便走。那老儿见了儿子已在，又做了假尼姑，料道到官必然责罚，向着老和尚连连叩头道：“老师父，是我无理得罪了！情愿下情陪礼。乞念师徒分上，饶了我孩儿，莫见官罢！”老和尚因受了他许多荼毒，哪里肯听，扭着小和尚直至堂上。差人押着了缘，也随进来。知县看见问道：“那老和尚为何又结扭尼姑进来？”老和尚道：“爷爷，这不是真尼姑，就是小院徒弟去非假扮的。”知县闻言，也忍笑不住道：“如何有此异事？”喝教小和尚从实供来。去非自知隐瞒不过，只得一一招承。知县录了口词，将僧尼各责四十，去非依律问徒，了缘官卖为奴，极乐庵亦行拆毁。老和尚并那老儿，无罪释放。又讨连具枷锁了，各搽半边黑脸，满城迎游示众。那老儿婆子，因儿子做了这不法勾当，哑口无言，惟有满面鼻涕眼泪，扶着枷梢，跟出衙门。那时哄动了满城男女，扶老挈幼，俱来观看。有好事的，作个歌儿道：

可怜老和尚，不见了小和尚；原来女和尚，私藏了男和尚。分明雄和尚，错认了雌和尚。为个假和尚，带累了真和尚。断过死和尚，又明白了活和尚。

— Наставник！ Наставник！ Цойфэй нашелся！ Вот это да！— закричали они настоятелю.

— Это монахиня из обители Великого Блаженства,— сказал стражник, не сразу поняв в чем дело.— Она будет содержаться под стражей, пока ее не возьмут на поруки. Вы, наверное, обознались!

— Вот оно что! Ты переоделся монахиней и веселился в женском монастыре! А тем временем из-за тебя наш учитель терпел столько мук!

Тут только все сообразили, что происходит. Раздался оглушительный хохот. Настоятельница Ляюань с позеленевшим лицом проклинила Цойфэя. Старый монах рассталкал учеников, схватил мнимую монахиню за шиворот и принялся колотить.

— Проклятый ублюдок! Ты веселился, а я из-за тебя чуть не пропал! Сейчас же пойдем к начальнику уезда!

И он потащил Цойфэя в ямынь.

Отец Цойфэя мигом понял, что сыну грозит суворое наказание, и стал умолять монаха:

— Уважаемый учитель, я был несправедлив и кругом неправ. Я отблагодарю тебя, не останусь в долгу, только сжался над сыном, не тащи его к уездному! Как никак, а ведь он был твоим учеником.

И он отбивал поклон за поклоном.

Но монах, перетерпевший от старика столько обид и поношений, слушать ничего не хотел и продолжал тянуть Цойфэя за собой. Стражник повел назад настоятельницу.

— Что такое, монах? Зачем ты привел обратно эту женщину?— удивился уездный начальник.

— Отец ты наш, это не женщина, а мой ученик Цойфэй, переодетый женщиной!

— Что за наваждение!— засмеялся начальник уезда и приказал Цойфэю выкладывать все начистоту.

Монашек не стал запираться и во всем признался.

Начальник уезда вынес приговор: настоятельнице и беглому монаху дать по сорок палок, после чего Цойфэя наказать по всей строгости закона, а бывшую настоятельницу продать в услужение, а чтобы другим было неповадно, надеть на обоих кангу, вычернить пол лица краскою и в таком виде провести по городу; обитель Великого Блаженства разрушить до основания; старого монаха и родителей Цойфэя за отсутствием вины отпустить с миром.

Старики словно языки проглотили. Размазывая по лицу слезы и утирая носы, они уцепились за кангу и вышли вместе с сыном из ямыни.

Это происшествие вызвало в городе большое волнение. Все жители, от мала до велика, сбежались посмотреть на преступников. А какой-то шутник успел мигом сложить песенку:

Жаль тебя, старик-монах:
Скрылся ученик-монах.
В женском платье жил без страха.
Не признали в нем монаха.
Объявился лжемонах,
И в беде уже монах.
Умер, думали, монах.
Оказалось, жив монах.
«Молодой монах в беде!—

满堂只叫打和尚，满街

争看迎和尚。只为贪那裤裆中硬崛崛，一个莽和尚，弄坏了庵院里娇滴滴许多骚和尚。

且说赫家人同蒯三急奔到家，报知主母。陆氏闻言，险些哭死。连夜备办衣衾棺椁，稟明知县，开了庵门，亲自到庵，重新入殓，迎到祖茔，择日安葬。那时庵中老尼，已是饿死在床。地方报官盛殓，自不必说。这陆氏因丈夫生前不肯学好，好色身亡，把孩子严加教诲。后来明经出仕，官为别驾之职。有诗为证：

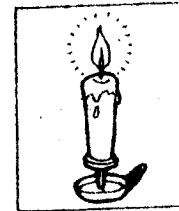
野草闲花姿意贪，化为蜂蝶死犹甘。
名庵并入游仙梦，是色非空作笑谈。

~~~~~

¹³ ...получил ученую степень Сведущего в канонах... — Сведущий в канонах — одно из названий ученой степени гуншэна — заслуженного сюзая, рекомендованного в Государственное училище или на должность.

Все кричали на суде.—
Бей монаха-старика,
Погубил ученика!»
Только в драке под конец
Обнаружился беглец.
Из-за юного монаха
Старичок дрожал от страха.
А монахини-блудницы
Не успели склониться.

Родственники Хэ Дацина вместе с Третьим Куаем прибежали к госпоже Лу и сообщили ей о суде, о признании монахинь и приговоре уездного. Госпожа Лу едва не умерла от горя. В тот же вечер она подготовила гроб, одеяние для умершего и обратилась к начальнику уезда с просьбой допустить ее в опечатанную обитель. Тело Дацина переложили в новый гроб и, выбрав подходящий день, предали земле на семейном кладбище.

Что еще осталось рассказать?
Старая настоятельница обители Отрешения от мирской суеты умерла с голода, и староста с помощниками, сообщив о ее смерти начальнику уезда, похоронили старуху. А госпожа Лу, постоянно держава в памяти дурной пример своего мужа, который сгубил себя блудом, дала сыну самое строгое воспитание. Впоследствии сын ее получил ученую степень Сведущего в канонах¹³ и должность помощника судьи провинции.

Завершим наш рассказ следующими стихами:

Среди цветов распутник жил,
В блаженстве ночи проводил,
Стать мотыльком он был готов,
Чтоб умереть среди цветов.

В закатный час и на заре
Смех не смолкал в монастыре.

Вот жизни! И на небе святой
Во сне не видывал такой.

Слепая страсть!
О, как смешна
Она в любые времена!

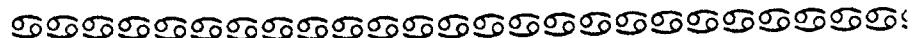
冯梦龙 (1574—1646)

第三卷

卖油郎独占花魁

年少争夸风月，场中波浪偏多。有钱无貌意难和，有貌无钱不可。就是有钱有貌，还须着意揣摩。知情识趣俏哥哥，此道谁人赛我。

这首词名为《西江月》，是风月机关中撮要之论。常言道：“妓爱俏，娼爱钞。”所以子弟行中，有了潘安般貌，邓通般钱，自然上和下睦，做得烟花寨内的大王，鸳鸯会上的主盟。然虽如此，还有个两字经儿，叫做帮衬。帮者，如鞋之有帮；衬者，如衣之有衬。但凡做小娘的，有一分所长，得人衬贴，就当十分。若有短处，曲意替他遮护。

Царство веселья.— Имеются в виду публичные дома.

Дэн Тун (II в. до н. э.) — крупный сановник, приближенный императора Вэнь-ди. Император пожаловал Дэн Туну богатые медью горы и право отливать монеты; Дэн Тун скопил на этом огромное богатство, и в дальнейшем имя его стало нарицательным для богача.

Сун Юй (IV в. до н. э.) и Пань Ань (IV в.) — поэты древности, славившиеся своей красотой; имя того и другого стало нарицательным для красивого мужчины.

Продавец масла покоряет царицу цветов
перевод В.А.Вельгуса
комментарии В.А.Вельгуса
и И.Э.Циперович

Фэн Мэнлун(1574—1646)

Юноши ради любовных улад
Ссорятся между собой,
Но в *царстве веселья, словно назло,
Препоны одна за другой:
С внешностью скромной,
Пусть даже с деньгами,
Знай, что ты будешь немил;
И с красотою одной, но без денег,
Напрасно б любви ты просил...
Пусть ты даже богатством владеешь,
Пусть на редкость красив,
Чуток останься к желаньям любимой,
Капризы девичьи простив.
Много ль из вас, в любви искушенных,
Признайтесь честно, друзья,
Поняли истину эту глубоко,
Прочувствовав все, как и я?!

Стихотворение это написано на мотив «Луна над Западной рекой» и раскрывает тайну тайн любовной игры.

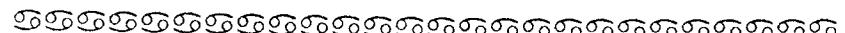
Известно ведь: «гетере нравится тот, кто красив, хозяйке — деньги милы». Поэтому, если среди посетителей публичного дома появляется человек, красотою подобный *Пань Ань и с богатством несметным *Дэн Туна, то, естественно, мир и любовь окружают его, и он становится владыкою в стане прелестных цветов.

Все это так, однако необходимо еще и другое — банчэнь. Бан — это борта туфли, а чэнь — подкладка, но «банчэнь» как целое слово означает «поддержать». Любая девица, обладающая хоть какими-то положительными качествами, становится в глазах людей совершенством, если находится человек, который умеет выгодно оттенить эти ее достоинства. Такой человек прибывает, где не хватает, поддержит, где шатко, при-

更兼低声下气，送暖偷寒，逢其所喜，避其所讳，以情度情，岂有不爱之理？这叫做帮衬。风月场中，只有会帮衬的最讨便宜，无貌而有貌，无钱而有钱。假如郑元和在卑田院做了乞儿，此时囊箧俱空，容颜非旧，李亚仙于雪天遇之，便动了一个恻隐之心，将绣襦包裹，美食供养，与他做了夫妻。这岂是爱他之钱，恋他之貌？只为郑元和识趣知情，善于帮衬，所以亚仙心中舍他不得。你只看亚仙病中想马板肠汤吃，郑元和就把个五花马杀了，取肠煮汤奉之。只这一节上，亚仙如何不念其情。后来郑元和中了状元，李亚仙封为汴国夫人。《莲花落》打出万年策；卑田院只做了白玉堂。一床锦被遮盖，风月场中反为美谈。这是：

远退黄金失色，时来铁也生光。

话说大宋自太祖开基，太宗嗣位，历传真、仁、英、神、哲，共是七代帝王，都则偃武修文，

Чжэн Юаньхэ.— В Китае с VII — X вв. был популярен рассказ о талантливом юноше Чжэн Юаньхэ из знатной, богатой семьи и его любви к красавице Ли Ва (в версиях последующих эпох она называется Ли Ясянь), известной столичной гетерой. Истратив все свое состояние на гетеру, юноша дошел до полного разорения и нищенствовал. Из этого положения его спасла Ли Ва, которая приютила его, стала за ним ухаживать и настояла на том, чтобы он готовил себя к государственным экзаменам (см.). Благодаря заботам Ли Ва юноша смог блестяще выдержать экзамены и получил чиновную должность.

История Чжэн Юаньхэ и Ли Ва нашла свое отражение в рассказе известного новеллиста Бо Синцзяня (770?— 816?) «История Ли Ва» и в ряде позднейших драм.

Сунская династия правила в Китае с 960 по 1279 г. В начале XII в. чжурчжэны (см.) начали войну с Китаем; в 1127 г. они захватили его столицу — Кайфэн, увезли в плен почти всю императорскую семью, а затем завоевали весь Северный Китай. Китайский народ во главе с прославленным полководцем Юэ Фэем оказал чжурчжэнам геронческое сопротивление, но сунский двор заключил с чжурчжэнами позорный мир, уступив завоевателям северную часть страны. С этого времени власть империи Сун стала распространяться только на юг Китая, куда была перенесена и ее столица. Отсюда и традиционное деление сунской династии на два периода: династия Северная Сун (960—1127) и Южная Сун (1127—1279).

кроет недостатки, и, если ко всему этому он окажется еще мил и сдержан в обращении с девицей, будет говорить с ней приветливым голосом, постараится зимой согреть, а летом навеять прохладу, окружить ее тем, что ей приятно, оградить от того, что ей не по душе, и, наконец, всем сердцем будет стремиться проникнуть в ее настроения, постичь ее переживания,— как такого не полюбить? Вот это и называется «банчэнъ». А в царстве «ласкового ветра любви и нежного сияния луны» выгадывает всегда тот, кто умеет угодить. Он некрасив, но в нем находят красоту; он беден, но об этом забывают.

К примеру, напомним историю *Чжэн Юаньхэ. Когда у него мешна опустела и он стал нищим, выглядел он уже, конечно, не таким, каким был прежде. Как-то в снежный зимний день его случайно увидела Ли Ясянь, и ее охватило чувство жалости. Она одела Юаньхэ в роскошное платье, подносила ему изысканные яства и в конце концов стала его женой. Нечего и говорить, что не деньги и не внешность привлекли ее,— Юаньхэ был чуток, любезен, понимал человеческую душу, умел предупредить желания другого, угодить, и потому Ясянь очень привязалась к нему. Вспомните хотя бы, как Ясянь во время болезни захотелось бульона из конской требухи и как Юаньхэ убил своего любимого пегого, чтобы сварить и преподнести ей бульон. Одного этого уже было достаточно, чтобы Ясянь всегда помнила о глубине его чувств. Впоследствии Чжэн Юаньхэ первым выдержал *государственные экзамены, а Ясянь был пожалован почетный титул дамы Бяньго. Да! Песни нищих прежде напевал он, но стал доклады, как министр, подавать; кварталы для бродяг сменил на чистые и светлые хоромы. И вот в один прекрасный день они укрылись брачным одеялом, и рассказ о них превратился в красивейшее предание. Поистине:

Судьба отвернется —
золото цвет потряст,
Удача придет —
железо и то заблестит.

Итак, начну рассказ. При великой *сунской династии, с той поры как положил ей начало *Тай-цзы, на протяжении правления семи императоров — самого Тай-цзы, затем Тай-цзуна, Жэнь-цзуна, Ин-цзуна, Шэнь-цзуна и Чжэ-цзуна — войны были забыты, куль-

民安国泰。到了徽宗道君皇帝，信任蔡京、高俅、杨戬、朱勔之徒，大兴苑囿，专务游乐，不以朝政为事。以致万民嗟怨，金虏乘之而起，把花锦般一个世界，弄得七零八落。直至二帝蒙尘，高宗泥马渡江，偏安一隅，天下分为南北，方得休息。其中数十年，百姓受了多少苦楚。正是：

甲马丛中立命，刀枪队里为家。

杀戮如同戏耍，抢夺便是生涯。

内中单表一人，乃汴梁城外安乐村居住，姓莘，名善，浑家阮氏。夫妻两口，开个六陈铺儿。虽则粜米为生，一应麦豆茶酒油盐杂货，无所不备，家道颇颇得过。年过四旬，只生一女，小名叫做瑤琴。自小生得清秀，更且资性聪明。七岁上，送在村学中读书，日诵千言。十岁时，便能吟诗作赋。曾有《闺情》一绝，为人传诵。诗云：

朱帘寂寂下金钩，香鸭沉沉冷画楼。

移枕怕惊鸳并宿，挑灯偏惜蕊双头。

Хуэй-цзун — правил в 1101—1126 гг.

Гао-цзун — годы правления: 650—683.

Бянълян (ныне Кайфэн) — одна из столиц Северной династии Сун (см. «Сунская династия»).

Зацеп. — В китайских домах на окнах (вместо стекла) и у входа в комнату (вместо двери) часто вешали занавес — матерчатый или из свисающих нитей с нанизанными на них бусинками. Прикрепленный неподвижно в верхней его части, занавес откидывался в сторону (или в стороны, если он состоял из двух половин) на серпообразный крюк-зацеп (или два зацепа) и им (ими) зажимался.

Уточек пару словно боится спугнуть... двуглавое пламя жаль ей иглою смахнуть.— Речь идет о вышитых на подушке селезне и утке, символизирующих, как и двуглавое пламя, любящих супругов.

тура расцвела, народ спокойно занимался своим делом и мир царил в стране.

Но вот на престол вступил *Хуэй-цзун. Полностью доверяясь Цай Цзину, Гао Цю, Ян Цзянию, Чжу Мяню и подобным им коварным царедворцам, он окружил себя ограниченными людьми, предался развлечениям, пренебрегая делами правления, и вызвал сильное недовольство в народе. Этим не замедлили воспользоваться *чжурчжэни, которые с большим войском вторглись в страну и разорили цветущее царство. И лишь после того как чжурчжэни пленили императоров Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна, а император *Гао-цзун переправился через реку Янцзы верхом на глиняном коне, обосновался в Ханчжоу и страна разделилась на север и юг,— лишь тогда настала передышка. Но сколько горя и лишений перенес народ за эти годы! Действительно:

Бились за жизнь в гуще пик и мечей,
Не знали, где дом, где семья;
Стали заняться разбой и грабеж,
Игрою потешной — резня.

В ту пору в *Бянъляне, за городом, в селе Аньлюцунь, жил вместе со своей женой один человек, по фамилии Синь, по имени Шань. Муж и жена держали зерновую лавку, где главным образом торговали рисом, но можно было в ней купить и чай, вино, масло, соль, а также другие товары. Жили они в общем безбедно. Супружам перевалило уже за сорок, но у них была лишь одна дочь — Яоцинь. Девочка росла красивой. С семи лет она стала учиться в сельской школе и могла в день запомнить наизусть сотни строк, а в десять лет уже сочиняла стихи и писала ритмической прозой. В предании сохранились ее стихи «Девичьи чувства»:

С золотого *зацепа
занавес бисерный
тихо, бесшумно скользит.
Одинокая девушка
в тереме дальнем
молча в раздумье сидит.
Подвинет подушку —
и *уточек пару
словно боится спугнуть.
Подправит светильник —
и двуглавое пламя
жаль ей иглою смахнуть.

到十二岁，琴棋书画，无所不通。若提起女工一事，飞针走线，出人意表。此乃天生伶俐，非教习之所能也。莘善因为自家无子，要寻个养女婿，来家靠老。只因为女儿灵巧多能，难乎其配。所以求亲者颇多，都不曾许。不幸遇了金虏猖獗，把汴梁城围困，四方勤王之师虽多，宰相主了和议，不许厮杀。以致虏势愈甚。打破了京城，劫迁了二帝。那时城外百姓，一个个亡魂丧胆，携老扶幼，弃家逃命。

却说莘善领着浑家阮氏，和十二岁的女儿，同一般逃难的，背着包裹，结队而走。

忙忙如丧家之犬，急急如漏网之鱼。担渴担饥担劳苦，此行谁是家邻；叫天叫地叫祖宗，惟愿不逢鞑虏。正是：宁为太平犬，莫作乱离人！

正行之间，谁想鞑子倒不曾遇见，却逢着一阵败残的官兵。他看见许多逃难的百姓，多背得有包裹，假意呐喊道：“鞑子来了！”沿路放起一把火来。此时天色将晚，吓得众百姓落荒乱窜，你我不相顾。他就乘机抢掠。若不肯与他，就杀害了。这是乱中生乱，苦上加苦。却说莘氏瑶琴，被乱军冲突，跌了一跤，爬起来，不见了爹娘。不敢叫唤，躲在道旁古墓之中，过了

Каллиграфия высоко ценилась китайцами во все времена как особый вид искусства. Часто ученый был одновременно поэтом, художником и каллиграфом. Надписи, выполненные каллиграфическим почерком, висели в домах образованных людей; красиво написанными иероглифами украшались веера, изделия из фарфора, лака и т. д.

В двенадцать лет Яоцинь уже играла на цитре, была искусна в шахматах, рисовании, *калиграфии; с поразительным умением она владела иглой. И все это давалось ей без большого труда — просто она была очень способной и одаренной от природы.

Так как у Синь Шаня не было сыновей, он намеревался взять к себе в дом зятя, на которого мог бы опираться в старости. Но человека, достойного дочери, трудно было найти, и потому хоть многие и приходили к ней свататься, но еще никто не получил согласия.

На беду, в то время вторглись в страну чжурчжэн и осадили Бяньлян. И хотя повсюду уже стояли наши войска, готовые к сражению, первый министр, желая пойти на мирные переговоры с врагом, запрещал им вступать в бой. В результате противник обнаглел, ворвался в столицу, захватил в плен обоих императоров и увез их. Народ в панике покидал родные места, спасаясь бегством.

Синь Шань с женой и двенадцатилетней дочерью, закинув узлы и котомки за плечи, бежали вместе с другими; словно собаки, оставшиеся без хозяина, словно рыбы, выскоцившие из сети, метались в растерянности эти люди. Они все шли и шли, страдая от голода и холода, преодолевая мучительную усталость. Но кто из них знал, куда они спешат, где обретут дом и покой? Вопли, призывы к небу, земле, предкам и все мольбы были лишь о том, чтобы не встретить чжурчжэней. И действительно:

Лучше быть в мирную пору щенком,
Чем в смутное время скитальцем!

Чжурчжэней по пути, они не встретили, но столкнулись с разбитым отрядом правительственные солдат. Увидев беженцев с узлами, солдаты устроили вдоль дороги пожар и подняли крик: «Чжурчжэн! Чжурчжэн!» Яркое пламя и страшные крики в наступивших сумерках навели на беженцев такой страх, что, позабыв друг о друге, они в панике бросились бежать кто куда. Пользуясь переполохом, солдаты принялись грабить беженцев, а если кто-нибудь сопротивлялся, убивали на месте. Это было горем в горе, бедою в беде.

Но вернемся к Яоцинь. Она была сбита с ног солдатами-грабителями и, когда поднялась, не могла найти ни отца, ни матери. Кричать она не решалась и, укрывшись в стороне от дороги в старом склепе, переждала

一夜。到天明，出外看时，但见满目风沙，死尸横路。昨日同时避难之人，都不知所往。瑶琴思念父母，痛哭不已。欲待寻访，又不认得路径。只得望南而行。哭一步，挨一步，约莫走了二里之程。心上又苦，腹中又饥。望见土房一所，想必其中有人，欲待求乞些汤饮。及至向前，却是破败的空屋，人口俱逃难去了。瑶琴坐于土墙之下，哀哀而哭。自古道：无巧不成话。恰好有一人从墙下而过。那人姓卜，名乔，正是莘善的近邻，平昔是个游手游食，不守本分，惯吃白食，用白钱的主儿，人都称他是卜大郎。也是被官军冲散了同伙，今日独自而行。听得啼哭之声，慌忙来看。瑶琴自小相认，今日患难之际，举目无亲，见了近邻，分明见了亲人一般，即忙收泪，起身相见。问道：“卜大叔，可曾见我爹妈么？”卜乔心中暗想：“昨日被官军抢去包裹，正没盘缠。天生这碗衣饭，送来与我，正是奇货可居。”便扯个谎，道：“你爹和妈，寻你不见，好生痛苦。如今前面去了。吩咐我道：‘倘或见我女儿，千万带了她来，送还了我。’许我厚谢。”瑶琴虽是聪明，正当无可奈何之际，君子可欺以其方，遂全然不疑，随着卜乔便走，正是：

情知不是伴，事急且相随。

ночь. На рассвете она вышла из своего убежища и увидела лишь следы пожара да валявшиеся повсюду трупы. Вокруг не было ни одной живой души.

Думая об отце и матери, Яоцинь горько рыдала. Она не знала, где их искать, не знала дороги и пошла наобум на юг. Плача и останавливаясь чуть ли не на каждом шагу, она прошла около двух *ли, когда увидела высокое здание. Теперь к терзавшему ее горю добавилось и мучительное чувство голода. «Наверно, есть же там люди», — подумала она и направилась к дому, намереваясь попросить хотя бы попить. Но оказалось, что дом пуст, — обитатели его, как видно, тоже бежали. Яоцинь присела возле стены и снова разрыдалась.

Истории говорят: «Без случайностей нет и рассказа».

Именно в это время мимо проходил человек. Это оказался Бу Цяо, сосед Синь Шаня, бездельник, который не желал утруждать себя каким-нибудь определенным занятием. Он был один из тех молодцов, что привыкли есть даровой харч и тратить легко доставшиеся деньги. Однако величили его все не иначе как «уважаемый Бу». Во время нападения солдат он тоже растерял своих попутчиков и шел теперь один. Услышав плач, он решил посмотреть, в чем дело. Яоцинь знала Бу Цяо с детства и теперь, очутившись в беде одна, обрадовалась соседу, как родному. Она тотчас утерла слезы, встала, поздоровалась с ним и спросила:

— Дядюшка Бу! Вы не видели моих родителей?

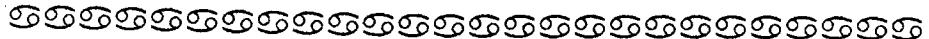
Бу Цяо тем временем раздумывал про себя: «Узлы у меня отняли вчера солдаты, денег на дорогу нет, и надо же, кусок сам идет мне в руки. Да и товар-то изредких, стоит попридержать».

— Мать с отцом не нашли тебя, — соврал он, — и так горевали, так горевали... Они пошли дальше, а мне наказали привести тебя к ним, если я тебя встречу. Обещали даже щедро отблагодарить меня за это.

Яоцинь хоть и была девочкой сообразительной, но сейчас, оказавшись в безвыходном положении, даже не заподозрила ничего дурного, да и вообще бесхитростного и порядочного человека легко обмануть; поэтому Яоцинь, нимало не раздумывая, пошла за Бу Цяо. Вот уж действительно:

Я знаю, он мне не попутчик,
Но все же идти надо с ним.

卜乔将随身带的干粮，把些与她吃了，吩咐道：“你爹妈连夜走的。若路上不能相遇，直要过江到建康府，方可相会。一路上同行，我权把你当女儿，你权叫我做爹。不然，只道我收留迷失子女，不当稳便。”瑶琴依允。从此陆路同步，水路同舟，爹女相称。到了建康府，路上又闻得金兀术四太子，引兵渡江。眼见得建康不得宁息。又闻得康王即位，已在杭州驻跸，改名临安。遂趁船到润州。过了苏常嘉湖，直到临安地面，暂且饭店中居住。也亏卜乔，自汴京至临安，三千余里，带那莘瑶琴下来。身边藏下些散碎银两，都用尽了，连身上外盖衣服，脱下准了店钱，只剩得莘瑶琴一件活货，欲行出脱。访得西湖上烟花王九妈家要讨养女，遂引九妈到店中，看货还钱。九妈见瑶琴生得标致，讲了财礼五十两。卜乔兑足了银子，将瑶琴送到王家。原来卜乔有智，在王九妈前，只说：“瑶琴是我亲生之女，不幸到你门户人家，须是软款地教训，她自然从愿，不要性急。”

Цзянъкан — в провинции Цзянсу.

Жунъчжоу, Сучжоу, Чанчжоу — в провинции Цзянсу.

Цзясин и Хучжоу — в провинции Чжэцзян.

Сиху — озеро в г. Ханчжоу, славящееся своими островами и живописными берегами со старинными памятниками архитектуры.

Ван Девятая — см. «Люй Второй».

Люй Второй.— В старые времена было принято называть человека по порядку его рождения в семье.

Лан — слиток серебра, служивший с древних времен весовой денежной единицей.

Бу Цяо дал Яоцинь немного из того, что у него было с собой съестного, и сказал:

— Мать и отец твои еще ночью двинулись дальше. Если мы не нагоним их в пути, то сможем увидеться с ними лишь после того, как переправимся через Янцы и доберемся до *Цзянъканы. В дороге ты зови меня отцом, я же буду выдавать тебя за дочь, иначе могут подумать, что я подбираю потерявшихся детей, а это не хорошо.

Яоцинь согласилась. И вот, «по суше шагая одною тропою и в лодке одной через реки плывя», они добрались до самого Цзянъканы. Но еще на пути туда они узнали, что Учжу, четвертый сын повелителя чжурчжэней, переправляется с армией через Янцы, и поняли: в Цзянъкане будет неспокойно. Узнали они также, что на престол вступил император Гао-цизун, что он остановился в *Ханчжоу и переименовал этот город в Линъянь. Поэтому, не задерживаясь в Цзянъкане, они водным путем направились в *Жунъчжоу, а оттуда через Сучжоу, Чанчжоу, *Цзясин и Хучжоу — в Линъянь. Прибыв туда, они на время остановились в гостинице.

Надо сказать, что Бу Цяо таскал свою жертву за собой целых три тысячи ли, пока в конце концов все-таки не добрался с ней до самого города Линъянь. В пути он израсходовал то немногое, что имел при себе, пришлось расстаться даже с халатом, чтобы уплатить за гостиницу. Оставался у него теперь только живой товар — Яоцинь, которую надо было как можно скорее сбыть.

Разузнав о том, что некая *Ван Девятая, владелица одного из веселых домов на озере *Сиху, собирается взять к себе на содержание еще одну «приемную дочь», Бу Цяо привел матушку Ван в гостиницу, чтобы поклониться ей свой товар и договориться о цене.

Яоцинь была недурна собой, и Ван Девятая согласилась дать за нее пятьдесят *ланов серебром. Получив деньги сполна, Бу Цяо доставил девочку к ней.

Бу Цяо был человек смысленный — хозяйке заведения он сказал:

— Яоцинь — моя родная дочь. Лишь нужда заставляет меня отдать ее в ваш дом. Обращайтесь с ней мягко, наставляйте, убеждайте, и она будет во всем послушной. Только не торопитесь, не проявляйте нетерпения.

在瑶琴面前，又说：“九妈是我至亲，权时把你寄顿她家。待我从容访知你爹妈下落，再来领你。”以此，瑶琴欣然而去。

可怜绝世聪明女，堕落烟花罗网中。

王九妈新讨了瑶琴，将她浑身衣服，换个新鲜，藏于曲楼深处，终日好茶好饭，去将息她，好言好语，去温暖她。瑶琴既来之，则安之。住了几日，不见卜乔回信。思量爹妈，噙着两行珠泪，问九妈道：“卜大叔怎不来看我？”九妈道：“哪个卜大叔？”瑶琴道：“便是引我到你家的那个卜大郎。”九妈道：“他说是你的亲爹。”瑶琴道：“他姓卜，我姓莘。”遂把汴梁逃难，失散了爹妈，中途遇见了卜乔，引到临安，并卜乔哄她的说话，细述一遍。九妈道：“原来恁地，你是个孤身女儿，无脚蟹。我索性与你说明罢：那姓卜的把你卖在我家，得银五十两去了。我们是门户人家，靠着粉头过活。家中虽有三四个养女，并没个出色的。爱你生得齐整，做个亲女儿相待。待你长成之时，包你穿好吃好，

Яоцинь же он говорил:
— Матушка Ван Девятая — моя близкая родственница, тебя я временно оставляю у нее и приеду за тобой, как только разыщу твоих родителей.

Таким образом, ничего не подозревая, Яоцинь охотно отправилась к матушке Ван.

*Как жаль эту девочку с редким умом,
Попавшую в сети веселых домов.*

Когда Яоцинь очутилась в руках Ван, та сразу же с ног до головы одела ее во все новое, поселила в одной из дальних комнат, стала вкусно кормить, поить прекрасным чаем и подбадривать теплыми, ласковыми словами.

Так Яоцинь провела несколько дней, не проявляя ни нетерпения, ни тревоги. Но при этом она не переставала тосковать по родителям и, обеспокоенная тем, что Бу Цяо все не возвращается за ней, как-то, в слезах, спросила Ван Девятую:

— Почему дядюшка Бу не приходит проведать меня?

— Какой дядюшка Бу? — удивилась Ван.

— Тот самый, что привел меня к вам.

— Он сказал, что он твой родной отец, — недоумевала Ван.

— Да ведь его фамилия Бу, а моя — Синь.

И тут Яоцинь подробно рассказала о том, как они всей семьей бежали из Бянъяна, как она потеряла родителей, как встретила Бу Цяо, который привез ее в Линъянь, как он обещал ей разыскать ее родителей и сказал, что здесь он ее оставляет временно, у родственницы.

— Вот как... — протянула изумленная Ван. — Так, значит, ты одинокая, беспомощная девушка, настоящий краб безногий. Ну что ж, расскажу-ка я тебе тогда все, как есть. Этот Бу Цяо продал тебя мне за пятьдесят ланов серебром — и все. А у нас тут «дом открытых дверей» — здесь обитают пурпурные головки, торгующие своим телом, и этим мы кормимся. У меня несколько девушек, но ни одна из них не отличается особой красотой. Ты же понравилась мне, потому что хороша собой. Я решила взять тебя и буду относиться к тебе, как к родной дочери. Можешь не сомневаться, когда вырастешь, будешь ходить разодетой в шелка, есть луч-

一生受用。”瑶琴听说，方知被卜乔所骗，放声大哭。九妈劝解，良久方止。自此九妈将瑶琴改做王美，一家都称为美娘，教她吹弹歌舞，无不尽善。长成一十四岁，娇艳非常。临安城中，这些富豪公子，慕其容貌，都备着厚礼求见。也有爱清标的，闻得她写作俱高，求诗求字的，日不离门。弄出天大的名声出来，不叫她美娘，叫她做花魁娘子。西湖上子弟编出一只《挂枝儿》，单道那花魁娘子的好处：

小娘中，谁似得王美儿的标致，又会写，又会画，又会做诗，吹弹歌舞都余事。常把西湖比西子，就是西子比她也还不如！哪个有福的汤着她身儿，也情愿一个死。

只因王美有了个盛名，十四岁上，就有人来讲梳弄。一来王美不肯，二来王九妈把女儿做金子看成。见她心中不允，分明奉了一道圣旨，并不敢违拗。又过了一年，王美年方十五。原来门

Ван Мэй.— В заведении девицы получали фамилию хозяйки (в данном случае — Ван), одновременно им давали новое имя (Мэй — в переводе: Прекрасная).

Си Ши — знаменитая красавица древности. Существует предание о том, как князь Юэ (V в. до н. э.), потерпевший поражение от князя соседнего удела У, решил прибегнуть к хитрости и подоспал к победителю свою наложницу — красавицу Си Ши. Пленившись ее красотой, князь удела У забросил государственные дела, предался любовным утехам и праздным развлечениям, и вскоре его войска были разбиты князем удела Юэ. Таким образом, красота Си Ши послужила причиной гибели целого княжества.

Прическа.— После того как женщина в публичном доме принимала первого гостя, она вместо обычных для нее кос делала прическу, закладывая волосы узлом.

шие блюда и до конца дней своих проживешь пропивающими.

Только теперь Яоцинь поняла, что ее обманули. Она так разрыдалась, что Ван пришлось долго ее успокаивать. После этого разговора матушка Ван дала девочке *новое имя — Мэй, так что теперь Яоцинь стали называть *Ван Мэй, а свои в доме называли ее просто *Мэйнян. Ее обучали игре на музыкальных инструментах, пению, танцам, и все это она постигла в совершенстве. В четырнадцать лет она была необычайно красива, и чуть ли не все сыновья линъянских богачей, пленившие ее красотой, приходили с богатыми подарками добиваться знакомства с ней и просить о встрече. Среди почитателей Мэйнян было немало и достойных мужей, ценителей красоты и таланта. Один за другим они приходили, чтобы получить в дар от Мэйнян сочиненный ею стих или пару иероглифов, выведенных ее рукой, и славу о ней вознесли до небес. Теперь ее уже не называли Мэйнян, а величали Царицей цветов. Молодые повесы сочинили даже песенку, восхвалявшую ее достоинства:

Среди девиц
кто может с Ван Мэйнян
сравниться красотой!
Умеет писать,
рисовать
и стихи сочинять.

А петь, играть иль плясать —
для нее это легкое дело.
Часто в Сиху красоте
видят *Си Ши красоту,
но что по сравнению с нею Си Ши!
Счастливец, который коснется ее,
смерть с улыбкою встретить готов.

Слава, которую обрела Мэйнян, привела к тому, что о ее *«прическе» стали заговаривать уже тогда, когда девочке исполнилось лишь четырнадцать лет. Но Мэйнян и слушать об этом не хотела, а Ван боялась наставлять: дорожка Мэйнян, словно золотом, она не осмеливалась ей ни в чем перечить и принимала ее отказы как высочайшие повеления.

Так прошел еще год. Мэйнян исполнилось пятнадцать.

Надо сказать, что в самих увеселительных заведениях и у их завсегдатаев сложились определенные

户中梳弄也有个规矩。十三岁太早，谓之试花。皆因鸨儿爱财，不顾痛苦。那子弟也只博个虚名，不得十分畅快取乐。十四岁谓之开花。此时天癸已至，男施女受，也算当时了。到十五岁谓之摘花。在平常人家还算年小。惟有门户人家以为过时。王美此时未曾梳弄，西湖上子弟又编出一只《挂枝儿》来：

王美儿，似木瓜，空好看，十五岁，还不曾与人汤一汤。
有名无实成何干！便不是石女，也是二杆子的娘。若还有个
好好的、羞羞也，如何熬得这些时痒。

王九妈听得这些风声，怕坏了门面，来劝女儿接客。王美执意不肯，说道：“要我会客时，除非见了亲生爹妈，他肯做主时，方才使得。”王九妈心里又恼她，又不舍得难为她。捱了好些时。偶然有个金二员外，大富之家，情愿出三百两银子，梳弄美娘。九妈得了这主大财，心生一计，与金二员外商议，若要她成就，除非如此如此。金二员外意会了。其日八月十五日，只说请王美湖

взгляды на то, в каком возрасте следует приобщать девицу к таинствам любви: в тринадцать лет считалось слишком рано, и называлось это «узнать цветок» — такие случаи бывали главным образом по жадности мамок, которые не жалели девушек, а молодые люди не получали при этом наслаждения и обретали лишь пустую славу; в четырнадцать лет считалось самым подходящим, так как в этом возрасте девушка уже созревала вполне, и называлось это «раскрыть цветок»; в пятнадцать лет это называлось «сорвать цветок», и если вообще девушку пятнадцати лет обычно считали еще не созревшей для брака, то в заведениях говорили, что лучшая пора для нее уже миновала.

И вот из-за того что Мэйнян в свои пятнадцать лет оставалась еще без «прически», про нее сочинили песенку:

Ван Мэйнян —
плод пустой!
Зря цветет
красотой.
Ей пятнадцать уж лет,
а она недорога.
Славу снискала,
а толку-то нет.
На что же это, право, похоже?!

Иль каменной девой
она родилась,
Или, наверно, двупола:
Не бойся она
пред людьми осрамиться,
Разве ждала бы так долго?!

Песенка эта дошла до Ван Девятой. Опасаясь за репутацию заведения, она стала уговаривать Мэйнян принимать гостей, но та упорно отказывалась.

— Если вы хотите, чтобы я принимала гостей, — говорила она, — то пусть отец и мать прикажут мне это.

Ван в душе негодовала, однако обижать Мэйнян не хотела и потому на некоторое время оставила ее в покое.

Как-то раз один богач, некий Цзинь Второй, изъявил желание отдать двести ланов серебром за «прическу» Мэйнян. Соблазнившись огромной суммой, Ван придумала хитрый план.

Был пятнадцатый день восьмого месяца. Цзинь Второй пригласил Мэйнян прокатиться на лодке и полюбο-

上看潮。请至舟中，三四个帮闲，俱是会中之人，猜拳行令，做好做坏，将美娘灌得烂醉如泥。扶到王九妈家楼中，卧于床上，不省人事。此时天气和暖，又没几层衣服。妈儿亲手伏侍，剥得她赤条条，任凭金二员外行事。金二员外那活儿又非兼人之具，轻轻地撑开两股，用些涎沫送将进去。比及美梦中觉痛，醒将转来，已被金二员外耍得够了。欲待挣扎，争奈手足俱软，由他轻薄了一回。直待绿暗红飞，方始云收雨散，正是：

雨中花蕊方开罢，镜里娥眉不似前

五鼓时，美娘酒醒，已知鸨儿用计，破了身子。自怜红颜命薄，遭此强横，起来解手，穿了衣服，自在床边一个斑竹榻上，朝着里壁睡了，暗暗垂泪。金二员外来自亲近她时，被她劈头劈脸，抓有几个血痕。金二员外好生没趣。挨得天明，对妈儿说声：“我去了。”妈儿要留他时，已自出门去了。从来梳弄的子弟，早起时，妈儿进房贺喜，行户中都来称贺，还要吃几日喜酒。那子弟多则住一二月，最少也住半月二十日。只有金二员外侵早出门，是从来未有之事。王九妈连叫诧异，披衣起身上楼，只见美娘卧于榻上，满眼流泪。九妈要哄她上行，连声招许多不是。美娘只不开口，九妈只得下楼去了。美娘哭了一日，茶饭不沾。从此托病，不肯下楼，连客也不肯会面了。

九妈心下焦躁。欲待把她凌虐，又恐她烈性不从，反冷了她的心肠。欲待由她，

Стража. — В древности в Китае с семи вечера до пяти утра каждые два часа сменялисьочные стражи; смена стражи отмечаласьударами в барабан, а иногда стуком колотушек. Отсюда двухчасовые отрезки времени стали именовать «стражей». Первая стража — от семи до девяти часов вечера; вторая — от девяти до одиннадцати; третья — от одиннадцати до часу ночи; четвертая — от часу до трех; пятая — от трех до пяти часов утра.

ваться приливом на озере. Вместе с ним в лодке оказалось еще несколько человек, «помощников в безделии», посвященных, конечно, в план матушки Ван. За вином мужчины затеяли обычные застольные игры, вовсю ухаживали за Мэйнян и, напоив ее до беспомощности, доставили домой. Ван сама принялась прислуживать ей. Время года было теплое, одежды на Мэйнян было не так много, и Ван, быстро раздев девушку, предоставила ее Цзиню Второму в полное распоряжение...

В пятую *стражу Мэйнян очнулась. Она поняла, что это мамка подстроила все так, чтобы ее лишили девственности, и с болью в душе стала думать о своей горькой судьбе и о жестокости, которую проявили к ней в тот день. Она встала, оделась, но затем опять легла на бамбуковую лежанку, повернулась к стене и заплакала. А когда Цзинь Второй подошел к ней и стал приставать со своими нежностями, она с такой яростью вцепилась ему в лицо, что расцарапала его в кровь. Тому, конечно, стало не по себе. Едва дождавшись утра, он ушел от Мэйнян, причем так торопился убраться из этого дома, что матушка Ван даже не успела его задержать и только слышала, как он на ходу пробурчал, что уходит.

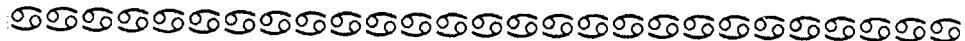
Обычно, когда девица впервые делала «прическу», мамка и все обитательницы заведения с утра приходили поздравлять счастливца и не один день пировали и распивали вино в честь этого события. Виновник торжества проводил у них по меньшей мере пятнадцать — двадцать дней, а то месяцы и два. И еще никогда не было, чтобы кто-нибудь уходил на следующее же утро, как это случилось с Цзинем Вторым.

— Странно... странно... — пробормотала Ван и, набросив халат, поднялась наверх.

Вся в слезах, Мэйнян по-прежнему лежала. Чтобы вызвать ее на разговор, Ван начала винить себя во всем случившемся. Но Мэйнян упорно молчала, и той пришлось уйти.

Весь день Мэйнян проплакала; она даже не притронулась ни к еде, ни к чаю. С того времени, ссылаясь на болезнь, она отказывалась спускаться вниз и вообще не желала видеть посетителей. Ван теряла терпение, однако принять жестокие меры не решалась, так как боялась, что Мэйнян со своим характером ожесточится и окончательно отобьется от рук. «Но позволять девице поступать так, как ей вздумается, тоже нельзя,—рас-

本是要她赚钱。若不接客时，就养到一百岁也没用。踌躇数日，无计可施。忽然想起，有个结义妹子，叫做刘四妈，时常往来。她能言快语，与美娘甚说得着。何不接取她来，下个说词。若得她回心转意，大大地烧个利市。当下叫保儿去请刘四妈到前楼坐下，诉以衷情。刘四妈道：“老身是个女随何、雌陆贾，说得罗汉思情，嫦娥想嫁。这件事都在老身身上。”九妈道：“若得如此，做姐的情愿与你磕头。你多吃杯茶去，省得说话时口干。”刘四妈道：“老身天生一副海口，便说到明日，还不干哩。”刘四妈吃了几杯茶，转到后楼，只见楼门紧闭。刘四妈轻轻地叩了一下，叫声：“侄女！”美娘听得是四妈声音，便来开门。两下相见了。四妈靠桌朝下而坐，美娘旁坐相陪。四妈看她桌上铺着一幅细绢，才画得个美人的脸儿，还未曾着色。四妈称赞道：“画得好！真是巧手！九阿姐不知怎生样造化，偏生遇着你这一个伶俐女儿。又好人物，又好技艺，就是堆上几千两黄金，满临安走遍，可寻出个对儿么？”美娘道：“休得见笑！今日甚风吹得姨娘到来？”刘四妈道：“老身时常要来看你，只为家务在身，不得空闲。闻得你恭喜梳弄了，今日偷空而来，特特与九阿姐叫喜。”美儿听得提起梳弄二字，满脸通红，

суждала Ван.— На то она и здесь, чтобы зарабатывать. А если не будет принимать гостей, то хоть сто лет ее держи, какой толк?»

Несколько дней Ван пребывала в нерешительности и никак не могла придумать, что ей предпринять, пока не вспомнила о своей названой сестре Лю Четвертой. Обе женщины часто ходили друг к другу, и Ван знала, что говорить та мастерица и что Мэйнян любила с ней поболтать. «Почему бы не позвать ее?— подумала Ван.— Пусть потолкует с Мэйнян, и, если Мэйнян одумается, не пожалею, как говорится, жертвенных свечей за успех».

И она тотчас послала за сестрой. Когда та явилась, Ван усадила ее и рассказала о своих неудачах.

— В этом деле ты можешь целиком положиться на меня,— заверила ее Лю Четвертая.

— Если только тебе это удастся, буду земно тебе кланяться,— проговорила Ван.— Выпей-ка побольше чайку, а то во рту пересохнет, пока будешь ее уговаривать.

— Да ведь глотка моя — это море безбрежное, могу хоть до завтра говорить — не пересохнет!

Выпив чаю, матушка Лю направилась к Мэйнян. Двери комнаты оказались запертыми. Лю легонько постучалась и позвала:

— Племяннушка! А племяннушка!

Узнав по голосу Лю Четвертую, Мэйнян отворила двери. Женщина вошла и села возле стола. Мэйнян тоже присела. Взглянув на стол, Лю увидела, что на нем разостлан кусок тонкого шелка, а на шелку — набросок женского лица, на который еще не положены краски.

— Хорошо нарисовано! Ловкая рука! — стала хвалить ее Лю.— И повезло же моей сестричке — найти такую дочь, как ты! И собой хороша, и мастерица на все руки. Да выложи хоть тысячи ланов серебром и город весь обойди, другой такой не найдешь.

— Не смейтесь, пожалуйста,— остановила ее Мэйнян.— Скажите лучше, какой попутный ветерок занес вас сегодня к нам, тетушка?

— Я, старая, давно уже собиралась взглянуть на тебя, да все домашние дела мешали. А тут услышала — поздравляю,— что ты уже с «прической», ну и решила урвать минутку да и зайти поздравить сестрицу.

При упоминании о случившемся Мэйнян покраснела

低着头不来答应。刘四妈知她害羞，便把椅儿掇上一步，将美娘的手儿牵着，叫声：“我儿！做小娘的，不是个软壳鸡蛋，怎的这般嫩得紧？似你恁地怕羞，如何赚得大主银子？”美娘道：“我要银子做甚？”四妈道：“我儿，你便不要银子，做娘的，看得你长大成人，难道不要出本？自古道，靠山吃山，靠水吃水。九阿姐家有几个粉头，哪一个赶得上你的脚跟来？一园瓜，只看得你是个瓜种。九阿姐待你也不比其他。你是聪明伶俐的人，也须识些轻重，闻得你自梳弄之后，一个客也不肯相接。是什么意儿？都像你的意时，一家人口，似蚕一般，哪个把桑叶喂她？做娘的抬举你一分，你也要与她争口气儿，莫要反讨众丫头们批点。”美娘道：“由她批点，怕怎的！”刘四妈：“阿呀！批点是个小事，你可晓得门户中的行径么？”美娘道：“行径便怎的？”刘四妈道：“我们门户人家，吃着女儿，穿着女儿，用着女儿，侥幸讨得一个像样的，分明是大户人家置了一所良田美产。年纪幼小时，巴不得风吹得大。到得梳弄过后，便是田产成熟，日日指望花利到手受用。前门迎新，后门送旧，张郎送米，李郎送柴，往来热闹，才是个出名的姊妹行家。”美娘道：“羞答答，我不做这样事！”刘四妈掩着口，格地笑了一声，道：“不做这样事，可是由得你的？一家之中，

и опустила голову. Понимая, что она стыдится, матушка Лю придинула стул и, взяв ее за руку, сказала:

— Доченька, ведь женщина не яичко с тонкой скорлупкой, к чему же быть такой неженкой? Если так стыдиться, никогда не заработать много денег.

— А на что мне деньги? — возразила Мэйян.

— Доченька, милая, тебе самой пусть даже они и не нужны, но разве мамке твоей не хочется возместить все то, что она на тебя затратила? Она ведь взрастила тебя. История известна, что «возле горы кормищейся горой, возле воды — водой». У сестрицы немало девок, но разве хоть одна из них стоит пятки твоей? Тыквами огород ее полон, да семенная-то одна ты. И подумай, разве относится она к тебе так, как к другим? Я слышала, — продолжала Лю, — что после первого гостя ты никого больше не желешь принимать. Что же это значит? А если бы и другие вели себя, как ты? Был бы полон дом ваш шелкопрядов, да только кто вас тутовыми листочками-то накормит? Ведь хозяйка о тебе заботится, ну, и ты помоги ей, чтобы хоть девки-то не судили да не рядали.

— Пусть себе судят и рянят, мне-то что?

— Ой, не скажи! Если б одни только пересуды, это еще ничего. Но знаешь ли ты, что в наших заведениях существуют определенные порядки?

— Ну и что?

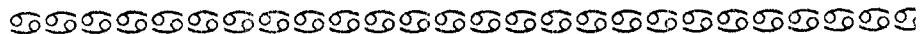
— А то, что для нас девушка — это все. Она нас кормит и поит, одевает и греет. Ты ведь знаешь, для нас взять себе в дом благообразную девицу все равно что для состоятельного человека купить плодородную землю. Пока такая девица еще малолетняя, так и хочется, чтобы каждое дуновение ветерка помогало ей поскорее расти. Когда же она начинает носить прическу, приходит для нас пора урожая с плодоносного поля. Тут уже ждешь, что денежки будут сыпаться тебе в руки, что едва успеешь через черный ход проводить одного гостя, как у парадного будешь встречать нового, что один гость пришлет рис, другой — дрова, что весь дом будет полон оживления и заведение станет действительно прославленным.

— Какой стыд! — воскликнула Мэйян. — Нет! Этим я заниматься не буду.

Лю прикрыла рот рукой и выдавила из себя смешок.

— Ха, «этим заниматься не буду», — передразнила она Мэйян. — Как бы не так. К твоему сведению, рас-

有妈妈做主。做小娘的若不依她教训，动不动一顿皮鞭，打得你不生不死。那时不怕你不走她的路儿。九阿姐一向不难为你，只可惜你聪明标致，从小娇养的，要惜你的廉耻，存你的体面。方才告诉我许多话，说你不识好歹，放着鹅毛不知轻，顶着磨子不知重，心下好生不悦。教老身来劝你。你若执意不从，惹她性起，一时翻过脸来，骂一顿，打一顿，你待走上天去！凡事只怕个起头。若打破了头时，朝一顿，暮一顿，那时熬这些痛苦不过，只得接客，却不把千金声价弄得低微了？还要被姊妹中笑话。依我说，吊桶已自落在她井里，挣不起了。不如千欢万喜，倒在娘的怀里，落得自己快活。”美娘道：“奴是好人家儿女，误落风尘。倘得姨娘主张从良，胜造九级浮图。若要我倚门献笑，送旧迎新，宁甘一死，决不情愿。”刘四妈道：“我儿，从良是个有志气的事，怎么说道不该！只是从良也有几等不同。”美娘道：“从良有甚不同之处？”刘四妈道：“有个真从良，有个假从良。有个苦从良，有个乐从良。有个趁好的从良，有个没奈何的从良。有个了从良，有个不了的从良。我儿耐心听我分说。

поряжается в доме хозяйка. Что она прикажет, тому и быть. И если иная девица осмелится ее ослушаться, то так плеткой ее отстегает, что та будет ни жива ни мертвa. Вот и попробуй пойти не той дорожкой, какою она вели. А ведь сестрица моя,— продолжала Лю,— никогда тебя не обижала. Все жалела тебя, такую красивую и умную, понимала, что ты с детства избалована, да и вообще хотела поберечь твоё достоинство и честь. Сейчас она мне много говорила о тебе, сказала, что ты не понимаешь доброго слова и добрых отношений и даже задуматься не хочешь над тем, что пушинка легка, а жернов тяжел. Она очень недовольна и просила меня потолковать с тобой. Если ты будешь продолжать упорствовать и выведешь ее из терпения, она с тобой заговорит по-иному. Начнутся тогда брань, побои... И куда ты от нее денешься? На небо, что ли, улетишь? Ведь лиха беда начало, а уж коль начнут бить, не выдержать тебе таких мучений. Волей-неволей придется смириться и принимать гостей. И тогда не только уничтожишь себя в глазах посторонних, но твои же подружки будут насмехаться над тобой. На мой взгляд, «упало ведро в колодец — само не поднимется», так лучшеброситься с улыбкой в объятия мамки твоей, по крайней мере жить будет веселее.

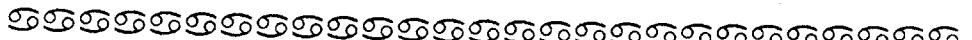
— Я из порядочной семьи,— сказала Мэньян,— сюда меня привели обманом. И если бы вы, тетушка, помогли мне вернуться к достойному образу жизни, это было бы большей добродетелью, чем воздвигнуть девятнадцатирусиную пагоду Будде. А вы хотите, чтобы, с гостемпростишись одним, я встречала бы гостя другого и, опершись на ворота, улыбки привета дарила. Нет, я предпочтут умереть, чем пойти на такое!

— Что и говорить! Стремление к порядочной жизни — вещь достойная. Но только стремятся и возвращаются к ней по-разному.

— Как это по-разному? — удивилась Мэньян.

— Бывает, стремятся к достойному образу жизни искренне, бывает — притворно, лицемерию; бывает, возвращаются к достойной жизни по доброй воле, бывает — ироневоле; иногда приходят к новой жизни, пользуясь благоприятным случаем, иногда — просто потому, что нет иного выхода; бывает, переходят к иной жизни окончательно, бывает — временно. Наберись терпения, дочь моя, и послушай. Я сейчас все тебе объясню.

如何叫做真从良？大凡才子必须佳人，佳人必须才子，方成佳配。然而好事多磨，往往求之不得。幸然两下相逢，你贪我爱，割舍不下。一个愿讨，一个愿嫁。好像捉对的蚕蛾，死也不放。这个谓之真从良。怎么叫做假从良？有等子弟爱着小娘，小娘却不爱那子弟。本心不愿嫁他，只把个嫁字儿哄他心热，撒漫使钱。比及成交，却又推故不就。又有一等痴心的子弟，晓得小娘心肠不对他，偏要娶她回去。拚着一主大钱，动了妈儿的火，不怕小娘不肯。勉强进门，心中不顺，故意不守家规。小则撒泼放肆，大则公然偷汉。人家容留不得，多则一年，小则半载，依旧放她出来，为娼接客。把从良二字，只当个赚钱的题目。这个谓之假从良。如何叫做苦从良？一般样子弟爱小娘，小娘不爱那子弟，却被他以势凌之。妈儿惧祸，已自许了。做小娘的，身不由主，含泪而行。一入侯门，如海之深。

Что называется искренним возвращением к достойной жизни？ Обычно человек с талантом ищет себе в жены красавицу, и красавице нужен в мужья талант, тогда получается прекрасная пара. Но доброе дело не так-то легко делается: обычно ищут-ищут, а обрести желанного не могут. Но вот счастливая случайность сводит наконец достойных друг друга людей. Тот любит, эта льнет, и обойтись друг без друга они не могут. Он желает взять ее в жены, она согласна идти замуж за него. Они словно пара бабочек-шелкопрядов, которые умирают, но не расстаются. Вот в этом случае стремление возвратиться к достойному образу жизни будет называться стремлением искренним.

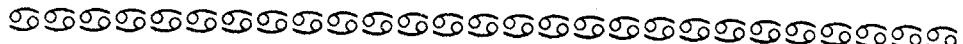
Что же называется лицемерно, притворно стремиться к достойному образу жизни？

Бывает, молодой человек полюбит девицу, а девица его не любит и замуж выходит за него не собирается. Однако при этом она обманывает его, скрывает от него свои истинные намерения, разговорами о свадьбе поддерживает в нем пыл только для того, чтобы он направо и налево тратил на нее деньги, а в последний момент отказывает ему под тем или иным предлогом. И некоторые безумцы, прекрасно зная, что на уме у девицы, все же хотят непременно взять ее в жены и предлагают огромную сумму хозяйке, разжигая в ней жадность. Ну а тогда о согласии девицы думать не приходится. И вот девица нехотя, затаив в душе недовольство, идет в дом мужа. Она умышленно не соблюдает семейных устоев, ведет себя строптиво, разнудзданно, бывает, и открыто заводит любовные шашни. Держать ее в доме становится невыносимо, и через полгода, самое большее, через год ее отпускают, и та опять становится гуляющей девкой. Для таких девиц стремление к порядочной жизни — только вывеска, под которой они могут получать побольше денег и жить в свое удовольствие. Вот это и называется притворным, лицемерным стремлением.

Что же называется возвращаться к достойному образу жизни поневоле？

Молодой человек любит девицу, а она его — нет. Тогда он насильно принуждает ее покинуть публичный дом и стать его женой. Хозяйка заведения боится неприятностей, дает свое согласие, и девица, не вольная распоряжаться своей судьбой, со слезами идет замуж. А уж как вошла в знатный дом, словно на дно погрузи-

家法又严，抬头不得。半妾半婢，忍死度日。这个谓之苦从良。如何叫做乐从良？做小娘的，正当择人之际，偶然相交个子弟。见他情性温和，家道富足，又且大娘子乐善，无男无女，指望他日过门，与他生育，就有主母之分。以此嫁他，图个目前安逸，日后出身。这个谓之乐从良。如何叫做趁好的从良？做小娘的，风花雪月，受用已够，趁这盛名之下，求之者众，任我拣择个十分满意的嫁他，急流勇退，及早回头，不致受人怠慢。这个谓之趁好的从良。如何叫做没奈何的从良？做小娘的，原无从良之意，或因官司逼迫，或因强横欺瞒，又或因债负太多，将来赔偿不起，憋口气，不论好歹，得嫁便嫁，买静求安，藏身之法，这谓之没奈何的从良。如何叫做了从良？小娘半老之际，风波历尽，则好遇个老成的孤老，两下志同道合，收绳卷素，白头到老，这个谓之了从良。

Старшая жена — см. «Вторая жена».

Вторая жена. — В старом Китае человек мог одновременно иметь несколько жен; при этом женщины жили вместе с мужем в одном доме. Первая жена считалась старшей, хозяйкой дома; ее первенец был законным наследником семейного имущества и пользовался всеми привилегиями, вытекавшими из патриархальных родовых обычаяев.

лась морское: порядки домашние строги, голову не поднимешь, и вот она полуналожницей, полуприслугой влечит свою жалкую жизнь. Вот это и называется по неволе.

Что же называется по доброй воле?

Девица находится как раз в том возрасте, когда ей надо на ком-то остановить свой выбор. Случай сводит ее с человеком мягкого и доброго нрава. У человека этого покладистая *старшая жена, нет детей, и живет он в полном достатке. Девица предполагает, что, попав в дом к такому человеку, она станет матерью и сможет рассчитывать на полноправное положение хозяйки. Она идет за него в надежде на отдых и покой в настоящем, на подобающее положение в будущем. Вот это и есть по доброй воле.

Что же такое перейти к достойному образу жизни, пользуясь благоприятным случаем?

Девица вдоволь пожила веселой, бездумной жизнью, слава ее в расцвете, и она привлекает множество искателей. Но она решает выбраться из бурного потока и выходит замуж за кого-нибудь из ее поклонников — того, кто больше всего пришелся ей по душе. Таким образом, она своевременно возвращается к честной жизни, чтобы впоследствии люди не относились к ней с презрением. Это и называется отойти от старого и пойти по пути порядочной жизни, пользуясь благоприятным случаем.

Что называется перейти к достойному образу жизни по безвыходности положения?

Девица и не думала изменять своего образа жизни, но по причине ли судебных преследований, грубого ли насилия или из-за накопившихся долгов, которые — она знает — не сумеет заплатить, она, долго не раздумывая, ни на что не глядя, выходит замуж при первом же представившемся ей случае, чтобы оградить себя от неприятностей и обрести покой. Вот это и называется по безвыходности положения.

Что означает окончательно перейти к порядочному образу жизни?

Цветущие годы девицы на исходе, она испытала уже все жизненные бури. И вот ей встречается порядочный одинокий человек. У них находятся общие стремления, и тогда она сворачивает паруса, и дружною четою живут эти двое до глубоких седин. Вот это и называется окончательно перейти к порядочному образу жизни.

如何叫做不了的从良？一般你贪我爱，火热地跟他，却是一时之兴，没有个长算。或者尊长不容，或者大娘妒忌，闹了几场，发回娘家，追取原价。又有家道凋零，养她不活，苦守不过，依旧出来趁趁，这谓之不了的从良。”美娘道：“如今奴家要从良，还是怎地好？”刘四妈道：“我儿，老身教你个万全之策。”美娘道：“若蒙教导，死不忘恩。”刘四妈道：“从良一事，入门为净。况且你身子已被捉弄过了，就是今夜嫁人，叫不得个黄花女儿。千错万错，不该落于此地。这就是你命中所招了。做娘的费了一片心机，若不帮她几年，趁过千把银子，怎肯放你出门？还有一件，你便要从良，也须拣个好主儿。这些臭嘴臭脸的，难道就跟他不成？你如今一个客也不接，晓得哪个该从，哪个不该从？假如你执意不肯接客，做娘的没奈何，寻个肯出钱的主儿：卖你去做妾，这也叫做从良。那主儿或是年老的，或是貌丑的，或是一字不识的村牛，你却不肮脏了一世！比着把你撂在水里，还有扑通的一声响，讨得旁人叫一声可惜。依着老身愚见，还是俯从人愿，凭着做娘的接客。似你恁般才貌，等闲的料也不敢

Что называется перейти к достойному образу жизни на время?

Опять-таки: он любит, она льнет и тут же решает идти за него. Однако решение это она приняла в порыве чувств, под влиянием момента, не взвесив всего, что ждет ее в замужестве. Она попадает в дом мужа. Но тут или родители не хотят ее терпеть, или старшая жена ревнует, и кончается тем, что после нескольких скандалов ее отправляют назад и забирают внесенный за нее выкуп. Бывает и так, что семья по скучности средств не в состоянии содержать такую женщину, а она не в силах вынести лишений и потому идет искать кратковременных встреч и случайных удач. Вот это значит перейти к достойному образу жизни на время,— закончила матушка Лю.

— А я как раз и хотела бы начать достойную жизнь,— заметила Мэйнян.— Как же мне быть?

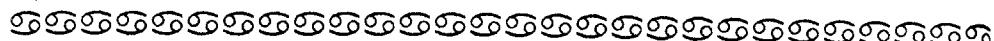
— Доченька, я укажу тебе самый верный путь.

— Если вы научите меня, как мне быть, я до самой смерти не забуду вашей милости.

— Видишь ли, лучше всего, конечно, начинать порядочную жизнь с того, что выйти замуж. Но над твоим телом уже надругались, и выди ты замуж хоть сегодня вечером, все равно уже не будешь считаться «нетронутым цветком». Случайность там или не случайность, а сюда ты не должна была попадать. Но что поделаешь, коли так сложилась твоя судьба! Кроме того, хозяйка твоя в свое время хлопотала, старалась, заботилась о тебе, и теперь, пока ты ей за год-другой не поможешь заработать несколько тысяч, она, конечно, не отпустит тебя. Ну а потом, пусть ты и решила начать достойную жизнь, так надо сначала присмотреть подходящего человека. Не выходить же за первое поганое рыло. А ты вот никого не принимаешь, откуда же тебе знать, за кого стоит идти, за кого — нет? Допустим, ты будешь и дальше упорствовать в своем нежелании принимать гостей, тогда и хозяйке твоей ничего не останется, как найти человека, который, не жалея денег, дал бы за тебя порядочный выкуп и взял в младшие жены. Это тоже будет переходом к достойному образу жизни. Да человек-то может оказаться стариком, уродом, тупым, невежественным быком — и загублена твоя жизнь навек! Чем так, лучше в воду. Но насколько я, старая да глупая, разумею, надо покориться воле матушки и принимать гостей. При твоей красоте не всякий посмеет около

相扳。无非是王孙公子，贵客豪门，也不辱没了你。一来风花雪月，趁着年少受用，二来作成妈儿起个家事，三来使自己也积些私房，免得日后求人。过了十年五载，遇个知心着意的，说得来，话得着，那时老身与你做媒，好模好样地嫁去；做娘的也放得你下了。可不两得其便？”美娘听说，微笑而不言。刘四妈已知美娘心中活动了，便道：“老身句句是好话。你依着老身的话时，后来还要感激我哩。”说罢，起身。王九妈伏在楼门之外，一句句都听得的。美娘送刘四妈出房，劈面撞着了九妈，满面羞惭，缩身进去。王九妈随着刘四妈，再到前楼坐下。刘四妈道：“侄女十分执意，被老身左说右说，一块硬铁看看溶做热汁。你如今快快寻个覆帐的主儿，她必然肯就。那时做妹子的再来贺喜。”王九妈连连称谢。是日备饭相待，尽醉而别。后来西湖上子弟们又有只《挂枝儿》，单说那刘四妈说词一节：

刘四妈，你的嘴舌儿好不利害！便是女随何，唯陆贾，不信有这大才！说着长，道着短，全没些破绽。就是醉梦中，被你说得醒；就是聪明的，被你说得呆。好个烈性的姑奶奶，也被你说得她心地改。

Суй Хэ и Лю Цзя (оба III — II вв. до э.) — выдающиеся дипломаты, известные своим красноречием, тонкостью аргументации, умением убеждать собеседника в споре.

тебя увиваться. Искать свиданий с тобой будут потомки князей, сыновья богачей и сановников. Это тебя не унимит, и ты при ласковом ветре, средь нежных цветов, при чистом снеге и ясной луне будешь наслаждаться жизнью, пока молода; кроме того, ты этим поможешь хозяйке и, наконец, сделаешь для себя кое-какие сбережения, чтобы в будущем не зависеть от людей. Пройдет так лет пять — десять, встретишь кого-нибудь, кто придется по сердцу, и тогда, помяни мои слова, я, старая, тебя сосватаю, и ты, как подобает, пойдешь замуж. Тут и хозяйка тебя отпустит. Так будет лучше и для тебя, и для нее.

Мэйнян выслушала ее, улыбнулась, но ничего не сказала. И все же Лю поняла, что «лед тронулся».

— Каждое мое слово проникнуто желанием сделать тебе добро, — сказала она, вставая. — Если ты поступишь так, как советую, потом благодарить будешь.

Ван на протяжении всего разговора стояла за дверью и слышала каждое слово. Когда Мэйнян вышла проводить гостю, она лицом к лицу столкнулась с хозяйкой. Вспыхнув от стыда, Мэйнян отпрянула, а Ван повела сестрицу к себе.

— Ну и упрямая же племянница, — сказала Лю, когда они сели. — И так и этак уговаривала ее — железо бы, пожалуй, расплавилось. А ты вот что: сейчас же, не теряя времени, найди ей какого-нибудь второго гостя — теперь она согласится. Вот тогда я снова зайду поздравить тебя.

Ван не переставала благодарить ее, тут же велела подать обед, и, выпив изрядно, они расстались.

Молодежь района Сиуху сложила песенку и об изворотливости матушки Лю:

Ну, язычок у тебя,
Четвертая матушка Лю,
Вряд ли даже *Суй Хэ и Лю Цзя
таким обладали талантом.
Говоришь ли о том,
говоришь ли о сем,
никогда не оставил прорехи ни в чем.
От тесных увещаний
очнется и пынкий;
От твоих заверений
найдет помраченье
даже на тех, кто умен.

Какая девица!
Как стойка и упорна она,
Но и ее
языком ты своим оплела!

再说王美娘自听了刘四妈一席话，思之有理。以后有客求见，欣然相接。覆帐之后，宾客如市。捱三顶五，不得空闲，声价愈重。每一晚白银十两，兀自你争我夺。王九妈赚了若干钱钞，欢喜无限。美娘也留心要拣个心满意足的，急切难得。正是：

易求无价宝，难得有情郎。

话分两头。却说临安城清波门里，有个开油店的朱十老，三年前过继一个小厮，也是汴京逃难来的，姓秦名重，母亲早丧，父亲秦良，十三岁上将他卖了，自己在上天竺去做香火。朱十老因年老无嗣，又新死了妈妈，把秦重做亲子看成，改名朱重，在店中学做卖油生理。初时父子坐店甚好。后因十老得了腰痛的病，十眠九坐，劳碌不得，另招个伙计，叫做邢权，在店相帮。光阴似箭，不觉四年有余。朱重长成一十七岁，生得一表人才，虽然已冠，尚未娶妻。那朱十老家有个侍女，叫做兰花，

~~~~~

Однако вернемся к Мэйнян. Решив, что матушка Лю права, Мэйнян после этого разговора охотно стала принимать тех, кто добивался встречи с ней. Гости один за другим, словно на ярмарку, стали стекаться в дом, и у Мэйнян ни минуты не бывало свободной.

Теперь она еще больше прославилась, и, чтобы добиться свидания с ней, мужчины платили по десять ланов серебром, и то ссорились и спорили друг с другом. Ван была счастлива — она уже успела заработать немало денег. Но Мэйнян все никак не удавалось встретить человека, который пришел бы ей по сердцу. В самом деле:

Легче добыть бесценную вещь,
Чем друга найти по душе.

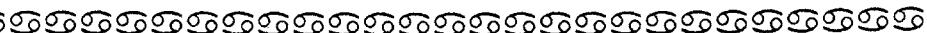
Поведем теперь рассказ о другом. В Линьани, недалеко от ворот Цинбо, жил некий старец Чжу Шилао. Старик держал лавку и торговал маслом. Года три тому назад он усыновил молодого парня, который, как и Мэйнян, бежал из Бяньляна. Фамилия этого парня была Цинь, имя — Чжун. Мать его умерла рано, и отец, Цинь Лян, продал сына, когда тому исполнилось тринадцать лет, Чжу Шилао, а сам пошел в прислужники в буддийский монастырь Тяньчжу.

Чжу Шилао, оставшийся на старости лет совсем одиноким — детей у него не было, жену он недавно потерял, — смотрел на Цинь Чжуну, как на родного сына. Приняв мальчика в дом, он дал ему свою фамилию и держал его при лавке, с тем чтобы тот научился торговать.

Вначале они вполнеправлялись с делами вдвое, но потом у старика начала болеть поясница, он почти не мог двигаться, и заниматься лавкой ему стало не по силам. Пришлось нанять приказчика. Приказчика звали Син Цюань.

Время летело стрелой, и незаметно прошло четыре с лишним года. Цинь Чжун стал теперь семнадцатилетним красивым юношей, считался совершеннолетним, но не был еще женат. Надо сказать, что Чжу Шилао держал еще в доме служанку по имени Ланъхуа, которой

年已二十之外，存心看上了朱小官人，几遍地倒下钩子去勾搭他。谁知朱重是个老实人，又且兰花龌龊丑陋，朱重也看不上眼。以此落花有意，流水无情。那兰花见勾搭朱小官人不上，别寻主顾，就去勾搭邢权。邢权是望四之人，没有老婆，一拍就上。两个暗地偷情，不止一次。反怪朱小官人碍眼，思量寻事赶他出门。邢权与兰花两个，里应外合，使心设计。兰花便在朱十老面前，假意撒清说：“小官人几番调戏，好不老实！”朱十老平时与兰花也有一手，未免有拈酸之意。邢权又将店中卖下的银子藏过，在朱十老面前说道：“朱小官在外赌博，不长进，柜里银子，几次短少，都是他偷去了。”初次朱十老还不信，接连几次，朱十老年老糊涂，没有主意，就唤朱重过来，责骂了一场。朱重是个聪明的孩子，已知邢权与兰花的计较，欲待分辨，惹起是非不小。万一老者不听，枉做恶人。心生一计，对朱十老说道：“店中生意淡薄，不消得二人。如今让邢主管坐店，孩儿情愿挑担子出去卖油。卖得多少，每日纳还，可不是两重生意？”朱十老心下也有许可之意。又被邢权说道：“他不是要挑担出去，

Коромысло.— Китайцы пользуются коромыслом для переноса тяжестей; в отличие от нашего, оно не изогнутое и не громоздкое.

было уже за двадцать. Цинь Чжун ей приглянулся, и она не раз пыталась завлечь его. Но скромный юноша не поддавался на ее уловки. Ланьхуа была так некрасива и до того неопрятна и грязна, что не вызывала в нем никаких чувств. Поэтому и получилось, что

*С нежной любовью слетал лепесток,
Но был равнодушен текущий поток.*

Видя, что с молодым хозяином ничего не выходит, служанка избрала себе другого — стала заигрывать с приказчиком. Тому было уже под сорок, жены он не имел, так что стоило ей однажды чуть поманить его, как «дело» сразу пошло на лад. Не раз тайком предавались они любовным утехам, но присутствие Цинь Чжуна мешало им. Тогда они стали думать о том, под каким бы предлогом выжить его из дома. И вот Ланьхуа стала перед Чжу Шиляном разыгрывать из себя чистейшую невинность.

— До чего же молодой хозяин непорядочно ведет себя. Который уже раз пристает ко мне,— пожаловалась она как-то старичку.

И так как Чжу Шиляо сам, бывало, забавлялся с Ланьхуа, то в нем заговорила ревность. А тут еще приказчик, утаив деньги от выручки и свалив недостачу на Цинь Чжуна, заявил старичку:

— Молодой хозяин играет в азартные игры и занимается непутевыми делами. В кассе уже не один раз недоставало денег. И это все он — берет оттуда тайком.

Вначале Чжу Шиляо не поверил, но жалобы повторялись, а Чжу Шиляо был стар, мало в чем разбирался и потому как-то позвал к себе Цинь Чжуна и выбранил его.

Цинь Чжун был умный малый и понимал, что все это козни Син Цюаня и Ланьхуа. «Если я стану оправдываться да объясняться,— думал он,— старик не поверит, лишь прослычу подлецом». Но тут в голову пришла мысль, и он сказал Чжу Шиляо:

— Торговля в лавке идет вяло, и вдвое там делать нечего. Пусть Син Цюань справляется в лавке, а я пойду продавать масло вразнос. Сколько выручу за день, столько и сдам. Так мы будем зарабатывать вдвое больше.

Чжу Шиляо готов был согласиться, но Син Цюань снова стал ему наговаривать:

— Думаете, он будет таскаться с *коромыслом? За

几年上偷银子做私房，身边积攒有余了，又怪你不与他定亲，心下怨怅，不愿在此相帮，要讨个出场，自去娶老婆，做人家哩。”朱十老叹口气道：“我把他做亲儿看成，他却如此歹意！皇天不佑！罢，罢，不是自身骨血，到底粘连不上，由他去罢！”遂将三两银子，把与朱重，打发出门。寒夏衣服和被窝都教他拿去。这也是朱十老好处。朱重料他不肯收留，拜了四拜，大哭而别。正是：

孝己杀身因谤语，申生丧命为谗言。
亲生儿子犹如此，何怪螟蛉受枉冤。

原来秦良上天竺做香火，不曾对儿子说知。朱重出了朱十老之门，在众安桥下赁了一间小小房儿，放下被窝等件，买具锁儿锁了门，便往长街短巷，访求父亲。连走几日，全没消息。没办法，只得放下。在朱十老家四年，赤心忠良，并无一毫私蓄。只有临行时打发这三两银子，不够本钱，做什么生意好？左思右量，只有油行买卖是熟间。这些油坊多曾与他识熟，还去挑个卖油担子，是个稳足的道路。当下置办了油担家火，

这些年来，他已积攒了不少。又怪你不与他定亲，心下怨怅，不愿在此相帮，要讨个出场，自去娶老婆，做人家哩。”朱十老叹口气道：“我把他做亲儿看成，他却如此歹意！皇天不佑！罢，罢，不是自身骨血，到底粘连不上，由他去罢！”遂将三两银子，把与朱重，打发出门。寒夏衣服和被窝都教他拿去。这也是朱十老好处。朱重料他不肯收留，拜了四拜，大哭而别。正是：

孝己杀身因谤语，申生丧命为谗言。

亲生儿子犹如此，何怪螟蛉受枉冤。

原来秦良上天竺做香火，不曾对儿子说知。朱重出了朱十老之门，在众安桥下赁了一间小小房儿，放下被窝等件，买具锁儿锁了门，便往长街短巷，访求父亲。连走几日，全没消息。没办法，只得放下。在朱十老家四年，赤心忠良，并无一毫私蓄。只有临行时打发这三两银子，不够本钱，做什么生意好？左思右量，只有油行买卖是熟间。这些油坊多曾与他识熟，还去挑个卖油担子，是个稳足的道路。当下置办了油担家火，

这些年来，他已积攒了不少。又怪你不与他定亲，心下怨怅，不愿在此相帮，要讨个出场，自去娶老婆，做人家哩。”朱十老叹口气道：“我把他做亲儿看成，他却如此歹意！皇天不佑！罢，罢，不是自身骨血，到底粘连不上，由他去罢！”遂将三两银子，把与朱重，打发出门。寒夏衣服和被窝都教他拿去。这也是朱十老好处。朱重料他不肯收留，拜了四拜，大哭而别。正是：

孝己杀身因谤语，申生丧命为谗言。
亲生儿子犹如此，何怪螟蛉受枉冤。

这些年来，他已积攒了不少。又怪你不与他定亲，心下怨怅，不愿在此相帮，要讨个出场，自去娶老婆，做人家哩。”朱十老叹口气道：“我把他做亲儿看成，他却如此歹意！皇天不佑！罢，罢，不是自身骨血，到底粘连不上，由他去罢！”遂将三两银子，把与朱重，打发出门。寒夏衣服和被窝都教他拿去。这也是朱十老好处。朱重料他不肯收留，拜了四拜，大哭而别。正是：

孝己杀身因谤语，申生丧命为谗言。
亲生儿子犹如此，何怪螟蛉受枉冤。

Сяо И. — По преданию, Сяо И, сын легендарного императора У-дина (XIV в. до н. э.), рано потерял мать. Мачеха оклеветала его перед отцом, и У-дин, поверив ее наветам, сослал сына. Сяо И погиб в изгнании.

Шэнь Шэн — сын Сянь Гуа, князя удела Цзинь, одного из древних княжеств эпохи Чуньцю (VIII — V вв. до н. э.). Ли Цзи, фаворитка его отца, желая возвести на престол своего сына, оклеветала Шэнь Шэна перед Сянь Гуа, уверив последнего, что сын собирается отравить его. Шэнь Шэн был сослан и покончил с собой.

Покинув дом Чжу Шилао, Цинь Чжун снял маленькую комнатушку возле моста Чжунъаньцяо, оставил там постель и прочие вещи, купил замок, повесил его на двери и отправился бродить по улицам в надежде, что, может быть, удастся узнать что-нибудь об отце. А следует упомянуть, что Цинь Лян ушел прислужником в храм, не сказав об этом сыну. Цинь Чжун бродил несколько дней подряд, но так ничего и не смог узнать, и поиски пришлось прекратить.

За четыре года, проведенных в доме Чжу Шилао, Цинь Чжун, будучи юношей преданным и порядочным, не отложил для себя ни гроша. Все, что у него было, — это те три лана серебром, которые ему дал на прощание старик и которых, конечно, не могло хватить на какое-нибудь дело. Он стал думать, за что бы взяться, и, размыслив, решил: «Единственное, с чем я хорошо знаком, так это с торговлей маслом; поэтому самым верным будет — коромысло на плечо и ходить продавать масло, тем более что почти во всех лавках меня знают». Он сразу закупил все необходимое для этого дела,

剩下的银两，都交

付与油坊取油。那油坊里认得朱小官是个老实好人。况且小小年纪，当初坐店，今朝挑担上街，都因邢伙计挑拨他出来，心中甚是不平，有心扶持他，只拣睿清的上好净油与他，签子上又明让他些。朱重得了这些便宜，自己转卖与人，也放些宽。所以他的油比别人分外容易出脱。每日所赚的利息，又且俭吃俭用，积下东西来，置办些日用家业，及身上衣服之类，并无妄废。心中只有一件事未了，牵挂着父亲，思想：“向来叫做朱重，谁知我是姓秦！倘或父亲来寻访之时，也没有个因由。”遂复姓为秦。说话的，假如上一等人，有前程的，要复本姓，或具札子奏过朝廷，或关白礼部、太学、国学等衙门，将册籍改正，众所共知。一个卖油的，复姓之时，谁人晓得？他有个道理，把盛油的桶儿，一面大大写个秦字，一面写汴梁二字，将油桶做个标识，使人一览而知。以此临安市上，晓得他本姓，都呼他为秦卖油。时值二月天气，不暖不寒，秦重闻知昭庆寺僧人，要起个九昼夜功德，用油必多，遂挑了油担来寺中卖油。那些和尚们

а оставшиеся деньги отдал хозяину лавки, в которой собирался брать масло.

В лавке его знали как порядочного человека, совсем еще молодого, который недавно сам торговал у Чжу Шилао, а теперь оказался вынужденным бродить с ножом по улицам; знали, что из дома Чжу Шилао его выжил приказчик своими интригами, были этим возмущены и желали помочь юноше. Ему отпускали лучшее масло, притом отвешивали всегда с походом. Это давало Цинь Чжуну возможность, в свою очередь, быть уступчивым с покупателями. В конечном счете по сравнению с другими торговцами маслом ему было легче сбывать свой товар, и он ежедневно имел небольшую прибыль. Жил он очень скромно, зря денег не тратил и на свои небольшие сбережения покупал только необходимые вещи и одежду.

На сердце у него теперь оставалась лишь одна забота, которая не давала ему покоя: как разыскать отца?

«Все эти годы меня называли Чжу Чжуном,— рассуждал он,— и теперь вряд ли кто-нибудь знает, что моя настоящая фамилия — Цинь, так что если отец станет меня разыскивать, то не найдет».

И он решил снова носить фамилию Цинь.

«Послушай, рассказчик!— скажете вы.— Когда человек высшего общества, с положением желает восстановить свою старую фамилию, то он подает прошение императору или уведомляет об этом Палату обрядов, Государственное училище и другие ведомства, дабы внесли соответствующие исправления в реестры; и всем это становится известно. Но когда восстанавливает свою прежнюю фамилию какой-то продавец масла, как об этом узнают другие?»

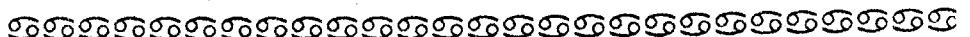
И все же Цинь Чжун нашел выход. На бочонках для масла он вывел с одной стороны огромный иероглиф «Цинь», с другой — «Бяньлян», чтобы каждый, кто ни взглянул, сразу узнал, что фамилия продавца Цинь и что родом он из Бяньляна. И действительно, вскоре в Линьани все знали его настоящую фамилию и звали «Цинь, продавец масла».

Шел второй месяц года, дни были не холодные и не жаркие. Проведав, что в монастыре Чжаоцин собираются проводить девятидневную службу, и решив, что там потребуется много масла, Цинь Чжун отправился туда со своими бочонками. Монахи этого монастыря

也闻知秦卖油之名，他的油比别人又好又贱，单单作成他。所以一连这九日，秦重只在昭庆寺走动。正是：

刻薄不赚钱，忠厚不折本。

这一日是第九日了。秦重在寺出脱了油，挑个空担出寺。其日天气晴明，游人如蚁。秦重绕河而行。遥望十景塘桃红柳绿，湖内画船箫鼓，往来游玩，观之不足，玩之有余。走了一回，身子困倦，转到昭庆寺右边，望个宽处，将担子放下，坐在一块石上歇脚。近侧有个人家，面湖而住，金漆篱门，里面朱栏内，一丛细竹。未知堂室何如，先见门庭清整。只见里面三四个戴巾的从内而出，一个女娘后面相送。到了门首，两下把手一拱，说声请了，那女娘竟进去了。秦重定睛觑之，此女容颜娇丽，体太轻盈，目所未睹，准准地呆了半晌，身子都酥麻了。他原是个老实小官，不知有烟花行径，心中疑惑，正不知是什么人家。方在疑思之际，只见门内又走出个中年的妈妈，同着一个垂髫的丫鬟，倚门闲看。那妈妈一眼瞧着油担，

Шапка — как и пояс, атрибуты чиновничьей одежды. По различным их формам и украшениям на них, а также по печати, висящей у пояса, судили о чине и должности чиновника.

уже слышали о нем и знали, что масло у него не только дешевле, но и лучше, чем у других, поэтому они и отдали ему предпочтение. Все девять дней Цинь Чжун почти целиком провел в монастыре. Верно говорят:

Кто скареден в жизни,
богатства не скопит;
Кто щедр душою,
в убытке не будет.

Шли уже девятые сутки моления, когда Цинь Чжун, распродав все масло, с пустыми бочонками на коромысле покинул монастырь.

День выдался солнечный, ясный, гуляющих было что муравьев, и Цинь Чжун, не торопясь, пошел вдоль берега озера. Вдали, где тянулась плотина Шицзин, виднелись персиковые деревья, красневшие в цвету среди зелени ив. С разрисованных лодок, сновавших взад и вперед по озеру, доносились звуки свирели и флейты. Действительно, глядеть на все это можно было без конца и без конца наслаждаться прелестью природы вокруг.

Пройдя немного по берегу, Цинь Чжун почувствовал усталость. Он свернулся вправо от монастыря, оказался в менее людном месте и, опустив ношу, присел на камень, чтобы дать ногам отдых. В стороне, совсем недалеку, он увидел какой-то дом, обращенный фасадом к озеру. Ворота были покрыты золотистым лаком. Во дворе за красной изгородью виднелась роща тонкого бамбука. Трудно было судить, каков этот дом внутри, но внешне он выглядел очень опрятным.

Из дома вышли несколько мужчин, все в *шапках*. Их провожала девушка. Дойдя до выхода, мужчины откланялись, и девушка, распрощавшись с ними, исчезла.

Пока девушка прощалась, Цинь Чжун не сводил с нее глаз. Лицо ее было нежным и прекрасным, сама она — легка и изящна; такой красавицы Цинь Чжун отродясь не видывал. Пораженный, он замер. Скромный юноша не имел представления о веселых заведениях — о том, какие они бывают и как там себя люди ведут, и потому задумался над тем, кто бы мог здесь жить. В это время из дома вышла женщина средних лет в сопровождении молоденькой служанки. Прислонившись к двери и поглядывая по сторонам, женщина заметила вдруг бочонки Цинь Чжуна.

便道：“阿呀！方才要去买油，正好有油担子在这里，何不与他买些？”那丫鬟取了油瓶出来，走到油担子边，叫声：“卖油的！”秦重方才知觉，回言道：“没有油了！妈妈要用油时，明日送来。”那丫鬟也认得几个字，看见油桶上写个秦字，就对妈妈道：“卖油的姓秦。”妈妈也听得人闲讲，有个秦卖油，做生意甚是忠厚。遂吩咐秦重道：“我家每日要油用，你肯挑来时，与你做个主顾。”秦重道：“承妈妈作成，不敢有误。”那妈妈与丫鬟进去了。秦重中想道：“这妈妈不知是那女娘的什么人？我每日到她家卖油，莫说赚她利息，图个饱看那女娘一回，也是前生福分。”正欲挑担起身，只见两个轿夫，抬着一顶青绢幔的轿子，后边跟着两个小厮，飞也似跑来。到了其家门首，歇下轿子。那小厮走进里面去了。秦重道：“却又作怪！着他接什么人？”少顷之间，只见两个丫鬟，一个捧着猩红的毡包，一个拿着湘妃竹攒花的拜匣，都交付与轿夫，放在轿座之下。那两个小厮手中，一个抱着琴囊，一个捧着几个手卷，腕上挂碧玉箫一枝，跟着起初的女娘出来。女娘上了轿，轿夫抬起望旧路而去。丫鬟小厮，俱随轿步行。秦重又得亲炙一番，心中愈加疑惑。

— Ой, да ведь масло у нас кончилось,— спохватилась она,— а тут сам торговец. Надо будет взять у него.

Служанка исчезла, затем вернулась с бутылкой и подошла к Цинь Чжуну.

— Есть масло?— обратилась она к нему.

Только теперь Цинь Чжун опомнился.

— Кончилось,— ответил он и тут же добавил:— Но, если желаете, я завтра принесу.

Служанка, как видно, умела читать, потому что, увидев на бочонках иероглифы, сказала, обращаясь к хозяйке:

— А фамилия продавца — Цинь.

Женщина, оказывается, уже слышала от кого-то, что есть продавец масла по фамилии Цинь, очень честный в деле, и потому сказала ему:

— Масло нам бывает нужно каждый день. Если согласишься носить, будем твоими постоянными покупателями.

— Сделайте одолжение,— ответил Цинь Чжун.— Все, что прикажете, будет доставлено.

И женщина со служанкой ушли.

«Интересно, кем приходится эта женщина той молодой?— думал Цинь Чжун.— Не ради заработка, а уж просто ради того, чтобы поглядеть на ту девицу, стоит носить им масло каждый день».

Он уже собрался было поднять коромысло и двинуться дальше, но в это время увидел, как двое носильщиков с паланкином, занавешенным голубым шелком, и двое слуг позади чуть ли не бегом примчались к дому. Носильщики остановились и опустили паланкин, а слуги зашли в дом.

«Любопытно! За кем это они?»— подумал Цинь Чжун.

Вскоре из дома вышли две служанки. Одна несла сверток, завернутый в ярко-красную шерстяную ткань, другая — шкатулку из пятнистого бамбука с инкрустациями. Все это они передали носильщикам, и те уложили вещи под сиденье в паланкине. Затем вышла та, которую Цинь Чжун уже видел, и следом за ней те же двое слуг. Один нес цитру в футляре, другой — несколько свитков и флейту. Красавица села в паланкин, носильщики подняли его и понесли. Служанки и слуги следовали сзади.

На этот раз Цинь Чжуну удалось хорошо разглядеть девицу, и он стал еще больше недоумевать, кто

挑了油担子，洋洋地去。

不过几步，只见临河有一个酒馆。秦重每常不吃酒，今日见了这女娘，心下又欢喜，又气闷，将担子放下，走进酒馆，拣个小座头坐了。酒保问道：“客人还是请客，还是独酌？”秦重道：“有上好的酒，拿来独饮三杯。时新果子一两碟，不用荤菜。”酒保斟酒时，秦重问道：“那边金漆篱门内是什么人家？”酒保道：“这是齐衙内的花园。如今王九妈住下。”秦重道：“方才看见有个小娘子上轿，是什么人？”酒保道：“这是有名的粉头，叫做王美娘，人都称为花魁娘子。她原是汴京人，流落在此。吹弹歌舞，琴棋书画，件件皆精。来往的都是大头儿，要十两放光，才宿一夜哩。可知小可的也近她不得。当初住在涌金门外，因楼房狭窄，齐舍人与她相厚。半载之前，把这花园借与她住。”秦重听得说是汴京人，触了个乡里之念，心中更有一倍光景。吃了数杯，还了酒钱，挑了担子，一路走，一路的肚中打稿道：“世间有这样美貌的女子，落于娼家，岂不可惜！”又自家暗笑道：“若不落于娼家，我卖油的怎生得见！”又想一回，越发痴起来了，道：“人生一世，草生一秋。若得这等美人搂抱了睡一夜，死也甘心。”又想一回道：“呸！”，

она и чей это дом. Взяв коромысло с пустыми бочонками, он медленно побрел прочь.

Пройдя немногого, он увидел возле самого озера какую-то харчевню. Обычно Цинь Чжун не пил, но сегодня, после того как он увидел девицу, на душе у него было радостно и в то же время тоскливо. Поэтому, оставив у входа бочонки с коромыслом, он зашел в харчевню и выбрал небольшой столик.

— Ждете гостя или одни будете пить? — обратился к нему человек.

— Принеси хорошего вина. Пить буду один! Свежих фруктов дай немного. Мясного ничего не нужно.

И когда человек наливал ему вина, Цинь Чжун спросил:

— Что за дом там с блестящими, покрытыми золотистым лаком воротами?

— Это загородный дом господина Ци. Там живет теперь матушка Ван Девятая, — ответил тот.

— Я видел сейчас, как одна девица сидилась в паланкин. Кто это такая?

— Это известная пурпурная головка Ван Мэйнян, которую все называют Царицей цветов. Родом она из Бянъляна и заброшена в эти края горькой судьбой. Она прекрасно играет на музыкальных инструментах, хорошо поет, танцует, искусна в каллиграфии, живописи, отлично играет в шахматы. Все, кто бывает у нее, — люди видные. Чтобы провести с нею ночь, нужно десять ланов чистого серебра, так что тем, кто попроще да победнее, к ней и не подступиться. Вначале она жила недалеко от ворот Юнцзинь, но там было тесно, и господин Ци, который очень дружен с ней, полгода назад отдал в ее распоряжение весь этот дом с садом.

Когда Цинь Чжун услышал, что она тоже из Бянъляна, он вспомнил свои родные места, и красавица стала еще милее его сердцу.

Выпив несколько чарок, он уплатил за вино и пошел дальше, размышляя про себя: «Есть же на свете такие красавицы! И попала вот в веселый дом. Жаль. — Но он тут же усмехнулся: — А если бы не попала, разве тогда мне, продавцу масла, довелось бы ее увидеть?» И чем больше он думал, тем дерзновеннее становились его мысли и желания. «Траве дано расти лишь год, человеку жить — лишь раз! Одну бы ночь провести с такой красавицей, держа ее в своих объятиях! Не пожалел бы жизнь отдать за это». Затем он словно очнулся: «Тьфу!

我终日挑这油担子，不过日进分文，怎么想这等非分之事！正是癞虾蟆在阴沟里想着天鹅肉吃，如何到口！”又想一回道：“她相交的，都是公子王孙。我卖油的，纵有了银子，料她也不肯接我。”又想一回道：“我闻得做老鸨的，专要钱钞。就是个乞儿，有了银子，她也就肯接了，何况我做生意的，青青白白之人。若有了银子，怕她不接！只是哪里来这几两银子？”一路上胡思乱想，自言自语。你道天地间有这等痴人，一个做小经纪的，本钱只有三两，却要把十两银子去嫖那名妓，可不是个春梦！自古道：有志者事竟成。被他千思万想，想出一个计策来。他道：“从明日为始，逐日将本钱扣出，余下的积攒上去。一日积得一分，一年也有三两六钱之数。只消三年，这事便成了。若一日积得二分，只消得年半。若再多得些，一年也差不多了。”想来想去，不觉走到家里，开锁进门。只因一路上想着许多闲事，回来看了自家的床铺，惨然无欢，连夜饭也不要吃，便上了床。这一夜翻来覆去，牵挂着美人，哪里睡得着。

只因月貌花容，引起心猿意马。

Цянь — старая весовая денежная единица; составляет десятую часть лана (см.).

Чего надумал! Таскаюсь весь день с этой ношей, зарабатываю какие-то гроши — мне ли мечтать о несбыточном! Совсем как жаба в сточной канаве, которой захотелось отведать лебединого мяса. Как же, жди! Так оно тебе в рот и попало! И потом: ведь общается-то она только с богатыми да знатными, так что, если бы даже у меня, простого продавца, завелись большие деньги, все равно она не приняла бы меня». Но тут пришла ему в голову другая мысль: «Говорят, что содержательницам таких домов важно лишь, чтобы деньги были: с деньгами — и нищий хороши. Так неужели же меня, честного и порядочного продавца, не примут, имей я деньги? Примут! Только как раздобыть их?» И он шел, разговаривая сам с собой, перебирая в уме то одно, то другое и пытаясь разобраться в мыслях, беспорядочно проносившихся у него в голове.

Вы скажете: «Да найдется ли на свете такой чудак?! Какой-то мелкий торговец, у которого всего-навсего было три лана, вздумал за десять ланов повеселиться со знаменитой гетерой. Ведь это же несбыточный сон, и только!»

Да, но давно ведь известно: «кто стремится, тот добьется». И вот после бесконечных раздумий он все-таки решил: «Начиная с завтрашнего дня, каждый день буду оставлять себе из выручки только необходимую на торговлю сумму, остальные деньги стану откладывать. Если каждый день откладывать по *фэню, за год наберется три лана и шесть *цяней, так что всего за три года можно будет собрать нужную сумму. Если же в день откладывать по два фэня, то понадобится лишь полтора года, а если откладывать побольше, хватит, наверно, и года».

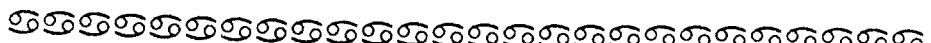
Размышляя так, он незаметно дошел до дома, снял замок и вошел в комнату. В пути он слишком уж размечтался, и потому, когда увидел свою одиночную постель, ему сразу сделалось тоскливо и грустно. У него даже пропала охота ужинать, и он улегся спать.

Но где ему было уснуть в эту ночь? Он только ворчался с боку на бок и все думал о красавице, которую повстречал днем. Действительно:

Облик — прелестней луны!
Образ — прекрасней цветка!
Сердце и мысли — в смятенье,
покоя лишилась душа.

挨到天明，爬起来，就装了油担，煮早饭吃了，锁了门挑着油担子，一径走到王九妈家去。进了门，却不敢直入，舒着头，往里面张望。王九妈恰才起床，还蓬着头，正吩咐保儿买饭菜。秦重识得声音，叫声：“王妈妈。”九妈往外一张，见是秦卖油，笑道：“好忠厚人！果然不失信。”便叫他挑担进来，称了一瓶，约有五斤多重，公道还钱。秦重并不争论。王九妈甚是欢喜，道：“这瓶油，只够我家两日用。但隔一日，你便送来，我不往别处去买了。”秦重应诺，挑担而出。只恨不曾遇见花魁娘子。“且喜扳下主顾，少不得一次不见，二次见，二次不见，三次见。只是一件，特为王九妈一家挑这许多路来，不是做生意的勾当。这昭庆寺是顺路。今日寺中虽然不做功德，难道寻常不用油的？我且挑担去问他。若扳得各房头做个主顾，只消走钱塘门这一路，那一担油尽够出脱了。”秦重挑担到寺内问时，原来各房和尚也正想着秦卖油。来得正好，多少不等，各各买他的油。秦重与各房约定，也是间一日便送油来用。这一日是个双日。自此日为始，但是单日，秦重别街道上做买卖；但是双日，就走钱塘门这一路。一出钱塘门，先到王九妈家里，以卖油为名，去看花魁娘子。有一日会见，也有一日不会见。不见时费了一场思想，便见时也只添了一层思想。正是：

天长地久有时尽，此恨此情无尽期。

Цинь — китайский фунт, равный приблизительно 0,6 кг.

Еле дождавшись утра, он встал, наполнил бочонки маслом, позавтракал и, замкнув двери, отправился с ношей прямо к вчерашней заказчице.

Он вошел в ворота, но дальше идти не посмел и стал смотреть, нет ли кого во дворе. В это время Ван, только недавно вставшая с постели и еще не причесанная, давала распоряжения служанке, которую посыпала на базар. Цинь Чжун узнал ее по голосу и крикнул:

— Матушка Ван!

Увидев Цинь Чжуна, Ван заулыбалась.

— Вот честный человек! Сдержал слово,— проговорила она и велела ему войти в дом.

Она взяла полную бутыль масла весом более пяти цзиней и уплатила по обычной цене. Цинь Чжун не торговался, и матушка Ван, довольная, сказала:

— Этого масла нам хватит на два дня; приходи через день, тогда я не буду покупать у других.

Цинь Чжун согласился и вышел, досадуя лишь на то, что не удалось ему увидеть Царицу цветов.

«Хорошо, что они будут постоянными покупателями,— думал он.— Один раз не увижу ее, увижу в другой. Не увижу в другой — так в третий. Но из-за одной матушки Ван тащиться в такую даль совсем не дело. Тут ведь рядом монастырь Чжаоцин, пойду им предложу. Если из каждой кельи кто-нибудь возьмет масло, этого будет достаточно, чтобы сразу сбыть все, и не придется тогда продавать по пути».

Когда Цинь Чжун явился в монастырь и осведомился, не нужно ли там масла, то оказалось, что монахи только что вспоминали о нем: он пришел как раз вовремя. Много ли, мало ли, но каждый взял масла, и Цинь Чжун договорился, что будет приходить через день.

День этот был четный, и с этого дня по нечетным числам Цинь Чжун торговал в другой части города, а по четным направлялся по дороге через ворота Цяньтан и прежде всего шел к матушке Ван в надежде увидеть Царицу цветов. Продажа масла была для него только предлогом. Иной раз удавалось ему повидать Царицу цветов, а иной раз — нет. Не увидит — значит, зря мечтал, а увидит — только новую печаль наживет, ибо действительно:

И небу, бескрайнему небу,
и давность забывшей земле
Когда-то иль где-то,
но есть или будет предел.
А этой безбрежной любви,
этой щемящей тоске
Печально вечно жить,
Бессмертною болью во мне!

再说秦重到了王九妈家多次，家中大大小小，没一个不认得是秦卖油。时光迅速，不觉一年有余。日大日小，只拣足色细丝，或积三分，或积二分，再少也积下一分。凑得几钱，又打换大块头。日积月累，有了一大包银子，零星凑集，连自己也不知多少。其日是单日，又值大雨，秦重不出去做买卖。看了这一大包银子，心中也自喜欢。“趁今日空闲，我把它上一上天平，见个数目。”打个油伞，走到对门倾银铺里，借天平兑银。那银匠好不轻薄，想着：“卖油的多少银子，要架天平？只把个五两头等子与他，还怕用不着头纽哩。”秦重把银包解开，都是散碎银两。大凡成锭的见少，散碎的就见多。银匠是小辈，眼孔极浅，见了许多银子，别是一番面目，想道：“人不可貌相，海水不可斗量。”慌忙架起天平，搬出若大若小许多砝码。秦重尽包而兑，一厘不多，一厘不少，刚刚一十六两之数，上秤便是一斤。秦重心下想道：“除去了三两本钱，余下的做一夜花柳之费，还是有余。”又想道：“这样散碎银子，怎好出手！拿出来也被看低了！现成倾银店中方便，何不倾成锭儿，还觉冠冕。”当下兑足十两，倾成一个足色大锭，

Ивы и цветы — иносказ.: гетеры из веселых домов.

Цинь Чжун столько раз уже побывал в доме матушки Ван, что все там, от мала до велика, знали его.

Время летело быстро. Незаметно прошло больше года. Изо дня в день Цинь Чжун откладывал то три, то два фэня, уж самое малое — один. Когда набиралось несколько цяней, он выменивал их на более крупные куски серебра, и в конце концов у него накопился их целый узел; сколько там было, он и сам не знал.

Как-то в нечетный день полил дождь, и Цинь Чжун не пошел торговаться. Довольный тем, что ему удалось скопить порядочную сумму, он решил: «День сегодня свободный, надо воспользоваться этим и пойти проверить на весах, сколько же все-таки у меня серебра».

Взяв зонт, он пошел в лавку напротив, где торговали серебряными изделиями, и попросил весы, чтобы взвесить серебро.

«Сколько может быть серебра у какого-то продавца масла, что ему нужны весы? — подумал серебряных дел мастер, пренебрежительно взглянув на посетителя. — Дать ему пятилановый безмен, и то, пожалуй, не придется держать за первую петлю».

Цинь Чжун развязал узел — в нем оказалось множество раздробленных мелких кусков серебра и несколько цельных слитков. Когда мастер, человек мелочный и недалекий, увидел столько серебра, его словно подменили. Он вспомнил, что «о людях по виду судить не годится, так же как море ковшом измерять», и засуетился с весами, вытащив целую кучу больших и малых гирь.

Цинь Чжун взвесил все, что было в узле, и получилось ни больше ни меньше, как шестнадцать ланов.

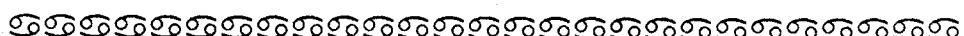
«Оставлю три лана на масло,— решил Цинь Чжун,— остальное пойдет на то, чтобы провести ночь среди *ив и цветов, да и то, пожалуй, будет излишком». Затем он подумал: «Такую мелочь вынимать неприлично; покажешь ее, станут смотреть на тебя искоса. Лучше переплавить все в цельные ситки. Так будет солиднее. Да как раз здесь это и удобно сделать».

Тогда он отвесил десять ланов и попросил переплавить мелкие куски в большой, десятилановый слиток,

再把一两八钱，倾成水丝一小锭。剩下四两二钱之数，拈一小块，还了火钱，又将几钱银子，置下镶鞋净袜，新褶了一顶万字头巾。回到家中，把衣服浆洗得干干净净，买几根安息香，薰了又薰。拣个晴明好日，侵早打扮起来。

虽非富贵豪华客，也是风流好后生。

秦重打扮得齐齐整整，取银两藏于袖中，把房门锁了，一径望王九妈家而来。那一时好不高兴。及至到了门首，愧心复萌，想道：“时常挑了担子在她家卖油，今日忽地去做嫖客，如何开口？”正在踌躇之际，只听得呀的一声门响，王九妈走将出来。见了秦重，便道：“秦小官今日怎的不做生意，打扮得恁般齐楚，往哪里去贵干？”事到其间，秦重只得老着脸，上前作揖。妈妈也不免还礼。秦重道：“小可并无别事，专来拜望妈妈。”那鸨儿是老积年，见貌辨色，见秦重恁般装束，又说拜望，“一定是看上了我家哪个丫头，要嫖一夜，或是会一个房。虽然不是个大势主菩萨，搭在篮里便是菜，捉在篮里便是蟹，赚他钱把银子买葱菜，也是好的。”便满脸堆下笑来，道：“秦小官拜望老身，必有好处。”

Запрята в рукав — см. «Вытащил из рукава».

Вытащил из рукава. — Удлиненная часть низа широкого рукава китайского халата или немного сшивалась по направлению к кисти, или просто сужалась к кисти, и таким образом в нижнем углу рукава получался своеобразный карман.

а один лан и восемь цяней — в малый слиток. Из остальных четырех ланов и двух цяней он оставил небольшой кусок мастеру за труды, а еще несколько цяней истратил на туфли с окантовкой, носки и шапку.

Он выстирал свою одежду, купил ароматный ладан и старательно обкурил ее. В первый же погожий, солнечный день Цинь Чжун тщательно принарядился и выглядел

*Человеком хотя небогатым,
Но милым весьма и изящным.*

*Запрятав в рукав серебро, он запер комнату и отправился к Ван. Настроение у него было приподнятое. Но когда он подошел к дому, в нем заговорила его обычная робость.

«Я всегда приходил продавцом,— думал он,— а сегодня вдруг явлюсь «гостем»... И сказать-то им об этом неловко».

Пока он стоял в нерешительности, ворота вдруг со скрипом распахнулись и показалась матушка Ван.

— Что же ты сегодня не торгуешь, молодой господин Цинь? — заговорила она, увидев Цинь Чжуна. — И так принарядился! Куда же это собрался, по каким делам?

Цинь Чжуну пришлось набраться смелости и подойти к ней с приветствием. Ван ответила тем же.

— У меня, собственно, нет никакого дела, я просто пришел навестить вас.

Но матушка Ван — хозяйка из старых и бывалых, ей достаточно было взглянуть на человека, чтобы понять, в чем дело. Видя, как Цинь Чжун приоделся, да услышав еще, что, мол, пришел «навестить», она подумала: «Ну, конечно, понравилась какая-нибудь из моих девиц и решил позабавиться, а может, и ночь провести. Ну что ж, хоть и не самый он великий из богов, но все же: положишь его денежки в корзину — зеленью станут, бросишь в сумку — крабом будут к обеду. Так что заработать у него мелочь на базар — тоже дело».

И, заулыбавшись во все лицо, она сказала:

— Коль скоро молодой господин Цинь решил навестить меня, старую, то меня ждет, вероятно, что-то хорошее.

秦重道：

“小可有句不识进退的言语，只是不好启齿。”王九妈道：“但说何妨！且请到里面客坐里细讲。”秦重为卖油虽曾到王家整百次，这客坐里交椅，还不曾与他屁股做个相识。今日是个会面之始。王九妈到了客坐，不免分宾而坐，对着内里唤茶。少顷，丫鬟托出茶来，看时却是秦卖油，正不知什么缘故，妈妈恁般相待，格格低了头只是笑。王九妈看见，喝道：“有甚好笑！对客全没此规矩！”丫鬟止住笑，收了茶杯自去。王九妈方才开言问道：“秦小官有甚话，要对老身说？”秦重道：“没有别话，要在妈妈宅上请一位姐姐吃杯酒儿。”九妈道：“难道吃寡酒，一定要嫖了。你是个老实人，几时动这风流之兴？”秦重道：“小可的积诚，也非止一日。”九妈道：“我家这几个姐姐，都是你认得的。不知你中意哪一位？”秦重道：“别个都不要，单单要与花魁娘子相处一宵。”九妈只道取笑她，就变了脸道：“你出言无度！莫非奚落老娘么？”秦重道：“小可是个老实人，岂有虚情。”九妈道：“粪桶也有两个耳朵，你岂不晓得我家美儿的身价！倒了你卖油的灶，还不够半夜歇钱哩！不如将就拣一个适兴罢。”

— Да, мне, видите ли, хотелось бы вам кое-что сказать... С моей стороны это будет большой нескромностью, даже как-то неловко начинать...

— Говори, пожалуйста. Что ж тут такого? Но прошу, пройди в гостиную — там мы обо всем и потолкуем.

Хотя Цинь Чжун сотни раз уже бывал в этом доме, но кресло в гостиной еще не было знакомо с его задом, и теперь предстояла их первая встреча.

В гостиной они сели, и матушка Ван крикнула, чтобы подали чай.

Через некоторое время служанка принесла на подносе чай. Но когда она увидела, что в гостиной сидит продавец масла Цинь и матушка почему-то принимает его как гостя, она захихикала.

— Чего тут смешного! — прикрикнула на нее Ван. — Вести себя не умеешь перед гостем.

Служанка перестала смеяться, подала чай и ушла. Тогда Ван спросила Цинь Чжуна:

— Так что же ты собирался сказать мне, господин Цинь?

— Собственно, ничего другого, как то, что хотел бы пригласить одну из ваших девушек выпить со мной чарку вина.

— Что ж, так и будете пить вино, и больше ничего? — сказала на это Ван с лукавой усмешкой. — Наверно, поразвлечься задумал? А ты ведь человек тихий и скромный. С каких это, скажи, пор появилось у тебя такое игривое настроение?

— Сокровенную эту мечту я очень давно уже лелею. — Всех девиц моих ты знаешь, интересно, какая же из них тебе приглянулась?

— Ни о ком другом не думаю, и единственno, с кем хочу побывать вечер, — это с Царицей цветов.

Решив, что он смеется над ней, Ван сразу же переменила тон:

— Ты понимаешь, что говоришь? Или издеваешься надо мной?

— Вы знаете, что человек я прямой и говорю то, что думаю.

— Гм, даже у ночного горшка два ушка, так неужели ты не слышал, сколько я беру за мою Мэйнян? Да тебя со всем твоим скарбом не хватит на то, чтобы провести с ней хотя бы полночи. Уж лучше как-нибудь отведи душу с другой.

秦重把头一缩，舌头一伸，道：“恁的好卖弄！不敢动问，你家花魁娘子一夜歇钱要几千两？”九妈见他说要话，却又回嗔作喜，带笑而言道：“哪要许多！只要得十两敲丝。其他东道杂费，不在其内。”秦重道：“原来如此，不为大事。”袖中摸出这秃秃里一大锭放光细丝银子，递与鸨儿道：“这一锭十两重，足色足数，请妈妈收着。”又摸出一小锭来，也递与鸨儿，又道：“这一小锭，重有二两，相烦备个小东。望妈妈成就小可这件好事，生死不忘，日后再有孝顺。”九妈见了这锭大银，已自不忍释手，又恐怕他一时高兴，日后没了本钱，心中懊悔，也要尽他一句才好。便道：“这十两银子，你做经纪的人，积攒不易，还要三思而行。”秦重道：“小可主意已定，不要你老人家费心。”

九妈把这两锭银子收于袖中，道：“是便是了。还有许多烦难哩。”秦重道：“妈妈是一家之主，有甚烦难？”九妈道：“我家美儿，往来的都是王孙公子，富室豪家，真个是‘谈笑有鸿儒，往来无白丁。’她岂不认得你是做经纪的秦小官，如何肯接你？”秦重道：“但凭妈妈怎的委曲宛转，成全其事，大恩不敢有忘！”九

Цинь Чжун изобразил притворное изумление на лице.

— Не думал, что вы так любите похвастать! — сказал он. — И все-таки осмелюсь спросить, сколько же тысяч ланов нужно, чтобы провести ночь с Царицей цветов.

Ван снова заулыбалась — она полагала, что продавец, конечно, шутит, и в ответ сказала ему:

— «Сколько тысяч»? Ну, зачем так много, всего десять ланов чистого серебра, помимо угощения и прочих расходов.

— Вот как. Ну, это пустяки, — заявил Цинь Чжун и, вынув из рукава сверкающий белизной большой слиток серебра, подал его хозяйке: — Этот десятилановый слиток прошу вас оставить себе. — Затем он вынул маленький слиток. — Здесь около двух ланов, — сказал он. — Прошу приготовить на них угощение. Помогите мне, а я до конца жизни не забуду этого и не премину потом доказать вам свое почтение и благодарность.

Когда Ван увидела большой слиток, ей стало жаль упускать его из рук, но в то же время она подумала: не минутная ли это блажь, не будет ли этот продавец потом, когда останется без денег, раскаиваться? Поэтому она сочла за благо на всякий случай предупредить его.

— Тебе, скромному продавцу, — сказала она, — не легко было скопить эти деньги, и нужно трижды подумать, прежде чем решиться на такое.

— Я уже решил, и прошу вас об этом не беспокоиться.

Тогда Ван спрятала серебро в рукав и сказала:

— Ну, ладно, решил так решил, однако трудностей предстоит еще много.

— Вы ведь здесь главная, какие же могут быть трудности? — возразил Цинь Чжун.

— Видишь ли, у моей Мэйнян бывают знатные да богатые люди, и действительно можно сказать, что здесь «виднейших ученых услышишь в веселой беседе и средь массы гостей не найдешь никого без чинов»; а она знает, конечно, что ты мелкий торговец, и навряд ли пожелает принять тебя.

— Очень надеюсь, что вы уж как-нибудь постараитесь довести дело до желанного конца, а я этого благодеяния никогда не посмею забыть.

Видя, что Цинь Чжун непоколебим в своем решении, Ван сдвинула брови и задумалась. Но вот какая-то мысль пришла ей на ум, и, засмеявшись, она сказала:

— Я придумала, как быть, но все зависит от твоего счастья; получится — хорошо, не получится — не вини. Вчера Мэйнян была приглашена почтенным ученым господином Ли к вину и еще не вернулась; сегодня господин Хуан условился с ней о прогулке по озеру; завтра она приглашена уважаемым господином Чжаном и другими любителями возвышенного и прекрасного на вечер стихов; а на послезавтра уже несколько дней назад ее пригласил на обед сын министра, господин Хань. Так вот, загляни после этого. А пока не появляйся у нас с маслом — так будет лучше. И вот еще что,— вспомнила Ван,— одежда на тебе из простой ткани и ты не походишь на блестящего, богатого посетителя; поэтому, когда придешь к нам в следующий раз, оденься получше, чтобы девицы тебя не узнали. Тогда и мне будет легче что-нибудь придумать.

— Я понял вас,— сказал Цинь Чжун и откланялся.

После этого разговора Цинь Чжун три дня подряд не ходил торговаться маслом. Надев на себя понощенное, но еще совсем приличное шелковое платье, которое он купил в зеленой лавке, Цинь Чжун бродил по городу, подражая манерам ученых и знатных людей. Вот уж действительно:

*Чтоб в тайны цветников проникнуть,
Решил манераменным обучиться.*

Но не будем говорить о тех трех днях. На четвертый день, поднявшись чуть свет, Цинь Чжун сразу отправился к матушке Ван. Явился он туда очень рано — ворота еще были заперты, и юноша решил прогуляться, а потом прийти опять. В монастырь Чжаоцин он не осмеливался идти в таком виде, боясь осуждения монахов, и потому направился к дамбе Шицзин. Прогуливался он довольно долго, и когда вернулся, то ворота дома были уже открыты. Возле ворот Цинь Чжун увидел паланкин и лошадей, а в подворотне — множество слуг. Цинь Чжун был скромным и к тому же сообразительным человеком: он не стал заходить внутрь, а тихонько подозвал к себе погонщика и спросил:

— Чьи это лошади и паланкин?

— Это из дома почтенного Ханя приехали за молодым господином.

妈见他十分坚心，眉头一皱，计上心来，扯开笑口道：“老身已替你排下计策，只看你缘法如何。做得成，不要喜；做不成，不要怪。美儿昨日在李学士家陪酒，还未曾回。今日是黄衙内约下游湖。明日是张山人一班清客，邀她做诗社。后日是韩尚书的公子，数日前送下东道在这里。你且到大后日来看。还有句话，这几日你且不要来我家卖油，预先留下个体面。又有句话，你穿着一身的布衣布裳，不像个上等嫖客。再来时，换件绸缎衣服，教这些丫头们认不出你是秦小官。老娘也好与你装谎。”秦重道：“小可一一理会得。”说罢，作别出门，且歇这三日生理，不去卖油，到典铺里买了一件现成半新半旧的绸衣，穿在身上，到街坊闲走，演习斯文模样，正是：

未识花院行藏，先习孔门规矩。

丢过那三日不提。到第四日，起个清早，便到王九妈家去。去得太早，门还未开。意欲转一转再来。这番装扮稀奇，不敢到昭庆寺去，恐怕和尚们批点。且到十景塘散步。良久又踅转来。王九妈家门已开了。那门前却安顿得有轿马，门内有许多仆从，在那里闲坐。秦重虽然老实，心下倒也乖巧，且不进门，悄悄地招那马夫问道：“这轿马是谁家的？”马夫道：“韩府里来接公子的。”

—————

秦重已知韩公子夜来留宿，此时还未曾别。重复转身，到一个饭店之中，吃了些现成茶饭，又坐了一回，方才到王家探信。只见门前轿马已自去了。进得门时，王九妈迎着，便道：“老身得罪，今日又不得工夫了。恰才韩公子拉去东庄赏早梅。他是个长嫖，老身不好违拗。闻得说，来日还要到灵隐寺，访个棋师赌棋哩。齐衡内又来约过两三次了。这是我家房主，又是辞不得的。他来时，或三日五日地住了去，连老身也定不得个日子。秦小官，你真个要嫖，只索耐心再等几日。不然，前日的尊赐，分毫不动，要便奉还。”秦重道：“只怕妈妈不作成。若还迟，终无失，就是一万元，小可也情愿等着。”九妈道：“恁地时，老身便好张主！”秦重作别，方欲起身，九妈又道：“秦小官人，老身还有句话，你下次若来讨信，不要早了。约莫申牌时分，有客没客，老身把个实信与你。倒是越晏些越好。这是老身的妙用，你休错怪。”秦重连声道：“不敢，不敢！”这一日秦重不曾做买卖。次日，整理油担，挑往别处去生理，不走钱塘门一路。每日生意做完，傍晚时分就打扮齐整，到王九妈家探信，只是不得工夫。又空走了一月有余。

那一日是十二月十五，大雪方霁，西风过后，积雪成冰，好不寒冷。却喜地下干燥。

Цинь Чжун понял, что тот ночевал здесь и еще не уехал. Тогда он пошел в харчевню перекусить, посидел там и опять направился к дому. Паланкина уже не было. Когда он вошел в дом, его встретила Ван и тут же сказала:

— Виновата я перед тобой: сегодня Мэйнян опять занята. Только что молодой господин Хань увез ее с собой любоваться ранними цветами *мэй. Он у нас постоянный гость, и я не решилась отказать ему. Но это еще не все. Я слышала, как он говорил, что завтра они собираются поехать в монастырь Линъинь повидать одного мастера шахматной игры и сыграть с ним партию. Кроме того, уже несколько раз приходил договариваться господин Ци. Он хозяин этого дома и сада, так что тоже нельзя отказать. А когда он приезжает, то живет по три, по пять дней кряду, и тогда даже я сама не могу ничего определенного обещать заранее. Послушай, господин Цинь, если ты действительно решил добиться своего, то уж потерпи еще некоторое время. А не то я должна буду вернуть тебе твои подношения.

— Самое главное — это чтобы у вас было желание помочь мне, — ответил Цинь Чжун. — Я десять тысяч лет согласен ждать, только бы встреча состоялась.

— В таком случае я готова взять это на себя, — ответила та и, когда Цинь Чжун простился и собрался уходить, добавила: — Вот еще что, господин Цинь. Когда соберешься в следующий раз наведаться к нам, не являйся рано, а приходи днем, после полудня, ближе к вечеру, и я всегда тебе точно скажу, будут или не будут гости на следующий день. И вообще, чем позже придешь, тем лучше. Это мои особые соображения, пойми меня правильно и не обижайся.

— Что вы, что вы! — ответил Цинь Чжун.

В этот день Цинь Чжун не торговал. А на следующий день он привел в порядок свою ношу и отправился с ней в другие места. Теперь он уже не ходил с маслом в сторону ворот Цяньтан, к дому матушки Ван Девятой. Туда он являлся только вечером, после работы, тщательно приодетый. Каждый день он справлялся, но Мэйнян все бывала занята. Так он безуспешно проходил туда более месяца. И вот настал пятнадцатый день двенадцатого месяца. После большого снегопада подул западный ветер, и снег обледенел. Был страшный мороз, зато было грязи.

秦重做了大半日买卖，如前妆扮，又去探信。王九妈笑容可掬，迎着道：“今日你造化，已是九分九厘了。”秦重道：“这一厘是欠着什么？”九妈道：“这一厘么？正主儿还不在家。”秦重道：“可回来么？”九妈道：“今日是俞太尉家赏雪，筵席就备在湖船之内。俞太尉是七十岁的老人家，风月之事，已自没份。原说过黄昏送来。你且到新人房里，吃杯烫风酒，慢慢地等她。”秦重道：“烦妈妈引路。”王九妈引着秦重，弯弯曲曲，走过许多房头，到一个所在，不是楼房，却是个平屋三间，甚是高爽。左一间是丫鬟的空房，一般有床榻桌椅之类，却是备官铺的；右一间是花魁娘子卧室，锁着在那里。两旁又有耳房。中间客坐上面，挂一幅名人山水，香几上博山古铜炉，烧着龙涎香饼，两旁书桌，摆设些古玩，壁上贴许多诗稿。秦重愧非文人，不敢细看。心下想道：“外房如此整齐，内室铺陈，必然华丽。今夜尽我受用。十两一夜，也不为多。”九妈让秦小官坐于客位，自己主位相陪。少顷之间，丫鬟掌灯过来，抬下一张八仙桌儿，六碗时新果子，一架攒盒佳肴美酝，未曾到口，香气扑人。九妈执盏相劝

Бошаньская курильница — разновидность дорогих курильниц; верхняя ее часть, куда помещается ароматическое вещество, имеет форму горы, в нижнюю наливают горячую воду. Курильница напоминает гору Бошань в море; отсюда и название «бошаньская».

В этот день Цинь Чжун торговал маслом, а вечером, как обычно, приоделся и пошел в веселый дом. На этот раз хозяйка вышла к нему навстречу, умиленно улыбаясь.

— Сегодня тебе повезло, — сказала она. — Кажется, все девяносто девять «за».

— А единичка, которой недостает, это что? — спросил Цинь Чжун.

— Это она сама — ее еще дома нет.

— А вернется она?

— Сегодня она любуется снегом у начальника Военной палаты господина Юя. Угощение устроено прямо в лодке на озере. Господин Юй — это семидесятилетний старец, и его пора наслаждаться любовью уже прошла. Он говорил, что с наступлением вечера доставит ее обратно. А ты пока пройди к ней в комнату, согрейся кубком вина и дожидайся ее там.

— Тогда прошу вас провести меня.

Ван повела его лабиринтами коридоров мимо множества комнатушек, пока они наконец не оказались в светлом, просторном помещении из трех комнат. С левой стороны была комната для прислуги — здесь стояли кровать, лежанка и еще какая-то простая мебель; с правой — спальня Мэйнян. Двери спальни были заперты на замок. Посередине находилась гостиная. На стене, прямо против входа, висел пейзаж кисти известного художника. На столике для курения финнамов стояла бронзовая *бошаньская курильница, в которой курились ароматные свечи, а по обе стороны от этого столика стояли еще столики с дорогими безделушками. Множество написанных от руки стихов украшало стены. Цинь Чжун, слабо владевший грамотой, не решался задерживаться на них своего взгляда.

«Если здесь так опрятно, — думал он, — представляю, какой прекрасной должна быть ее спальня. Да, это будет ночь моего полного блаженства, и десять ланов за такую ночь — не много, нет».

Ван усадила Цинь Чжуна на место гостя, а сама заняла место хозяйки. Через некоторое время служанка внесла лампу, поставила на стол и подала шесть блюд свежих фруктов. Затем она принесла короб с тончайшими яствами и великолепное вино, аромат которого щекотал ноздри. Когда налили вина, Ван подняла чару и стала потчевать гостя.

道：“今日众小女都有客，老身只得自陪，请开怀畅饮几杯。”秦重酒量本不高，况兼正事在心，只吃半杯。吃了一会，便推不饮。九妈道：“秦小官想饿了，且用些饭再吃酒。”丫鬟捧着雪花白米饭，一吃一添，放于秦重面前，就是一盘杂和汤。鸨儿量高，不用饭，以酒相陪。秦重吃了一碗，就放箸。九妈道：“夜长哩，再请些。”秦重又添了半碗。丫鬟提个行灯来，说：“浴汤热了，请客官洗浴。”秦重原是洗过澡来的，不敢推托，只得又到浴室，肥皂香汤，洗了一遍。重复穿衣入坐。九妈命撤去肴盒，用暖锅下酒。此时黄昏已绝，昭庆寺里的钟都撞过了，美娘尚未回来。

玉人何处贪欢要？等得情郎望眼穿！

常言道：等人心急。秦重不见娘子回家，好生气闷。却被鸨儿夹七夹八，说些风话劝酒。不觉又过了一更天气。只听外面热闹闹的，却是花魁娘子回家。丫鬟先来报了。九妈连忙起身出迎。秦重也离坐而立。只见美娘吃得大醉，侍女扶将进来，到于门首，醉眼朦胧，看见房中灯烛辉煌，杯盘狼籍，

Блюда на угольках.— Чтобы еда не остывала, в Китае различные блюда иногда подают к столу в специальных котелках с тлеющими под ними угольками.

Палочки.— Тонкими палочками (из бамбука, слоновой кости или серебра) китайцы пользуются при еде: две палочки зажимаются между пальцами правой руки, и ими, как щипцами, достают из блюда кусочки мелко накрошенной еды, мясо, лапшу, рис и т. д.

— У всех девиц моих сегодня посетители, и составлять тебе компанию приходится мне самой. Так прошу, дай волю душе и пей без всякого стеснения.

Цинь Чжун вообще-то редко пил, к тому же на уме у него было совсем другое, и потому, пригубив несколько раз и чуть отпив, он отставил чарку.

— Ты, наверное, проголодался, поешь немножко, а потом еще выпьешь,— сказала хозяйка.

Служанка тут же подала белый как снег рис и поставила перед Цинь Чжуном чашку бульона. Ван пить могла много, а потому не приступала к еде и, занимая гостя, продолжала потягивать вино. Цинь Чжун съел чашку риса и положил *палочки.

— Ночь-то длинная. Поешь еще немножко,— уговаривала его Ван.

Цинь Чжун съел еще полчашки. Подошла служанка с фонарем в руках и доложила:

— Вода нагрелась, прошу господина гостя мыться.

И хотя Цинь Чжун, перед тем как прийти сюда, успел помыться, отказаться он не посмел и, помывшись ароматной водой и душистым мылом, оделся и снова вернулся к столу. Ван велела убрать прежние закуски и подать к вину *блюда на угольках.

К этому времени сумерки уже начали переходить в ночь, в монастыре Чжаоцин отзванил колокол, а Мэйнян все не возвращалась.

Ты все веселишься,
красавица, где-то,
А юный влюбленный
глаза проглядел.

Как говорится, «кто ждет, тому не ждется». И Цинь Чжун приуныл.

Ван, как могла, занимала его болтовней, потчевала, уговаривала пить. И вдруг снаружи донесся шум, послышались оживленные голоса — вернулась Царица цветов. Служанка прибежала доложить об этом. Хозяйка поспешила встать и вышла встретить Мэйнян. Цинь Чжун тоже поднялся.

Через некоторое время служанки под руки ввели Мэйнян. Остановившись у двери, она пьяными, помутневшими глазами смотрела на ярко горевшие свечи, на тарелки и чарки, которые так и не были убраны со стола.

立住脚问道：“谁在这里吃酒？”九妈道：“我儿，便是我向日与你说的那秦小官人。他心中慕你，多时的送过礼来。因你不得工夫，耽搁他一月有余了。你今日幸而得空，做娘的留他在此伴你。”美娘道：“临安郡中，并不闻说起有什么秦小官人！我不去接他。”转身便走。九妈双手托开，即忙拦住道：“他是个至诚好人，娘不误你。”美娘只得转身，才跨进房门，抬头一看那人，有些面善，一时醉了，急切叫不出来，便道：“娘，这个人我认得他的，不是有名称的子弟。接了他，被人笑话。”九妈道：“我儿，这是涌金门内开段铺的秦小官人。当初我们住在涌金门时，想你也曾会过，故此面善。你莫识认错了。做娘的见他来意志诚，一时许了他，不好失信。你看做娘的面上，胡乱留他一晚。做娘的晓得不是了，明日却与你赔礼。”一头说，一头推着美娘的肩头向前。美娘拗妈妈不过，只得进房相见。正是：

千般难出虔婆口，万般难脱虔婆手。
饶君纵有万千般，不如跟着虔婆走。

— Кто здесь пил? — спросила она.

— Дитя мое, это тот молодой господин Цинь, о котором я тебе не раз говорила. Он давно восхищается тобой, поднес подарок, но тебе было все некогда, и он ждет уже больше месяца. К счастью, ты сегодня свободна, вот я и удержала его, чтобы он смог повидаться с тобой.

— Что-то не слышала, чтобы в Линъани говорили о каком-то молодом господине Цине, — ответила Мэйнян. — Нет, я не приму его.

Она повернулась, чтобы уйти, но Ван, раскинув руки, быстро преградила ей путь.

— Послушай! Мать не подведет тебя. Молодой господин Цинь — это порядочный человек, человек искренней души.

Постояв немного, Мэйнян вошла в гостиную. Что ей еще оставалось?! Но, едва переступив порог, она подняла взгляд на сидящего гостя и тотчас остановилась: лицо молодого человека показалось ей знакомым. Пьяная, она никак не могла только вспомнить, кто это, и сказала:

— Матушка, этого человека я знаю. Он вовсе не из видных, известных людей. Надо мной будут смеяться, если я проведу с ним вечер.

— Дочь моя, — ответила Ван, — не прими его за кого-нибудь другого. Ведь это господин Цинь, владелец той самой лавки возле городских ворот Юнцзинь, в которой торгуют шелком. Когда мы жили там поблизости, ты, вероятно, его встречала, поэтому его лицо тебе и знакомо. Я была тронута искренностью чувств молодого человека и пообещала, что ты примешь его. Отказать теперь уже неловко. Хотя бы из уважения ко мне удели ему вечер. Я же признаю свою вину и завтра принесу тебе извинения.

Говоря это, Ван подталкивала Мэйнян вперед.

Мэйнян пришлось подойти и поздороваться с гостем. Сущая правда,

Коль сводница рот свой раскроет,
в сети ты к ней попадешь;
Коль сводница руки наложит,
зной — никуда не уйдешь.
И сколько ни бейся, бедняжка,
как ни хитри, ни мудри,
Одно лишь тебе остается —
за сводницей следом идти.

这些言语，秦重一句句都听得，佯为不闻。美娘万福过了，坐于侧首，仔细看着秦重，好生疑惑，心里甚是不悦，默默无言。唤丫鬟将热酒来。斟着大钟。鸨儿只道她敬客，却自家一饮而尽。九妈道：“我儿醉了，少吃些么！”美儿哪里依她，答应道：“我不醉！”一连吃上十来杯。这是酒后之酒，醉中之醉，自觉立脚不住。唤丫鬟开了卧房，点上银缸，也不卸头，也不解带，脱了绣鞋，和衣上床，倒身而卧。鸨儿见女儿如此做作，甚不过意。对秦重道：“小女平日惯了，她专会使性。今日她心中不知为什么有些不自在，却不干你事。休得见怪！”秦重道：“小可岂敢！”鸨儿又劝了秦重几杯酒。秦重再三告止。鸨儿送入卧房，向耳旁吩咐道：“那人醉了，放温存些。”又叫道：“我儿起来，脱了衣服，好好地睡。”美娘已在梦中，全不答应。鸨儿只得去了。丫鬟收拾了杯盘之类，抹了桌子，叫声：“秦小官人，安置罢。”秦重道：“有热茶要一壶。”丫鬟泡了一壶浓茶，送进房里。带转房门，自去耳房中安歇。秦重看美娘时，面对里床，睡得正熟，把锦被压在身下。秦重想酒醉之

Цинь Чжун, конечно, слышал весь разговор Ван с Мэйнян, но сделал вид, что ничего не знает.

Поздоровавшись с Цинь Чжуном, Мэйнян села и стала внимательно разглядывать его. Она была очень недовольна, ее одолевали сомнения, и потому она все время молчала. Потом позвала служанку, велела подать горячего вина и наполнила большую чару. Ван думала, что она собирается поднести вино гостю, но Мэйнян залпом выпила всю чару сама.

— Дитя мое, ты охмелела уже, поменьше пей,— заметила хозяйка, но Мэйнян и слушать ее не хотела.

— Нет, я не охмелела,— возразила она и одну за другой выпила подряд чарок десять.

Всего этого вместе с выпитым за день было для нее больше чем достаточно. Почувствовав, как она отяжелела, Мэйнян приказала служанке открыть спальню и засветить серебряный светильник. Не раздеваясь, не снимая с головы украшений, сбросив с себя лишь башмаки, она повалилась на постель.

Поведение Мэйнян пришло не по душе хозяйке.

— Ох, и капризная же,— говорила она Цинь Чжуну.— Это все потому, что я ее вечно баловала. Не знаю уж, чем она сегодня недовольна, но только вы тут ни при чем и потому не обижайтесь, пожалуйста.

— Что вы! Не посмею!— ответил Цинь Чжун.

Ван уговаривала молодого человека выпить еще, но тот решительно отказался. Тогда она провела его в спальню.

— Пьяна. Надо помягче, поласковее с ней,— шепнула она на ухо Цинь Чжуну и затем громко окликнула Мэйнян:— Дочь моя, поднимись, разденься и укладывайся как следует.

Мэйнян ничего не отвечала — она уже спала. Хозяйке оставалось только покинуть спальню. Служанка, убрав со стола, тоже собралась уходить.

— Располагайтесь, господин Цинь,— сказала она на прощание.

— Принеси горячего чаю, если есть,— попросил Цинь Чжун.

Служанка поставила на стол чайник густо заваренного чая и удалилась в боковую комнату, прикрыв за собой дверь.

Цинь Чжун посмотрел на Мэйнян. Она лежала поверх парчового одеяла, повернувшись лицом к стене, и крепко спала. Цинь Чжун подумал о том, что пьяный

人，必然怕冷，又不敢惊醒她。忽见栏杆上又放着一床大红绗丝的锦被。轻轻地取下，盖在美娘身上，把银灯挑得亮亮的，取了这壶热茶，脱鞋上床，挨在美娘身边，左手抱着茶壶在怀，右手搭在美娘身上，眼也不敢闭一闭。正是：

未曾握手携云，也算偎香倚玉。

却说美娘睡到半夜，醒将转来，自觉酒力不胜，胸中似有满溢之状。爬起来，坐在被窝中，垂着头，只管打干哕。秦重慌忙也坐起来。知她要吐，放下茶壶，用手抚摩其背。良久，美娘喉间忍不住了，说时迟，那时快，美娘放开喉咙便吐。秦重怕污了被窝，把自己道袍的袖子张开，罩在她嘴上。美娘不知所以，尽情一呕，呕毕，还闭着眼，讨茶漱口。秦重下床，将道袍轻轻脱下，放在地平之上，摸茶壶还是暖的。斟上一瓯香喷喷的浓茶，递与美娘。美娘连吃了二碗，胸中虽然略觉豪燥，身子兀自倦怠。仍旧倒下，向里睡去了。秦重脱下道袍，将吐下一袖的腌臜，重重裹着，放于床侧，依然上床，拥抱似初。美娘那一觉直睡到天明方醒。翻身转来，见旁边睡着一人，问道：“你是哪个？”秦重答道：“小可姓秦。”美娘想起夜来之事，恍恍惚惚，不甚记得真了，便道：“我夜来好醉！”秦重道：“也不甚醉。”又问：“可曾吐么？”秦重道：“不曾。”美娘道：“这样还好。”又想一想道：“我记得曾吐过的，又记得曾

—————

человек всегда чувствителен к холоду. И тут он заметил на спинке кровати еще одно большое шелковое одеяло и, тихонько сняв его, заботливо укрыл Мэйнян. Затем он поправил светильник, взял чайник с горячим чаем, сбросил туфли и примостился возле Мэйнян, положив на нее правую руку, а левой держка возле себя чайник. Так он лежал, не решаясь сомкнуть глаз. И действительно:

*Пусть не было бурного ливня страстей,
Пусть дух не витал в облаках,
Но дивную яшму он нежно ласкал
И сладкий выхал аромат.*

В полночь Мэйнян проснулась от давящей тяжести в груди. Хмель еще не прошел. Она приподнялась, села на постели и, склонив голову, пытаясь сдержать приступ тошноты. Цинь Чжун, понимая, что ее тошнит, тотчас приподнялся, поставил в сторонку чайник и стал тереть ей спину. Наконец Мэйнян не выдержала: ее стало рвать. Боясь, что она может запачкать одеяло, Цинь Чжун подставил ей рукав своего халата. Мэйнян не понимала, что происходит. Когда рвота наконец прекратилась, она, не раскрывая глаз, попросила чаю.

Цинь Чжун встал с постели, осторожно снял с себя халат и положил его на пол. Пощупал чайник — он оказался еще теплым. Тогда он налил чашку густого ароматного чая и подал Мэйнян. Та выпила залпом две чашки подряд и вроде бы почувствовала облегчение. Но тут же она снова повернулась лицом к стене и, утомленная, мгновенно заснула. Свернув свой халат грязным рукавом внутрь, Цинь Чжун сунул его под кровать и опять лег рядом с Мэйнян, обняв ее одной рукой.

Мэйнян пробудилась ото сна, только когда уже рассвело. Повернувшись, она увидела, что кто-то лежит возле нее.

— Кто вы такой? — удивилась красавица.

— Моя фамилия — Цинь, — ответил Цинь Чжун.

Мэйнян тщетно стала припоминать, что было с нею минувшей ночью.

— Ну и пьяна же была я вчера, — проговорила она.

— Нет, не очень, — сказал Цинь Чжун.

— А меня тошнило?

— Нет.

— Ну, тогда еще ничего. А мне что-то помнится, что тошнило. Помню еще, — добавила Мэйнян, немножко по-

吃过茶来，难道做梦不成？”秦重方才说道：“是曾吐来。小可见小娘子多了杯酒，也防着要吐，把茶壶暖在怀里。小娘子果然吐后讨茶，小可斟上，蒙小娘子不弃，饮了两瓯。”美娘大惊道：“脏巴巴的，吐在哪里？”秦重道：“恐怕小娘子污了被褥，是小可把袖子盛了。”美娘道：“如今在哪里？”秦重道：连衣服裹着，藏过在那里。”美娘道：“可惜坏了你一件衣服。”秦重道：“这是小可的衣服，有幸得沾小娘子的余沥。”美娘听说，心下想道：“有这般识趣的人！”心里已有四五回喜了。

此时天色大明，美娘起身，下床小解。看着秦重，猛然想起是秦卖油，遂问道：“你实对我说，是什么样人？为何昨夜在此？”秦重道：“承花魁娘子下问，小子怎敢妄言？小可实是常来宅上卖油的秦重。”遂将初次看见送客，又看见上轿，心下想慕之极，及积攒嫖钱之事，备细述了一遍。“夜来得亲近小娘子一夜，三生有幸，心满意足。”美娘听说，愈加可怜，道：“我昨夜酒醉，不曾招接得你。你干折了许多银子，莫不懊悔？”

~~~~~

думав,— что я пила чай. Неужели мне все это приснилось?!

— Да, тошнило,— сказал тогда Цинь Чжун.— Я видел, что вечером вы выпили лишнее, и боялся, что это может с вами случиться. Поэтому я держал возле себя теплый чайник. Когда вас вырвало, вы попросили чаю, я вам налил, и вы были так любезны, что выпили две чашки.

— И где же это все?— в испуге спросила Мэйнян.— Какая гадость!

— Я боялся, что запачкается одеяло, и подставил свой рукав.

— Ну и куда же вы все это девали?

— Завернул и убрал.

— Жаль, испортила вам халат.

— Считаю, что халату моему повезло.

«Как он тонок в обращении»,— подумала про себя Мэйнян, чувствуя уже некоторое расположение к молодому человеку.

Тем временем совсем рассвело. Мэйнян поднялась с постели, привела себя в порядок, взглянула на гостя и тут вдруг вспомнила, где она видела этого человека. Не сомневаясь в том, что перед ней продавец масла Цинь, она спросила его:

— Кто вы такой и почему оказались здесь вчера ночью? Прошу вас, скажите мне откровенно,— добавила она.

— Раз вы удостоили меня этим вопросом, то я не посмею солгать. Я — Цинь Чжун, тот самый продавец, который обычно приходил к вам сюда с маслом.

И тут Цинь Чжун подробно поведал ей о том, как увидел ее в первый раз, когда она провожала гостей, как видел ее вторично, когда она сидилась в паланкин, как его душой завладело неодолимое влечение к ней, и, наконец, о том, как стал копить деньги на свидание с нею.

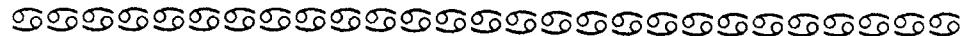
Подробно рассказав обо всем, он добавил:

— Мне довелось в милой близости с вами провести эту ночь, я считаю это счастьем всей моей жизни и вполне этим удовлетворен.

Мэйнян была тронута его рассказом.

— Вчера я была пьяна и не оказала вам должного приема,— сказала она,— и вы, конечно, сожалеете о том, что зря потратили столько денег.

秦重道：“小娘子天上神仙，小可惟恐伏侍不周，但不见责，已为万幸。况敢有非意之望！”美娘道：“你做经纪的人，积下些银两，何不留下养家？此地不是你来往的。”秦重道：“小可单只一身，并无妻小。”美娘顿了一顿，便道：“你今日去了，它日还来么？”秦重道：“只这昨宵相亲一夜，已慰生平，岂敢又作痴想！”美娘想道：“难得这好人，又忠厚，又老实，又且知情识趣，隐恶扬善，千百中难遇此一人。可惜是市井之辈。若是衣冠子弟，情愿委身事之。”正在沉吟之际，丫鬟捧洗脸水进来，又是两碗姜汤。秦重洗了脸，因夜来未曾脱帻，不用梳头，呷了几口姜汤，便要告别。美娘道：“少住不妨，还有话说。”秦重道：“小可仰慕花魁娘子，在旁多站一刻，也是好的。但为人岂不自揣？夜来在此，实是大胆。惟恐他人知道，有玷芳名。还是早些去了安稳。”美娘点了一点头，打发丫鬟出房，忙忙地开了减妆，取出二十两银子，送与秦重道：“昨夜难为了你，这银两权奉为资本，莫对人说。”

— Вы небесная фея, и беспокоят меня лишь одно: быть может, я не проявил должного внимания, ухаживая за вами. И если только вы не станете осуждать меня — это уже беспредельное счастье, ни на что большее я даже надеяться не смею.

— Но вы ведь простой торговец. Почему бы не прибречь для семьи то, что вам удается скопить? Ведь такому, как вы, здесь бывать вовсе не следует.

— Я одинокий человек, у меня нет ни жены, ни детей, — ответил Цинь Чжун.

Мэйнян на минуту задумалась, затем спросила:

— Сегодня вы уйдете, а в другой раз придет еще?

— Милая близость прошедшей ночи утешила меня на всю жизнь, и я не смею лелеять в себе безумные мечты.

«Редкий человек, — подумала Мэйнян. — Честен, скромен и еще так обходителен, скрывает чужие недостатки и восхваляет чужие достоинства. Из ста, из тысячи не встретишь одного такого! Как жаль, что он человек рынка и лотков. Будь он из тех, что постоянно ходят в халатах и шапках, я согласна была бы вверить ему свою судьбу и служила бы ему всю свою жизнь».

Тем временем служанка принесла воды для умывания, а немного погодя — две чашки имбирного отвара. Цинь Чжун умылся. Причесываться он не стал, так как ночью даже не снимал с себя шапки. Отпив несколько глотков имбирного отвара, он стал прощаться.

— Погодите, не торопитесь! — остановила его Мэйнян. — Я хочу еще кое о чем с вами поговорить.

— Я полон чувства почтения к вам, Царица цветов, и мне приятен будет каждый лишний миг, который я проведу возле вас. Но человеку следует во всем знать меру. Дерзостью было уже то, что я провел здесь целую ночь. Ведь достаточно узнать об этом кому-нибудь, чтобы на ваше доброе имя сразу легло пятно. Разумнее будет уйти пораньше.

Мэйнян кивком головы выслала из комнаты служанку и, как только за ней затворилась дверь, вынула из шкатулки двадцать ланов серебра.

— Вчера я была виновата перед вами, — сказала Мэйнян, протягивая молодому человеку серебро. — Так возьмите эти деньги и вложите их в ваше дело. Только никому об этом не говорите.

秦重哪里肯受。美娘道：“我的银子，来路容易。这些须酬你一宵之情，休得固逊。若本钱缺少，异日还有助你之处。那件污秽的衣服，我叫丫鬟湔洗干净了还你罢。”秦重道：“粗衣不烦小娘子费心。小可自会湔洗。只是领赐不当。”美娘道：“说哪里话！”将银子塞在秦重袖内，推他转身。秦重料难推却，只得受了，深深作揖，卷了脱下这件龌龊道袍，走出房门。打从鸨儿房前经过，鸨儿看见，叫声：“妈妈！秦小官人去了。”王九妈正在净桶上解手，口中叫道：“秦小官，如何去得恁早？”秦重道：“有些贱事，改日特来称谢。”不说秦重去了，且说美娘与秦重虽然没点相干，见他一片诚心，去后好不过意。这一日因害酒，辞了客在家将息。千个万个孤老都不想，倒把秦重整整地想了一日。有《挂枝儿》为证：

俏冤家，须不是串花家的子弟，
一个做经纪本分人儿，
哪医你会温存，能软款，知心如意。
料你不是个使性的，料
你不是个薄情的。几番待放下恩量也，又不觉恩量起。

Цинь Чжун, разумеется, отказался принять деньги.
— Послушайте, деньги мне достаются легко. Этой ничтожной суммой я хочу хоть как-то отблагодарить вас за ваше внимание ко мне. Не отказывайтесь, прошу вас. И если вам не хватит на дело, я смогу потом еще вам помочь. А ваше платье я прикажу служанке выстирать и вернуть вам.

— О каком-то дрянном платье незачем вам беспокоиться. Я и сам его постираю, а принять ваш щедрый дар не осмелюсь.

— Ну что вы! — воскликнула Мэйнян, засовывая серебро ему в рукав и подталкивая к выходу.

Цинь Чжун, видя, что ему так не уйти, принял серебро, низко поклонился Мэйнян и, захватив с собой свое грязное платье, вышел из комнаты. Когда он проходил по коридору, служанка заметила его.

— Матушка! — крикнула она. — Господин Цинь уходит.

Бан, которая в это время была занята туалетом, не выходя из комнаты, окликнула его.

— Что же это вы так рано уходите, господин Цинь?

— Есть кое-какие дела, — ответил Цинь Чжун. — Как-нибудь в следующий раз приду поблагодарить вас.

Но оставим пока Цинь Чжуна.

Что до Мэйнян, то, хотя между ней и Цинь Чжуном в эту ночь ничего не было, искренность его чувств тронула ее. Ей стало жаль, что он ушел. После вчерашнего опьянения ей было нехорошо, и в этот день она осталась отдыхать дома, отказав всем. Ни о ком из своих знакомых она не вспоминала и думала лишь об одном Цинь Чжуне. Есть песенка, которую можно привести здесь в подтверждение:

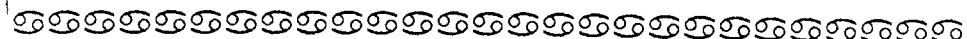
Милый мучитель!
Гость ты не чистый
в ярких аллеях цветов.
Знаю, ты скромный,
простой продавец.
Но ты ласков душой,
сердцем чуток своим,
так мил и так нежен со мной!

Нет!
Нет в тебе буйного нрава.
Нет!

Нет в тебе черствой души.

Aх, сколько уж раз
от себя эти мысли гнала
И снова и снова
думаю лишь о тебе.

话分两头，再说邢权在朱十老家，与兰花情熟，见朱十老病废在床，全无顾忌。十老发作了几场。两个商量出一条计策来，俟夜静更深，将店中资本席卷，双双地逃之夭夭，不知去向。次日天明，十老方知。央及邻里，出了个失单，寻访数日，并无动静。深悔当日不合为邢权所惑，逐了朱重。如今久见人心，闻知朱重，赁居众安桥下，挑担卖油，不如仍旧收拾他回来，老死有靠。只怕他记恨在心。教邻舍好生劝他回家，但记好，莫记恶。秦重一闻此言，即日收拾了家伙，搬回十老家里。相见之间，痛哭了一场。十老将所存囊橐，尽数交付秦重。秦重自家又有二十余两本钱，重整店面，坐柜卖油。因在朱家，仍称朱重，不用秦字。不一月，十老病重，医治不痊，呜呼哀哉。朱重捶胸大恸，如亲父一般，殡殓成服，七七做了些好事。朱家祖坟在清波门外，朱重举丧安葬，事事成礼。

Уложение в гроб — см. «Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего».

Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего. — Культ предков являлся одним из основных элементов народной религии Древнего Китая. Люди верили, что душа умершего обладает способностью воздействовать на изменение их судьбы в зависимости от степени их забот о ней. С этим представлением были связаны сложнейшие обряды похоронных церемоний, поклонение предкам и принесение жертв усопших.

Похоронный обряд состоял из трех основных элементов: панихиды, самих похорон и установки на домашнем алтаре поминальной таблички (см.). В зависимости от достатка семьи, панихида длилась от трех до сорока девяти дней (число дней должно было быть нечетным). Все эти дни гроб

А теперь вернемся к Син Цюаню. Живя в доме Чжу Шилао, он близко сошелся с Ланьхуа, а когда увидел, что болезнь приковала Чжу Шилао к постели, совсем перестал считаться с чем бы то ни было. Чжу Шилао не раз выходил из себя и скандалил с Син Цюанем. Кончилось все это тем, что однажды ночью, сговорившись, Син Цюань и Ланьхуа очистили шкаф, забрали деньги и сбежали.

Чжу Шилао узнал об этом только на следующий день. Он попросил соседей помочь ему в беде. Вывесили объявление о краже, несколько дней подряд искали беглецов, но поиски ни к чему не привели.

Чжу Шилао теперь глубоко раскаивался, что в свое время, введенный в заблуждение Син Цюанем, прогнал Цинь Чжунана.

От людей он слышал, что Цинь Чжун снимает комнатку возле моста Чжунъаньця и занимается торговлей маслом вразнос. «Хорошо бы вернуть его назад: по крайней мере была бы опора в старости и было бы кому позаботиться обо мне после смерти», — подумал Чжу Шилао. Боясь, однако, что Цинь Чжун не забыл прежней обиды, он решил попросить соседей, чтобы те уговарили Цинь Чжунана вернуться и сказали ему, что следует помнить добро, а не зло.

Как только Цинь Чжун узнал об этом, он сразу же собрал свои вещи и перебрался к Чжу Шилао. При встрече оба разрыдались. Чжу Шилао передал Цинь Чжуну все, что у него осталось из его сбережений, к этому Цинь Чжун добавил свои двадцать с чем-то лянов и, как смог, наладил торговлю маслом в лавке. Теперь он снова носил фамилию Чжу, а не Цинь.

Не прошло и месяца, как Чжу Шилао стало совсем плохо. Лечение не помогало, и вскоре он скончался, к великому горю Цинь Чжунана, который бил себя в грудь и плакал так, словно потерял родного отца.

Последовали обряды *уложения в гроб, установления гроба, и через сорок девять дней, как подобает, Цинь Чжун похоронил Чжу Шилао на родовом кладбище семьи Чжу, которое находилось за воротами Цинбо.

邻里皆称其厚德。事定之后，仍先开铺。

原来这油铺是个老店，从来生意原好，却被邢权刻剥存私，将主顾弄断了多少。今见朱小官在店，谁家不来作成？所以生理比前越盛。朱重单身独自，急切要寻个老成帮手。有个惯做中人的，叫做金中，忽一日引着一个五十余岁的人来。原来那人正是莘善，在汴梁城外安乐村居住。因那年避乱南奔，被官兵冲散了女儿瑶琴，夫妻两口，凄凄惶惶，东逃西窜，胡乱地过了几年。今日闻临安兴旺，南渡人民，大半安插在彼。诚恐女儿流落此地，特来寻访，又没消息。身边盘缠用尽，欠了饭钱，被饭店中终日赶逐，无可奈何。偶然听见金中说起朱家油铺，要寻个卖油帮手。自己曾开过六陈铺子，卖油之事，都则在行。况朱小官原是汴京人，又是乡里，故此央金中引荐到来。朱重问了备细，乡人见乡人，不觉感伤。“既然没处投奔，你老夫妻两口，只住在我身边，只当个乡亲相处，慢慢地访着令爱消息，再作区处。”当下取两贯钱把与莘善，去还了饭钱，连浑家阮氏也领将来，与朱重相见了，收拾一间空房，安顿他老夫妇在内。两口儿也尽心竭力，内外相帮。朱重甚是欢喜。

с телом покойного оставался в доме или около него в специально отведенном для этого помещении. На жертвенном столике перед гробом устанавливалась поминальная табличка. Во время панихиды близкие умершего, его друзья и знакомые приходили или приезжали издалека поклониться усопшему.

И не было человека, который не говорил бы о добродетели Цинь Чжуна.

Когда с похоронами было покончено, Цинь Чжун снова открыл лавку.

Надо сказать, что лавка эта существовала очень давно и дела ее всегда шли хорошо. Только при Син Цюане покупателей стало совсем мало, потому что он их обсчитывал и обвешивал. Теперь же, увидев, что в лавке опять торгует молодой Цинь Чжун, все охотно стали покупать у него, и торговля пошла лучше прежнего. Цинь Чжуна одному было уже не справиться, и пришлось искать помощника.

Однажды некий Цзинь Чжун, занимавшийся делами посредничества, привел к Цинь Чжуна человека лет пятидесяти. Это был тот самый Синь Шань, который в свое время жил в деревне Аньлоцунь, около Бяньляна, затем в годы нашествия бежал оттуда на юг и потерял dochь при нападении солдат. Несколько лет подряд он вместе с женой скитался по стране, и они кое-как перебивались. Когда он узнал, что Линъян — цветущий город и многие беженцы устроились именно там, он поехал в Линъян в надежде разыскать dochь. Но тщетно. Все дорожные деньги он издержал и задолжал в гостинице, откуда его уже стали выгонять. Положение было безвыходное.

И вот как-то в разговоре с Цзинь Чжуном он узнал, что Цинь Чжун ищет помощника. Синь Шань сам когда-то держал зерновую лавку и был знаком с торговлей маслом. К тому же он слышал, что Цинь Чжун тоже из Бяньляна, следовательно, приходится ему земляком, и потому попросил Цзинь Чжуна представить его молодому хозяину.

Подробно расспросив Синь Шаня и узнав, что он пережил, Цинь Чжун невольно проникся к земляку сочувствием.

— Ну что ж, — сказал он, — раз вам остановиться не у кого, живите с женой пока у меня как земляки, как родственники; когда разыщем вашу dochь, тогда решим, как быть дальше.

И тут же он дал Синь Шаню две связки монет, чтобы тот рассчитался в гостинице. Синь Шань привел жену, представил ее Цинь Чжуну. Цинь Чжун подготовил для них комнату.

Супруги Синь во всем помогали ему: в работе по до-

光阴似箭，不觉一年有余。多有人见朱小官年长未娶，家道又好，做人又忠诚，情愿白白把女儿送他为妻。朱重因见了花魁娘子，十分容貌，等闲地不看在眼，立心要访求个出色的女子，方才肯成亲。以此日复一日，耽搁下去。正是：

曾观沧海难为水，除却巫山不是云。

再说王美娘在九妈家，盛名之下，朝欢暮乐，真个口厌肥甘，身嫌锦绣。然虽如此，每遇不如意之处，或是子弟们任情使性，吃醋挑槽，或自己病中醉后，半夜三更，没人疼热，就想起秦小官人的好处来。只恨无缘再会。也是她桃花运尽，合当变更。一年之后，生出一段事端来。

却说临安城中，有个吴八公子，父亲吴岳，现为福州太守。这吴八公子，新从父亲任上回来，广有金银。平昔间也喜赌钱吃酒，三瓦两舍走动。闻得花魁娘子之名，未曾识面，屡屡遣人来约，欲要嫖她。美娘闻他气质不好，不愿相接，托故推辞，非止一次。那吴八公子也曾和着闲汉们亲到王九妈家几番，都不曾会。

Время летело стрелой, и незаметно прошло больше года. Цинь Чжун, все еще не женатый, жил в достатке, к тому же был человеком порядочным, и поэтому многие готовы были так просто, без всяких подарков и выкупов, отдать за него своих дочерей. Однако, после того как Цинь Чжуна довелось увидеть красоту Царицы цветов, он и смотреть не хотел на каких-нибудь заурядных девиц и твердо решил, что женится лишь в том случае, если найдет для себя настоящую красавицу. Поэтому дни проходили за днями, а он все еще оставался холостяком. Вот уж действительно:

Лишь синее море считает водою,
Лишь горы заоблачной высси — горами.

Однако вернемся теперь к Мэйнян.

С известностью, которую она обрела, находясь в доме Ван Девятой, у нее буквально «день проходил в развлечениях, ночь протекала в веселье», и она действительно знала лишь счастья да лучшие яства, утопала в парче и шелках. Но при всем этом ей часто бывало не по себе, особенно когда молодые повесы давали волю своим капризам и прихотям, устраивали сцены ревности или, когда она не могла прийти в себя после пинушек, открыто изменяли Мэйнян. В такие минуты она всегда вспоминала милого молодого Цинь Чжуна, остро опущала отсутствие теплой ласки и нежного сочувствия и с тоскою думала о том, что не представляется случай встретиться с ним снова.

Но, как видно, сроку «веселой» ее жизни подошел конец и в судьбе ее суждено было настать переменам. Год спустя с ней приключилась вот какая история.

В городе Линьяни жил молодой человек У Восьмой. Отец его, У Юэ, был правителем области Фучжоу. Этот У Восьмой только что вернулся в Линьян с места службы отца, и теперь у него было полно денег. У Восьмой был любителем выпить, увлекался азартными играми, заглядывал в различные укромные уголки, и потому имя Царицы цветов ему было хорошо известно. Однако встречаться с ней ему не приходилось. Не раз он посыпал к ней, приглашая ее провести с ним время, но Мэйнян, которая слышала о нем много дурного, всякий раз отказывала под тем или иным предлогом. У Восьмой нередко и сам с компанией бездельников являлся в дом матушки Ван, но ни разу не удалось ему увидеть Мэйнян.

明节届，家家扫墓，处处踏青。美娘因连日游春困倦，且是积下许多诗画之债，未曾完得，吩咐家中：“一应客来，都与我辞去。”闭了房门，焚起一炉好香，摆设文房四宝，方欲举笔，只听得外面沸腾，却是吴八公子，领着十余个狠仆，来接美娘游湖。因见鸨儿每次回他，在中堂行凶，打家打仗，直闹到美娘房前。只见房门锁闭。原来妓家有个回客法儿，小娘躲在房内，却把房门反锁，支吾客人，只推不在。那老实的就被它哄过了。吴公子是惯家，这些套子，怎地瞒得。吩咐家人扭断了锁，把房门一脚踢开。美娘躲身不迭，被公子看见，不由分说，教两个家人，左右牵手，从房内直拖出房外来，口中兀自乱嚷乱骂。王九妈欲待上前陪礼解劝，看见势头不好，只得闪过。家中大小，躲得没半个影儿。吴家狠仆牵着美娘，出了王家大门，不管她弓鞋窄小，望街上飞跑。八公子在后，扬扬得意。直到西湖口，将美娘掇下了湖船，方才放手。美娘十二岁到王家，锦绣中养成，珍宝般供养，何曾受恁般凌贱。下了船，对着船头，掩面大哭。

Бинтованные ножки.— В Китае примерно с X—XI вв. и вплоть до начала XX в. было широко распространено бинтование женских ног. Начиная с четырех-пяти лет девочкам ежедневно стягивали бинтом стопу, поджимая под нее четыре меньших пальца; в результате примерно через год стопа переставала расти, деформировалась и приобретала форму вытянутого треугольника. Маленькие ножки, обутые в крохотные туфельки, были одним из критериев женской красоты.

Праздник весны приходится по европейскому календарю приблизительно на начало апреля. В этот день совершают загородные прогулки, а также, по установившемуся издревле обычаю, поминают усопших родственников, приводят в порядок их могилы.

Однажды в светлый *праздник весны, когда люди семьями отправлялись прибрать и приукрасить могилы, когда «всюду свободный от дела народ зеленую травку топтал», Мэйнян, утомленная каждодневными весенними прогулками, распорядилась отказывать всем посетителям и заперлась у себя в комнате. Она зажгла курильницу с благовониями, разложила перед собой четыре сокровища ученых — кисть, бумагу, тушь и тушечницу — и только взялась было за кисть, как услышала невообразимый гам и переполох в доме.

Оказывается, это У Восьмой со своими слугами-головорезами явился предложить Мэйнян прокатиться по озеру. Когда ему отказали — уже в который раз,— он учинил погром в гостиной и, опрокидывая и разбивая все на пути, добрался до половины Мэйнян, но дверь ее комнаты была на замке.

Надо сказать, что в веселых домах прибегали иногда к особому приему отказывать посетителям. Девица пряталась у себя в комнате, комнату снаружи закрывали на замок, а гостю говорили, что ее нет дома. С доверчивыми и скромными это вполне удавалось. Но бывалого У Восьмого этой хитростью, конечно, нельзя было провести. Он велел слугам свернуть замок и ударом ноги распахнул дверь. Перед ним была не успевшая спрятаться Мэйнян. Он тут же приказал вытащить ее из комнаты, при этом он неистово ругался.

В доме от мала до велика все попрятались, так что и тени человеческой нигде не было видно. Ван хотела было подойти к У Восьмому с извинениями и уверениями, но, видя, что дело плохо, тоже предпочла скрыться.

Слуги У Восьмого выволокли Мэйнян из дома и, не считаясь с тем, что ей трудно было быстро идти на ее маленьких *бинтованных ножках и в тесных туфельках, помчались по улице, таща ее за собой. За ними с видом грозного победителя следовал их господин.

Слуги выпустили Мэйнян из рук лишь тогда, когда они домчались до озера и впихнули ее в лодку.

Мэйнян, двенадцати лет попавшая к матушке Ван и росшая в довольстве и богатстве, Мэйнян, за которой ухаживали, словно за драгоценной жемчужиной, подобных унижений и издевательств еще никогда не претерпевала. Обхватив лицо руками, она горько рыдала.

吴八公子见了，放下面皮，气忿忿地像关云长单刀赴会，一把交椅，朝外而坐，狼仆侍立于旁。一面吩咐开船，一面数一数二地发作一个不住：“小贱人，小娼根，不受人抬举！再哭时，就讨打了！”美娘哪里怕他，哭之不已。船至湖心亭，吴八公子吩咐摆盒在亭子内，自己先上去了，却吩咐家人：“叫那小贱人来陪酒。”美娘抱住了栏杆，哪里肯去？只是啜哭。吴八公子也觉没兴。自己吃了几杯淡酒，收拾下船，自来扯美娘。美娘双脚乱跳，哭声高。八公子大怒，教狼仆拔去簪珥。美娘蓬着头，跑到船头上，就要投水，被家童们扶住。公子道：“你撒赖便怕你不成！就是死了，也只费得我几两银子，不为大事。只是送你一条性命，也是罪过。你住了啼哭时，我就放你回去，不难为你。”美娘听说放她回去，真个住了哭。八公子吩咐移船到清波门外僻静之处，将美娘绣鞋脱下，去其裹脚，露出一对金莲，如两条玉笋相似。教狼仆扶她上岸，骂道：“小贱人！你有本事，自走回家，我却没人相送。”

Гуань Юй, отправлявшийся на пир в Лукоу. — Эпизод из истории Троецарствия (III в.). Когда правитель царства У — Сунь Цюань потребовал от правителя царства Шу — Лю Бэя возвращения района Цзинчжоу, Лю Бэй согласился, рассчитывая на то, что Гуань Юй (см.), охранявший Цзинчжоу, откажется выполнить его приказ. Так оно и случилось. Тогда один из военачальников Сунь Цюания решил устроить пир в Лукоу и пригласить Гуань Юя, дабы уговорить его пойти на уступки. В случае отказа решено было его убить.

В рассказе настроение У Восьмого сравнивается с воинственным настроением Гуань Юя, направлявшегося на пир в Лукоу.

Золотые лотосы. — Имеются в виду маленькие ножки китайки (см. «Бинтованные ножки»). Этот образ традиция возводит к одному из удельных князей V в., который якобы, предложив своей наложнице пройтись по вырезанным из золота цветам лотоса, произнес: «Под каждым ее шагом рождается цветок лотоса».

Все с тем же нисколько не смягчившимся выражением лица У Восьмой, словно *Гуань Юй, отправлявшийся на пир в Лукоу, уселся в кресло посередине лодки спиной к Мэйнян, а по сторонам возле него стали слуги.

— Подлая дрянь ты этакая, паршивая потаскуха! — выкрикивал он, отдав распоряжение отчаливать. — Не понимаешь, когда относятся к тебе по-хорошему, когда носятся с тобой... Плеток получишь, если будешь еще реветь! Перестань!

Но на Мэйнян эти угрозы не действовали, и она продолжала плакать.

Доплыv до середины озера, где на маленьком островке стояла беседка, У Восьмой распорядился, чтобы в беседку принесли короб с яствами, и сам отправился туда, на ходу бросив прислуге:

— Пусть эта дрянь составит мне компанию за вином!

Мэйнян, рыдая, схватилась за перила, упорно отказываясь сойти на берег.

Выпив без всякого настроения несколько чарок вина, У Восьмой вернулся в лодку и стал приставать к Мэйнян. Та затопала ногами и разрыдалась еще громче. Выведенный из себя, У Восьмой велел сорвать с нее шпильки и приколки.

Мэйнян с распущенными волосами кинулась к носу лодки и бросилась бы в воду, если бы ее не успели схватить.

— Ты что! Думаешь запугать меня! — крикнул У Восьмой. — Да утопись ты даже — обойдешься мне в несколько ланов, и только. Но жизни-то лишать тебя все же грех. Ладно, коли бросишь реветь, отпушу и ничего с тобой не сделаю.

Услышав это, Мэйнян перестала плакать.

Тогда У Восьмой приказал направить лодку за ворота Цинбо. Там, выбрав укромное место, он велел слугам снять с Мэйнян туфли и размотать бинты на ногах — обнажились два *золотых лотоса, два нежных побега бамбука.

После этого он приказал слугам высадить Мэйнян на берег.

— Ну, дрянь, раз ты такая прыткая — добирайся-ка теперь домой сама: у меня для тебя провожатых нет! — крикнул он ей вслед.

中而去。正是：

焚琴煮鹤从来有，惜玉怜香几个知！

美娘赤了脚，寸步难行。思想：“自己才貌两全，只为落于风尘，受此轻贱。平昔枉自结识许多王孙贵客，急切用他不着，受了这般凌辱。就是回去，如何做人？倒不如一死为高。只是死得没些名目，枉自享个盛名，到此地位，看着村庄妇人，也胜我十二分。这都是刘四妈这个花嘴，哄我落坑堕堑，致有今日！自古红颜薄命，亦未必如我之甚！”越思越苦，放声大哭。事有偶然，却好朱重那日到清波门外朱十老的坟上，祭扫过了，打发祭物下船，自己步回，从此经过。闻得哭声，上前看时，虽然蓬头垢面，那玉貌花容，从来无两，如何不认得！吃了一惊，道：“花魁娘子，如何这般模样？”美娘哀哭之际，听得声音嘶哑，止啼而看，原来正是知情识趣的秦小官。美娘当此之际，如见亲人，不觉倾心吐胆，告诉他一番。朱重心中十分疼痛，亦为之流泪。

Немало таких, кто цитры сжигал или варил журавлей —
то есть людей, которые не ценят прекрасное и для которых нет
ничего дорогого, священного.

Лодку оттолкнули багром, и она снова направилась на середину озера. Вот уж поистине:

**Немало таких, кто цитры сжигал
или варил журавлей,
Но много ль таких, кто женщину милую
искренне пожалел?*

Итак, Мэйнян осталась одна на берегу. Босая, она не могла сделать и шагу.

«Какое унижение! Какое оскорбление! Это при всех моих талантах, при моей-то красоте! — думала Мэйнян. — И все это только из-за того, что я очутилась в этом проклятом заведении. А эти знакомства с родственными и знатными людьми... К чему они? Пригодились ли они мне теперь, в минуту беды? Что же мне делать? Пусть я и вернусь сейчас домой, но как буду жить после такого позора? Уж лучше умереть... Но во имя чего? Неужели так бесславно кончить свою жизнь? Ах, до чего ж я дошла! Сейчас любая деревенская женщина лучше меня в сто раз и мне не позавидует. И это все Лю Четвертая со своим языком! Она заманила меня в эту яму, довела до падения, до того, что случилось со мной сегодня. Известно давно, что красавицам горькая доля дана, но уж горше, чем моя, вряд ли кому доставалась».

Чем больше Мэйнян думала, тем тяжелее становилось у нее на сердце, и она громко разрыдалась.

И вот случайность! Как раз в этот день Цинь Чжун поехал за ворота Цинбо на могилу Чжу Шилао совершить поклонение. Назад он пошел пешком, а все, что было доставлено туда для жертвоприношений, отправил домой на лодке.

Проходя около того места, где У Восьмой высадил Мэйнян, Цинь Чжун услышал плач и пошел посмотреть, в чем дело. Всклокоченные волосы и испачканное лицо не помешали Цинь Чжуну сразу же узнать Мэйнян, ее несравненную, бесподобную красоту.

— Царица цветов! Что с вами? Почему вы в таком виде? — взволнованно спросил Цинь Чжун.

Услышав сквозь плач знакомый голос, Мэйнян подняла глаза. Перед нею был тот самый любезный и милый Цинь Чжун, о котором она так часто думала. В этот момент он был ей ближе родного, и она излила ему все, что было на сердце.

Жалость охватила Цинь Чжуна, и он прослезился.

袖中带有白绫汗巾一条，约有五尺多长，取出劈半扯开，奉与美娘裹脚，亲手与她拭泪。又与她挽起青丝，再三把好言宽解。等待美娘哭定，忙去唤个暖轿，请美娘坐了，自己步送，直到王九妈家。九妈不得女儿消息，在四处打探，慌迫之际，见秦小官送女儿回来，分明送一颗夜明珠还她；如何不喜！况且鸨儿一向不见秦重挑油上门，多曾听得人说，他承受了朱家的店业，手头活动，体面又比前不同，自然刮目相待。又见女儿这等模样，问其缘故，已知女儿吃了大苦，全亏了秦小官。深深拜谢，设酒相待。日已向晚，秦重略饮数杯，起身作别。美娘如何肯放，道：“我一向有心于你，恨不得你见面。今日定然不放你空去。”鸨儿也来扳留。秦重喜出望外。是夜，美娘吹弹歌舞，曲尽生平之技，奉承秦重。秦重如做了一个游仙好梦，喜得魄荡魂消，手舞足蹈。夜深酒阑，二人相挽就寝。云雨之事，其美满更不必言。

袖中带有

Разорвав пополам свое длинное шелковое полотенце, Цинь Чжун подал его Мэйнян, чтобы та обернула ноги. Он сам вытер ей глаза, поправил волосы и стал утешать ласковыми словами. Когда Мэйнян успокоилась, Цинь Чжун побежал за носильщиками, усадил Мэйнян в паланкин и проводил ее домой.

Ван тем временем всюду разыскивала Мэйнян, но никто ничего не мог сказать о ней. Она уж не знала, что ей делать, как вдруг Цинь Чжун привел Мэйнян.

О радости хозяйки нечего и говорить: ведь Цинь Чжун вернул ей не что иное, как утерянную жемчужину! К тому же этот самый Цинь Чжун уже давно не носил масла, многие говорили, что к нему перешла лавка старика Чжу и что с деньгами у него стало довольно свободно. В глазах других он выглядел теперь иначе, поэтому, разумеется, хозяйка встретила Цинь Чжуна приветливо и учтиво, как никогда. Когда же она узнала, почему Мэйнян в таком виде, узнала, что ей пришлось претерпеть и, наконец, чем она обязана Цинь Чжуну, то с низким поклоном поблагодарила его и привлекла к столу. Так как солнце уже склонилось к западу, Цинь Чжун после нескольких чарок поднялся из-за стола и стал прощаться. Ван усиленно уговаривала гостя остаться, а Мэйнян и вовсе не собиралась его отпускать.

— Вы мне понравились еще тогда, — сказала она. — Если бы вы только знали, как мне хотелось встретиться с вами! Нет, сегодня я не отпущу вас так просто. Ни за что!

Цинь Чжун был вне себя от радости. В этот вечер Мэйнян ради Цинь Чжуна старалась вложить все свое искусство в пение, танцы и игру, и Цинь Чжун чувствовал себя так, словно очутился в какой-то волшебной стране. У него то руки взлетали в порыве бурно играющих чувств и ноги просились в танец, то словно таяла душа и, опьяненная, уносилась в блаженную даль. Была уже глубокая ночь, когда они с Мэйнян рука об руку удалились в ее покой.

Что же касается прелестной полноты их чувств в стихии любви, то об этом излишне даже говорить.

一个是足力后生，一个是惯情女子，这边说，三年怀想，费几多役梦劳魂；那边说，一载相思，喜侥幸粘皮贴肉。一个谢前番帮衬，合今番恩上加恩；一个谢今夜总成，比前夜爱中添爱。红粉妓倾翻粉盒，罗帕留痕；卖油郎打泼油瓶，被窝沾湿。可笑村儿干折本，作成小子弄风流。

云雨已罢，美娘道：“我有句心腹之言与你说，你休得推托。”秦重道：“小娘子若用得着小可时，就赴汤蹈火，亦所不辞，岂有推托之理。”美娘道：“我要嫁你。”秦重笑道：“小娘子就嫁一万个，也还数不到小可头上，休得取笑，枉自折了小可的食料。”美娘道：“这话实是真心，怎说取笑二字！我自十五岁被妈妈灌醉，梳弄过了。此时便要从良。只为未曾相处得人，不辨好歹，恐误了终身大事。以后相处的虽多，都是豪华之辈，酒色之徒，但知买笑追欢的乐意，那有怜香惜玉的真心。看来看去，只有你是个志诚君子，况闻你尚未娶亲。若不嫌我

Он молод, силен,
она же искусна в любви.
Он говорит о трехлетней мечте,
о снах бесконечных,
о страстных душевных порывах.

Она говорит
о давнишней тоске,
о счаствии в близости тесной.
Она шепчет о том,
что забыть не могла
заботы и ласки той ночи далекой,
Что ныне обязана
снова огромной услугой ему.
А он ей твердит,
что сегодня она
восполнила счастье той ночи чудесной,
Что вслед за любовью
обязан он ей
познаньем еще и блаженства.

— Я хочу доверить тебе сокровенную тайну души моей,— в ту же ночь сказала Мэйнянь Цинь Чжуну.— Только прошу не отказываться, когда узнаешь, в чем дело.

— Если я могу быть чем-нибудь вам полезен, то ради этого я готов идти в огонь и в воду. Отказываться... Да мыслимо ли это?

— Я хочу, чтобы ты стал моим мужем,— сказала Мэйнянь.

Цинь Чжун рассмеялся:

— Если бы вы вздумали выбирать себе мужа из десятка тысяч людей, то и тогда я не оказался бы в их числе. Нет, не смейтесь надо мной.

— Смеюсь, ты говоришь? Нет, я сказала это искренне. С пятнадцати лет, когда с помощью матушки Ван Девятой меня напоили и лишили девственности, с тех пор еще я задумала распрошаться с этим недостойным образом жизни, но не смогла остановить свой выбор на ком-нибудь, так как не видела подходящего человека. Выходить же замуж без разбору я не решалась: боялась в этом важном для всей моей жизни деле совершить непоправимую ошибку. Мне, правда, приходилось встречаться со многими, но все это были люди богатые, блестящие, беспутные, любители вина и женщин, люди, которые в погоне за доступным весельем и в поисках праздного смеха искали лишь сладость удовольствия, и никогда не было у них искренних чувств к нежным и слабым созданиям. Я много и долго приглядывалась и лишь в тебе нашла настоящую искренность и благородство души. Ты, как я слышала, еще не женат, и потому, если не побрезгуешь мною,

烟花贱质，情愿举案齐眉，白头奉侍。你若不允之时，我就将三尺白罗，死于君前，表白我这片诚心，也强如昨日死于村郎之手，没名没目，惹人笑话。”说罢，呜呜地哭将起来。秦重道：“小娘子休得悲伤。小可承小娘子错爱，将天就地，求之不得，岂敢推托。只是小娘子千金声价，小可家贫力薄，如何摆布？也是力不从心了。”美娘道：“这却不妨。不瞒你说，我只为从良一事，预先积攒些东西，寄顿在外。赎身之费，一毫不费你心力。”秦重道：“就是小娘子自己赎身，平昔住惯了高堂大厦，享用了锦衣玉食，在小可家，如何过活？”美娘道：“布衣蔬食，死而无怨。”秦重道：“小娘子虽然——只怕妈妈不从。”美娘道：“我自有道理。如此如此，这般这般。”两个直说到天明。

原来黄翰林的衙内，韩尚书的公子，齐太尉的舍人，这几个相知的人家，美娘都寄顿得有箱笼。美娘只推要用，陆续取到密地，约下秦重，教他收置在家。然后一乘轿子，抬到刘四妈家，诉以从良之事。刘四妈道：“此事老身前日原说过的。只是年纪还早，又不知你要从哪一个？”美娘道：“姨娘，你莫管是甚人，少不得依着姨娘的言语，

«Чашу к бровям подымать» — иносказ.: с большим уважением относиться к мужу. Выражение это связано с именем Мэн Гуан, жены некоего Лян Хуна (I в.), которая, подавая мужу еду, высоко поднимала чашу в знак глубокого уважения к нему.

блеклым дешевым цветком, я готова, как говорится, в почтении *«чашу к бровям подымать» до самых глубоких седин. Если же ты не согласишься, то я тут же перед тобой удавлюсь куском шелка, чтобы убедить тебя в моей искренности. И предпочитаю поступить именно так, чем погибать неизвестно во имя чего в руках какого-нибудь нахала и навлекать на себя лишь насмешки людей.

При последних словах Мэйнян разрыдалась.

— Прошу вас, не расстраивайтесь,— утешал ее Цинь Чжун.— Ваша нежданная любовь ко мне — это то, чего бы я мог искать бесконечно и никогда не нашел. Мне ли от этого отказываться? Но при вашей славе, при вашем положении нужны тысячи и тысячи, а я беден, и возможности у меня незначительные. Тут ничего не поделать: силы не повинуются сердцу.

— Если дело только за этим, то не беда,— ответила Мэйнян.— Скажу тебе прямо: я всегда думала о том, чтобы начать другую жизнь, и уже давно стала откладывать кое-какие вещи, которые храню у знакомых. Поэтому о выкупе тебе не нужно беспокоиться.

— Допустим, что так. Но ведь вы привыкли к роскошным тканям и изысканным яствам. И как после всего этого вы сможете жить в моем доме, не представляю.

— Я согласна есть грубую пищу, ходить в грубой одежде и роптать ни на что не буду.

— Пусть все это так,— ответил Цинь Чжун,— но боюсь, что хозяйка ваша не согласится.

— Я знаю, как быть,— заверила его Мэйнян и объяснила, как она собирается действовать.

Так они проговорили до самого рассвета.

Оказалось, что почти у каждого из ее хороших знакомых Мэйнян держала кое-какие вещи. Под предлогом, что они ей теперь понадобились, она постепенно забрала их, договорившись с Цинь Чжуном, что тот будет хранить их у себя.

Как только все вещи были перевезены, Мэйнян отправилась к Лю Четвертой и поведала ей о том, что намерена покончить с настоящим и начать новую жизнь.

— Об этом и я когда-то тебе говорила,— сказала та.— Но ведь ты еще молода... За кого же ты решила идти?

— За кого, пока не спрашивайте,— ответила Мэйнян.— Но знайте, что я во всем следую вашим настав-

是个真从良，乐从良，了从良；不是那不真，不假，不了，不绝的勾当。只要娘娘肯开口时，不愁妈妈不允。做侄女的没别孝顺，只有十两金子，奉与娘娘，胡乱打些钗子，是必在妈妈前做个方便。事成之时，媒礼在外。”刘四妈看见这金子，笑得眼儿没缝，便道：“自家儿女，又是美事，如何要你的东西！这金子权时领下，只当与你收藏。此事都在老身身上。只是你的娘，把你当个摇钱之树，等闲也不轻放你出去。怕不要千把银子。那主儿可是肯出手的么？也得老身见他一见，与他讲通方好。”美娘道：“娘莫管闲事，只当你侄女自家赎身便了。”刘四妈道：“妈妈可晓得你到我家来？”美娘道：“不晓得。”四妈道：“你且在我家便饭，待老身先到你家，与妈妈讲。讲得通时，然后来报你。”

刘四妈顾乘轿子，抬到王九妈家。九妈相迎入内。刘四妈问起吴八公子之事，九妈告诉了一遍。四妈道：“我们行户人家，倒是养了个半低不高的丫头，尽可嫌钱，又且安稳。不论什么客就接了，倒是日日不空的。侄女只为声名大了，好似一块鳌鱼落地。

лениям, что желание это искреннее, серьезное, что я иду по доброй воле, что в новую жизнь я ухожу бесповоротно. Не думайте, что я колеблюсь в своем решении, что пройдет некоторое время и я от него откажусь. Нет, я решила, и это твердо и окончательно. Я знаю, что стоит вам лишь поговорить об этом с хозяйкой, и она даст свое согласие. Мне, правда, нечем почтить вас, но вот эти десять ланов золота позвольте преподнести вам, тетушка, на шпильки. Замолвите за меня словечко перед хозяйствой, а когда все будет уложено, то подарок за сватовство, разумеется, сам собой.

При виде золота лицо Лю Четвертой расплылось в такую улыбку, что остались только щелки от глаз.

— Ах, что ты! Да разве я возьму это от тебя? Ведь мы, можно сказать, свои; к тому же это такое благое дело,— лепетала она.— Ну да ладно, оставлю пока у себя, считай, что это золото ты отдала мне на хранение. А в деле твоем можешь положиться на меня. Но только хозяйка-то твоя видит в тебе свое монетное дерево, с которого она трясет деньги, и уж так просто тебя не отпустит. Как бы она не запросила тысячонку серебра. Интересно, человек-то твой из тех ли, что не поскупится на крупную сумму? Все же мне следовало бы повидать его и договориться с ним.

— Незачем вам брать на себя лишние заботы,— ответила Мэйянян.— Считайте, что я сама внесу деньги за себя, и все.

— А хозяйка знает, что ты пошла ко мне?— спросила Лю.

— Нет, не знает.

— Тогда ты побудь пока у меня, а я отправлюсь поговорить с ней и, как только договорюсь, сразу же вернусь.

Порешив на этом, Лю Четвертая наняла паланкин и уехала.

Ван встретила гостью и провела ее в дом. Лю стала расспрашивать ее о случае с У Восьмым, и та рассказала ей всю историю. Выслушав ее, матушка Лю заговорила:

— В нашем деле можно зарабатывать, если содержать какую-нибудь не особенно шикарную, но и не совсем незаметную девку. Это и спокойней и удобней. Такая примет любого посетителя и ни одного дня не будет сидеть без гостя. А вот возьми Мэйянян: громкая слава превратила ее в лакомый кусочек, упавший на землю,

蚂蚁儿都要钻它。虽然热闹，却也不得自在。说便许多一夜，也只是个虚名。那些王孙公子来一遍，动不动有几个帮闲，连宵达旦，好不费事。跟随的人又不少，个个要奉承得他到。一些不到之处，口里就出粗，哩哩罗嗦地骂人，还要暗损你家伙，又不好告诉得他家主，受了若干闷气。况且山人墨客，诗社棋社，少不得一月之内，又有几日官身。这些富贵子弟，你争我夺，依了张家，违了李家，一边喜，少不得一边怪了。就是吴八公子这一个风波，吓杀人的，万一失差，却不连本送了。宦官人家，与他打官司不成！只索忍气吞声。今日还亏着你家时运高；太平没事，一个霹雳空中过去了。倘然山高水低，悔之无及。妹子闻得吴八公子不怀好意，还要与你家索闹。侄女的性气又不好，不肯奉承人。第一这一件，乃是个惹祸之本。”九妈道：“便是这件，老身好不担忧。就是这八公子，也是有名有称的人，又不是下贱之人。这丫头抵死不肯接他，惹出这场寡气。当初她年纪小时，还听人教训。如今有了个虚名，被这些富贵子弟夸她奖她，惯了她性情，骄了她气质，动不动自作自主。逢着客来，她要接便接。她若不情愿时，便是九牛也休想牵得她转。”刘四妈道：“做小娘的略有些身分，都则如此。”

кусочек, на который заряется даже муравьи, не говоря уже о всякой другой твари. Правда, благодаря этому в доме царит оживление, но ведь в то же время это лишает тебя покоя. Что с того, что за ночь ты берешь по десять ланов, в конечном счете это пустая лишь слава. Ведь когда являются знатные люди да родовитые потомки, смотришь: при них обязательно целая куча «помощников в безделье». Торчат всю ночь напролет, а ты возись с ними. Одна орава их слуг чего стоит! И каждому угоди! Чуть что не так, раздается непристойное слово, а то и поток срамной браны. Да еще тебе и посуду побьют, и мебель поломают. Пожаловаться на них хозяину ведь не пожалуешься и терпишь всякую всячину. К тому же всем этим отшельникам, художникам, поэтам, шахматистам да разной чиновной братии хочешь не хочешь, а несколько дней в месяц задаром уедли. А богатая и знатная молодежь? Тот тянет к себе, этот — к себе, уступишь Чжану, обидишь Ли, один рад, другой недоволен. Возьми хоть вот историю с этим У Восьмым. Ужасно! Случись бы все по-иному, ведь потеряла бы красавицу со всем вложенным тобой в нее капиталом. Что ж, судиться с этой чиновной знатью станешь, что ли? Вот и приходится терпеть да помалкивать. Хорошо, что нынче тебе повезло, все обошлось, гром тебя миновал. А если, не ровен час, что-нибудь стрястется... До меня, между прочим, — продолжала, понизив голос, матушка Лю, — дошли слухи, что У Восьмой затаил в душе недобroе и намерен еще устроить тебе скандал. Ты ведь знаешь, что характер у нашей Мэйнян далеко не покладистый: никому не хочет угодить, а это главная причина всех бед.

— Вот именно из-за этого-то я больше всего и беспокоюсь, — проговорила Ван. — Взять хотя бы того же У Восьмого: человек он с именем, с положением, не какой-нибудь там жалкий простолюдин. Так нет, паршивка ни за что не хочет его принимать. Вот и напросилась на скандал. Когда она была помоложе, еще слушалась, а теперь обрела славу, избаловалась бесконечными одобрениями да похвалами от богатых и знатных юнцов, капризной стала, чего ни коснись, везде и во всем сама себе хозяйка. Придет гость, захочет — примет, а не захочет — так ее и девятью быками с места не сдвинешь.

— Все они становятся такими, как только начинают пользоваться хоть небольшим успехом, — ответила, махнув рукой, Лю.

王九妈道：“我如今与你商议。倘若有个肯出钱的，不如卖了她去，倒得干净。省得终身担着鬼胎过日。”刘四妈道：“此言甚妙。卖了她一个，就讨得五六个。若凑巧撞得着相应的，十来个也讨得的。这等便宜事，如何不做！”王九妈道：“老身也曾算计过来。那些有势有力的不肯出钱，专要讨人便宜。及至肯出几两银子的，女儿又嫌好道歉，做张做智的不肯。若有好主儿，妹子做媒，作成则个。倘若这丫头不肯时节，还求你撺掇。这丫头做娘的话也不听，只你说得她信，话得她转。”刘四妈呵呵大笑道：“做妹子的此来，正为与侄女做媒。你要许多银子便肯放她出门？”九妈道：“妹子，你是明理的人。我们这行户中，只有贱买，哪有贱卖？况且美儿数年盛名满临安，谁不知她是花魁娘子。难道三百四百，就容她走动？少不得要他千金。”刘四妈道：“待妹子去讲。若肯出这个数目，做妹子的便来多口。若合不着时，就不来了。”临行时，又故意问道：“侄女今日在哪里？”王九妈道：“不要说起，自从那日吃了吴八公子的亏，怕他还来淘气，终日里抬个轿子，各宅去分诉。前日在齐太尉家，昨日在黄翰林家，今日又不知在哪家去了。”

— Вот я и хочу нынче с тобой посоветоваться. Если найдется человек, который не пожалеет на нее денег, то, думаю, лучше всего продать ее, чтобы начисто отдельяться от греха и перестать носить во чреве этот дьявольский плод.

— Это умная мысль,— подхватила матушка Лю.— Ведь за нее одну можно получить столько, что пятьшесть девок приобретешь. А если подвернется подходящий случай — то и все десять. Дело выгодное, отказываться не приходится!

— Я уже давно прикидывала все это,— призналась Ван,— но люди с положением много не дают — сами ищут, где бы выгадать за счет других, а те, которые согласны дать сколько-нибудь, ей не хороши, не нравятся, и она то так ломается, то этак кривляется, не желает идти, да и только. Словом, сестрица, если будет подходящий человек, ты как-нибудь устрои дело, совсватай. И уж зайдись ею, если она, паршивка, не будет соглашаться. Дрянная девчонка, меня совсем не слушается, только ты можешь уговорить и убедить ее.

Лю громко рассмеялась.

— Я как раз и пришла к тебе затем, чтобы сватать ее,— сказала она.— Сколько же ты захочешь за то, чтобы отпустить ее?

— Что ж, ты ведь человек понимающий и знаешь, что в нашем деле дешево покупают, но дешево не продают, тем более что Мэйнян уже не первый год славится в городе. Ведь нет человека во всей Линъани, который не знал бы, что она — Царица цветов. Нечего и говорить, что за какие-нибудь триста или четыреста ланов я ей не позволю уйти. Тут без полной тысячи не обойтись.

— Попробую поговорить. Если такую сумму согласны будут дать, вернусь потолковать, а если не договорюсь, то уж не приду, не жди.

Перед уходом матушка Лю нарочно поинтересовалась:

— А где же сегодня Мэйнян?

— И не спрашивай. С того самого дня, как ей досталось от У Восьмого, все боится, что он опять явится безобразничать. Целыми днями разъезжает по всем своим знакомым и жалуется на свою судьбу. Позавчера была у Ци, вчера — у Хуана, а сегодня опять куда-то поехала.

刘四妈道：“有了你老人家做主，按定了坐盘星，也不容侄女不肯。万一不肯时，做妹子自会劝她。只是寻得主顾来，你却莫要捉班做势。”九妈道：“一言既出，并无他说。”九妈送至门首。刘四妈叫声聒噪，上轿去了。这才是：

数黑论黄雌陆贾，说长话短女随何。

若还都像虔婆口，尺水能兴万丈波。

刘四妈回到家中，与美娘说道：“我对你妈妈如此说，这般讲，你妈妈已自肯了。只要银子见面，这事立地便成。”美娘道：“银子已曾办下，明日姨娘千万到我家来，玉成其事。不要冷了场，改日又费讲。”四妈道：“既然约定，老身自然到宅。”美娘别了刘四妈，回家一字不提。次日，午牌时分，刘四妈果然来了。王九妈问道：“所事如何？”四妈道：“十有八九，只不曾与侄女说过。”四妈来到美娘房中，两下相叫了，讲了一回说话。四妈道：“你的主儿到了不曾？那话儿在哪里？”美娘指着床头道：“在这几只皮箱里。”美娘把五六只皮箱一时都开了，五十两一封，搬出十三四封来，又把些金珠宝玉算价，

Лу Цзя — см. «Суй Хэ и Лу Цзя».

Суй Хэ и Лу Цзя (оба III — II вв. до э.) — выдающиеся дипломаты, известные своим красноречием, тонкостью аргументации, умением убеждать собеседника в споре.

— Ну, лишь бы ты, почтенная, решила, а Мэйнян согласится: куда ей деваться? Если будет отказыватьсья, я сумею ее уговорить. Но только смотри: найду человека, чтоб ты тогда не вздумала ломаться и вилять.

— Слово сказано, больше не о чем говорить.

Бросив на прощание провожавшей ее до ворот хозяйке: «Извини, побеспокоила!» — Лю Четвертая села в паланкин и уехала.

Вот уж действительно:

Судит о черном, рядит о желтом,
словно юбку надевший *Лу Цзя;
Спорит о том ли, спорит о сем ли,
словно женского пола Суй Хэ.
Были б все бабки так языкасты,
как Четвертая матушка Лю,
Волны катила бы валом громадным
в крохотной луже вода.

Возвратясь домой, Лю Четвертая все рассказала Мэйнян.

— Она согласилась, нужно только, чтоб перед нею лежали деньги, и делу конец, — заключила она.

— Деньги уже приготовлены. Очень прошу вас, приходите завтра помочь завершить дело. Надо пользоваться моментом, а то потом опять придется возиться и уговаривать.

— Раз условились, обязательно буду.

Договорившись на этом, Мэйнян простилась с матушкой Лю и уехала домой, где ни словом не обмолвились о том, что задумала.

На следующий день, в обеденное время, Лю Четвертая действительно явилась.

— Ну, как с тем делом? — спросила ее сестрица.

— Да можно сказать, что на девять десятых уже все почти уложено. Только вот еще с самой красавицей нашей я не говорила, — ответила Лю и прошла в комнату к Мэйнян.

После взаимных приветствий и непродолжительной беседы о том о сем матушка Лю спросила:

— Ну как, человек-то твой был у тебя, нет? Где же то, о чём мы говорили?

Кивнув в сторону кровати, Мэйнян сказала:

— Вон в тех сундуках, — и тут же раскрыла подряд шесть сундуков, из которых вынула четырнадцать пятидесятилановых упаковок и различные драгоцен-

足够千金之数。把个刘四妈惊得眼中出火，口内流涎，想道：“小小年纪，这等有肚肠！不知如何设处，积下许多东西？我家这几个粉头，一般接客，赶得着她哪里！不要说不会生发，就是有几文钱在荷包里，闲时买瓜子磕，买糖儿吃，两条脚带破了，还要做妈的与她买布哩。偏生九阿姐造化，讨得着，年时赚了若干钱钞，临出门还有这一大财，又是取诸宫中，不劳余力。”这是心中暗想之语，却不曾说出来。美娘见刘四妈沉吟，只道她作难索谢，慌忙又取出四匹潞绸，两股宝钗，一对凤头玉簪，放在桌上，道：“这几件东西，奉与姨娘为伐柯之敬。”刘四妈欢天喜地对王九妈说道：“侄女情愿自家赎身，一般身价，并不短少分毫。比着孤老赎身更好。省得闲汉们从中说合，费酒费浆，还要加一加二地谢他。”王九妈听得说女儿皮箱内有许多东西，倒有个怫然之色。你道却是为何？世间只有鸨儿的狠，做小娘的设法些东西，都送到她手里，才是快活。也有做些私房在箱笼内，鸨儿晓得些风声，专等女儿出门，抻开锁钥，翻箱倒笼取个罄空。只为美娘盛名之下，相交都是大头儿。替做娘的挣得钱钞，又且性格有些古怪，

ности — словом, всего более чем на тысячу ланов. При виде такого богатства у Лю Четвертой слюна по губам потекла и огнем загорелись глаза.

«Совсем еще молодая, а себе на уме,— думала она,— и как это она смогла столько накопить? Мои вон ничуть не меньше принимают гостей, но где им до нее! Не то что не умеют разжиться, даже если и заведутся у них какие-нибудь гроши, непременно растратят все на семечки да на конфеты, так что даже бинты для ног и те я им покупай. Везет моей сестрице: досталась ей Мэйнян, и за какой-нибудь год с лишним она заработала уйму денег, а теперь уходит Мэйнян от нее, и она опять получает целое состояние. Легко и просто, никаких забот, словно перекладывает из одной руки в другую».

Но обо всем этом Лю Четвертая думала про себя и вслух не сказала ни слова.

Мэйнян, видя, что матушка Лю задумалась, решила, что та выискивает предлог получить за услуги. Тогда она вынула из кармана и положила на стол четыре куска сетчатого шелка, две булавки с драгоценными камнями, две нефритовые заколки и сказала:

— Позвольте, тетушка, поднести вам это в благодарность за хлопоты о моей судьбе.

Матушка Лю, которой небо стало мило, и земля хороша, тут же пошла к сестрице.

— Мэйнян желает сама откупиться, — заявила она сестре. — Она дает ту сумму, о которой мы говорили, ни на грош меньше. Это даже лучше, чем если бы ее стал выкупать какой-нибудь завсегдатай: по крайней мере обойдется без всяких посредников, которым знай только подавай чай да вино, а потом еще не раз и не два благодаря их особо.

Как только до сознания матушки Ван дошло, что сундуки у Мэйнян полны всякого добра, она переменилась в лице. Самые бессердечные люди на свете — это хозяйки веселых домов. Они тогда лишь довольны, когда прибирают к рукам все, что каким-либо образом достается девицам. Когда хозяйка узнает, что у одной из девиц — а такие бывают — в сундуке появились свои сбережения, то, дождавшись, когда «дочь» уйдет, она срывает замок, врывается в ее комнату, переворачивает все вверх дном и обирает ее дочиста.

Другое дело с Мэйнян. Слава ее приносила ей обширные знакомства среди знати и богачей, а матушке — немалый доход, да и нрав у Мэйнян был строптив-

等闲不敢触她。故此卧房里面，鸨儿的脚也不搬进去。谁知她如此有钱，刘四妈见九妈颜面色不善，便猜着了，连忙道：“九阿姐，你休得三心两意。这些东西，就是侄女自家积下的，也不是你本分之钱。她若肯花费时，也花费了。或是她不长进，把来津贴了得意的孤老，你也哪里知道！这还是她做家的好处。况且小娘自己手中没有钱钞，临到从良之际，难道赤身赶她出门？少不得头上脚下都要收拾得光鲜，等她好去别人家做人。如今她自家拿得出这些东西，料然一丝一毫不费你的心。这一主银子，是你完完全全装在腰跨里的。她就赎身出去，怕不是你女儿？倘若她挣得好时，时朝月节，怕她不来孝顺你？就是嫁了人时，她又没有亲爹亲娘，你也还去做得着她的外婆，受用处正有哩。”只这一套话，说得王九妈心中爽然。当下应允。刘四妈就去搬出银子，一封封兑过，交付与九妈，又把这些金珠宝玉，逐件指物作价。对九妈说道：“这都是做妹子的故意估下她些价钱。若换与人，还便宜得几十两银子。”王九妈虽同是个鸨儿，倒是个老实头儿，凭刘四妈说话，无有不纳。

刘四妈见王九妈收了这主东西，便叫亡八写了婚书，交付与美儿。

ый, так что Ван не решалась трогать ее. Поэтому за все время хозяйка ни разу и ноги своей не заносила за порог спальни Мэйнян. А Мэйнян вон, оказывается, какими деньгами обладала!

— Сестрица! — поспешила заговорить Лю Четвертая, заметив мрачное лицо хозяйки и догадавшись, в чем дело. — Отбрось ты всякие сомнения. Из всего, что имеется у Мэйнян, — пусть даже кое-что она и утаила от тебя — нет ни одного гроша, на который ты могла бы предъявить свои права. Ведь если бы она захотела растратить все, то уже давным-давно растратила бы. Или же, будь она легкомысленной и пожелай своим деньгами помочь какому-нибудь своему дружку-завсегдатаю, ты тоже об этом ничего не знала бы. Как-никак, а все же она разумно поступила, что делала сбережения, тем более что когда девица собирается начать новую жизнь и у нее нет ничего за душой, то ведь не выгонишь же ты ее за ворота с пустыми руками. Наоборот, с ног до головы приоденешь, чтобы на ней все сняло и сверкало, чтобы она человеком вошла в другой дом. А тут, тут уж, конечно, ни твоих забот, ни твоих расходов ни на что не потребуется, раз сама она вон сколько может выложить. И подумать только, ведь всю эту кучу денег ты целиком кладешь к себе в мошну. Пусть даже она уйдет сегодня, так что же? Она тебе больше не дочь, что ли? Если она устроится неплохо, то в праздник ли, по случаю ли какого-нибудь торжества не явится разве почтить тебя? Ведь у нее нет ни отца, ни матери; выйдет замуж, так тебе еще бабкой быть у нее в доме. Уж что-что, а в обиде никак не останешься.

Слова сестрицы подействовали: видно было, что на душе у Ван полегчало. Она дала свое согласие. Тогда Лю Четвертая тут же пошла за серебром и, пересчитав его, передала хозяйке. Затем она принесла ей драгоценности и стала оценивать каждую вещь в отдельности.

— Я умышленно оцениваю эти вещи дешевле, — говорила она при этом, — если вздумаешь продавать их, и здесь выгадаешь не один десяток ланов.

Такая же старая сводница, как и Лю Четвертая, матушка Ван была, однако, из покладистых и соглашалась со всем, что ни говорила ей та. Когда Ван все приняла, Лю велела мужу сестрицы составить брачный договор и передала документ Мэйнян.

美儿道：“趁姨娘在此，奴家就拜别了爹妈出门，借姨娘家住一两日，择吉从良，未知姨娘允否？”刘四妈得了美娘许多谢礼，生怕九妈翻悔，巴不得美娘出了她门，完成一事，说道：“正该如何。”当下美娘收拾了房中自己的梳台匣，皮箱铺盖之类。但是鸨儿家中之物，一毫不动。收拾已完，随着四妈出房，拜别了假爹假妈，和那姨娘行中，都相叫了。王九妈一般哭了几声。美娘唤人挑了行李，欣然上轿，同刘四妈到刘家去。四妈出一间幽静的好房，顿下美娘行李。众小姐都来与美娘叫喜。是晚，朱重差莘善到刘四妈家讨信，已知美娘赎身出来。择了吉日，笙箫鼓乐娶亲。刘四妈就做大媒送亲，朱重与花魁娘子花烛洞房，欢喜无限。

虽然旧事风流，不减新婚佳趣。

次日，莘善老夫妇请新人相见，各各相认，吃了一惊，问起根由，至亲三口，抱头而哭。朱重方才认得是丈人丈母。请他上坐，夫妻二人，重新拜见。亲邻闻知，无不骇然。

Благоприятный (счастливый) день.— Согласно старинной традиции, для начала любого важного дела (посев, открытие торговли, заключение брака, поездка и пр.) существовали благоприятные или неблагоприятные дни. Их узнавали по гаданию или находили в специальном календаре.

— Тетушка! — обратилась к ней Мэйнян.— Пока вы здесь, я хочу проститься со всеми и буду просить вас разрешить мне денек-другой пожить у вас, чтобы тем временем избрать *благоприятный день и начать другую жизнь. Не знаю, согласитесь ли вы.

Лю Четвертой и самой хотелось этого: теперь, когда она получила от Мэйнян такие ценные подарки, она опасалась, как бы сестрица ее не передумала.

— Да ведь это так и должно быть,— сказала она. Мэйнян не стала медлить. Она тут же собрала свои туалетные шкатулки, сундуки, постель и другие вещи, не взяв при этом ничего, что могло бы принадлежать хозяйке. Когда сборы были закончены, она вышла из своей комнаты, простилась с матушкой Ван, которая при расставании даже всплакнула; рас прощалась она и со всеми подружками и, приказав людям вынести вещи, с радостным чувством на душе вместе с Лю Четвертой села в паланкин и уехала.

Лю Четвертая отвела для Мэйнян тихую, уютную комнатку. Все девицы из дома матушки Лю явились поздравить Мэйнян по случаю такого радостного события.

В этот вечер и Цинь Чжун, пославший Синь Шаня за известиями к матушке Ван, знал уже, что Мэйнян откупилась.

Выбрав благоприятный день, Цинь Чжун с музыкой отправился за невестой. Лю Четвертая, как настоящая сваха, снарядила и проводила Мэйнян. Цинь Чжун с Царицей цветов совершили обряд, как должно, среди украшенных торжественных и ярко горящих свечей и были бесконечно счастливы.

*Пусть ласка любви им знакома,
знакома давно им она,
Но брачная ночь их сегодня
новой любовью полна.*

На следующий день престарелая чета Синь явилась познакомиться с молодой. Внимательно приглядевшись друг к другу, они впали в крайнее изумление. Начались расспросы, и все трое залились слезами. Только тут Цинь Чжун узнал, что старики Синь приходятся ему тестем и тещей. Он усадил их на почетное место, и молодые супруги земно поклонились им. Соседи и знакомые, кому довелось узнать об этом, поражались удивительной встрече Мэйнян с родителями.

是日，整备筵

席，庆贺两重之喜，饮酒尽欢而散。三朝之后，美娘教丈夫备下几副厚礼，分送旧相知各宅，以酬其寄顿箱笼之恩，并报她从良信息。此是美娘有始有终处。王九妈、刘四妈家，各有礼物相送，无不感激。满月之后，美娘将箱笼打开，内中都是黄白之资，吴绫蜀锦，何止百计，共有三千余金，都将钥匙交付丈夫，慢慢地买房置产，整顿家当，油铺生理，都是丈人莘善管理。不上一年，把家业挣得花锦般相似，驱奴使婢，甚有气象。

朱重感谢天地神明保佑之德，发心于各寺庙喜舍合殿香烛一套，供琉璃灯油三个月；斋戒沐浴，亲往拈香礼拜。先从昭庆寺起，其它灵隐、法相、净慈、天竺等寺，以次而行。就中单说天竺寺，是观音大士的香火，有上天竺、中天竺、下天竺，三处香火俱盛，却是山路，不通舟楫。朱重叫从人挑了一担香烛，三担清油，自己乘轿而往。先到上天竺来。寺僧迎接上殿。老香火秦公点烛添香。

Гуаньинь — одно из наиболее популярных в Китае и Японии божеств буддийского пантеона. Милосердный бодхисаттва Гуаньинь чаще всего изображается в Китае после XIV в. в виде женщины. Культ милосердной богини, чадоподательницы Гуаньинь был одним из самых распространенных в Китае, а изображение ее на картинах, смотрящей на отражение луны в воде, является классическим изображением Гуаньинь в иконографии буддизма.

В тот день был устроен пир в честь двойного события в семье. Распивали вино. И лишь вволю насладясь счастливым весельем, приглашенные гости разошлись по домам.

Три дня спустя Мэйнян попросила мужа подготовить ценные подарки, чтобы послать их друзьям и знакомым в благодарность за услугу, которую они оказали ей, храня ее вещи, и заодно сообщить им о своем замужестве. И в этом сказалось чувство долга Мэйнян по отношению к людям. Ван Девятая и Лю Четвертая тоже получили подарки и были очень тронуты.

Когда исполнился месяц их супружеской жизни, Мэйнян раскрыла свои сундуки, которые доверху были наполнены золотом, серебром и не одной сотней кусков шелка да парчи, причем всего добра было более чем на три тысячи ланов. Ключи от сундуков Мэйнян передала Цинь Чжуну, и он постепенно приобрел дом, землю и обзавелся имуществом. Торговля маслом в лавке теперь целиком перешла в ведение Синь Шана.

Меньше чем за год дом их превратился в цветущий уголок, богатую усадьбу, полную служанок и слуг. Благодарный земным и небесным духам за покровительство и помощь, Цинь Чжун дал себе слово пожертвовать каждому монастырю в округе, каждому храму в городе на каждый зал набор стеариновых и курильных свечей, а также масла для светильников на три месяца. Предварительно подготовив себя постом и воздержанием и совершив омовение, Цинь Чжун сам отправился со свечами и маслом обходить монастыри и храмы.

Начал он с монастыря Чжаоцин, затем один за другим посетил монастыри Линъинь, Фасян, Цзинци и, наконец, Тяньчжу. Речь дальше пойдет именно о монастыре Тяньчжу, который был местом стечения молящихся божеству *Гуаньинь и объединял, собственно, три монастыря: Верхний Тяньчжу, Средний Тяньчжу и Нижний Тяньчжу. Каждый из них посещало множество паломников. Дорога к монастырям шла через горную местность, и водного пути к нему не было, поэтому Цинь Чжун велел сопровождающим его людям доставить туда свечи и масло, сам же он отправился в паланкине.

Прежде всего он посетил Верхний Тяньчжу. Монахи встретили его и провели в главный зал. Прислужник храма, старец Цинь, зажег стеариновые свечи и поставил свечи курильные.

此时朱重居移气，养移体，仪容魁岸，非复幼时面目，秦公哪里认得他是儿子。只因油桶上有个大大的秦字，又有汴梁二字，心中甚以为奇。也是天然凑巧。刚刚到上天竺，偏用着这两只油桶。朱重拈香已毕，秦公托出茶盘，主僧奉茶。秦公问道：“不敢动问施主，这油桶上为何有此三字？”朱重听得问声，带着汴梁人的土音，忙问道：“老香火，你问它怎么？莫非也是汴梁人么？”秦公道：“正是。”朱重道：“你姓甚名谁？为何在此出家？共有几年了？”秦公把自己姓名乡里，细细告诉：“某年上避兵来此，因无活计，将十三岁的儿子秦重，过继与朱家。如今有八年之远。一向为年老多病，不曾下山问得信息。”朱重一把抱住，放声大哭道：“孩儿便是秦重。向在朱家挑油买卖。正为要访求父亲下落，故此于油桶上，写汴梁秦三家，做个标识。谁知此地相逢！真乃天与其便！”众僧见他爷子别了八年，今朝重会，各各称奇。朱重这一日，就歇在上天竺，与父亲同宿，各叙情节。

Конечно, Цинь Чжун выглядел теперь совсем не так, как некогда. Условия жизни меняют и характер человека, и его внешность. Поэтому не удивительно, что старик Цинь не мог признать в этом рослом и солидном молодом человеке собственного сына. Однако внимание старика привлекло то, что на бочонках с маслом крупными иероглифами было написано «Цинь» и «Бяньлян». И надо же было так случиться, чтобы Цинь Чжун захватил с собой именно эти два бочонка, а не другие.

После того как Цинь Чжун с молитвенным поклоном поставил свечи, старик Цинь, как водится, принес чай, и настоятель лично поднес чашку гостю.

— Позвольте спросить вас, благодетель,— обратился тогда старик Цинь к гостю,— почему у вас на бочонках эти иероглифы?

В речи вопрошающего Цинь Чжун услышал бяньлянское произношение и спросил:

— А почему ты спрашиваешь, старец? Может быть, ты тоже из Бяньляна?

— Именно так,— ответил старик.

— А как зовут тебя? И почему ты пошел в монастырь? Давно ли здесь?

Старик сказал ему, откуда он, как его зовут, и рассказал о том, что в годы военных бедствий он бежал сюда, что, будучи в безвыходном положении, отдал тринадцатилетнего сына на воспитание в семью Чжу и что с тех пор прошло уже более восьми лет, а он по дряхлости и болезненности своей все никак не мог отлучиться из монастыря, чтобы навести справки о сыне. Тут Цинь Чжун заключил его в объятия и громко зрыдал.

— Я, я и есть Цинь Чжун!— воскликнул он.— Я жил у Чжу Шилао и занимался торговлей маслом вразнос, и, именно для того чтобы разыскать вас, я написал на бочонках эти иероглифы. И вот где мы встретились! Вот уж действительно самим небом ниспосланная благодать!

И встрече отца с сыном после их восьмилетней разлуки изумлялись все монахи.

Цинь Чжун остался ночевать в монастыре, и ночь, которую он провел с отцом, прошла в рассказах и расспросах.

次日，

取出中天竺、下天竺两个疏头换过，内中朱重，仍改做秦重，复了本姓，两处烧香礼拜已毕，转到上天竺，要请父亲回家，安乐供养。秦公出家已久，吃素持斋，不愿随儿子回家。秦重道：“父亲别了八年，孩儿有缺侍奉。况孩儿新娶媳妇，也得她拜见公公方是。”秦公只得依允。秦重将轿子让与父亲乘坐，自己步行，直到家中。秦重取出一套新衣，与父亲换了，中堂设坐，同妻莘氏双双参拜。亲家莘公、亲母阮氏，齐来见礼。此日大排筵席。秦公不肯开荤，素酒素食。次日，邻里敛钱称贺。一则新婚，二则新娘子家眷团圆，三则父子重逢，四则秦小官归宗复姓：共是四重大喜。一连又吃了几日喜酒。秦公不愿家居，思想上天竺故处清净出家。秦重不敢违亲之志，将银二百两，于上天竺另造净室一所，送父亲到彼居住。其日用供给，按月送去。每十日亲往问候一次。每一季同莘氏往候一次。

Молитвенное обращение.— В нем значились фамилия, имя и местожительство просителя, а также излагалась сущность его просьбы, обращенной к духам. Перед тем как буддийский или даосский монах совершал моление за просителя, молитвенное обращение сжигалось или зачитывалось, а потом сжигалось (см. также «Бумажные деньги»).

На следующий день, переодевшись и приведя себя в порядок, Цинь Чжун отправился в монастыри Средний Тяньчжу и Нижний Тяньчжу. В *молитвенных обращениях, предназначенных для сжигания в этих монастырях, Цинь Чжун принял свою прежнюю фамилию. Совершив поклонение и воскурив свечи, он вернулся в Верхний Тяньчжу. Тут Цинь Чжун стал настоятельно упрашивать отца, чтобы тот оставил монастырь и поселился с ними, где жил бы спокойно, на полном попечении домашних.

Но старый Цинь много лет уже прожил в монастыре, вел монашеский образ жизни, соблюдал посты и строгое воздержание и потому не пожелал пойти с сыном.

— Но ведь восемь лет вы не видели заботы о себе с моей стороны,— уговаривал его Цинь Чжун,— к тому же я недавно женился, и нужно же невестке представить перед вами.

С последним доводом старик Цинь никак не мог не согласиться.

На обратном пути Цинь Чжун следовал пешком за паланкином, который уступил отцу. Дома, одев отца в новое, красивое платье и усадив его посередине зала, Цинь Чжун вместе с Мэйнян преклонили перед ним колена. Явились с приветствиями и Синь Шань с женой.

В этот день было устроено роскошное угождение, но старик Цинь не пожелал нарушить пост и не прикоснулся ни к вину, ни к скорому.

На следующий день приходили с поздравлениями соседи и знакомые. Во-первых, поздравляли с недавней свадьбой, во-вторых, по поводу полного воссоединения семьи молодой, в-третьих, по поводу встречи отца с сыном и, в-четвертых, с возвращением в род, с тем, что молодой господин Цинь стал снова носить свою прежнюю фамилию, то есть сразу с четырьмя торжественными событиями. И опять пировали подряд несколько дней.

Старый Цинь не хотел оставаться дома и все думал о привычной для него тишине и покое монастыря. Цинь Чжун не смел перечить воле родителя и переслал в монастырь двести ланов, с тем чтобы отцу построили отдельную келью, и затем проводил его туда. Из месяца в месяц он посыпал отцу все необходимое и каждые десять дней личноправлялся о его здоровье. Раз в три месяца Цинь Чжун навещал отца вместе со своей женой.

那秦公活到八十余，端坐而化。

遗命葬于本山。此是后话。

却说秦重和莘氏，夫妻偕老，生下两个孩儿，俱读书成名。至今风月中市语，凡夸人善于帮衬，都叫做“秦小官”，又叫“卖油郎”。有诗为证：

春来处处百花新，蜂蝶纷纷竞采春。

堪爱蒙家多子弟，风流不及卖油人。

Старик Цинь прожил более восьмидесяти лет и спокойно отошел в мир иной. Его похоронили, как он и называл, на той самой горе, где стоял монастырь. Что касается Цинь Чжуна и его жены Мэйнян, то они прожили вместе до самой старости. Было у них два сына, оба учились и стали впоследствии известными учеными.

И поныне на языке того мира, где можно найти любовные утехи, «молодой господин Цинь» или «продавец масла», — это лестное выражение, говорящее об умении человека быть обходительным и милым, чутким и предупредительным.

Существуют и стихи, подтверждающие это:

Явилась весна.

Свежи и ярки повсюду цветы.

Спешат мотыльки,

пчелы одна за другого спешат
отведать сладкие соки весны.

Мне, право, смешно.

Как сдержать мне улыбку свою?
Блестящих — толпа!

Но при всем их уменье сердца привлекать
не смогли превзойти продавца!

拍案惊奇卷三十四

凌濛初 (1580—1644)

闻人生野战翠浮庵
静观尼昼锦黄沙街

诗云：

酒不醉人人自醉，色不迷人人自迷。
不是三生应判与，直须慧剑断邪思。
话说世间齐眉结发，多是三生分定。

Перевод и примечания Д. Н. Воск-
ресенского.

ЛИН МЭНЧУ (1580—1644 гг.)

ЛЮБОВНЫЕ ИГРИЩА ВЭНЬЖЭНЯ

В стихах говорится:

Разве может вино опьянить того,
кто давно уже пьян?
Разве женские чары прельстят того,
кто страстью давно обуян?
Но суд над ним в трех поколениях —
слишком суровый урок.

Нужно только, чтоб мудрости меч
мысли дурные отсек.

Рассказывают, что прочные любовные союзы складываются в течение трех поколений, только тогда меж супругами царят мир и спокойствие, как в поговорке: «Власами они соединились, а пищу подносили на уровне бровей»¹.

|||||

ПРИМЕЧАНИЯ

«Любовные игрища Вэньжэня» — повесть, имеющая полное название «Сюцай Вэньжэнь занимается любовными битвами в Обители Плыущей Бирюзы; монахиня Цзингуань нежится под парчовым пологом в доме, что в Желтопесочном переулке». — Лин Мэнчу. Чу-кэ лай-ань цин-ци. Повесть № 34.

¹ Выражение «Власами они соединились» означает супружеский союз, фразеологизм «Пищу подносили на уровне бровей» передает почтительные отношения супружества. Он взят из «Книги о Поздней Хань». Там рассказывается история Лян Хуна и его жены, которые относились друг к другу с большим уважением и любовью. Когда, например, жена подносила мужу тарелку с пищей, она держала ее на уровне бровей, выражая тем самым свое почтение.

尽有那挥金霍玉，百计千方图谋成就的，到底却捉个空。有那一贫如洗，家徒四壁，似司马相如的，分定时，不要说寻媒下聘与那见面交谈，便是殊俗异类，素昧平生，意想所不到的，却得成了配偶。自古道：“姻缘本是前生定，曾向蟠桃会里来。”见得此一事非同小可。只看从古至今，有那昆仑奴、黄衫客、许虞候那一班惊天动地的好汉，也只为从险阻艰难中成全了几对儿夫妇，直教万古流传。奈何平人见个美貌女子，便待偷鸡吊狗，滚熟了又妄想永远做夫妻，奇奇怪怪，用尽机谋，讨得些寡便宜，枉玷辱人家门风。直到弄将出来，十个九个死无葬身之地。

说话的，依你如此说，怎么今世上也有偷期的倒成了正果，也有奸骗的到底无事，怎见得便个个死于非命？看官听说，你却不知：“一饮一啄，莫非前定。”夫妻自不必说，就是些闲花野草，也只是前世的缘分。假如偷期的成了正果，前缘凑着，自然配合。奸骗的保身没事，前缘偿了，便可收心。为此也有这一辈，自与那痴迷不转头送了性命的不同。如今且说一个男假为女，奸骗亡身的故事。

苏州府城有一豪家庄院，甚是广阔。

苏州府城有一豪家庄院，甚是广阔。

² Волшебные персики росли в легендарном саду богини Запада Си-ван-му — в данном случае намек на то, что брачные союзы определяются на небесах.

³ Куньлуньский раб — персонаж танской новеллы Дуань Чэнши. В ней рассказывается об удальце Молэ по прозванию Куньлуньский раб, который помог своему господину — молодому военачальнику Цуйшэнзу — добыть прекрасную наложницу сановника Ипиня.

⁴ В «Жизнеописании Хо Сяоюй» танского литератора Цзян Фана

говорится о красавице-певичке Хо, которая полюбила молодого циньши Ли И. Однако Ли бросил ее. Красавица от тяжелых переживаний заболела. Через некоторое время некий Гость в Желтом Халате⁴ сильно привел Ли к певичке, но эта встреча оказалась последней, так как вскоре красавица Хо умерла.

⁵ Письмоводитель Сюй — персонаж танской новеллы Сюй Яоцзо «Жизнеописание Лю»; он помог ученному Ханю найти свою возлюбленную Лю в стане полководца-иноzemца Шачжали.

Однако многие, забыв эту истину, тратят без меры злато или нефрит драгоценный в надежде добиться желаемого, но, увы, ловят они свое счастье впустую. Правда, бывает иначе. Живет какой-нибудь бедняк вроде Сыма Сянжу, и в доме у него одни голые стены. Однако Небо определило ему совсем иную судьбу. И вот нежданно-негаданно встречает он под стать себе девицу, на других совсем непохожую, и получает ее в жены, хотя раньше не обручался, не засыпал сватов и даже вовсе не был с нею знаком. Но как еще в древности говорили:

В прошлом сплелись нити их судеб,
и был предрешен их брак.
Где-то растут волшебные персики²,
сияющие множество благ.

Из стихов видно, что брачный союз — дело нешуточное. В связи с этим припоминаются нам разные истории, которые случались не только в древности, но и в наши дни. Вспомним, к примеру, таких удальцов, как Куньлуньский раб³, или гость в Желтом Халате⁴, или, наконец, письмоводитель Сюй⁵. Их действия в свое время потрясли Небо и Землю, о них на протяжении нескольких поколений рассказывают легенды. А почему? Потому, что эти смельчаки, дабы способствовать соединению влюбленных, преодолели всевозможные преграды и прошли великие испытания. Что же до обычных людей, то они при виде какой-нибудь прелестницы готовы, как говорится, только стащить курицу или пса. Словом, свершают они самые недостойные по-

тупки, ибо, страстями кипя, алчно желают лишь плотской связи с красоткой. Они строят премудрые планы, один другого диковиннее, в надежде добиться хоть капельки удовольствия, а в результате только поганят семью и марают имя свое.

Нередко получается, что из десяти подобных ловцов удача девять вконец пропадают, и никто даже не знает, где они похоронены.

— Рассказчик! А ведь в нашей жизни бывает и не так! Сколько сластолюбцев добиваются своего, скольким мошенникам обман сходит с рук! И разве погибают они все до единого?

— Эх, почтенные! Как вижу, невдомек вам, что каждый клевок, каждый глоток имеет тайную причину. Вот, скажем, былинка в поле или дикий цветок. Разве они появились случайно? Конечно, нет! Вы tolkuyete o sластолюбцах да мошенниках, которые-де в конце концов добиваются своего. А отчего все так получается? Оттого, что было определено им судьбою соединиться с той женщиной. Или, скажем, какому-то проходимцу удалось смошенничать. И оно не случайно! Значит, Небо в тот момент благоволило этому человеку за что-то, определив ему такое удовольствие. Только мелких проказников вряд ли можно сравнить с теми безумцами, которые, осатанев от страсти своих, устремляются очертя голову к погибели.

Нынче мне как раз хочется вам поведать об одном человеке, который, скрывшись под женским обличьем, творил обман и блуд, чем в конце концов и сгубил себя.

Жил в свое время в Сучжоу один состоятельный человек, вла-

庄侧有一尼庵，名曰功德庵，也就是豪家所造。庵里有五个后生尼姑，其中只有一个出色的，姓王，乃是云游来的，又美丽，又风月，年可二十来岁。是他年纪最小，却是豪家主意，推他做个庵主。元来那王尼有一身奢靡的本事：第一件，一张花席，数黄道白，相东话西，专一在官宦人家打踅，那女眷们没一个不被他哄得投机的。第二件，一付温存情性，善能体察人情，随机应变的帮衬。第三件，一手好手艺，又会写作，又会刺绣，那些大户女眷，也有请他家里来教的，也有到他庵里就教的。又不时有那来求子的，来做道场保禳灾悔的，他又去富贵人家及乡村妇女诱约到庵中作会。庵有净室十七间，各备床褥衾枕，要留宿的极便，所以他庵中没一日没女眷来往。或在庵过夜；或几日停留；又有一辈妇女，赴庵一次过再不肯来了的。至于男人，一个不敢上门见面。因有豪家出告示，禁止游客闲人。就是豪家妻女在内，夫男也别嫌疑，恐怕罪过，不敢轻来打搅，所以女人越来得多了。

话休絮烦，有个常州理刑厅，随着察院巡历，查盘苏州府的，姓袁，因查盘公署就在察院，相近不便，亦且天气炎热，要个宽敞所在歇足。县间借得豪家庄院，送理刑去住在里头。

一日将晚，理刑在院中闲步，见有一小楼极高，可以四望，随步登楼。只

devshii bylym pomest'ym, kotoroe odnoi svoi stronoi primykal' k monašeskemu skitu pod nazvaniem Obitel' Zaslug i Dobrodetelei, postroennym, k sloumu skazat', na den'gi etogo bogacha. V obitele prozhivali p'ять molodix monakhin'-strannic, «v oblakax parjashix», sledi koih odna (po fамилии Van) vydelyal'sya redkoy krasotoy i neobjaytnym slastoljubiem.Хотя ona i byla samoy molodoy — vsego dvadzat'i s neboldshim let, — odnako po zamyslu хозяина поместья imenno ee назначили настоятельницей. Надо вам знать, что monakhinia Van быla личностью выдающейся. Перво-наперво любила она по-рассуждать о всякой всячине и, к sloumu skazat', umela plesti slovesa takie цветистые, что прихожане из знатных семейств, с которыми обычно зналась настоятельница, внимали этому суесловию с превеликим удовольствием. Другим ее качеством было то, что мягко и вкрадчиво могла она поведать о чувствах человеческих, а потом, улучив подходящий момент, оказывала кому надо поддержку. И, наконец, была она большой искусствницей: красиво вышивала и складно составляла письма. Неудивительно, что многие жены из знатных домов призывали ее к себе или сами шли в скит за советом. Игуменья часто покидала обитель, посещая богатые дома и простых селян, когда кто-то из них хотел испросить себе чадо или совершил молебен от разных бед и несчастий. Обычно после таких посещений monakhinia приглашала прихожанок в скит для душевного разговора. Женщины часто оставались в обители на ночь и располагались с удобством, так

как в храме было семнадцать тихих келий с постелями. В обители постоянно толклись богомолки, которые порой оставались здесь даже на несколько дней. Правда, надо заметить, не все они, однажды посетив храм, снова шли туда с такой же охотой. Некоторые наотрез отказывались. Что до мужчин, то им доступ в обитель был строго-насторожено воспрещен, и они, боясь сделать какую промашку, monakhin'ye не беспокоили, ибо знали, что от богача-покровителя на сей счет дано указание: праздных людей в храм не пускать. Понятно, никаких подозрений в отношении скита никто не имел. Вот отчего богомолок в храме, среди которых было немало женщин из знатных семей, день ото дня становилось все больше и больше.

Однако оставил досужие разговоры. Как-то в Сучжоу появился судья по уголовным делам — некий Юань из Чанчжуо. Он приехал в эти места вместе со стольчным следователем по особым поручениям. Помещение близ следственного ямыня, где Юань изучал судебные кляузы, было на редкость неудобным и душным, особенно в такую жаркую погоду, какая стояла в ту пору. Поэтому судья решил сменить его на более просторное. Уездные власти помогли ему найти дом в поместье того богача, о котором шла речь. Однажды под вечер, когда гость прогуливался по двору, его внимание привлекла высокая башенка, стоявшая в отделении, из которой, как подумал судья, можно было бы удобно обозревать окрестности. Он поднялся по лесенке наверх. По всей видимости, сюда давно уже никто не

见楼中尘积，蛛网蔽户，是个久无人登的所在。理刑喜他微风远至，心要纳凉，不觉迁延伫立许久。遥望侧边对着，也是一座小楼，楼中有三五个少年女娘，与一个美貌尼姑嘻笑顽耍。理刑倒躲过身子，不使那边看见。偷眼在窗里张时，只见尼姑与那些女娘，或是搂抱一会，或是勾肩搭背、偎脸接唇一会。理刑看了半晌，摇着头道：“好生作怪！若是女尼，缘何作此等情状？事有可疑。”放在心里。

次日，唤皂隶来问道：“此间左侧有个庵，是甚么庵？”皂隶道：“是某爷家功德庵。”理刑道：“还是男僧在内，女僧在内？”皂隶道：“止有女僧五人。”理刑道：“可有香客与男僧来往么？”皂隶道：“因是女僧在内，有某爷家做主，男人等闲也不敢进门，何况男僧？多只是乡宦人家女眷们往来，这是日日不绝的。”理刑心疑不定，恰好知县来参，理刑把昨晚听见与知县说了，知县分付兵快随着理刑，抬到尼庵前来，把前后密地围住。

理刑亲自进庵来，众尼慌忙接着。理刑看时，只有四个尼姑，昨日眼中所见的却不在内。问道：“我闻说这庵中有五个尼姑，缘何少了一个？”四尼道：“庵主偶出。”理刑道：“你庵中有座小楼，从那里上去的？”众尼支吾道：“庵中只是几间房子，不曾有甚么楼。”理刑道：“胡说！”领了人各处看一遍，众尼卧房多看过，果然不见有楼。理刑道：“又来作怪！”就唤一个尼姑另到一个所在，故意把闲话问了一会，带了开去，却叫带这三个来，发怒道：“你们哪敢在吾面前说谎！方才这一个尼姑已自招了，有楼在内，你们却怎说没有？这等奸诈可恶！”

заходил, поэтому всюду лежал густой слой пыли, а окна затянула патина. Башенку насквозь пронизывал ветерок, и в ней царила прохлада. Наслаждаясь блаженным покоем, судья долго стоял, устремив взор вдаль, пока случайно не заметил в ските, что стоял напротив, небольшое строение, а в нем группу молодых женщин, оживленно беседующих с красивой монахиней. Из домика наподобие башни доносился веселый смех.

Судья приник к стене, так, чтобы его не заметили, и стал наблюдать. Женщины, тесно прижавшись друг к другу, обнимались и целовались. Так продолжалось довольно долго.

— Странно! — судья покачал головой. — Какое странное поведение! Очень подозрительно!

На следующий день он спросил у слуги:

— Скажи-ка, любезный, что за храм стоит слева? Он принадлежит вашему поместью или нет?

— Это — Обитель Заслуг и Добродетели, а построил ее наш хозяин.

— Кто же в ней обитает, монахи или монахини?

— В ней живут пять монашек.

— А богомольцы или монахи сюда часом не заходят?

— Ну что вы! В ските живут одни лишь монашки! Наш хозяин запретил появляться мужчинам, а о монахах и говорить не приходится! Поэтому ходят сюда только женщины — и все из знатных домов... Идут нескончаемым потоком чуть ли не каждый день...

Сомнения судьи после разговора со слугой не рассеялись, а когда зашел местный начальник уезда,

он поведал ему о своих подозрениях. Уездный правитель выделил для столичного чиновника команду солдат, которые во главе с судьей направились в скит. Паланкин чиновника остановился подле глухой стены, окружавшей обитель со всех сторон.

Неожиданное появление начальника вызвало в храме замешательство. Судья сразу приметил, что его встречают лишь четыре монахини. Пятой, которую он видел вчера, среди них не оказалось.

— Мне сообщили, что у вас проживают пять инокинь... Куда же девалась пятая?

— Наша игуменья?.. Отлучилась куда-то...

— У вас, кажется, есть дом наподобие башенки? Может, настоятельница там?..

Монахини чувствовали себя не в своей тарелке.

— Нет-нет, здесь только наши кельи... никакой башенки нет! — промолвила одна.

— Ложь! — чиновник приказал солдатам обшарить скит. Они обошли все кельи, но домика, что искали, не обнаружили.

— Чудеса! — проговорил судья в крайнем удивлении.

Тогда он решил пойти на хитрость. Подозвав к себе одну из монахинь, он спросил ее о каком-то пустяке, а потом велел солдатам увести ее в сторону, а сам подозревал других.

— И вы еще смеете лгать? — прикрикнул он на них. — Ваша подружка во всем созналась! Она, кстати, признала, что есть такая постройка наподобие башенки. Обмануть меня хотели?! Какая мерзость!

快取拶来。”众尼慌了，只得说出口：“实有一楼，从房里床侧纸糊门里进去就是。”理刑道：“既如此，缘何隐瞒我！”众尼道：“非敢隐瞒爷爷，实是还有几个乡宦家夫人小姐在内，所以不敢说。”推官便叫众尼开了纸门，带了四五个皂隶，弯弯曲曲走将进去，方是胡梯。只听得楼上嘻笑之声，理刑站住，分付皂隶道：“你们去看，有个尼姑在上面时，便与我拿下来。”

皂隶领旨，一拥上楼去，只见两个闺女、三个妇人，与一个尼姑正坐着饮酒。见那几个公人跨上来，吃那一惊不小，四分五落的却待躲避，众皂隶一齐动手，把那娇娇嫩嫩的一个尼姑横拖倒拽，捉将下来。拽到当面，问了他卧房在那里，到里头一搜，搜出白绫汗巾十九条，皆有女子元红在上。又有诗册一本，开载明白，多是留宿妇女姓氏、日期，细注某人是某日初至，某人是某人荐至，某女是元红，某女元系无红，一一明白。理刑一看，怒发冲冠，连叫尼姑多拿了，带到衙门里来。庵里一班女眷见捉了众尼去，不知甚么事，一齐出庵，雇轿各自回去了。

且说理刑到了衙门里，喝叫动起刑来，坚称身是尼僧，并无犯法。理刑又取稳婆进来，逐一验过，多是女身。理刑没做理会处，思量道：“若如此，这些汗巾簿籍如何解说？”唤稳婆密问道：“难道毫不可疑！”稳婆道：“止有年小的这个尼姑，虽不见男形，却与女人有些两样。”理刑猛想道：“从来闻有缩阳之术。既这一个有些两样，必是男子。我记得一法，可以破之。”

— Колодки сюда! — крикнул он стражникам.

Монахинь обуял смертельный ужас.

— Есть, есть такая постройка!.. — вскричала какая-то монахиня. — В одной нашей келье за ложем имеется дверца, заклеенная бумагой. Там есть туда ход...

— Что ж вы скрываете от меня?

— Мы бы не посмели, ваша светлость, но там сейчас находятся молодые богомолки из знатных семей. Вот отчего мы побоялись сказать!

Судья приказал открыть тайную дверцу. Вместе с пятью стражниками он проник в извилистый лаз, который оканчивался лесенкой. Судья остановился. Наверху слышались разговоры и смех.

— Вперед! — приказал чиновник стражникам. — Если увидите среди них монахиню, влеките ее сюда!

Служивые бросились наверх. В башенке они обнаружили трех женщин и двух юных дев, которые вместе с монахиней сидели за столом и распивали вино. Увидев солдат, перепуганные женщины вскочили со своих мест и бросились куда. Однако стражники их не тронули. Они схватили лишь молодую монахиню, которую тут же потащили к судье.

Когда инокиня, к слову сказать, весьма миловидная и изящная, предстала перед чиновником, он спросил, где находится ее келья, и послал солдат произвести в ней обыск. Солдаты обнаружили в комнате девятнадцать белых шелковых платочеков, замаранных первой девичьей кровью, а еще нашли книжицу с фамилиями женщин, которые оставались здесь на ночь.

В книжице подробно было записано, кто и когда посетил скит, с кем происходило соитие, какая из богомолок оказалась невинной девой, а какая зрелой женщиной. Судья пришел в страшную ярость. Как говорят в подобных случаях: волосы от гнева у него поднялись на макушке и даже приподняли шапку. Он приказал всех монашек вместе с настоятельницей тащить в ямынь. Что до тех богомолок, которые находились в ските, то они, так ничего и не уразумев, спешно покинули обитель и разъехались в паланниках по домам.

Судья, приехав в ямынь, тотчас приказал принести пыточный инструмент.

— Ваша светлость, в чем мы провинились? Мы не нарушили законов! — взмолились монахини.

Судья велел подчиненным привести в зал бабку-повитуху, чтобы она устроила инокиням проверку. Все они, однако, оказались женской принадлежности. Судья недоумевал: «Откуда же тогда платки книжица?». Он терялся в догадках.

— Неужели ты не усмотрела ничего подозрительного? — спросил он старуху, оставшись с ней наедине.

— Вот разве что та, которая поможе... Она вроде бы отличается от других, но сказать точно, что это мужчина, я не могу... — ответила повитуха.

«Рассказывал мне кто-то, что существует секрет сжимания детородного уда», — подумал судья. — Ведь старуха заметила, что монахиня чем-то отличается... Может, это мужчина? Если так, я выведу на чистую воду мошенника! Есть один способ, как его распознать!».

阴处，牵一只狗来括食。那狗闻了油香，伸了长舌，括之不止。元来狗舌最热，括到十来括，小尼热痒难熬，打一个寒噤，腾的一条棍子直统出来，众尼与施婆掩面不迭。

理刑怒极道：“如此奸徒，死有余辜！”喝叫拖翻重打四十，又夹一夹棍，教他从实供招来踪去迹。只得招道：“身系本处游僧，自幼生相似女，从师在方上学得采战缩之术，可以夜度十女。一向行白莲教，聚集妇女奸宿，云游到此庵中，有众尼相爱留住。因而说出能会缩阳为女，便充做本庵庵主，多与那夫人小姐们来往，来时诱至楼上同宿，人多不疑。直到引动淫兴，调得精热，多不推辞。也有刚正不肯的，有个淫妃迷了他，任从淫欲，事毕方解，所以也有一宿过再不来的。其余尽是两相情愿，指望永远取乐。不想被爷爷验出，甘死无辞。”

方在供招，只见豪家听了妻女之言，道是理刑拿了空庵尼姑去，写书来嘱托讨饶。理刑大怒，也不回书，竟把汗巾、簿籍封了送去。豪家见了，羞赧无地。

理刑乃判云：

审得王某系三吴亡命，优仆奸徒。倡白莲以惑黔首，抹红粉以溷朱颜。教祖沙门，本是登岸和尚；

⁶ Имеется в виду Общество Белого Лотоса — одна из тайных сект, распространенных в средневековом Китае. В учении этих сект причудливо переплетались буддийская проповедь спасения, даосская идея о достижении бессмертия и народные верования. В число способов достижения бессмертия входила и сексуальная практика, так что власти, жестоко преследовавшие членов тайных сект, среди прочих обвинений выдвигали и обвинения в разврате.

⁷ Имеются в виду три города местности У (Восточный Китай) — Сунчжоу, Чанчжоу, Хучжоу.

Судья велел повитухе смазать между ногами монахини салом, а подчиненным привести собаку, которая, едва почуяв приятный запах, принялась жадно слизывать сало горячим и шершавым своим языком. Лизнула раз, другой... И вдруг по телу монахини прошла дрожь, словно ей стало холодно при нестерпимой жаре. И тут все заметили, что откуда-то изнутри выползает предмет, прямой, как палка, торчит и не падает. Молодые монахини и повитуха стыдливо прикрыли лицо.

— Ах ты, злодей! — разъярился судья. — И смертью своей ты не смоешь пакостных этих деяний!

Он приказал экзекуторам отвесить самозванцу сорок тяжелых батогов, а потом надеть колодку, после чего приступил к допросу. И вот что выяснилось...

— Сам я монах-странник из здешних мест, — рассказал мошенник. — С малых лет был я хорош собой, а ликом походил на деву. У меня был наставник, и он научил меня многим секретам, к примеру, такому искусству, как сжимание и распрямление членов, что помогает в любовных битвах и дает силу, которой хватает на десяток и более дев в течение ночи. Как-то я прослыпал, что последователи учения Белого Лотоса⁶ собираются в одном храме вместе с женщинами и творят по ночам блуд. И тогда я решил пробраться в скит... Так я пришел сюда. Здешним инокиням я сразу пришелся по душе, а когда они узнали про мои искусства, остались меня насовсем и даже определили игуменьей. В нашу обитель приходит немало женщин и совсем юных дев, коих я завлекаю в баш-

ню и провожу с ними ночь. Обычно они ни о чем не догадываются, и в большинстве своем мне не отказывают, даже тогда, когда вдруг обнаруживают мое мужское достоинство. Правда, иногда попадаются строптивицы, которые ни за что не хотят уступить. Тогда приходится прибегать к ворожбе, уж против таких чар ни одна женщина не может устоять. Само собой, они потом узнают о том, что с ними случилось, да только поздно — дело уже сделано! После одной ночи такие женщины в скит не приходят. Однако большинство идет на утеху без принуждения и по своему желанию и даже говорят, что готовы вкушать со мной удовольствие чуть ли не вечно... И никто об этом не догадывался, только вы один раскрыли секрет... Понятно, что за свои преступления я достоин тяжелой кары.

Надо вам знать, что в это же самое время жены из богатых семей успели сообщить мужьям об аресте монахинь и те состряпали в ямынь бумагу, в которой просили о помиловании. Разгневанный судья не стал отвечать на прошение, а просто послал в конверте платки, и мужи не знали, куда деваться от стыда. А судья тем временем составил такой приговор.

«Настоящим выяснилось, что некий Ван из трех У⁷, сластолюбец и блудодей, намазавшись румянами и скрывши имя свое, проповедовал тайны Белого Лотоса, вводя в искус простой люд и дурача прекрасноликих дев. Войдя в круг наставников, вещающих секреты своего учения, он поднялся на брег монашества. Но в действительности

玉笋合掌禅床，孰信为尼为尚？脱金莲展身绣榻，谁知是女是男？
譬之鹤入凤巢，始合《关雎》之好；蛇游龙窟，岂无云雨之私？明月
本无心，照霜闺而寡居不寡；清风原有意，入朱户而孤女不孤。废
其居，火其书，方足以灭其迹；剖其心，剗其目，不足以尽其辜。

判毕，分付行刑的百般用法摆布，备受惨酷。那一个粉团也似的和尚，怎生
熬得过？登时身死。四尼各责三十，官卖了，庵基拆毁。那小和尚尸首，抛
在观音潭。闻得这事的，都去看他，平日与他往来的人家内眷，闻得此僧事
败，吊死了好几个。

这和尚奸骗了多年，却死无葬身之所。若前此回头自想，道不是久长之
计，改了念头，或是索性还了俗，娶个妻子，过了一世，可不正应着看官们说
的道“奸骗的也有没事”这句话了！便是人到此时，得了些滋味，昧了心肝，
直待至死方休。所以凡人一走了这条路，鲜有不做出来的。正是：

善恶到头终有报，只争来早与来迟。

这是男妆为女的了。而有一个女妆为男，偷期后得成正果的话。

洪熙年间，湖州府东门外有一儒家，姓杨，老儿亡故，一个妈妈同着小儿

он искусно скрывал позлащенные
комнаты, превратив их в обиталище
Гуаньинь, входящей за полог⁸.
Соединяя длань на молитвенном
ложе, он мог извлекать нефритовый
стебель, и никто не подозревал,
кто перед ним, монахиня или
монах. И когда, освободив золотой
лотос, он располагал тело свое на
ложе расширом, кто мог знать,
мужчина то или дева. Так аист, про-
никнув в гнездо самки феникса, за-
нимается игрою любовной. Так
змея, проскользнув в пещеру дра-
кона, в тучу играет и дождь!

Ясная луна ненароком осветила
женские покои, а жена, увы, оказа-
лась не в одиночестве. Чистый ве-
тер пробрался за красную дверь,
и дева не одна!

Лишь разрушив обиталище блу-
да и предав огню лживые книги,
возможно стереть следы разврата.
Лишь вырвав сердце и ослепив очи,
можно искоренить зло!».

После того как был зачитан при-
говор, судья приказал предать мо-
наха жестокой пытке и казни. При-
выкший к изнеженной жизни, лице-
дей не выдержал мучений и быстро
испустил дух. Монахини, получив
по тридцать батогов, были проданы
в казенные певички, а скит разру-
шен до основания. Что до молодого
монаха, то его тело бросили в пруд
бодхисатвы Гуаньинь. Прохожие, из
тех, кто знал эту историю, идя ми-
мо, старались скрыть улыбку, кото-
рая невольно появлялась у них на
устах.

— Чудеса! — дивились они. —
Что нашли женщины в этом мона-
хе? За что они любили его?

Ну, а сами женщины? Многие из
них, узнав о кончине монаха, вдруг
ни с того ни сего удавились.

Монах, как известно, чинил об-
ман да разврат долгие годы, а как
умер, не нашлось места для погре-
бения его тела. А ведь мог он про-
жить спокойно полную жизнь,
если бы, конечно, вовремя за-
думался и остановился. «А ведь
удовольствия мои, увы, не дол-
говечны!» — предостерег бы он
себя. И если бы так он подумал,
то сразу переменил свои планы,
порвал бы с монашеством, нашел
себе жену и прожил бы жизнь как
надо.

Так что же, любезные, верны ли
ваши слова о том, что обман ка-
кого-нибудь пакостника всегда схо-
дит ему с рук? Конечно, встречаются
люди, которые, войдя во вкус
греха, поганят душу свою, а утиха-
ют лишь тогда, когда подойдут
к порогу жизни своей. Советуем
им, кто вступил на сей путь: оду-
майтесь! И внемлите стихам:

За каждый злой или добрый
поступок
вас воздаяние ждет.
Пусть неизвестен еще его
срок,
но знайте — оно грядет!

Мы только что рассказали вам
историю о мужчине, который пере-
оделся женщиной, а сейчас мы по-
ведаем вам историю о женщине,
которая, приняв вид мужчины, тай-
но занималась любовью и, надо заме-
тить, весьма в этом деле преу-
спела.

В эру Обширного Благоденст-
вия⁹ за восточными воротами об-
ластного града Хучжоу жила се-
мья, принадлежавшая к кругу ученых.
Глава семьи к тому времени,
о котором идет речь, уже умер,
и в том доме оставалась вдова

⁸ Гуаньинь, входящая за полог —
эротический намек.

⁹ Эра Обширного Благоденствия
(Хун-си) — один год правления
императора Жэнь-цзуна: 1425 г.

子并一个女儿过活。那女儿年方一十二岁，一貌如花，且是聪明。单只从小的三好两歉，有些小病，老妈妈没一处不想到，只要保祐他长大，随你甚么事也去做了。

忽一日，妈妈和女儿正在那里做绣作，只见一个尼姑步将进来，妈妈欢喜接待。元来那尼姑是杭州翠浮庵的观主，与杨妈妈来往有年。那尼姑也是个花嘴驴舌之人，平素只贪些风月，庵里收拾下两个后生徒弟，多是通同与他做些不伶俐勾当的。那时将了一包有枣、一瓶秋茶、一盘白果、一盘栗子，到杨妈妈家来探望。叙了几句寒温，那尼姑看杨家女儿时，生得如何？

体态轻盈，丰姿旖旎，白似梨花带雨，娇如桃瓣随风。缓步轻移，裙拖下露两竿新笋；含羞欲语，领线上动一点朱樱。直觉封涉不生心，便是鲁男须动念。

尼姑见了，问道：“姑娘今年尊庚多少？”妈妈答道：“十二岁了。诸事倒多伶俐，只有一件没奈何处：因他身子怯弱，动不动三病四痛。老身恨不得把身子替了他。为这一件上，常是受怕担忧。”尼姑道：“妈妈可也曾许个愿心保禳保禳么？”妈妈道：“咳！那一件不做过？求神拜佛，许愿祷星，只是不能脱身。不知是什么晦气星进了命，再也退不去！”尼姑道：“这多是命中带来的。请把姑娘八字与小尼推一推看。”妈妈道：“师父元来又会算命！一向不得知。”便将女儿年月日时对他说了。

尼姑做张做智，算了一回。

~~~~~

¹⁰ В одном из рассказов сунской антологии «Обширные записи го-дов Великого мира» («Тай-пин гу-ан-цзы») говорится об ученом Фэн Шэ, к которому ночью явилась небожительница. Она стала помогаться его любви, однако Фэн Шэ отверг ее четырежды, пока фея от него не отступилась.

¹¹ Существовала притча об одиночном мужчине из Лу, к которому однажды ночью кто-то постучал в дверь. Оказалось, что это красавица вдова, просившая ночлега. Однако хозяин не пустил ее, подозревая в нечистых помыслях. Луский молодец, или Луский мужчина, стало нарицательным именем для женоненавистника.

с двумя детьми: мальчиком и юной девушкой. Двенадцатилетняя дочка вдовы была умна и хороша собой — ну прямо чудесный цветок. Одна лишь беда: оттого ли, что в малолетстве она часто недоедала, напала на нее хворь, которая доставляла матери большие беспокойства. Понятно, что вдовица делала все возможное, чтобы оградить дочку от злых напастей. Как-то раз в их доме появилась монахиня — настоятельница ханчжоуского храма Цуйфуань, что значит Обитель Плывущей Бирюзы. Мать и дочь в это время занимались рукоделием. Вдова обрадовалась гостье, с которой водила знакомство вот уже несколько лет. Надо сказать, что монахиня была редкой умелицей плести лживые речи, то есть, как говорится, имела цветистые уста и лукавый язык. К тому же горазда она была поблудить. Не случайно, что вместе с нею в обители проживали две молоденькие ученицы, которые, как и настоятельница, занимались непотребными делишками. Игумения пришла к вдовице с подарками: принесла кулек южных фиников, жбан чаю осеннего, два блюда с каштанами и спелыми фруктами. Женщины обменялись фразами, которые обычно говорятся при встрече. Внимание гости привлекла девочка, сидевшая рядом.

Красавица станом
тонка и стройна.
Мила и во всем
грациозна она.
Бела, словно грушевый цвет,
омытый дождем поутру.
Нежна, как персика лепесток,
трепещущий на ветру.

Поступь воздушна,
шаги так легки.
Вдруг из-под платья мелькнут
Изящные ножки —
молодого бамбукаростки.
Смущенъя полна,
только речь поведет.
Губы — спелые вишни.
Влажно алеет
прелестный маленький рот.
Дрогнет даже сердце Фэн Шэ¹⁰ —
так она хороша!
Луский молодец¹¹ не устоит —
вмиг встрепенется душа!

— Сколько годков вашей дочке? — поинтересовалась игумения.

— Двенадцать! — ответила вдова. — Во многих делах она у меня искусница. Одна беда — очень уж слабенькая, из болезней не вылезает. Тревожусь я за нее и душою болею. Ради нее жизнь свою готова отдать!

— А молились ли вы за нее, почтенная? Высказывали ли свое сокровенное желание?

— Чего только не делала! Молила и духов, и Будду, даже звездам тайну свою поверяла. Ничего не помогло! Сидит в ней проклятая хворь, и все тут! Видно, судьба ее столкнулась с какой-то злой планетой, которая так и крутится вокруг нее!

— Да, все от судьбы зависит! — согласилась игумения. — Хочу я взглянуть на знаки жизни девицы. Поразмысльте над ними.

— Оказывается, ты и гадать умеешь, матушка! Вот не думала! — воскликнула женщина и показала монахине знаки жизни дочери. Монахиня, напустив на себя важный вид, принялась что-то подсчитывать.

说道：“姑娘这命，只不要在妈妈身畔便好。”

妈妈道：“老身虽不舍得他离眼前，今要他病好，也说不得。除非过继到别家去，却又性急里没一个去处。”尼姑道：“姑娘可曾受聘了么？”妈妈道：“不曾。”尼姑道：“姑娘命中犯着孤辰，若许了人家时，这病一发了不得。除非这个着落，方合得姑娘贵造，自然寿命延长，身体旺相。只是妈妈自然舍不得的，不好启齿。”妈妈道：“只要保得没事时，随着那里去何妨？”尼姑道：“妈妈若割舍得下时，将姑娘送在佛门，做个世外之人，消灾增福，此为上着。”妈妈道：“师父所言甚好，这是佛天面上功德。我虽是不忍抛撇，譬如多病多痛死了，没奈何走了这一着罢。也是前世有缘，得与师父厮熟，倘若不弃，便送小女与师父做个徒弟。”尼姑道：“姑娘是一点福星，苦在小庵，佛面上也增多少光輝，实是万分之幸。只是小尼怎做得姑娘的师父？”妈妈道：“休恁地说。只要师父抬举她一分，老身也放心得下。”尼姑道：“妈妈说那里话？姑娘是何等之人，小尼敢怠慢他？小庵虽则贫寒，靠着施主们看觑，身衣口食不致淡泊，妈妈不必挂心。”妈妈道：“恁地，待选个日子，送到庵便了。”妈妈一头看历日，一头不觉簌簌的掉泪，尼姑又劝慰了一番。

妈妈拣定日子，留尼姑在家住了两日。雇只船，叫女儿随了尼姑出家，母子两个抱头痛哭一番。

女儿拜别了母亲，同尼姑来到庵里，与众尼相见了。拜了师父，择日与他剃发，取法名叫做静观。自此，杨家女儿便在翠浮庵做了尼姑。这多是杨妈妈没主意。有诗为证：

慈母恩深似海，游子情重如山。
忍把骨肉分离，教儿出家学善。

— Значит, так получается!.. Не следует ей более находиться при вас, почтенная! — проговорила монахиня.

— Старая я! Жалко мне ее от себя отпускать... Но я на все согласна, лишь бы она поправилась!.. Только вот куда ее определить? Разве в какой чужой дом, в приемные дочери? Больше некуда!

— Девица ваша просватана?

— Не сподобилась еще!

— Вот в чем дело... Ее судьба столкнулась со звездой одиночества, а потому от замужества ее болезнь только усилится! Ну, а так в ее знаках как будто нет ничего дурного. Лета жизни у нее будут долгими, а здоровье — отменное... Понимаю вас, почтенная, трудно вам с нею расставаться, потому даже боюсь что-либо предлагать...

— Главное, чтобы она была здорова... Пусть тогда идет куда хочет!

— Если вы готовы расстаться с дочкой, лучше всего отправьте ее к Вратам Будды. Стоит ей покинуть сей суетный мир, как все ее беды исчезнут, радости преумножатся! Это лучший для нее выход.

— Верные слова говоришь, мать-игуменья! Потому как добрые поступки непременно отражаются в небесном лице нашего Будды... Конечно, жалко мне расстаться с дочкой, но что поделаешь? Глядишь, еще сильнее заболеет, а то, не дай бог, умрет! Тогда все прахом пойдет!.. Да, видно, судьба у нее такая!.. Матушка-настоятельница, прошу тебя как старую знакомую: возьми дочку к себе в учение. Если ты, конечно, не против.

— Ваша девочка отмечена звездою счастья... А если она станет жить у нас в ските, частица счастья коснется и нашей обители, отчего лик Будды засверкает яркими красками. Только вот что, почтенная, ничтожная инокиня вряд ли достойна быть ее наставницей!

— Ну к чему ты так, матушка! — воскликнула вдова. — Окажи ей хоть немного своей милости, я и тем буду довольна!

— Разве могу я проявить небрежение к вашей дочери?.. Скит наш, конечно, не из богатых, но все же, благодаря заботам прихожан-дарителей, мы не испытываем скупости ни в пище, ни в одежде. Так что об этом не беспокойтесь!

— Коли так, выберем подходящий день, и забирай дочку с собой! — проговорила вдовица и, взглянув на численник, вытерла набежавшие слезы. Монахиня принялась ее утешать.

Гостья прожила в доме два дня. В назначенный день мать и дочь, горько плача, простились друг с другом, и девушка с игуменьей сели в нанятую подку, которая должна была отвезти их в Обитель Плывущей Бирюзы. Познакомившись с монахинями, девушка совершила перед настоятельницей положенные поклоны и, приняв постриг, получила монашеское имя Цзингугуань, что значит Воплощенное Безмолвие. Так девица из семьи Ян стала инокиней в Обители Плывущей Бирюзы. А произошло все из-за оплошности ее матери, о чем лучше всего можно сказать стихами:

弱质虽然为病磨，无常何必便来拖？
等闲送上空门路，却使他年自择窝。

你道尼姑为甚撺掇杨妈妈叫女儿出家？元来他日常要做些不公不法的事，全要那几个后生标致徒弟做个牵头，引得人动。他见杨家女儿十分颜色，又且妈妈只要保扶他长成，有甚事不依了他？所以他将机就计，以推命做个人话，唆我把女儿送入空门，收他做了徒弟。那时杨家女儿十二岁上，情窦未开，却也不以为意。若是再大几年的，也抵死不从了。自做了尼姑之后，每常或同了师父，或自己一身，到家来看母亲，一年也往来几次。妈妈本是爱惜女儿的，在身边时节，身子略略有些不爽利，一分便认做十分，所以动不动忧愁思虑。离了身畔，便有些小病，却不在眼前，倒省了许多烦恼。又且常见女儿到家，身子健旺，女儿怕娘记挂，口里只说旧病一些不发。为此，那妈妈一发信道该是出家的人，也倒不十分悬念了。

话分两头。却说湖州黄沙弄里有一个秀才，复姓闻人，单名一个嘉字，乃是祖贯绍兴，因公公在乌程处馆，超籍过来的。面似潘安，才同子建。年十七岁，堂上有四十岁的母亲，家贫未有妻室。为他少年英俊，又且气质闲雅，风流潇洒，十分在行，朋友中没一个不爱他、敬他的，所以时常有人资助他。至于放游宴饮，一发罢他不得，但是朋友们相聚，多以闻人生不在为歉。

一日，正是正月中旬天气，梅花盛发，一个后生朋友，唤了一只游船，拉丁了闻人生往杭州娶子，就便往西溪看梅花。闻人生禀过了母亲同去，一日夜到了杭州。

~~~~~

Девицу терзает жестокий недуг —
телом стала слаба.
Но неужели бесовский план
уготовила ей судьба?!

Неразумная мать послала ее
к порогу Пустотных врат.
Сама нашла ей такую обитель,
где свил гнездовье разврат.

Вы, конечно, спросите: почему игуменья посоветовала вдовице отдать дочь в монахини? А дело все в том, что нужна ей была приманка, чтобы заполучить для своих непотребных дел молоденьких смазливых учениц, а красавая девушка могла всколыхнуть любое мужское сердце. Вот почему настоятельница с помощью лживого своего гадания коварно уговорила вдову отдать дочь в монахини. Хитрая игуменья знала, что вдова согласится. Какая мать не пожелает видеть дочь здоровой и счастливой?

Как мы знаем, девушке в ту пору исполнилось всего двенадцать лет, и она, понятно, многое еще не понимала. Будь она повзрослев, ни за что бы не согласилась идти за монахиней. Но дело сделано!

После пострижения девушка несколько раз в год посещала мать, иногда одна, а порой вместе с игуменьей. Надо вам сказать, что, когда девушка жила с матерью, вдова, души не чаявшая в дочери, всякую ничтожную хворь принимала за тяжкий недуг, отчего постоянно за нее тревожилась. После того как дочь ушла в монастырь, печали матери намного поубавилось, так как болезнь дочки уже не была у нее перед глазами. К тому же дочь, навещая ее, казалась вполне здоровой и всякий раз успокаивала мать, говоря, что старый недуг как будто ее покинул. Словом, женщи-

на уверила себя, что сделала правильно, отдав дочь в монастырь, и мало-помалу успокоилась.

Здесь наша история разделяется на две части, и мы сейчас расскажем вам об одном сюжете по фамилии Вэнъэнь, а по имени Цзя, который проживал в Желтопесочном переулке города Хучжоу. Вообще говоря, молодой человек был уроженцем Шаосина, а попал сюда потому, что в свое время его дед, получив в Учэне место учителя, перебрался туда вместе со своей семьей. Семнадцатилетний сюжай был красив, как Пань Ань, и умен, как Цзыцзянь, однако из-за крайней бедности своей до сих пор не обзавелся семьей и жил с матерью, которой было в ту пору сорок лет. Приятели любили и уважали юношу за утонченные и в то же время свободные манеры, а также за его живость и непосредственность, чем он действительно выделялся среди других. Неудивительно, что многие старались помочь ему деньгами или, что бывало чаще, приглашали его на пирушки. Ни одно застолье, пожалуй, не обходилось без него, а если он по какой-то причине отсутствовал, все чувствовали, что присутствуя чего-то не хватает.

Как-то в середине января, в ту пору, когда начинает пышно цветти мэйхуа, друг Вэнъэня предложил ему проехаться по местам Ханчжоуских увеселений, а потом посетить Сиси — Западный Ручей и полюбоваться там цветами мэйхуа. Вэнъэнь, как водится, доложил об этом своей матушке, и друзья тронулись в путь. Прошел один день и одна ночь, когда они наконец добрались до Ханчжоу.

那朋友道：“我们且先往西溪看了梅花，明日进去。”便叫船家把船撑往西溪。不上个把时辰到了，泊船在岸。

闻人生与那朋友步行上崖，叫仆从们挑了酒盒，相挈而行。约有半里多路，只见一个松林，多是合抱不交的树。林中隐隐一座庵观，周围一带粉墙包裹，向阳两扇八字墙门，门前一道溪水，甚是僻静。

两人走到庵门前闲看，那庵门掩着，里面却像有人窥觑。那朋友道：“好个清幽庵院！我们扣门进去，讨杯茶吃了去，何如？”闻人生道：“还是趁早去看梅花要紧，转来进去不迟。”那朋友道：“有理，有理。”拽开脚步便去，顷刻间走到。两人看梅花时，但见：

烂银一片，碎玉千重。幽馥袭和风，贾午异香还较逊；素光映丽日，西子靓妆应不如。绰约干能傲冰霜，参差影偏宜风月。骚人题咏安能尽？韵客杯盘何日休！

两人看了，闲玩了一回，便叫将酒盒来，开怀畅饮。天色看着晚来，酒已将尽，两人吃个半酣，只路回舟中来。那时天已昏黑，只要走路，也不及进庵中观看。急急下船，过了一夜，次早松木场上岸，不题。

且说那个庵，正是翠浮庵，便是杨家女儿出家之处。那时静观已是十六岁了，更长得仪容绝世，且是性格幽闲。日常有这些俗客往来，也有注目看他的，也有言三语四挑拨他的，众尼便嘻笑趋陪，殷勤款送，他只淡淡相看，分毫不放在心上。闲常见众尼每干些勾当，只做不知，闭门静坐，

~~~~~

¹² Иероглиф «восемь» изображается в виде двух черт, наклоненных друг к другу своими верхними частями.

¹³ В одной из старых историй говорится о некоей красавице Цзяо, которая украла у своего отца редкие благовония, чтобы приворожить возлюбленного.

¹⁴ Сиши — знаменитая красавица древности. В одной из легенд говорится, что она была дочерью дровосека. О ее несравненной красоте прослыпал правитель царства Юэ по имени Гоу Цзян и решил подарить Сиши своему политическому противнику — государю У. Правитель У, увлекшись красавицей, забросил dela и вскоре был разгромлен.

— Давай поначалу съездим к Западному Ручью, посмотрим на мэйхуа, а потом уж отправимся в город! — предложил друг.

Он велел лодочнику повернуть к Сиси. Часа через два с небольшим лодка остановилась, и юноши вышли на берег. За ними последовали слуги со жбанами вина и с коробами, в которых находилась снедь. Пройдя не более половины ли, они очутились у соснового бора. Среди огромных, в обхват толщиной, сосен белели стены одинокого скита. Кругом царило безмолвие, которое нарушало лишь журчание ручья. Юноши подошли к воротам, напоминавшим по форме иероглиф «восемь»¹². Ворота оказались на запоре. Однако спутники почувствовали, что за ними кто-то наблюдает.

— Какое тихое и приятное место! — проговорил друг. — Давай постучим и попросим у монахов чашку чая! Согласен?

— Нет, сначала полюбемся цветами, ведь мы же за этим приехали! А сюда мы успеем зайти и потом! — возразил сюзай.

— Пусть будет по-твоему!

И они, удалившись от скита, направились к тому месту, где цвели мэйхуа. Вот что можно сказать по этому поводу:

Словно кипящее серебро,
цветочная пена бела.
Словно волшебный нефрит
разбросан вокруг без числа.
Чудные запахи
мягкий принес ветерок.
Слаще они того аромата,
что ученого Ханя увлек¹³.
Сиянье цветов
и солнце затмит.

Блеск украшений самой Сиши¹⁴
яркостью посрывает!

Похоже дракон из пены возник,
споря с инеем белизной.

Первые тени на землю легли,
призываю ветер с луной.

Праздным гулякам раздолье здесь —
пей вино без забот.

Хорошо и поэтам стихи читать
ночи и дни напролет.

Друзья взирали на эту картину с восхищением, а потом, велев слугам раскрыть короба, принялись за яства и напитки. Между тем стало темнеть. Захмелевшие от вина приятели поднялись и поспешили к лодке. Скит они обошли стороной, не решившись заходить туда в такое позднее время. Прошла ночь, а утром друзья вновь направились к сосновому бору.

А теперь мы расскажем о том, что происходило в Обители Плыущей Бирюзы, где, как мы знаем, жила дочка вдовы, которая постриглась в монахини. К тому времени Цзингуань (как нарекли ее в постриге) исполнилось шестнадцать лет. Это была на редкость прелестная девица, нравом застенчивая и замкнутая. В храме часто появлялись богомольцы, а среди них разные грубяне, которые таращили на красавицу глаза или отпускали по ее адресу рискованные шутки, а порой пытались заигрывать с ней. Другие монахини, ее подруги, обычно увивались вокруг таких богомольцев, принимали ухаживания с большой охотой. Но девушка была с ними холодна, оставляя их заигрывания без внимания. Она также старалась не замечать мерзких делишек, которыми занимались инокини. Запрет, бывало, дверь своей кельи и сидит, погрузившись

看些古书，

写些诗句，再不轻易出来走动。也是机缘凑泊，适才闻人生庵前闲看时，恰好静观偶然出来闲步，在门缝里窥看。只见那闻人生逸致翩翩，有出尘之态，静观注目而视，看得仔细。见闻人生去远了，恨不再赶上去饱看一回，无聊无赖的，只得进房。心下想道：“世间有这般美少年！莫非天仙下降？人生一世，但得恁地一个，便把终身许他，岂不是一对好姻缘？奈我已堕入此中，这事休题了。”叹口气，噙着眼泪。正是：

哑子漫尝黄柏味，难将苦口向人言。

看官听说：但凡出家人，必须四大俱空，自己发得念尽，死心塌地做个佛门弟子，昼夜修持，凡心一点不动，却才算得有功行。若如今世上，小时凭着父母蛮做，动不动许在空门，那晓得起头易，到底难。到得大来，得知了这些情欲滋味，就是强制得来，原非他本心所愿。为此，就有那不守分的，污秽了禅堂佛殿，正叫做“作福不如避罪”。奉劝世人，再休把自己儿女送上这条路来。

闲话休题，却说闻人生自杭州归来，荏苒间又过了四个多月。那年正是大比之年，闻人生已从道河取得头名，此时正是六月天气，却不甚热，打点束装上杭。他有个姑娘，在杭州关内黄主事家做孤孀，要去他庄上寻间清凉房舍，静坐几时。看了出行的日子，已得朋友们资助了些盘缠，

молчание, а то читает древние книги или сочиняет стихи. Без причины она старалась не выходить наружу. И надо же так случиться, что в этот самый раз, когда сюзай приятелем оказались возле ворот, монахиня Цзингуань вышла из ельи прогуляться на воздухе. Непрекрасной она заглянула в щелку и увидела Вэнъжэня, обликом прекрасного, манерами изящного, словом, совершенно не похожего на простых смертных из нашего бренного мира. Девушка не могла оторвать глаз и жадно его разглядывала, пока он не удалился. Ах, брошься бы за ним следом, чтобы еще раз взглянуть на прекрасного незнакомца!.. Растряпная, с расшевоженной душой она вернулась свою келью.

пеха на этом пути. В нашей же жизни происходит обычно не так. С малолетства отрок зависит от неразумной прихоти родителей, которые отправляют его к Вратам Пустоты, проявляя излишнюю волю свою. И то, что вначале кажется легким, потом оборачивается большими печалями. Вырос отрок, раскрылись чувства его, и познал он вкус жизни. И тут неожиданно он понимает, что все произошло вопреки его желанию, по глубокому настоянию других. Вот так и рождаются люди, которые своим непотребным действием оскверняют обитель Будды! Можно ли тогда толковать о достижении святой радости? Не лучше ли подумать о том, как вовремя избежать преступления! Я обращаюсь к вам, ныне живущим

«Есть же на свете такие красавцы! — подумала она. — Ну прямо небожитель, спустившийся на землю! Какое было бы счастье вверить себя этому юноше и прожить с ним всю жизнь вместе! Только мне это не дано!». Она вздохнула, и на ее глазах выступили слезы. Как горят:

Однажды немой задумал вкусить
плод незрелый совсем.
Другой бы от горечи завопил,
а он-то, бедняга, нем.

Любезные слушатели, надо вам знать, что ушедший из мира инок, если он вправду хочет стать учеником Будды, должен отринуть прочь все суетные мысли и ступить по земле, словно пребывая в пустоте, имея в груди застывшее сердце, в котором не трепещет ни одна килка. Только совершенствуя себя членно и ношно, можно достичь ус-

пеха на этом пути. В нашей же жизни происходит обычно не так. С малолетства отрок зависит от неразумной прихоти родителей, которые отправляют его к Вратам Пустоты, проявляя излишнюю волю свою. И то, что вначале кажется легким, потом оборачивается большими печалями. Вырос отрок, раскрылись чувства его, и познал он вкус жизни. И тут неожиданно он понимает, что все произошло вопреки его желанию, по глубокому настоянию других. Вот так и рождаются люди, которые своим непотребным действом оскверняют обитель Будды! Можно ли тогда толковать о достижении святой радости? Не лучше ли подумать о том, как вовремя избежать преступления! Я обращаюсь к вам, ныне живущим: не направляйте своих сыновей и дочерей по такому пути! Однако бросим праздные разговоры и вернемся к нашему рассказу.

Прошло более четырех месяцев с тех пор, как сюцай Вэнъжэнь вернулся из Ханчжоу домой, но, поскольку в этом году проходили Большие испытания, он должен был снова ехать туда, так как ему удалось в родном округе занять первое место. Стояла шестая луна, погода была нежаркой. Юноша принялся складывать свой незамысловатый скарб и готов был тронуться в путь. В Ханчжоу он решил временно остановиться у своей тетки—вдовы, которая после смерти мужа Хуана жила одна в большом доме, а потом при случае он собирался снять удобную и прохладную комнатку, где можно было пожить в полном уединении. Приятели дали ему денег на дорожные расходы, и в один из дней, сказав своей

了只航船，带了家僮阿四，携了书囊前往。

才出东门，正行之际，岸上一个小和尚说着湖州话叫道：“船是上杭州去的么？”船家道：“正是。送一位科举相公上去的。”和尚道：“既如此，可带小僧一船，舟金依例奉上。”船家道：“师父杭州去做甚么？”和尚道：“我出家在灵隐寺，今到俗家探亲，却要回去。”船家道：“要问舱里相公，我们不敢自主。”只见那阿四便钻出船头上来嚷道：“这不识时务小秃驴！我家官人正去乡试，要讨采头，撞将你这一件秃光光不利市的物事来！去便去，不去时，我把水兜船打一頓水，把你洗洁淨了那个乱代头。”

你道怎地叫做“乱代头”？昔人有嘲诮和尚说话道：“此非治世之头，乃乱代之头也。”盖为“乱”、“卵”二字音相近。阿四见家主与朋友们戏谑，曾说过，故此学得这句话，骂那和尚。和尚道：“载不载，问一聲也不冲撞了甚么，何消得如此嚷？”

闻人生在舱里听见，推窗看那和尚，且是生得清秀娇嫩，甚觉可爱。又见说是灵隐寺的和尚，便想道：“灵隐寺去处，山水最胜，我便带了这和尚去，与他做个相知往来，到那里做下处也好。”慌忙出来喝住道：“小廝不要无理！乡里间的师父，既要上杭时，便下船来做伴同去何妨！”也是缘分该如此，船家得了这话，便把船拢岸。

那和尚一见了闻人生，吃了一惊，一头下船，一头瞅着闻人生，只顾看。闻人生想道：“我眼里也从不见这般一个美丽长老，容色绝似女人。若使是女身，岂非天姿国色？可惜是个和尚了。”和他施礼罢，进舱里坐定。却值风顺，拽起片帆，船去如飞。

两个在舱中各问姓名了毕，知是同乡，只说着一样的乡语，一发投机。

матушке слова утешения, он со слугой Асы, который нес его книги, сел в лодку и отправился по назначению. Суденышко, оставив позади Восточные Ворота, продолжало свой путь, когда вдруг на берегу возникла фигура молоденького монашка.

— Куда плывете? Не в Ханчжоу? — крикнул монашек.

Судя по выговору, он был уроженцем Хучжоу.

— Туда едем! — ответил лодочник. — Везу господина сюзая на экзамены.

— А меня не захватите? Я не поскуплюсь на расходы!

— А зачем тебе туда, наставник? — поинтересовался лодочник.

— Монашествую я там — в Ли-
чиньсы — Обители Сокровенного
Духа¹⁵. А сейчас возвращаюсь по-
сле побывки у родных...

— Сам я не волен решать,—
сказал хозяин суденышка.— На-
добно спросить у господина сю-
дая.

Челядинец Асы, который в это время пробрался на нос лодки, за-
кончил:

— Эй, ты, безволосый! Осел неутешный... Катись подобру-поздорову! Мой хозяин едет на экзамены, дачу свою ищет, а ты, плешивый, только беду накличешь! Провались прочь, не то окочу вот из этой адьи! Умою тебя, башка твоя смущаянская!

Вы, конечно, полюбопытствуете, отчего Асы обругал монашка такими словами? А все оттого, что в былые времена гуляя эта кая едкая шутка, которая монашеский люд высмеивала: «У монаха на плечах не спокойная глава, а смущение».

тьянская башка!». Заметим, между делом, что слово «смутьянский» по звучанию сходно с другим словом, не слишком пристойным¹⁶. Вот отчего слуга обругал монаха, видя к тому же, что его шутка повеселила присутствующих.

— Чего срамишь? Что я, обидел кого?.. Посадите — хорошо, не посадите — не надо!

Сюцай, высунувшись из оконца каюты, с удовольствием рассматривал монашка, такого складного и миловидного. На него было просто приятно смотреть! Услышав название храма, молодой сюцай подумал: «Вокруг обители, как говорят, прекрасные места! Погуляю там, а монашечек будет мне провожатым!».

Он быстро вышел из каюты.

— Эй, Асы! Хватит безобразничать! Молодой наставник, как видно, из наших мест. Если ему нужно в Ханчжоу, пускай садится в лодку! Вместе поедем. Что здесь такого?

Лодочник, приняв слова сюзая за приказание, пристал к берегу, и молодой монах забрался на суденышко. Увидев сюзая, он будто осталбенел, а потом, поклонившись, вошел в каюту.

«Никогда не видел такого красивого юноши! — подумал сюзай. — Ликом своим он похож на девицу. Одень его в женское платье, будет писаная красавица! Какая жалость, однако, что он монах!»

Ветер надул паруса, и суденышко стрелой полетело вперед. Сюзанна и монашечек сидели в каюте. Они спросили друг у друга фамилии и место, откуда родом, но уже по выговору было ясно, что они земляки, и это сразу же их сблизило.

¹⁵ Здесь назван известный мужской монастырь.

¹⁶ Слуга употребил китайское слово луаньдайтоу, которое можно понимать двояко: как «голова смутного времени» и как «мешочек с яичками».

闻人生见那和尚谈吐雅致，想道：“不是个庸僧。”只见他一双媚眼，不住的把闻人生上下只顾看。天气暴暑，闻人生请他宽了上身单衣。和尚道：“小僧生性不十分畏暑，相公请自便。”

看看天晚，吃了些夜饭，闻人生便让和尚洗澡，和尚只推是不消。闻人生洗了澡，已自困倦，撩倒头只寻睡了，阿四也往梢上去自睡。那和尚见人睡静，方灭了火，解衣与闻人生同睡。却自翻来覆去，睡不安稳，只自叹气。见闻人生已睡熟，悄悄坐起来，伸只手把他身上摸着。那时闻人生正醒来，伸个腰，那和尚流水放手，轻轻的睡了倒去。闻人生却已知觉，想道：“这和尚倒来惹骚，恁般一个标致的，想是师父也不饶他，倒是惯家了，我便兜他来，男风一度也使得，如何肉在口边不吃？”闻人生正是少年高兴的时节，便爬将过来，与和尚做了一头。伸将手去摸时，和尚做一团儿睡着，只不做声。闻人生又摸去，只见软团团两只奶儿。闻人生想道：“这小长老又不肥胖，如何有恁般一对好奶奶？”再去摸他后庭时，那和尚却惊怕的，流水翻身来仰卧着。闻人生却待从前面抄将过去，才下手，倒吃了一惊道：“这是怎么说？”问他道：“你实说，是甚么人？”和尚道：“相公不要刺声，我身实是女尼。因怕路上不便，假称男僧。”闻人生道：“这等，一发有缘，放你不过了。”不问事由，跳上身去。那女尼道：“相公可怜，小尼还是个女身，不曾破肉的，从容些则个。”闻人生此时欲火正高，那里还管。无奈那尼姑含花未惯风和雨，怎当闻人生兴发忙施雨与风？

霎时云收雨散，闻人生道：“小生无故得遇仙姑，知是睡里梦里？”

အောက်ဖော်ပြန်လေသိမှတ်များမှာ အောက်ဖော်ပြန်လေသိမှတ်များမှာ အောက်ဖော်ပြန်လေသိမှတ်များမှာ

Сюцаю понравилась речь молодого монаха, исполненная благородства и изящества.

«Не обычный инок!» — подумал он.

Между тем монашек продолжал внимательно рассматривать сидевшего перед ним молодого сюзая.

Надо сказать, что в тот день погода была изрядно жаркая, и ученик предложил спутнику скинуть верхнее платье.

— Ничтожный инок жары не боится! — ответил монашек. — Доставьте сами себе такое удобство, сударь!

Стемнело. Они поужинали, и Вэньжэн решил совершить вечернее помовение, от чего монашек решительно отказался. Сюцай, умывшись, лег в постель и, утомившись за день, сразу уснул. Асы, как ему было положено, отправился спать на корму. Дождавшись, пока все уснули, монашек загасил лампу и, раздевшись, лег на ложе рядом сюцаем. Однако ему не спалось. Он ворочался с боку на бок и вздыхал. Видя, что сюцай продолжает ладко спать, монашек тихонько придинулся к нему и, протянув руку, стал его гладить. И вдруг рука оснулась чего-то твердого и даже будто бы остроконечного. Монах сжал ладонь. В этот момент Вэньжэн расправил тело и проснулся. Монашек быстро отдернул руку и, стараясь не делать лишнего шума, придинулся в сторону. Но сюцай разу смекнул, в чем дело.

«Монашек, как видно, не проах! — подумал он.— Наверное, его аставник не обошел красавчика своим вниманием, приучил к подобным проделкам!.. А почему бы не с ним не порезвиться — шуткой

мужской не потешиться? Как говорится: «Коли мясо возле уст, кусай — не зевай!»

Распалившись от подобных мыслей, сюцай повернулся к монашку, так что их головы оказались рядом. Монах, скавшись в комочек, безмолвствовал и, казалось, спал. Рука сюцая устремилась к нему и вдруг нащупала два мягких полушария. «Вот тебе на! — изумился юноша. — Инок вроде телом совсем не мясист, однако ж, гляди-ка, какие округлости!». Рука продолжала скользить вниз, пока не коснулась выпуклости дальней залы. Монашек вздрогнул всем телом, будто испугался чего-то, а потом, перевернувшись, лег лицом вверх. Рука Вэнъжэня продолжала гладить его тело, и вдруг, к своему изумлению, сюцай почувствовал, что гладит мясистую припухлость, вроде пресной памушки маньюто.

— Что за чудеса! — воскликнул сюзай в крайнем изумлении. — Отвечай, кто ты!

— Прошу вас, сударь, не кричите так громко!.. Откроюсь вам, я монахиня. Просто я переоделась мужчиной, так в дороге удобнее!

— Видно, нас свела сама судьба!.. Теперь я тебя не отпущу! — И он, не долго думая, взгромоздился на юную монахиню.

— Пожалейте бедную инокиню, сударь! — взмолилась монашка. — Я еще девушка, телом не оскверненная.

Но сюцай, пылавший от любовного огня, не стал ее слушать.

Но вот, как говорится, дождь кончился, а тучи рассеялись.

— Встретился я с тобою нежданно-негаданно,— промолвил сюай,— как во сне с небожительни-

止详细，好图后会。”女尼便道：“小尼非是别处人氏，就是湖州东门外杨家之女。为母亲所误，将我送入空门，今在西溪翠浮庵出家，法名静观。那里庵中也有来往的，都是些俗子村夫，没一个看得上眼。今年正月间，正在门首闲步，看见相公在门首站立，仪表非常，便觉神思不定。相慕已久，不想今日不期而会，得谐鱼水，正合夙愿，所以不敢推拒。非小尼之淫贱也。愿相公勿认做萍水相逢，须为我图个终身便好。”

闻人生道：“尊翁尊堂还在否？”静观道：“父亲杨某，亡故已久，家中还有母亲与兄弟。昨日看母亲来，不想遇着相公。相公曾娶妻未？”闻人生道：“小生也未有室。今幸遇仙姑，年貌相当，正堪作配。况是同郡儒门之女，岂可埋没于此？须商量个长久见识出来。”静观道：“我身已托于君，必无二心。但今日事体匆忙，一时未有良计。小庵离城不远，且是僻静清凉。相公可到我庵中作寓，早晚可以攻书，自有道者在外打斋，不烦薪水之费，亦且可以相聚。日后相个机会，再作区处。相公意下何如？”闻人生道：“如此甚好，只恐同伴不容。”静观道：“庵中止有一个师父，是四十以内之人，色上且是要紧。两个同伴，多不上二十来年纪，他们多不是清白之人。平日与人来往，尽在我眼里，那有及得你这样仪表？若见了你，定然相爱。你便结识了他们，以便就中取事。只怕你不肯留，那有不留你之事？”闻人生听罢，欢喜无限道：“仙姑高见极明。既恁地，来早到松木场，连我家小厮打发他随船回去，小生与仙姑同往便了。”

说了一回，两个搂抱得有兴，再讲那欢娱起来。正是：

цей. Думаю, что с тобою будем видеться и впредь!.. Расскажи о себе поподробнее!

— Я из семьи Ян, что живет за Восточными Воротами в Хучжоу. Моя матушка как-то сгоряча решила сделать из меня монахиню. Вот так я и оказалась у Врат Пустоты — в Обители Плывущей Бирюзы, что возле Западного Ручья. Нарекли меня именем Цзингуань... В храм наш ходит много людей, но все больше люди деревенские, неотесанные и грубые. Смотреть на них тошно! Как-то в первую луну нынешнего года я гуляла за оградой обители и случайно увидела вас — вы как раз стояли возле наших ворот. Ваш благородный облик всколыхнул всю мою душу, и после той встречи я долго думала о вас. И вот сегодня неожиданно встретились снова и соединились вместе, будто рыба с водою. Только не подумайте, что я какая-то развратница. Просто наш союз, видно, определила судьба! Несмотрите на нашу егодняшнюю встречу, как на случайную или пустячную забаву! Ах, ударь, как мне хочется быть всегда с вами!

— А твои родители, живы ли они?

— Мой отец умер давно, и осталась у меня только мать да меньшой братец. Я вчера как раз была у них в гостях! А вы, сударь, женаты?

— Нет, еще не женился! — ответил сюзай. — Какое счастье, что я тебя встретил! Мы схожи и возрастом, и лицом своим... к тому же ты тоже из ученой семьи, а в довершение всего — моя землячка. По всем статьям ты подходишь мне в жены! Нечего тебе больше прозя-

бать в монастырской обители!..
Сейчас мы с тобой подумаем, что
делать дальше!

— Я уже все для себя решила... отдала вам и тело, и душу! Но торопиться не следует, надо подождать подходящего случая! Вот что я думаю! Наш скит недалеко от города, а место у нас тихое, прохладное. Устраивайтесь вы у нас, выбирайте келью по вкусу и читайте себе книги с утра до вечера. А о расходах не беспокойтесь. Я всегда смогу собрать денег монашеским подаянием... В ските мы сможем часто встречаться, а при удобном случае уедем в другое место. Что скажете, сударь?

— Скажу, что прекрасно!.. Но как посмотрят на это другие монахини? Они могут воспротивиться...

— Что вы?.. Настоятельница сама горазда до любовных утех, хотя ей уже под сорок. Под стать ей две другие распутницы-монашки — этим лет по двадцать с небольшим. Все их блудливые проделки у меня перед глазами. Я уверена, что mismo такого красавца, как вы, они просто так не пройдут и будут вас всячески обхаживать. Постарайтесь с ними сойтись, чтобы из этого знакомства извлечь для нас пользу. Боюсь только, что вы не согласитесь!

— Отчего же? Превосходный план! — обрадовался сюзай. — Я без промедления поеду к сосновому бору, а слугу отшлю домой. Какая прелесть, что мы будем вместе!

Они разговаривали, тесно прижавшись друг к другу, а потом снова сыграли в любовную игру. Как говорится;

平生未解到花关，倏到花关骨尽寒。此际不知真与梦，几回暗包头看。

事毕，只听得晨鸡乱唱。静观恐怕被人知觉，连忙披衣起身。船家忙起来行船，阿四也起来伏侍梳洗。吃早饭罢，趁早过了关。阿四问道：“那里歇船？好到黄家去下处。”闻人生道：“不消得下处了。这小师父寺中有空房，我们竟到松木场上岸罢。”船到松木场，只说要到灵隐寺，雇了一个脚夫，将行李一担挑了。闻人生分付阿四道：“你可随船回去，对安人说声，不消记念，我只在这师父寺里看书。场毕，我自回来，也不须教人来讨信得。”打发了，看他开了船，闻人生才与静观雇了两乘轿，抬到翠浮庵去。另与脚夫说过，叫他跟来。

霎时到了，还了轿钱、脚钱，静观引了闻人生进庵，道：“这位相公要在此做下处，过科举的。”众尼看见，笑脸相迎。把闻人生看了又看，愈加次爱，殷殷勤勤的陪过了茶，收拾一间洁净房子，安顿了行李。吃过夜饭，洗了浴，少不得先是那庵主起手，快乐一宵。此后这两个你争我夺，轮番伴宿。静观恬然不来兜揽，让他们欢畅，众尼无不感激静观。混了月余，闻人生也自支持不过，他们又将人参汤、香薷饮、莲心、圆眼之类，调浆闻人生，无所不至。闻人生倒好受用。

不觉已是穿针过期，又值七月半盂兰盆大斋时节。

• 17 В праздник Продевания Нити в Иглу люди молили богов о том, чтобы те даровали им разные умения и искусства (это называлось «просить умения» — ци цяо). Этот Праздник Двойной Семерки (как его еще называют) связан с известной легендой о небесной фее Ткачихе и Пастухе, которые стали мужем и женой, но были разлучены по воле богини Си-ван-му. Потом, однажды, Си-ван-му смилиостивилась и разрешила им встречаться раз в год на мосту, перекинутом через Млечный Путь сороками.

¹⁸ Праздник Чаши Юйлань (Юйлань хуэй, или Юйлань пэнь-хуэй) — буддийское торжество, произошедшее в 15-й день 7-й луны. Этот праздник связан с историей

верного последователя будды Шакьямуни — праведного отрока Муляня. С чашей для подаяний он отправился в ад искать свою мать, которая за нарушение буддийского запрета не есть мясной пищи попала в один из страшных его отделов — круг Голодных Духов. Мулянь, претерпев сурьные испытания, наконец добрался до ада и попросил Будду спасти его мать. Божество дало ему священную сутру «Юйлань пэнь цзин» и повелело 15-го числа 7-й луны совершать торжественный молебен. В этот день (иначе он называется Днем Умилостивления Голодных Духов) богомольцы делают подношения духам, молятся за усопших, и особенно за души бесприютные.

Проникнуть в сказочный сад цветов
ни один из них не мечтал.
А когда очутились вдруг в этом саду,
от страха их холд обнял.
Ни как понять они не могли,
что это — явь или сон?
Казалось, путь, по которому шли,
в волшебную мглу погружен.

Наступил рассвет. Со всех сторон заголосили звонкие петухи. Цзингуань, боясь, что ее могут увидеть, поспешил оделась. Лодочник снова поднял паруса, и лодка стремилась вперед.

В каюту вошел Асы. Он помог хозяину умыться и привести себя в порядок, после чего приступили к завтраку.

— Хозяин, где приставать лодке? — спросил Асы. — Ведь надоно заехать к Хуанам, узнать о жилье.

— С этим не торопись,—ответил Вэнъжэнь.—Мы пока остановимся возле соснового бора. Наш молодой наставник рассказал, что у них в ските пустуют кельи.

Когда лодка причалила к берегу у соснового бора, сюзай нанял носильщиков, которые снесли его вещи к монастырю Линъиньсы.

— Асы,— наказал он слуге,— ты возвращайся на этой же лодке обратно. Передай поклон родным и скажи, чтобы они обо мне не беспокоились. Я буду это время жить в обители у нашего монаха и готовиться к испытаниям. А когда сдам экзамены, тотчас приеду домой. И не присылайте ко мне никого и не торопите письмами.

Отдав такое распоряжение, сю-
цай подождал, пока лодка не от-
плыла от берега, после чего сел
с Цзингуань в паланкины, и они
направились в Обитель Плывущей

Бирюзы. За паланкинами шествовали носильщики с вещами. До назначенного места они добрались довольно быстро. Расплатившись с носильщиками и паланкинщиками, сюзай вслед за Цзингуань вошел в скит. Им навстречу вышли монахиини

— Этот господин хочет снять у нас келью,— объяснила Цзингуань.— Он приехал на экзамены.

Монахини, широко улыбаясь, стали пристально разглядывать гости и, как видно, остались им очень довольны. Соблюдая почтительность и радущие, они напоили молодого сюзая чаем, а потом проводили в чисто прибранную комнатку, где уже стояли его веши. После ужина, свершив вечернее омовение, сюзай собирался отойти ко сну, но неожиданно пришла игуменья, с которой ему пришлось провести вместе всю ночь. На следующий вечер появилась еще одна монахиня, а за ней вторая, и так каждый день. Цзингуань не мешала им в этих любовных игрищах, за что они были ей очень признательны. Так прошло больше месяца. От могучего натиска любвеобильных монахинь молодой человек скоро почувствовал некоторую усталость и был вынужден прибегнуть к помощи укрепляющих настоев из женьшеня и ароматного гриба сянжу, а также из лотосового семени и экстракта корицы.

корицы.
Так, в утехах текло его время, пока незаметно не подошел седьмой день седьмой луны, или, как его еще называют, Праздник Продевания Нити в Иглу¹⁷. В середине седьмой луны ожидался торжественный Праздник Часи Юйлань¹⁸.

杭州年例，人家做功

果，点放河灯。那日还是七月十二日，有一个大户人家，差人来庵里请师父们念经、做功夫，庵主应承了。众尼进来商议道：“我们大众去做道场，十三至十五有三日停留。闻官人在此，须留一个相陪便好，只是忒便宜了他。”只见两尼你也要住，我也要住，静观只不做声。庵主道：“人家去做功夫，我自然推不得。不消说，闻官人原是静观引来的，你两个讨他便宜多了，今日只该着静观在此相陪，也是公道。”众人道：“师父处得有理。”静观暗地欢喜。众尼自去收拾法器经箱，连老道者多往那家去了。

静观送了出门，进来对闻人生道：“此非久恋之所，怎生作个计较便好？”闻人生道：“我试期已近，若但迷恋于此，不惟攀桂无分，亦且身躯难保。”静观道：“我岂不知？只为难舍着你，故此强与众欢，非吾愿也。”静观道：“前日初会你时，非不欲即从你作脱身之计，因为我在家中来，中途不见了，庵主必到我家里要人，所以不便。今既在此多时了，我乘此无人在庵，与你逃去。他们多是与你有染的，心病头痛出来，料不好追得你。”闻人生道：“不如此说。我是个秀才家，家中况有老母，若同你逃至我家，不但老母惊异，未必相容；亦且你庵中追寻得着，经动官府，我前程也难保，何况你身子不知作何着落。此事行不得。我意欲待赴试之后，如得一第，娶你不难。”静观道：“就是中了个举人，也没有就娶个尼姑的理。况且万一不中，又却如何？亦非长算。我自出家来，与人写经写疏，得人衬钱，积有百来金。我撇了这里，将了这些东西做盘缠，寻一个寄迹所在。等待你名成了，再从容家去，可不好？”闻人生想一想道：“此言有理。我有姑娘，

По старым обычаям жителям Ханчжоу во время празднества возносят моления и зажигают огни на реке.

В двенадцатый день седьмой луны в ските появился слуга из богатого дома. Его хозяин приглашал инокинь к себе отслужить молебен и прочитать священные сутры. Игумения дала согласие, а монахиням наказала:

— Мы отправимся служить молебен все вместе и пробудем там три дня: с тринадцатого по пятнадцатое. А наш гость, господин Вэньжэнь, поживет здесь. Причем, конечно, кто-то должен будет оставаться для его удобства...

Обе молодые монахини стали предлагать свои услуги. Цзингуань молчала.

— От молебна отказываться никак нельзя, ехать все равно придется,—сказала игуменья.—Что до вас двоих, то вы предостаточно пользовались расположением нашего гостя, поэтому поедете вместе со мной. С ним же останется Цзингуань, которая привела его в наш скит. Так будет справедливо!

— Верно решила, матушка! —
согласились монахини и отправились складывать пожитки, молитвенные принадлежности и сутры. Цзингуань проводив их за ворота, пошла к сючаю.

— Вам не следует дольше оставаться здесь и тешить себя одними удовольствиями,—сказала она.— Надо подумать о деле! Близится срок ваших экзаменов. Если вы по-прежнему будете лишь развлекаться, вы их не сдадите. Да и здоровье свое подорвите в этом любовном дурмане!

— Я и сам это чувствую. Только
милуюсь я с ними без особой охон-

ты. Мне жалко расставаться с тобой!

— Помните, в день нашей встречи я сказала, что хочу вместе с вами отсюда убежать... Но тогда это было опасно. Исчезни я тогда посреди дороги, игуменья непременно отправилась бы ко мне домой. А вот сейчас — другое дело. Поскольку их здесь нет, мы вполне можем бежать. Уверена, что меня искать не будут, так как знают, что у них рыльце в пушку. Они сами греховодили с вами и, думаю, шум поднимать побоятся!

— Это верно, но... Я все же сю-
цай, и дома у меня осталась мать.
Если мы вместе приедем в наш
дом, матушка сильно огорчится,
и получится негриятность. К тому
же игуменья начнет свои поиски,
поднимет на ноги местные власти,
а это повредит моей карьере! Что
тогда делать? Куда тебя дену?..
Нет, это не выход! Думаю, что пре-
жде мне надобно сдать экзамены.
Если я займу первое место, все во-
просы разрешатся.

— Вы все равно не сможете жениться на монахине, даже когда станете цзюйжэнем,— промолвила девушки.— Ну, а если не сдадите, что тогда? Нет, это тоже не лучший выход... Вот что я думаю... С тех пор, как я постриглась в монахини, я собрала перепиской сутр и заклинаний кое-какие деньги. Сейчас у меня набралось свыше сотни лянов. На эти деньги я вполне могу снять приличное жилье, после того как отсюда убегу. Я буду ждать вас, а когда вы получите ученую степень, мы сможем наладить нашу жизнь. Ну как?

— Вот это другое дело!.. У меня есть тетя — она живет за городской

嫁在这里关内黄乡宦家，今已守寡，极是奉佛。家里庄上，造得有小庵，晨昏不断香火。那庵中管烧香点烛的老道姑，就是我的乳母。我如今不免把你此情告知姑娘，领你去放在他家庵中，托我奶娘相伴着你。他是衙院人家，谁敢来盘问？你好一面留头长发，待我得意之后，以礼成婚，岂不妙哉？倘若不中，也等那时发长，便到处无碍了。”静观道：“这个却好。事不宜迟，乍急就走，若三日之后，便做不成了。”

当下闻人生就奔至姑娘家去，见了姑娘。姑娘道罢寒温，问道：“我久在此望你该来科举了，如何今日才来？有下处也未曾？”闻人生道：“好叫姑娘得知，小侄因为做下处，寻出一件事头来，特求姑娘周全则个。”姑娘道：“何事？”闻人生造个谎道：“小侄那里有一个业师杨某，亡故多时。他止有一女，幼年同就与小侄相认，后来被个尼姑拐了去，不知所向。今小侄贫静，寻下处在这里西溪地方，却在翠浮庵里撞着了他，且是生得人物十全了。他心不愿出家，情愿跟着小侄去。也是前世姻缘，又是故人之女，推却不得。但小侄在此科举，怕惹出事来，若带他家去，又是个光头不便，欲待当官告理，场前没闲工夫，亦且没有闲使用。我想姑娘此处有个家庵，是小侄奶子在里头管香火，小侄意欲送他来姑奶奶庵里头暂住。就是万一他那里晓得，不过在女眷人家香火庵里，不为大害。若是到底无人跟寻，小侄待乡试已毕，意欲与他完成这段姻缘。望姑娘作成则个。”姑娘笑道：“你寻着了个陈妙常，也来求我姑娘了。

ପ୍ରକାଶକ ଅଧିକାରୀ ଏବଂ ପ୍ରକାଶନ କମିଶନର ଅଧିକାରୀ ଏବଂ ପ୍ରକାଶକ ଏବଂ ପ୍ରକାଶନ କମିଶନର ଅଧିକାରୀ

¹⁹ Имеется в виду сюжет минской пьесы Гао Ляня под названием «Нефритовая шпилька», в которой рассказывается похожая история о двух влюбленных.

заставой. В свое время ее выдали сюда замуж за некоего Хуана, но он умер, и она осталась одна. Старуха очень чтит буддийскую веру и у себя дома даже устроила молельню, в которой с утра до позднего вечера курятся благовония и горят лампады. Следит за ними старая монашка — моя бывшая кормилица. И вот мне пришла в голову мысль: что если рассказать о тебе тете и попросить ее оставить тебя в ее доме при молельне, а кормилица могла бы тебе прислуживать. Семья тетки чиновная, так что вряд ли кто тебя станет там тревожить, а когда я добьюсь удачи на экзаменах, ты уже отрастишь волосы, и я смогу взять тебя в жены по всем правилам. И все будет в порядке!.. Если даже мне не повезет, то все равно беды никакой не случится, потому как волосы к тому времени уже отрастут, а значит, не будет для нашей женитьбы помех.

— Прекраснейший план! Не будем откладывать! Надо сейчас же идти к твоей тетке и все обговорить. Может оказаться, что через три дня будет уже поздно!

Вэньжэнь немедля отправился в дом тетки.

— Почему только сегодня у меня появился! — спросила тетка, после того как они обменялись приветствиями. — Я слышала, что уже давно должен был приехать на экзамены! Или жилье другое нашел?

Моя старая кормилица следит за лампадами и благовонными свечами. Девушка могла бы пока пожить в молельне. Коли хватятся ее и узнают, где она, то беды из этого не будет, потому что живет она в доме, где только одни женщины, к то-

— Верно, тетушка! Я действительно подыскал другое пристанище. И случилась у меня там одна история... Очень прошу тебя помочь мне!

— Что же с тобой приключилось?

Вэньжэнь решил схитрить

— Был у меня учитель по фамилии Ян. Сам он давно уже помер, но у него осталась дочка, с которой я был знаком с малолетства. И вот однажды ее обманом увела монахиня, и с тех пор не было о девчонке ни слуху ни духу. Вдруг недавно я случайно попал в скит под названием Обитель Плывущей Бирюзы, что у Западного Ручья. Келью решил там снять для занятий. Там неожиданно я увидел мою старую знакомую, которая стала совсем взрослой девушкой. Она мне призналась, что монашество ей опротивело и она готова уйти со мной хоть на край света. Понятно, не мог я ей отказать, ведь мы с нею старые друзья и как бы связаны судьбами. Но сейчас у меня скоро экзамен, и я боюсь, не вышла бы из-за этого неприятность. Конечно, я мог бы отвезти ее к себе домой, да только неудобно. Словом, пустая эта затея. К тому же инокиня может подать жалобу, а у меня, как на грех, для суда нет ни времени, ни денег. И вот тогда я подумал: а что если ты, тетушка, оставишь на время девицу у себя? Помнится, есть у тебя в доме молельня, где моя старая кормилица следит за лампадами и благовонными свечами. Девушка могла бы пока пожить в молельне. Коли хватятся ее и узнают, где она, то беды из этого не будет, потому что живет она в dome, где только одни женщины, к тому же следит в домашней молельне за лампадами... А после моих экзаменов, если ее не потребуют обратно в скит, я женюсь на ней. Что ты на это скажешь, тетушка?

— Ты пришел просить старую етку, как тот герой из истории о кратке Чэнь Мяочан¹⁹, — рассмеялась

既是师长之女，怪你不得。你既然有意要成就，也不好叫他在庵里住。你与他多是少年心性，若要往来，恐怕玷污了我佛地。我庄中自有静室，我收拾与他住下，叫他长起发来。我自叫丫鬟伏侍，你亦可以长来相处。若是晚来无人，叫你奶子伴宿。此为两便。”闻人生道：“若得如此，姑娘再造之恩，小侄就去领他来拜见姑娘了。”

造之恩，小侄就去领他来拜见娘子了。 别了出门，就在门外叫了一乘轿，竟到翠屏庵里。进庵与静观说了适才姑娘的话，静观大喜，连忙收拾，将自己所有尽皆捡了出来。闻人生道：“我只把你藏过了，等他们来家，我不妨仍旧再来走走，使他们不疑心着我。我的行李且未要带去。”静观道：“敢是你与他们业根未断么？”闻人生道：“我专心为你，岂复有他恋？只要做得没个痕迹，如金蝉脱壳方妙，若他坐定道是我，无得可疑了，正是科场前利害头上，万一被他们官司绊住，不得入试，怎好？”静观道：“我平时常独自一个家去的，他们问时，你只推偶然不在，不知我那里去了，支吾着他。他定然疑心我是到娘家去，未必追寻。到得后来，晓得不在娘家，你场事已毕了，我与你别作计较，离了此地。你是隔墙人，他那里来寻你？寻着了，也只索白赖。”

计议已定，静观就上了轿。闻人生把庵门掩上，随着步行，竟到姑娘家来。姑娘一见静观青头白脸，桃花般的两颊，吹弹得破的皮肉，心里也十分喜欢。笑道：“怪道我家侄儿看上了你！你只在庄上内房里住，此处再无外人敢上门的，只管放心。”对着闻人生道：“我庄上房中，你亦可同住。但你若竟住在此，恐怕有人跟寻得出，反为不美。况且要进场，还须别寻下处。”

старая женщина.— Но раз она дочка
твоего учителя, винить тебя трудно,
к тому же ты собираешься на неё
жениться. Конечно, в монастыре ей
делать больше нечего, однако
ж и в моей молельне оставаться
неудобно. Люди вы молодые, горя-
чие, будете то и дело встречаться,
а это может осквернить святое ме-
сто... Есть у меня в доме одна чистая
комнатка, куда я и определи твою
красавицу, пока у нее волосы не
отрастут. А прислуживать ей станет
моя служанка. Вот там вы и сможете
видеться. Только приходить тебе сле-
дует поздно вечером, так, чтобы
никто тебя не заметил, а при встрече
рядом будет кормилица. Так-то!

— Ах, тетушка! Как я благодарен за твою доброту! Я тотчас приведу ее сюда и велю поклониться тебе в ноги!

Простишись с теткой, он вышел из дома и возле ворот нанял паланкин, который доставил его в скит. Молодой человек рассказал Цзин-гуань о беседе с теткой, чем очень обрадовал девушку. Она быстро вытащила все свои ценности и принялась складывать пожитки.

— Мои вещи пускай пока будут здесь! — сказал ей сюзай. — Я оставлю тебя у тетки, а сам вернусь в скит. Поживу здесь с монашками какое-то время, чтобы у них не было подозрений.

— Видно, запали они вам в душу! — промолвила девушка.

— Вовсе нет! В моем сердце одна только ты, к ним у меня ничего нет. Остаюсь я только для отвода глаз, чтобы не было никаких следов, как в поговорке: «Золотая цикада одежду свою сменила». Словом, меня никто не сможет заподозрить, даже если монахини пожал-

люются... Ты же знаешь, скоро экзамены. Если же меня потянут в суд, то до экзаменов уже не допустят, а это не шутка!

— Коли они станут расспрашивать обо мне, говорите, что вы не знаете, куда я делась, потому как, мол, в это время отлучались по своим делам. Словом, наплете им что-нибудь. Они, конечно, подумают, что я ушла к своей матушке (ведь я часто уходила туда одна), и, по всей вероятности, сразу за мной не погонятся. Потом они, наверное, узнают, что меня нет дома, но к этому времени вы уже сдадите экзамены, и мы придумаем еще что-нибудь! Когда же вы уедете из этих мест и будете жить в другой области, они не посмеют ехать к вам, а если и заявятся, из этого ничего не получится!

Договорившись, они вышли из скита. Сюцай прикрыл ворота, оба сели в паланкины и направились в дом тетки. Старой женщине очень понравилась ладная девушка со светлым лицом, щечки ее напоминали персиковый цвет, а нежная кожа, казалось, могла порваться от самого легкого прикосновения.

— Теперь мне понятно, почему племянник присмотрел тебя, голубушка! — засмеялась она. — Будешь жить у меня, вряд ли кто из посторонних посмеет тебя гутревожить! Ничего не бойся! Тетка обратилась к племяннику: — Само собой, ты тоже мог бы жить в моем доме. Да только если ты здесь останешься, кто-нибудь непременно появится вслед за тобой, и тогда случится неприятность. Так что, милый племянник, лучше тебе найти другое жилье, где ты будешь спокойно готовиться к экзаменам!

人生道：“姑娘见得极是，小侄只可暂来。”从此静观只在姑娘庄里住。闻人生是夜也就同房宿了，明日别了去，另寻下处，不题。

却说翠浮庵三个尼姑，做了三日功夫回来，到得庵前，只见庵门虚掩的，走将进去，静悄悄不见一人。惊疑道：“多在何处去了？”他们心上要紧的是闻人生，静观倒是第二，着急到闻人生房里去看，行李书籍都在，心里又放下好些。只不见了静观，房里又收拾得干干净净，不知甚么缘故。正委决不下，只见闻人生踱将进来。众尼笑逐颜开道：“来了！来了！”庵主一把抱住，且不及问静观的说话，笑道：“隔别三日，心痒难熬，今且到房中一乐！”也不顾这两个小尼口馋，径自去做事了，闻人生只得勉强奉承。酣畅一度，才问道：“你同静观在此，他那里去了？”闻人生道：“昨日我到城中去了一日。天晚了，来不及，在朋友家宿了，直到今日来。不知他那里去了。”众尼道：“想是见你去了，独自一个没情绪，自回湖州去了。他在此独受用了两日，也该让让我们的，等他去去再处。”因贪着闻人生快乐，把静观的事倒丢在一边了。

谁知闻人生心却不在一处，鬼混了两三日，推道要到场前寻下处，众尼不好阻得，把行李挑了去。众尼千约万约道：“得空原到这里来住。”闻人生满口应承，自去了。

庵主过了几日，不见静观消耗，放心不下，叫人到杨妈妈家问问，说是不曾回家，吃了一惊。恐怕杨妈妈来着急，倒不敢声张。

— Верно, тетушка! Если я и буду приходить, то только на короткое время!

Итак, Цзингуань осталась в доме тетки Вэнъжэня. Сюцай, пробыв с нею ночь, наутро простился и ушел, чтобы найти себе другое жилище. Но об этом пока говорить не будем.

А теперь мы вернемся к трем монахиням из скита Плывущей Бирюзы. Отслужив трехдневный молебен, они вернулись в обитель. Видят — ворота не заперты, а в храме ни единой души. Все кругом пусто и тихо.

— Куда они запропастились? — воскликнула игуменья. Впрочем, ее мысли, как и других монахинь, вертелись вокруг молодого сюцая, а Цзингуань их особенно не занимала. Они бросились в келью Вэнъжэня. Вещи и сундучок с книгами стояли на месте. Монахини сразу успокоились. А где же Цзингуань? В келье нет ни ее, ни вешней. Что за чудеса? Пока они гадали да рядили, появился Вэнъжэн.

— Пришел! Пришел! — обрадовались монахини. Их лица озарила счастливая улыбка.

— Целых три дня не виделись! Душа истосковалась! Ну прямо не-вмоготу! — воскликнула игуменья, вцепившись в сюцая. О Цзингуань она тут же забыла. — Скорее, скопее в келью!

Настоятельница потащила за собой сюцая, не обращая внимания на молодых инокинь, которые взирали на нее с завистью, глотая слюнки. Сюцай уступил бурному на-тику монахинии...

— Куда же запропастилась наша Цзингуань? — наконец вспомни-

ла настоятельница. — Вы же с ней оставались вдвоем.

— Откуда мне знать, куда она девалась! Я вчера ушел в город и задержался там допоздна. Пришлось заночевать у приятеля, только сейчас иду оттуда...

— Наверное, после вашего ухода ей стало скучно одной, и она отправилась к своим в Хучжоу... — заметила молодая монахиня. — Или она решила, что наступил наш черед после ее двухдневного счастья... Пусть ее, ушла — отыщется!

Монахини думали сейчас о тех счастливых мгновениях, которые их ожидают с молодым сюцаем, а Цзингуань их нисколько не интересовала. Они не догадывались, что мысли молодого человека заняты совсем другим.

Прошло два-три дня в бесовских забавах, и сюцай сказал, что ему пора на экзамены и поэтому необходимо сменить жилье. Он нанял слугу, и тот унес его вещи. Монахини, понятно, больше не могли его задерживать, но взяли с него клятвенное обещание возвратиться.

— Будет свободное время, не-пременно к нам приходите!

Сюцай ответил, что обязательно вернется и, поклонившись, ушел.

Прошло несколько дней. От Цзингуань по-прежнему не было вестей. Встревоженная игуменья послала человека в Хучжоу, к матушке Ян, но тот, вернувшись, сказал, что девушка домой не приходила. Настоятельница не на шутку перепугалась, однако, хорошо-нько все обдумав, не стала поднимать лишнего шума, чтобы не всплошить мать, которая, глядишь, сама заявится в скит. Игуменья

只好密密探听。又见闻人生一去不来，心里方才有些疑惑。待要去寻他盘问，却未曾问得下处明白。只得忍耐着，指望他场后还来。只见三场已毕，又等了几日，闻人生脚步影也不见来。元来闻人生场中甚是得意，出场竟到姑娘庄上，与静观一处了，那里还想着翠浮庵中？庵主与二尼也未见到，恨道：“天下有这样薄情的人！静观未必不是他拐去了？不然，便是这样不来，也没解说。”思量要把拐人打发来告他，又碍着自家多洗不清，怕惹出祸来。正商量到场前寻他，或是问到他湖州家里去抄他，终是女人辈，未有定见，却又撞出一场巧事来。

说话间，忽然门外有人敲门得紧。众尼多心里疑道：“敢是闻人生来也？”齐走出来开了门看，只见一乘大轿，三四乘小轿，多在门首歇着。敲门的家人报道：“安人到此。”庵主却认得是下路来的某安人，慌忙迎接。只见大轿里安人走出来，旁边三四个养娘出轿来，拥着进庵，坐定了。寒温过，献茶已毕。安人打发家人们：“到船上俟候，我在此过午下船。”家人们各去了。

安人走进庵主房中来，安人道：“自从我家主亡过，我就不曾来此，已三年了。”庵主道：“安人今日贵脚踏贱地，想是完了孝服才来烧香的。”安人道：“正是。”庵主道：“如此秋光，正好闲耍。”安人叹了一口气道：“有甚心情游耍？”庵主有些瞧科，挑他道：“敢是为没有了老爹，冷静了些？”

安人起身把门掩上，对庵主道：“我一向把心腹待你，你不要见外，我和

reshila все разузнать обходными путями.

Поскольку сюцай больше не появлялся, у нее возникли подозрения, поэтому надо было срочно его найти и хорошенько расспросить. Но, как на грех, он не оставил адреса. Делать нечего, пришлось ждать, когда он появится сам. Но вот кончились все три тура экзаменов, за ними прошло еще несколько дней, но сюцай не давал о себе знать.

Между тем Вэнъжэнь, добившись на экзаменах большого успеха, вновь появился в доме своей тетки. Встретившись с Цзингуань, он сразу же забыл о ските и о монахинях. А те, так его и не дождавшись, кипели от злости.

— Есть же в Поднебесной такие неблагодарные люди! — возмущались они. — Наверное, этот злодей и украл нашу Цзингуань. Его рук дело! Вот отчего он не появляется!

Игуменя решила подать на сюцая жалобу в суд, но в последний момент передумала — испугалась, что может навлечь на себя беду. Недаром в поговорке сказано: однажды замарался, очиститься трудно!

И тогда между монашками вспыхнула ссора. Одна кричала, что надо непременно найти сюцая, а для этого идти в экзаменационную палату; другая твердила, что следует ехать в Хучжоу на розыски Цзингуань. Словом, спорили они, но так ни до чего и не договорились.

В самый разгар спора раздался настойчивый стук в ворота.

«Уж не наш ли сюцай?» — обрадовались инокини и со всех ног бросились к выходу. Открыли воро-

та, а там стоит большой паланкин и рядом четыре малых. Слуга, стучавший в ворота, объяснил, что в скит пожаловала госпожа такая. Игуменя, услышав знакомое имя, поспешила к гостью, которая, находясь здесь проездом, почтила скит своим присутствием. Дама вышла из паланкина, четыре ее служанки, уже успевшие выбраться из малых паланкинов, окружили хозяйку, и толпа женщин двинулась в храм. Гостья села, обменялась с настоятельницей церемонными фразами, испила чаю. Дама сказала, что желает провести в обители полуденное время, и послала своего челядника предупредить лодочника, что задержится. Игуменя повела ее в свою комнату.

— Я у вас не была года три, — сказала дама. — С тех пор, почитай, как скончался мой супруг...

— Однако сейчас ваш траур, как видно, уже кончился... Наверное, вы захотели возжечь благовония, а потому направили свои благородные стопы в наше ничтожное место! Не так ли?

— Именно так! — согласилась гостья.

— Осеню у нас прекрасно! Вольготно!

— Не до развлечения мне! Нет у меня сейчас настроения! — вздохнула дама.

Игуменя прочла в словах гостьи намек.

— Вам сейчас одиноко после кончины супруга?

Дама, поднявшись, подошла к двери и прикрыла ее.

— Мать-игуменя, я была всегда с тобой откровенна. Не забудь этого... И сегодня я хочу говорить

你说句知心话。你方才说我冷静，我想我止隔得三年，尚且心情不耐烦，何况你们终身独守，如何过了？”庵主道：“谁说我们独守？不瞒安人说，全亏得有个把主儿相伴一相伴。不然冷落死了，如何熬得？”安人道：“你如今见有何人？”庵主道：“有个心上妙人，在这里科举的小秀才。这两日一去不来，正在此设计商量。”安人道：“你且秉着此事，我有一件好事作成你，你尽心与我做着，管教你快活。”庵主道：“何事？”

安人道：“我前日在昭庆寺中进香，下房头安歇。这房头有个未净头的小和尚，生得标致异常，我一时迷了。我实是心吊在他身上，舍不得他了。我想了一夜，我要带他家去。须知我是寡居，要防生人眼，恐怕坏了名声。亦且拘拘束束，躲躲闪闪，怎能勾象意？我今与师父商量，把他来师父这里净了头，他面貌娇嫩，只认做尼姑。我归去后，师父带了他竟到我家来，说是师徒两个来投我。我供养在家里庵中，连我合家人只认做你的女徒，我便好象意做事。不是神鬼不知的？所以今日特地到此，要你做这大事。你若依得，你也落得些快活。有了此人，随你心上人也放得下了。”庵主道：“安人高见妙策，只是小尼也沾沾手，恐怕安人吃醋。”安人道：“我要你帮衬做事，怎好自相妒忌？到得家里，我还要牵你来做了一床，等外人永不疑心，方才是妙哩。”庵主道：“我的知心的安人！这等说，我死也替你去。我这里三个徒弟，前日不见了一个小的，

напрямую. Вот ты сказала, что я одинока. Какое там одинока! Я места себе не нахожу! А ведь прошло после смерти мужа всего только три года. Как же вы, голубушки, всю жизнь одни маетесь?

— Почему же одни?.. Не будут таиться, почтенная. Не забывают нас прихожане-благодетели. Иначе хоть помирай! Разве можно вытерпеть?

— А есть ли кто сейчас у вас, матушка?

— Был один прелестник-сюзай... на экзамены к нам приехал. Да только недавно ушел и все не возвращается. Мы как раз о нем сейчас говорили.

— Забудь пока о нем, матушка!.. Есть у меня к тебе дело. Если ради меня постараешься, то и сама внакладе не останешься!

— Что за дело, почтенная? — заинтересовалась игуменья.

— Заехала я как-то возжечь благовония в храм Осиянского Счастья. Остановилась, как водится, у них на постой. И тут я увидела одного монашка, видом прелестного, но еще не бритоголового. Не скрою от тебя, вспыхнул в моем сердце огонь, потому как истосковалась я за долгое время по ласке! Поднес этот отрок мне чаю, мы разговорились. Он мне рассказал о себе, сколько лет сообщил. И держится, надо сказать, свободно — без всякой боязни, а говорит так складно, красиво! Одно слово — прелестник! И пошла у меня голова кругом! Отослав я своих служанок, а его повлекла в постель. Думаю, испытываю его в делах любовных. И что же ты думаешь? Этот негодник не только сведущ в любовных утехах,

но не уступит никакому силачу. В общем, привязалась я к нему всей душою и чувствую, что расстаться с ним мне невмочь! Всю ночь строила разные планы и решила взять его с собой. Но как? Ведь я вдова и должна остерегаться постороннего взгляда, чтобы ненароком не опозориться. Если же прятать в своем доме — значит чувствовать во всем связанность. Какое тогда удовольствие? Вот я и подумала: а что если посоветоваться с игуменьей? Возьми его, матушка, в свой скит и оброй ему голову. Будет он у тебя словно монахиня, нежный облик его вполне для этого подходит. А когда я вернусь домой, вы оба приедете ко мне как настоятельница и послушница. Он будет жить в молельне, а для всех моих родственников останется твоей ученицей. Понятно, я буду с ним миловаться, но делать так, что никто не узнает: ни люди, ни бесы!.. Вот отчего я пришла к тебе нынче. Очень прошу — помоги! Обещаю, что если ты согласишься, то и тебе перепадет от него удовольствие. И не будешь ты больше вспоминать своего наглядного!

— Превосходно! — придумала, благодетельница! — воскликнула игуменья. — А ревновать-то ко мне не станешь? Ведь и я свою руку к сладкому куску приложу!..

— Какая тут ревность! Я же сама пришла за помощью! А тебе я отведу специальное место, и никто ничего не заподозрит. Ну, не славно ли?

— Коли так, я непременно пойду за ним. К тому же сейчас это будет особенно удобно, так как у нас на днях пропала одна

今恰好把米抵补，一发好瞒生人。只是如何得他到到这里来？”安人道：“我约定他在此。他许我背了师父，随我去的，敢就来说也。”

正说之间，只见一个小尼敲门进房来道：“外边一个拢头小伙子，在那里问安人。”安人忙道：“是了，快唤他进来。”只见那小伙望内就走。两个小尼见他生得标致，个个眉花眼笑。安人见了，点点头叫他进来。他见了庵主，作个揖。庵主一眼不霎，估定了看他。安人拽他手过来，问庵主道：“我说的如何？”庵主道：“我眼花，见了善财童子，身子多软瘫了。”安人笑将起来。

庵主且到灶下看斋，就把这些话与两个小尼说了。小尼多咬着指头道：“有此妙事！”庵主道：“我多分随他去了。”小尼道：“师父撇了我们自去受用。”庵主道：“这是天赐我的衣食，你们在此，料也不空过。”大家笑了一回。

庵主复进房中，只见安人搂着小伙，正在那里说话。见了庵主，忙在茯手匣里取出十两一包银子来与他道：“只此为定。我今留此子在此，我自开船先去了。十日之内，望你两人到我家来，千万别误。”安人又叮嘱那小伙几句话，出到堂屋里，吃了斋，自上桥去了。

庵主送了出去，关上大门。进来见了小伙，真是黑夜里拾得一颗明珠，且来搂他去亲嘴，后生家火动了，庵主忙解裤，就他弄了一度喜不可言。对他道：“今后我与某安人合用的了，只这几夜且让我着。”事毕，就取剃刀来与他落了发。仔细看一看，笑道：“也倒与静观差不多到那里，少不得要个法名，仍叫做静观罢。”是夜就同庵主一床睡了，极得两个小尼姑咽干了唾沫。

~~~~~

²⁰ В буддийских храмах подле изваяния богини Гуаньинь нередко можно видеть фигуру ее прислужника — прекрасного отрока Шаньцая. По буддийским легендам, Шаньцай (санскр. Sudhana) — знатный индийский юноша, который посетил 53 святых будд, чтобы услышать их проповеди.

ученица — самая меньшая. Ее-то мы и подменим, и никакой любопытный не догадается!.. Вот только как его сюда заполучить?

— Об этом мы уже договорились! Он обещал бросить своего наставника и прийти ко мне. Я уверена, что он это сделает!

В этот момент раздался стук в дверь, и на пороге появились молодые монахини.

— У ворот стоит какой-то юноша, спрашивает нашу благодетельницу, — сказала одна монахиня.

— Ну вот, кажется, и он! — воскликнула дама. — Живей зовите его сюда!

В комнату вошел красивый юноша. Молодые монашки стрельнули глазами и заулыбались. Дама, кивнув ему головой, велела подойти ближе. Юноша поклонился игуменне, которая с первого же взгляда оценила его достоинства.

— Что я говорила? — проговорила дама, взяв гостя за руки и подводя к настоятельнице.

— Ни дать ни взять — отрок Шаньцай! ²⁰ — воскликнула игуменя. — У меня даже перед глазами все поплыло, и будто я обмякла сразу!

Дама, довольная, рассмеялась. Игуменя вышла на кухню приготовить закуски и рассказала о разговоре монашкам.

— Ах, как это прекрасно! — воскликнули они и даже прищелкнули пальчиками от удовольствия.

— Только мне придется вместе с ним уехать! — добавила настоятельница.

— Вы нас покидаете? — огорчились молодые монахини. — Одна собираетесь вкушать удовольствие!

— Сие дар небес! — возразила игуменя. — Однако же, думаю я, что и вы в одиночестве не останетесь!

Они рассмеялись. Монахиня, вернувшись в комнату, застала даму в объятиях юноши. При виде настоятельницы она вытащила из дорожной шкатулки брускочек серебра — десять лянов.

— Вот мой залог! Сейчас я возвращаюсь в лодку, а он, — она показала на молодого человека, — пока останется здесь. Через некоторое время вы вместе приедете ко мне. Ничего не перепутайте!

Отдав распоряжение возлюбленному, дама вышла в гостевую залу, где ее уже ждала трапеза. Отведав кушанья, она сразу же направилась к паланкину. Игуменя, проводив гостью, закрыла ворота и вернулась к молодому послушнику. Она внимательно оглядела его со всех сторон. Да, действительно, ей сильно повезло! Ну прямо яркий адамант середь темной ночи! Монахиня притянула юношу к себе, и их уста слились в жарком поцелуе.

— На несколько дней твоя благодетельница уступила тебя мне, а потом мы будем с тобой попрежнему, — сказала игуменя, приступая к любовной битве. А когда кончилось удовольствие, она встала и бритвой сняла с головы юноши волосы.

— Теперь тебя не отличишь от Цзингуань! — засмеялась она, оглядев молодого человека. — Под этим именем ты и пойдешь к благодетельнице!

Само собой разумеется, в эту ночь настоятельница не отпустила юношу со своего ложа, и молодым монашкам оставалось лишь жадно

明日收拾了，叫个船，竟到下路去。分付两个小尼道：“你们且守在此，我到那里看，光景若好，捎个信与你们。毕竟不来，随你们散伙家去罢。杨家有人来问，只说静观随师父下路人家去了。”两尼也巴不得师父去了，大家散伙。连声答应道：“都理会得。”从此，老尼与小伙同下船来。人面前认为师弟，晚夕上只做夫妻。

不多几日，到了那一家，充做尼姑，进庵住好。安人不时请师徒进房留宿，常是三个做一床，尼姑又教安人许多取乐方法，三个人只多得一颗头，尽兴淫恣。那少年男子不敌两个中年老阴，几年之间，得病而死。安人哀伤郁闷，也不久亡故。老尼被邪家寻他事故，告了他偷盗，监了追赃，死于狱中，这是后话。

且说翠浮庵自从庵主去后，静观的事一发无人提起，安安稳稳住在庄上。只见揭了晓，闻人生已中了经魁，喜喜欢欢来见姑娘。又私下与静观相见，各各快乐。自此，日里在城中完这些新中式的世界事，晚上到姑娘庄上与静观歇宿。密地叫人去翠浮庵打听，已知庵主他往，两小尼各归俗家去了，庵中空锁在那里。回覆了静观，掉下了老大一个疙瘩。

闻人生事休已完，想要归湖州。来与姑娘商议：“静观发未长，娶回未得。仍留在姑娘这里，待我去会试再处。”静观又嘱咐道：“连我母亲处也未可使他知道。我出家是他的主意，如何蓦地还俗？且待我头发长了，与你双归，他才拗不得。”闻人生道：“多是有见识的话。”别了荣归，

глотать слюнки. На следующий день игуменья стала собираться в дорогу и послала человека на нять лодку.

— Вы пока оставайтесь в ските,—сказала она монашкам,—я же поеду туда разузнаю! Если там все в порядке, я обратно уже не приеду, а пошлю вам свое послание. Как получите его, отправляйтесь к себе домой. А если кто появится от Янов, скажите, что Цзингуань уехала с матерью-игуменьей, а куда — вам неизвестно.

Что еще оставалось молодым монахиням? Они лишь кивнули головой: все, мол, поняли. Настоятельница и переодетый юноша сели в лодку. Для других пассажиров они считались наставницей с ученицей, а как наступала ночь, превращались в супругов-любовников. Через несколько дней они приехали в назначенное место. Дама поместила их в свою домашнюю мольельню, однако по ночам гости шли в дом, где делили ложе втроем. Спятная монахиня научила даму разным любовным секретам, что, понятно, лишь разожгло их взаимное любострастие. Но разве юный отрок в силах был справиться с двумя зрелыми блудницами? Прошло какое-то время, год или два, юноша зачах и умер. Дама, не выдержав этой утраты, сильно затосковала и вскоре тоже скончалась. Что до игуменьи, то родственники дамы, затаив на монахиню лютую злобу, обвинили ее в воровстве. Монахиню заключили в узилище, где она и умерла.

Теперь же вернемся к Цзингуань, которая продолжала жить у тетки Вэнъжэня. Ее жизнь не была омрачена беспокойствами, да

и кто ее мог потревожить, если игуменья покинула скит. Через какое-то время стало известно, что Вэнъжэнь сдал успешно экзамены и даже занял первое место, а затем появился он сам, радостный и веселый. Конечно же, он сразу бросился к возлюбленной, чтобы сообщить ей счастливое известие. В последующие дни он проводил время в городе, где занимался делами, какие обычно бывают у тех, кто недавно сдал экзамены, а вечером приходил в дом тетки и проводил ночь с Цзингуань. Однажды Вэнъжэнь послал слугу в Обитель Плыущей Бирюзы и наказал ему узнать, что там происходит. Скит оказался пустым. Слуга сообщил, что настоятельница куда-то уехала, а монахини вернулись в свои семьи. Сюцай поделился новостью с возлюбленной. Наконец-то! Словно гора с плеч! Через несколько дней сюцай покончил со всеми своими делами. Пора было возвращаться на родину в Хучжоу. Он посоветовался с теткой, как им быть дальше.

— Я не могу пока взять с собой Цзингуань. Ведь у нее еще не отросли волосы. Ей придется пожить какое-то время здесь. Тем временем я, быть может, сдам столичные экзамены!

— И матушке моей пока еще рано говорить! — заметила девушка. — Не могу я вдруг вернуться домой, если была ее воля отдать меня в монахини. Другое дело, когда волосы у меня отрастут, и мы поженимся, вот тогда мы и явимся вместе! Вряд ли она тогда станет противиться!

Вэнъжэнь согласился. А потом, простившись, он поехал домой

观的事并不提起。

到得十月尽边，要去会试，来见姑娘。此时静观头发齐肩，可以梳得个假髻了。闻人生意欲带他去会试，姑娘劝道：“我看此女德性温淑，堪为你配。既要做正经婚姻，岂可仍复私下带来带去？不像事体。仍留我庄上住下，等你会试得意荣归，他发已尽长。此时只认是我的继女，迎归花烛，岂不正气？”闻人生见姑娘说出一段大道理话，只得忍情与静观别了。

进京会试，果然一举成名，中了二甲，礼部观政。《同年录》上先刻了“聘杨氏”，就起一本给假归娶。奉旨：准给花红表礼，以备喜筵。

驰驿还家，拜过母亲。母亲闻知归娶，问道：“你自幼未曾聘定，今娶何人？”闻人生道：“好教母亲得知，孩儿在杭州，姑娘家有个继女，许下孩儿了。”母亲道：“为何我不曾见说？”闻人生道：“母亲日后自知。”选个吉日，结起彩船，花红鼓乐，竟到杭州关内黄家来。拜了姑娘，说了奉旨归娶的话。姑娘大喜道：“我前者见识如何？今日何等光采！”先与静观相见了，执手各道别情。静观此时已是内家装扮了，又道黄夫人待他许多好处，已自认义为干娘了。黄夫人亲自与他插戴了，送上彩轿，下了船。船中恰好日结了花烛，正是：

红罗帐里，依然两个新人；锦被窝中，各出一般旧物。到家里齐齐拜见了母亲，母亲见媳妇生得标致，心下喜欢。又见他是湖州声口，问道：“既是杭州娶来，为何说这里的话？”闻人生方把杨家女儿错出了家，从头至尾的事，说了一遍，母亲方才明白。

²¹ Книга одногодков — особый ре-
естр, куда заносились сведения
о всех сдавших экзамены в один
год.

и повидался со своей матерью, но о девушке ничего не сказал. В конце десятой луны ему снова предстояла поездка на экзамены. По пути он заехал к тетке и с удовольствием заметил, что волосы у Цзин-гуань стали совсем длинными, почти по плечо. Она смогла их уже укладывать в прическу, правда, с накладным пучком. Вэнъжэнь предложил ей ехать в столицу. Однако тетка им отсоветовала.

— Цзингуань по своим добродетелям достойна быть тебе законной супругой, а потому неприлично ее возить тайно туда и сюда. Пусть она пока останется у меня и живет как моя приемная дочь, а когда ты вернешься после успешных экзаменов, мы сыграем свадьбу. Вот тогда все будет по правилам!

Предложение было разумно, и юноша с ним согласился. Простившись с возлюбленной, он отправился в столицу. И вскоре, действительно, успешно прошел все испытания, заняв на экзаменах второе место. В Ведомстве Церемоний, как это было заведено в те времена, он записался в Книге одногодков²¹ и тут же подал «прощение об отпуске для устройства свадебных дел» с девицей из семьи Ян. На свое прошение он получил благоприятный ответ, а в придачу деньги для свадьбы. Довольный, он сразу же отправился домой. Мать, узнав, что он собирается жениться, удивилась.

— Ведь ты не был ни с кем обручен! На ком же ты собираешься жениться?

— Ах, матушка, у нашей тети в Ханчжоу я встретился с одной девицей—ее приемной дочкой. Вот за нее я и сватаюсь!

— А почему же я раньше ее не видала?

— Скоро увидите, матушка!

Выбрав благоприятный день, Вэнъэнь нанял лодку, приказал разукрасить ее цветами и лентами, посадил музыкантов и отправился в Ханчжоу. При встрече с теткой он тут же ей доложил, что приехал жениться, на что имеет высокое дозволение властей.

— Ну, что я тебе говорила? Видишь, как складно все получилось! — обрадовалась тетка.

Потом он увиделся с невестой, которая сейчас уже была не в монашеской рясе, а в обычном мирском платье. Влюбленные, взявшись за руки, поведали о большой доброте госпожи Хуан, взявшей ее в приемные дочери. Тетка помогла девушке украсить волосы цветами, проводила до расписного паланкина, который доставил ее на судно, где уже горели цветные свечи. Как говорится в стихах:

За красным пологом
двою влюбленных
повстречались опять.
За парчовым пологом
все повторилось,
словно время
вернулось вспять.

В один прекрасный день они приехали на родину и пришли с поклоном к матери Вэньжэня. Родительница очень понравилась красивая девица, но ее удивил ее хучжоуский выговор.

— Почему она говорит на нашем хучжоуском наречии, если ты ее взял в Ханчжоу? — спросила она сына.

Сыну пришлось рассказать историю своей молодой жены, кото-

次日，闻人生回了静观，竟到杨家来。先拿子婿的帖子与丈母，又一内弟的帖与小舅。杨妈只道是借了，再四不收。女儿只得先自走将进来，叫一声：“娘！”妈妈见是一个凤冠霞帔的女眷，吃那一惊不小。慌忙站起来，一时认不出了。女儿道：“娘休惊讶，女儿即是翠浮庵静观是也。”妈妈听了声音，再看面庞，才认得出。只是有了头发，妆扮异样，若不仔细，也要错过。妈妈道：“有一年多不见你面，又无音耗。后来闻得你同师父到那里下路去了，好不记挂！今年又着人去看，庵中鬼影也无。正自思念你，没个是处，你因何得到此地位？”女儿才把去年搭船相遇，直到此时奉旨完婚，从头至尾说了一遍，喜得个杨妈妈双脚乱跳，口扯开了收不拢来；叫儿子去快请姊夫进来。儿子是学堂中出来的，也尽晓得趋跄，便拱了闻人生进来，一同姊姊站立，拜见了杨妈妈，此时真如睡里梦里。妈妈道：“早知你有这一日，为甚把你送在庵里去？”女儿道：“若不送在庵中，也不能勾有这一日。”当下就接了杨妈妈到闻家过门，同坐喜筵。大吹大擂，更余而散。

此后，闻人生在宦途时有蹉跌，不甚如意。年至五十，方得腰金而归。杨氏女得封恭人，林下偕老。闻人生曾遇着高明的相士，问他宦途不称意之故。相士道：“犯了少年时风月，损了些阴德，故见如此。”闻人生也甚悔翠浮庵少年孟浪之事，常与人说尼庵不可擅居，以此为戒。这不是“偷期得成正果”之话？若非前生分定，如何得这样奇缘？有诗为证：

主婚靡不仗天公，堪叹人生尽颠聾。

若道姻缘人可强，氤氲使者有何功？

~~~~~

рая одно время была монахиней. А на следующий день молодожены направились в дом Ян. Перед тем, как войти в ворота, Вэнъжэнь передал две визитные карточки. Одна была адресована теще, а вторая младшему брату Цзингуаню. Госпожа Ян подумала, что это ошибка, и карточки не приняла. Тогда Цзингуань решила идти сама.

— Матушка! — вскричала она, появившись на пороге.

Увидев знатную даму в нарядном одеянии, испуганная мать спешно встала со своего места. Дочь она сразу и не узнала.

— Матушка, не пугайтесь.. Я ваша дочь, ваша монашка Цзингуань из Обители Плывущей Бирюзы.

Действительно, облик как будто дочерний и выговор тот же, но почему же она с волосами и в таком необычном наряде?

— Дочка, ты ли это?.. Целый год мы с тобой не виделись. Ни писем не было, ни другой какой весточки! Истосковалась я по тебе! Этим годом послала я в скит одного человека, а там, оказывается, ни души. Думала-гадала: куда дочка девалась, а потом случайно узнала, что вы с матерью-игуменьей будто бы в другие края подались... И вдруг здесь очутилась!.. И почему ты такая нарядная?

Дочь рассказала матери всю свою историю. Счастливая мать даже рот раскрыла от удивления. Потом, немного придя в себя, она вела сыну позвать зятя. Сын (а он в это время уже учился и обладал приличными манерами) вышел к Вэнъжэню и, низко поклонившись, проводил его в залу. Тот, встав рядом с женой, поклонился

еще. Госпоже Ян казалось, что ей все еще снится сон.

— Если бы только я знала, что наступит такой день, ни за что бы не отдала дочку в монахини!

— Матушка, если бы ты не отослали меня в скит, может, и не было бы сегодняшнего дня! — промолвила дочь.

Потом все вместе они отправились в дом Вэнъжэня, где уже был накрыт пиршественный стол и гремела музыка.

Надо вам знать, что впоследствии на чиновном пути Вэнъжэня случались и неудачи... Скопив к пятидесяти годам какие-то деньги, он ушел со службы и вернулся домой, где стал жить со своей женой, которая удостоилась звания почтенной дамы. Как-то ему пришло встретиться с гадателем, обладавшим даром предвидения.

— Скажи: почему моя карьера была не слишком удачна? — спросил он у ворожея.

— Потому, что в молодые годы вы увлекались любодеянием, чем нанесли ущерб своим скрытым достоинствам.

Вэнъжэнь посетовал, что в юные годы он вел себя не слишком пристойно в монашеской обители, и потом часто предостерегал других от неосмотрительных действий. Теперь ответствуйте мне: разве любострастие в нашей истории не получило достойного воздаяния? И заметим, что удивительность этого брака, конечно же, объясняется тем, что он был заранее предопределен. Приведем такие стихи в доказательство:

Если ты сомневаешься, что жена
Небом тебе дана —

Ты глух и слеп, и печальная жизнь
на веки тебе суждена.

Если твердишь, что женятся люди
просто, без всяких чудес,

Значит, ты усомнился посмел
в могуществе воли Небес.

拍案惊奇卷三十二

凌濛初 (1580—1644)

乔兑换胡子宣淫
显报施卧师入定

词云：

丈夫只手把吴钩，欲斩万人头。如何铁石，打成心性，却为花柔？君看项籍并刘邦，一怒使人愁。只因撞着虞姬、戚氏，豪杰都休。

这首词是昔贤所作，说着人生世上“色”字最为要紧。随你英雄豪杰，杀

Перевод и комментарии Д. Н. Воскресенского.
Стихи в переводе Л. Е. Черкасского.

ЛИН МЭНЧУ НАКАЗАННЫЙ СЛАСТОЛЮБ¹

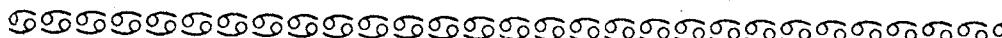
Мы помним о Сян Юе и Лю Бане²
Их клич врагов разил
На поле брани.

Но перед Юй и Ци,
Блиставшими красою,
Теряли мужество великие герои.

Эти стихи принадлежат глубокой древности и написаны мудре-

цом. Любовная страсть во многом определяет течение человеческой жизни — вот смысл и содержание этих стихов...

Все вокруг считают тебя смельчаком, все думают, будто сердце твое незнакомо с жалостью, будто ты способен убить человека не мо-

КОММЕНТАРИИ

¹ «Наказанный сластолюб» («Повесть о том, как Ху Хуань занимался блудом, прикрываясь согласием друга, а монах Ляо Во, погрузившийся в созерцание, говорил о воздаянии за добро») — рассказ тридцать второй из сборника «Чу-кэ пай-ань цзин-ци» («Рассказы совершенно удивительные. Сборник первый»).

² Мы помним о Сян Юе и Лю Бане. — Сян Юй (он же Ба-ван) и Лю Бан (он же император Гао-цзу) — крупные феодалы, выступившие в союзе против династии Цинь (220—206 гг. до н. э.). Оба отличались воинственным нравом и бесстрашием. Впоследствии между бывшими союзниками началась ожесточенная война, в результате которой войска Сян Юя были окружены, и сам он погиб. Лю Бан же стал основателем новой династии Хань.

人不眨眼的铁汉子，见了油头粉面，一个袋血的皮囊，就弄软了三分。假如楚霸王、汉高祖，分争天下，何等英雄！一个临死不忘虞姬，一个酒后不忍戚夫人，仍旧做出许多缠绵景状出来，何况以下之人？风流少年，有情有趣的，牵着个“色”字，怎得不荡了三魂，走了七魄？却是这一件事，事关着阴德极重。那不肯淫人妻女、保全人家节操的人，阴受厚报：有发了高魁的，有享了大禄的，有生了贵子的，往往见于史传，自不消说。至于贪淫纵欲，使心用腹污秽人家女眷，没有一个不减算夺禄，或是妻女见报，阴中再不饶过的。

且如宋淳熙末年间，舒州有个秀才刘卿举，表字唐卿，随着父亲在平江做官。是年正当秋荐，就依随任之便，雇了一只船，往秀州赴试。开了船，唐卿举目向梢头一看，见了那持楫的，吃了一惊。元来是十六七岁一个美貌女子，鬓鬟蝉媚，眉眼含娇，虽只是荆布淡妆，种种绰约之态，殊异寻常女子，当梢而立，俨然如海棠一枝，斜映水面。唐卿观之不足，看之有余，不觉心动。在舟中密密体察光景，晓得是船家之女。称叹道：“从来说‘老蚌出明珠’，果有此事！”欲待调他一二句话，碍着他的父亲同在梢头行船，恐怕识破，故做老成，不敢把眼正觑梢上，却时时偷着他一眼。越看越媚，情不能禁。心生一计，只说舟重行迟，赶路不上，要船家上去帮扯纤。

³ Годы Чунь-си — 1174—1189 гг.

ргнув глазом, но вот ты увидел девицу с нарумяненным лицом и блестящими, напитанными маслом волосами — оболочку из кожи, налитую кровью и набитую костями, — и ты становишься податливым и мягким как воск. Вспомни геройские подвиги чуского Ба-вана и ханьского императора Гао-цзу. Они боролись за власть во всей Поднебесной, и что же — первый из них даже в смертный час всеми помыслами своими был с наложницей Юйци, а второго даже хмель не мог заставить забыть о возлюбленной, госпоже Ци.

А если уж и такие герои дали любовным чарам нераздельную над собой власть, что говорить о простых смертных? Удивительно ли, что легкомысленный юноша с горячими чувствами, опьяненный любовью, забывает все на свете и, как говорится, теряет свою душу. Если человек скромен и целомудрен, он гнушается блудейства, ценит женскую чистоту, и со временем ему воздастся по заслугам. У него появится наследник, он получит высокую ученую степень, разбогатеет, а его потомки станут знатными вельможами. Подобные примеры часто встречаются в различных жизнеописаниях.

И, напротив, если кто растрачивает душу и плоть свою в любовных страстиах и не щадит доброго имени мужних жен, он рано или поздно лишится должности и богатства, или все возмездие падет на его детей, и даже в загробном мире не найдет он покоя. С ним произойдет то же, что случилось с неким сюзаем по имени Лю Яоцзой из округа Шучжоу, который жил на исходе

годов Чунь-си³ в династию Сун. Другое имя этого ученого мужа было Танцин. Жил он с отцом, служившим в Пинчзяне. Наступила пора осенних экзаменов, и Танцин, пользуясь высоким положением отца, нанял лодку и отправился в Сючжоу на экзамены. Когда лодка отчалила, Танцин взглянул на корму и замер от изумления: у кормового весла он увидел очаровательную девушку лет шестнадцати или семнадцати. Вдоль шеи девушки вились тонкие локоны, в глазах таились прелесть и обаяние. Даже простое платье и грубые украшения не могли скрыть изящества ее стана. Стройная, словно ветка мэихуа, она стояла у весла и смотрела на воду. Танцин не мог оторвать от нее взгляда, сердце его затрепетало. Вскоре он сожалением узнал, что девушка — дочь хозяина лодки. «Правильно говорит пословица: ясная жемчужина рождается в безобразной раковине», — вздохнул Танцин. — Так оно и есть». Он очень хотел перемолвиться с красавицей хоть несколькими словами, но ему мешал старик-лодочник, стоявший рядом с дочерью у кормового весла. Боясь, как бы старик не разгневался, Танцин принял вид безразличный и скромный и отвернулся. Но время от времени взоры его снова обращались к красавице. Чем больше он смотрел на нее, тем более привлекательной она ему казалась. Он был уже не в силах сдержать нахлынувшее чувство, и вот что он придумал. Он подошел к старику и велел ему тянуть лодку волоком.

— Лодка тяжела и идет очень медленно, так я могу и опоздать, — сказал он.

元来这只船上老儿为船主，一子一女相帮。是日儿子三官保先在岸上扯纤，唐卿定要强他老儿上去了，止是女儿在那里当梢。唐卿一人在舱中，象意好做光了，未免先寻些闲话试问他。他十句里边也回答着一两句，韵致动人。唐卿趁着他说话，就把眼色丢他，他有时含羞敛避，有时正颜拒却。及至唐卿看了别处，不来兜搭了，却又说句把冷话，背地里忍笑，偷眼斜睄着唐卿。正是明中妆样，暗地撩人，一发叫人当不得，要神魂飞荡了。

唐卿思量要大大撩拨他一撩拨，开了箱子，取出一条白罗帕子来，将一个胡桃系着，绾上一个同心结，抛到女子面前。女子本等看见了，故意假做不知，呆着脸只自当橹。唐卿恐怕女子真个不觉，被人看见，频频把眼送意，把手指着，要他收取。女子只是大刺刺的在那里，竟像个不会意的。看看船家收了纤，将要下船，唐卿一发着急了，指手划脚。见他只是不动，没个是处，倒懊悔无及，恨不得伸出一只长手，仍旧取了过来。

船家下得舱来，唐卿面挣得通红，冷汗直淋，好生置身无地。只见那女儿不慌不忙，轻轻把脚伸去帕子边，将鞋尖勾将过来，遮在裙底下了，慢慢低身倒去，拾在袖中。腆着脸，对着水外只是笑。唐卿被他急坏，却又见他正到利害头上，如此做作，遮掩过了，心里私下感他，越觉得风情着人。自此两下多有意了。

明日复依昨说，赶那船家上去，两人扯纤。唐卿便老着面皮谢女子道：“昨日感卿包容，不然小生面目难施了。”女子笑道：“胆大的人，元来恁地虚怯么？”唐卿道：“卿家如此国色，如此慧巧，宜配佳偶，方为所称。今文鹤彩凤，误堕鸡栖中，岂不可惜？”

Stariku lodochniku pomogali toлько дети—сын и дочь. Он отправил на берег сына Сань Гуаньбао, но Танцин потребовал, чтобы и сам старик впрыгся в канат. В лодке осталась лишь дочь у кормового весла да Танцин в своей каюте. Теперь можно было и поухаживать за красоткой. Танцин приблизился к девушке и, не зная, с чего начать, задал ей несколько вопросов. Девушка отвечала немногословно, но самые звуки ее голоса привели в восхищение молодого повесу. Ободренный тем, что она ответила, Танцин принялся строить девушке глазки. Смущенная, она пыталась положить конец разговору и то стыдливо отворачивалась, то решительным тоном просила Танцина оставить ее в покое. Танцин уже потерял надежду расшевелить красавицу. Но тут она вдруг усмехнулась и искоса взглянула на него. Не зря говорят, что за суворостью таится часто зазывная игра. Эти хитрые уловки привели юношу в замешательство, и душа его затрепетала еще сильнее. Он стал гадать, чем бы привлечь внимание девушки. Наконец его осенило. Он открыл свой сундук и достал белыйшелковый платок. Завернув в него орех и завязав узел «согласие сердец», он кинул платок девушке. Она сделала вид, будто ничего не заметила, и с ледяным выражением на лице продолжала работать веслом. Танцин решил, что она и в самом деле ничего не видела, и усердно мигал красавице, указывая ей глазами и даже рукою на платок и словно говоря: «Подними же его!». Но дочь лодочника невозмутимо стояла на месте, делая вид, будто не понимает его знаков.

А тем временем лодочник свернул канат и приготовился вернуться в лодку. Танцин испугался. Тревожно переминаясь с ноги на ногу, он кивал головой и размахивал руками, но по-прежнему не двигался с места. Молодой повеса хотел уже сам поднять платок, но в этот момент старик с сыном прыгнули в лодку. Щеки юноши залил яркий румянец, он обливался холодным потом, не зная, куда деваться от стыда. И вдруг девушка неторопливо вытянула ножку, подделя острым носком своей туфельки платок, подвинула его к себе и накрыла юбкой. Затем так же спокойно наклонилась и спрятала платок в рукав. С зардевшимся лицом смотрела она на воду и улыбалась. Сердце перепуганного Танцина наполнилось благодарностью к девушке за то, что она выручила его, и страсть запылала еще жарче. В этот день и родилось их взаимное влечение.

На следующий день Танцин снова спроводил старика вместе с сыном на берег — тянуть лодку, а сам подошел к девушке и как ни в чем не бывало сказал:

— Очень вам благодарен за вчерашнее. Без вашей помощи я бы осрамился самым ужасным образом.

— Я-то думала, вы храбрец, а вы, оказывается, совсем робкий,—засмеялась девушка.

Оставив это замечание без ответа, Танцин продолжал:

— Такой красавице и умнице, как вы, надо бы и мужа под пару. Но ослепительный феникс нередко ютится в убогом курятнике.

女子道：“君言差矣！红颜薄命，自古如此，岂独妾一人？此皆分定之事，敢生嗟怨？”唐卿一一发伏其贤达。自此语话投机，一在舱中，一在梢上，相隔不多几尺路，眉来眼去，两情甚浓。却是船家虽在岸上，回转头来就看得船上见的，只好说话往来，做不得一些手脚，干热罢了。

到了秀州，唐卿更不寻店家，就在船上作寓。入试时，唐卿心里放这女子不下，题目到手，一挥而就，出试甚早。急奔至船上，只见船家父子两人，趁着舱里无人，身子闲着，叫女儿看好了船，进城买货物去了。唐卿见女儿独在船中，喜从天降，急急跳下船来，问女子道：“你父亲、兄弟那里去了？”女子道：“进城去了。”唐卿道：“有烦娘子，移船到静处一话何如？”说罢，便去解缆。女子会意，即忙当橹，把船移在一个无人往来的所在。

唐卿便跳在梢上来，搂着女子道：“我方壮年，未曾娶妻，倘蒙不弃，当与子缔百年之好。”女子推逊道：“陋质贫姿，得配君子，固所愿也。但枯藤野蔓，岂敢仰托乔松？君子自是青云之器，他日宁肯复顾微贱？妾不敢承，请自尊重。”唐卿见他说出正经话来，一发怜爱，欲心如火，恐怕强他不得，发起极来，拍着女子背道：“怎么说那较量的话？我两日来，被你牵得我神魂飞越，不能自禁。恨没个机会，得与你相近，一快私情。今日天与其便，只吾两人在此，正好恣意欢乐，遂平生之愿。你却如此坚拒，再没有个想头了。男子汉不得如愿，要那性命何用？你昨者为我隐藏罗帕，感恩非浅。今既无缘，我当一死以报。”说罢，望着河里便跳。

— Вы не правы. Ведь так повелось с незапамятных времен: красивое лицо — несчастливая судьба. Видно, на то есть воля Неба, и я не смею роптать и жаловаться.

Танцин был покорен мудрыми речами своей собеседницы. С этой поры, где бы они ни встретились, в каюте или на корме, они старались быть поближе друг к другу. Они обменивались красноречивыми взглядами, свидетельствовавшими о глубине и силе их чувства. К сожалению, ни на что иное, кроме взглядов и бесед, они не могли отважиться — всему остальному вечною помехою был старик, который, шагая вдоль берега, то и дело оборачивался и проверял, что происходит в лодке. Так пламя это, можно сказать, горело впустую.

Когда они приплыли в Сючжоу, Танцин даже не подумал искать себе места в гостинице, а остался жить в лодке. На экзамены он отправился по-прежнему занятый мыслями о дочери лодочника. Получив тему для сочинения, Танцин написал его наспех и тут же удалился из экзаменационной палаты, чтобы побыстрее вернуться в лодку. Оказалось, что старик с сыном, воспользовавшись его отлучкою, пошли в город за покупками, наказав девушке сторожить лодку. Когда Танцин увидел девушку одну, радость его была неописуема.

— Где твой отец и брат? — спросил он, впрыгнув в лодку.

— В городе.

— Давай найдем уголок потише, мне нужно с тобою поговорить.

С этими словами Танцин стал развязывать канат. Девушка, смекнув, в чем дело, взялась за весло, и скоро лодка оказалась в месте

совсем безлюдном. Танцин приблизился к любимой и обнял ее.

— Я молод и еще не женат, — сказал он. — Если я тебе не противен, будь моей женой!

— Всякой темной и бедной девушке очень хочется соединить свою судьбу с судьбою высокородного мужа. Но я не смею принять вашего предложения, прости меня. Разве способна жалкая, слабосильная лиана или же дикая лоза обвить высокую сосну? Вас ждет блестящее будущее, а когда вы вознесетесь ввысь, разве почтите вы своим вниманием ничтожную дочь лодочника?

Танцин понимал, что девушка права, но страсть горела в его груди, словно костер. Видя, что девушка не уступает, Танцин вспыхнул еще горячее.

— К чему рассудительные речи? — сказал он и погладил девушку по спине. — За эти два дня я совсем потерял голову, и лишь об одном были все мои думы: когда же представится счастливый случай обнять тебя и отдаваться запретному чувству? Сегодня Небо нам благоприятствует — мы одни на лодке. Давай же вкусим радость и исполним желание наших сердец. Но ты столь непреклонна, что я теряю всякую надежду! К чему и жизнь мужчине, если он не в силах овладеть предметом своих желаний! Прежде ты спасла меня, спрятав мой платок, и я до глубины души тебе благодарен. Но сегодня ты отвергаешь меня самого, и мне остается лишь покончить с собой.

Сказав так, он бросился к борту, готовый кинуться в реку.

女子急牵住他衣裾道：“不要慌，且再商量。”唐卿转身来抱住道：“还商量甚么？”抱至舱里来，同就枕席。乐事出于望外，真个如获珍宝。

事毕，女子起身来，自掠了乱发，就与唐卿整了衣，说道：“辱君俯爱，冒耻仰承。虽然一霎之情，又坚金石，他日勿使剩蕊残葩，空随流水。”唐卿道：“承子雅爱，敢负心盟？目今揭晓在即，倘得寸进，必当以礼娶子，贮于金屋。”两人千恩万爱，欢笑了一回。女子道：“恐怕父亲城里出来。”原移船到旧处住了。唐卿假意上岸，等船家归了，方才下船，竟无人知觉此事。谁想：

暗室亏心，神目如电。

唐卿父亲在平江任上，悬望儿子赴试消息。忽一日，晚间得一梦。梦见两个穿黄衣的人，手持一张纸，突然来报道：“天门放榜，郎君已得首荐。”旁边走过一人，急掣了这张纸去道：“刘尧举近日作了欺心事，已压了一科了。”父亲吃一惊，觉来乃是一梦。思量来得古怪，不知儿子做甚么事。想了此言，未必成名了。果然秀州揭晓，唐卿不得与荐。元来场中考官，道是唐卿文卷好，要把他做头名。有一个考官另看中了一卷，要把唐卿做第二。那个

⁴ У Небесных ворот...—Имеются в виду ворота императорского дворца.

— Опомнись! — вскричала девушка, схватив его за полу халата.— Будем благоразумны!

— К чему нам благоразумие? — воскликнул, в свою очередь, Танцин.

Он обнял девушку и повел ее в каюту. Они легли и предались удовольствию, которое превысило все их ожидания. Восторг их был так велик, словно они вдруг сделались обладателями великих драгоценностей. Но когда обычное свершилось, и девушка поднялась, собрала разметавшиеся волосы и оправила одежду на возлюбленном, она сказала:

— Ты заставил меня забыть обо всех приличиях и принять твою любовь. Радость, которую мы испытали, была мимолетна, зато верность наша друг другу пусть будет крепка как камень. Ты должен сделать все, чтобы стремительный поток жизни не унес смятый понапрасну бутон цветка.

— Я никогда ее не нарушу! Приношу тебе клятву верности. Скоро станут известны результаты экзаменов, и, если я добился успеха, я возьму тебя в жены, исполнив все свадебные обряды, и ты поселишься вместе со мною в прекрасных покоях.

И оба ликовали и смеялись.

— Наверное, отец уже возвращается, — сказала наконец девушка.— Надо поставить лодку на место.

Танцин соскочил на берег, а после того, как лодочник вернулся из города, пришел как ни в чем не бывало снова с видом совершенно успокоенным и даже безразличным — и ни один человек не догада-

лся бы о том, что произошло. Но верно гласят стихи:

Не скроет даже тьма
Обличье порока.

Подобно молнии
Божественное око!

Отец Танцина, который по-прежнему служил в Пинцзяне, с нетерпением ждал известий об окончании экзаменов. И вот однажды ночью увидел он сон, будто приходя к нему двое людей в желтом платье. Один из них держит в руках бумагу и говорит так:

— У Небесных ворот⁴ вывесили сообщение об окончании экзаменов. Ваш сын выдержал первым.

Вдруг откуда ни возьмись еще один человек. Он вырвал у говорившего бумагу и сурово промолвил:

— Танцин совершил на днях постыдный поступок. Ему придется сдавать экзамены вновь.

Отец проснулся в страшном испуге и только тогда понял, что это был всего лишь сон. Но удивительное сновидение не шло у него из головы. Старый Лю без конца раздумывал, что такого постыдного мог сделать его сын, а вспоминая окончание сна, ждал нерадостных вестей из Сючжоу. И правда, скоро пришло сообщение о том, что Танцин не выдержал, и вот при каких обстоятельствах. Один экзаменатор признал его сочинение наилучшим.

— Работа Танцина превосходна, — изрек он.

Однако второму экзаменатору больше понравилось другое сочинение, и он отвел Танцину лишь второе место. Такое решение пока-

考官不肯道：“若要做第二，宁可不中。留在下科，不怕不是头名，不可中坏了他。”忍着气，把他黜落了。

唐卿在船等候，只见纷纷嚷乱，各自分头去报喜，唐卿船里静悄悄，鬼也没个走将来，晓得没帐，只是叹气。连那梢上女子，也道是失望了，暗暗泪下。唐卿只得看无人处，把好言安慰他，就用他的船，转了到家。见过父母，父亲把梦里话来问他道：“我梦如此，早知你不得中。只是你曾做了甚欺心事来？”唐卿口里赖道：“并不曾做甚事。”却是老大心惊道：“难道有这样话？似信不信。

及到后边，得知场里这番光景，才晓得本该得荐，却为阴德上损了，迟了功名。心里有些懊悔，却还念那女子不置。到第二科，唐卿果然领了首荐。感念女子旧约，遍令寻访，竟无下落，不知流泛在那里去了。后来唐卿虽得及第，终身以此为恨。

看官，你看刘唐卿只为此一着之错，罚他蹉跎了一科，后边又不得团圆。盖因不是他姻缘，所以阴骘越重了。奉劝世上的人，切不可轻举妄动，淫乱人家妇女。古人说得好：

我不淫人妻女，妻女定不淫人。我若淫人妻女，妻女也要淫

而令听小子说一个淫人妻女，妻女淫人，辗转果报的话。

元朝沔州原上里有个大家子，姓铁，名容，先祖为绣衣御史。娶妻狄氏，姿容美艳，名冠一城。那汉沔风俗，女子好游。贵宅大户，争把美色相夸。一家娶得个美妇，只恐怕别人不知道，倒要各处去卖弄张扬，出外游耍，与人

залось первому экзаменатору совершенно неприемлемым.

— Чем давать этому юноше второе место, лучше внести его в список несдавших. Пусть сдает еще раз на следующий год. Я уверен, что он снова выдержит первым, а так мы только несправедливо его обидим.

И экзаменаторы вычеркнули имя Танцина из списка выдержавших

Юноша ожидал решения экзаменаторов в лодке. Он увидел, как все вокруг засуетились, как все заторопились друг к другу с поздравлениями, и лишь к его суденышку никто не пришел — не только человек, но даже черт. Танцин понял, что дела его плохи, и тяжело вздохнул. Девушка тайком от отца и брата заливалась слезами — ведь все ее надежды потерпели крушение. Танцин старался ее успокоить, когда поблизости никого не было. В той же лодке он отправился домой, и вот настал день, когда он снова вошел в родительский дом. Отец рассказал ему о своем сне.

— Я видел веший сон и уже давно знаю о твоей неудаче. Но скажи мне, не таясь: какой позорный поступок ты совершил?

— Я ни в чем не виноват,— стал оправдываться Танцин, но сам с изумлением подумал: «Неужели действительно отец услыхал во сне такие слова?»

Он долго не знал, верить ли отцу или нет, и только впоследствии, когда ему рассказали об экзаменах во всех подробностях, решил, что всему виною его собственное поведение. Он раскаивался, сожалел о своем легкомыслии, но забыть любимую не мог.

Пришел срок следующих экзаменов, и Танцин занял первое место. Он помнил о клятве, которую дал дочери подочника, и искал девушку повсюду, но она пропала, как в воду канула. Впоследствии Танцин успешно продвигался по службе, однако же никакие успехи не были ему в радость.

Задумайся над этим как следует, читатель! За небольшую пропинность Танцин и на экзаменах был наказан и не смог соединиться со своей любимой. А все оттого, что она не была предназначена ему судьбою. Вот почему мы хотим предостеречь всех от легкомысленных любовных связей, в особенности же от связей с мужними женами. Хорошо сказано в одном древнем стихотворении:

Не греши тайком с чужой женой,
Будет и тебе верна жена.
А предашься блуду в час ночной —
Согрешит с другими и она.

А сейчас послушайте историю о распутном муже и блудливой жене и о том возмездии, которое оба понесли.

В Юаньскую династию жил в городке Юаньшанли округа Мянъчжоу, богатый человек по имени Те Жун; один из его предков занимал когда-то должность судьи. Те Жун взял в жены женщину из семьи Ди, первую красавицу в городе. По обычаям тех мест, женщины могли свободно гулять по улицам, и богатые, знатные горожане хвастались друг перед другом красотою своих жен.

Если кто женился на красивой женщине, то, желая, чтобы об этом узнали все без исключения, он старался повсюду бывать вместе

看见。每每花朝月夕，士女喧阗，稠人广众，挨肩擦背，目挑心招，恬然不以为意。临晚归家，途间一一品题：某家第一，某家第二。说着好的，喧哗谑浪，彼此称美，也不管他丈夫听得不听得。就是丈夫听得了，也道是别人赞美，心中暗自得意。便有两句取笑了他，总是不在心上的。到了至元、至正年间，此风益甚。

铁生既娶了美妻，巴不得领了他各处去摇摆。每到之处，见了的无不啧啧称赏。那与铁生相识的，调笑他，夸美他，自不必说；只是那些不曾识面的，一见了狄氏，问知是铁生妻子，便来探相知，把言语来撩拨，酒食来撺哄，道他是有缘之人，有福之人，大家来奉承他。所以铁生出门，不消带得本钱，在身边，自有这一班人扳他去吃酒吃肉，常得醉饱而归。满城内外人没一个不认得他，没一个不怀一点不良之心，打点勾搭他妻子。只是铁生是个大戶人家，又且做人有些性气刚狠，没个因由，不敢轻惹得他，只好干咽唾沫，眼里口里讨些便宜罢了。

古人两句说得好：

漫藏海盗，冶容海淫。

狄氏如此美艳，当此风俗，怎容得他清清白白过世？自然生出事体来。又道是“无巧不成话”，其时同里有个人，姓胡，名缓。有妻门氏，也生得十分娇丽，虽比狄氏略差些儿，也算得是上等姿色。若没有狄氏在面前，无人再赛得过了。这个胡缓，亦是个风月浪荡的人，虽有了这样好美色，还道是让狄氏这一分，好生心里不甘伏。谁知铁生见了门氏，也羡慕他，思量一网打尽，两美俱备，方称心愿。因而两人各有欺心，彼此交厚，

⁵ Годы Чжи-чжэн.—1341—1367 гг.

с нею и при всяком удобном случае рассказывал о ее прелестях. Поэтому ясными утрами и лунными вечерами во многих местах можно было встретить оживленно беседующих мужчин, которые пристально и жадно разглядывали красавиц и даже лезли друг другу на плечи, забывши обо всех приличиях. Ночью, возвращаясь по домам, они заводили споры о том, какая из красоток на первом месте, а какая ей уступает. Когда женщина вызывала особенное восхищение, звучал громкий и дружный хор похвал, и никого не заботило, не достигают ли эти неумеренные похвалы ушей мужа. Впрочем, муж испытывал лишь радость оттого, что чужие люди расхваливают его жену. Если ж кто-нибудь отпускал слишком вольную шутку, он не придавал этому большого значения. Особенно распространились такие распутные нравы в годы Чжи-чжэн⁵.

Те Жун, как и все, тоже повсюду хвастался своей красивой женой. Где бы она ни появлялась, он слышал возгласы восхищения. Близкие друзья Те Жуна, расхваливая его жену, делали всякие нескромные замечания, а малознакомые люди, узнавая, что красавица Ди — супруга Те Жуна, навязывались ему в друзья.

— Счастливец! Вам так повезло! — восклицали все в один голос, угожая Те Жуну вином и вообще всячески стараясь ему угодить.

Когда Те Жун выходил из дома, ему не нужно было брать с собою деньги: всегда находились приятели, готовые его угостить, и он постоянно возвращался домой навеселе. Все в городе знали его,

и многие тайли коварные замыслы, мечтая вскружить голову его супруге. Но Те Жун был очень богат и к тому же нравом отличался весьма решительным, так что задевать его боялись. Тем, кто с вожделением поглядывал на госпожу Ди, приходилось, как говорится, лишь глотать слюнки да ласкать красавицу взорами.

С давних времен известно, что:

Все, что плохо лежит,
Вор стремится украсть.
Нежный лик вызывает
В распутнике страсть.

Нужно ли говорить, что прожить жизнь без всяких приключений при таких обстоятельствах было невозможно? Настал черед и госпожи Ди. Есть старинная поговорка: всему начало — случай. Так и тут: случай положил начало удивительной истории.

Жил в том же городке некий Ху Хуань. Его жена, Мэнь, была очень привлекательна, и хотя несколько уступала жене Те Жуна, но все же, как и госпожа Ди, могла считаться замечательной красавицей. Если бы не Ди, вряд ли кто-нибудь мог бы с нею сравниться.

Надо вам знать, что Ху Хуань был по натуре ветренник и блудник. Обладая женою-красавицей, он постоянно испытывал зависть к Те Жуну. И вот случилось так, что Те Жун, увидев Мэнь, воспыпал к ней страстью и уже не думал ни о чем ином, кроме того, как завлечь ее в свои сети. Его величайшей мечтою стало обладать двумя красавицами сразу. Оба мужа, надеясь обмануть один другого, завязали тесное знакомство и принялись обхажи-

共相结纳。意思便把妻子大家兑用一用，也是情愿的。铁生性直，胡生性狡。铁生在胡生面前，时常露出要勾上他妻子的意思来；胡生将计就计，把说话曲意倒在铁生怀里，再无推拒。铁生道是胡生好说话，毕竟可以图谋，不知胡生正要乘此机会，营勾狄氏，却不说一些破绽出来。

铁生对狄氏道：“外人都道你是第一美色，据我所见，胡生之妻也不下于你。怎生得设个法儿，到一到手。人生一世，两美俱为我得，死也甘心。”狄氏道：“你与胡生恁地相好，把话实对他说不得？”铁生道：“我也曾微露其意，他也不以为怪，却是怎好直话得出？必是你替我做个捧头，才弄得成。只怕你要吃醋拈酸。”狄氏道：“我从来没有妒心的，可以帮衬处，无不帮衬。却有一件：女人的买卖，各自门，各自户，如何能到惹得他？除非你与胡生内外通家，出妻见子，彼此无忌，时常引得他到我家里来，方好觑个机会，弄你上手。”铁生道：“贤妻之言，甚是有理。”

从此，愈加结识胡生，时时引他到家里吃酒，连他妻子请将过来，叫狄氏陪着。外边广接名姬狎客，调笑戏谑，一来要奉承胡生喜欢，二来要引动门氏情性。但是宴乐时节，狄氏引了门氏在里面帘内窥看。看见外边淫昵亵狎之事，无所不为，随你石人，也要动火。两生心里各怀着一点不良之心，多各卖弄波俏，打点打动女佳人。谁知里边看的女人，先动火了一个。你道是谁？元来门氏虽然同在那里窥看，到底是做客人的，带些拘束，不像狄氏自家屋里，恣性瞧看，惹起春心。那胡生比铁生，不但容貌胜他，只是风流身

живать друг друга. Обоих заботила одна мысль: как бы завладеть женой приятеля. Те Жун, как мы уже говорили, отличался характером прямым и решительным и не раз давал понять своему новому другу, что не прочь поближе познакомиться с его женой. Хитрый Ху Хуань никогда не отвечал отказом и, питая недобрые мысли, говорил хитрые речи.

«С ним не так уж трудно словориться, в конце концов я добьюсь своего», — думал богач Те.

Но он и не подозревал, что Ху Хуань только ищет случая, чтобы завладеть его женой, госпожою Ди, однако же ведет дело хитро, не вызывая ни у кого подозрений.

Однажды Те Жун сказал своей жене:

— Все говорят, что ты первая красавица в городе, но, по-моему, супруга Ху Хуаня ничуть тебе не уступает. Как бы устроить так, чтобы она тоже стала моей? Обладать сразу двумя красавицами было бы для меня величайшим счастьем в жизни.

— Скажи об этом Ху Хуаню — вы же с ним приятели, — предложила госпожа Ди.

— Я уже намекал ему, и он никак не обиделся. Но говорить об этом напрямик как-то неловко. Нет, если ты мне не поможешь, ничего не выйдет. Боюсь только, ты станешь ревновать.

— Я совсем не ревнива, — возразила госпожа Ди. — Если я в силах помочь, я непременно помогу. Но дело это тонкое, деликатное, ведь тебе нужно согласие и одобрение мужа. Вот как мы поступим. Ты подружишься с Ху еще крепче, так чтобы мы, женщины, могли

встречаться, когда вздумаем. А тебе надо почаше приглашать ее к нам, в конце концов поможет случай, и эта Мэнь окажется в твоих руках.

— О, моя мудрая супруга, сколь справедливы твои речи! — воскликнул Те Жун.

С этих пор он из кожи вон лез, чтобы сойтись с Ху Хуанем поближе. Он то и дело приводил его к себе и всякий раз поил вином, а когда вместе с мужем появлялась госпожа Мэнь, Те Жун вызывал к столу свою жену. В этих случаях он приглашал певичек и всяких бездельников, известных своим беспутством и шутовством. Те Жун старался любыми способами у служить приятелю и в то же время разжечь похоть в сердце его супруги. За пирам жена Те Жуна подводила госпожу Мэнь к щелке, и они тайком наблюдали непристойные сцены, которые разыгрывались в комнате мужчин. Эти сцены могли распалить даже камень!

Коварные замыслы лелеяли оба мужа! Оба забавлялись с певичками лишь для того, чтобы вызвать страсть у чужой жены. И в конце концов одна из них вспыхнула, и как бы вы думали, которая? Хозяйка, госпожа Ди! Ее приятельница, жена Ху Хуаня, была как-никак гостьей и потому чувствовала себя стесненнее. А госпожа Ди была у себя и смотрела на все без малейшего стеснения, напротив — с любопытством. Вот почему она первую испытала любовное чувство.

Если же сравнить Те Жуна и Ху Хуаня, то гость намного превосходил хозяина и красотою лица, и свободою обращения, и мягким

分，温柔性格，在行房事，远过铁生。狄氏反看上了，时时在帘内露面调情，越加用意支使酒肴，毫无倦色。铁生道是有妻内助，心里快活，那里晓得就中之意？

铁生酒后对胡生道：“你我各得美妻，又且两人相好至极，可谓难得。”胡生谦逊道：“拙妻陋质，怎能比得尊嫂生得十全？”铁生道：“据小弟看来，不相上下的了。只是一件：你我各守着自己的，亦无别味。我们做个痴兴不着，彼此更换一用，交收其美，心下何如？”此一句话，正中胡生深机，假意答道：“拙妻陋质，虽蒙奖赏，小弟自揣，怎敢有犯尊嫂？这个于理不当。”铁生笑道：“我们醉后滤浪至此，可谓忘形之极。”彼此大笑而散。

铁生进来，带辞看了狄氏，对他下频道：“我意欲把你与胡家的兑用一兑用，何如？”狄氏假意骂道：“痴鸟龟！你是好人家儿女，要偷别人的老婆，倒舍着自己妻子身体！亏你不羞，说得出来！”铁生道：“总是通家相好的，彼此便宜何妨？”狄氏道：“我在里头帮衬你凑趣使得，要我做此事，我却不肯。”铁生道：“我也是取笑的说话，难道我真个舍得你不成？我只是要勾着他罢了。”狄氏道：“此事性急不得。你只要撺哄得胡生快活，他未必不像你一般见识，舍得妻子也不见得。”铁生接着狄氏道：“我那贤惠的娘，说得有理。”一同狄氏进房睡了，不题。

却说狄氏虽有了胡生的心，只为铁生性子不好，想道：“他因一时间思量勾搭门氏，高兴中有此痴话。万一做下了事，被他知道了，后边有些嫌忌起来，碍手碍脚，到底不妙。何如只是用些计较，瞒着他做，安安稳稳快乐不

изяществом движений, и опытом в любовных делах. Он чрезвычайно нравился красавице Ди. Она все время выглядывала из-за занавески и то заговаривала с гостем, то лукаво ему подмигивала, поддерживая в нем желание продолжать игру.

— Как хорошо, что жена мне помогает,—думал Те Жун, не догадываясь, что ловушку расставили ему.

Однажды после пира Те Жун сказал своему гостю:

— Мы с тобой близкие друзья, и у нас у обоих красавицы жены. Это бывает редко.

— Моя жена груба и невежественна. Может ли она равняться с таким совершенством, как твоя супруга? — скромно ответил Ху.

— Еще неизвестно, кто из них лучше, а кто хуже,—продолжал Те.—Ведь каждый из нас прилип к собственной жене и не знает чужую. Вот если бы нам поменяться женами! Мы оба насладились бы прелестями двух красавиц! Что ты на это скажешь?

В глубине души Ху Хуань и сам подумывал о таком обмене.

— О, какая честь для моей грубой, невежественной жены! — воскликнул он.—Но я не осмелился бы посягнуть на твою достопочтенную супругу — это было бы преступлением!

Те Жун расхохотался:

— Наши пьяные шутки зашли слишком далеко. Мы забыли о приличиях!

Они посмеялись, и гость ушел, а Те Жун, прикинувшись пьяным, направился к жене.

— Я решил обменять тебя на

супругу Ху Хуаня! — сказал он, взяв жену за подбородок.

Ди прикинулась возмущенной.

— Бесстыдник! Ты ведь хорошего рода! Неужели ты способен пожертвовать собственной женой ради того, чтобы завладеть чужой! Как только у тебя язык повернулся!

— Мы с ним друзья. Что дурного, если мы порадуем друг друга?

— Я помогала тебе в твоих затеях, а теперь ты толкаешь меня на бесчестие! Нет, я не согласна!

— Что ты, что ты, я пошутил! — стал оправдываться муж. — Разве я соглашусь кому-нибудь тебя отдать! Я только хочу получить эту женщину.

— В таком деле нельзя спешить, — рассудительно заметила госпожа Ди. — Сперва ты должен опутать Ху Хуаня, доставляя ему всевозможные удовольствия. Может быть, он думает не так, как ты, и не согласится уступить жену.

— О, моя мудрая супруга! — воскликнул Те Жун, обнимая жену. — Сколько справедливы твои речи!

Они пошли во внутренние комнаты и легли спать, но это к нашему рассказу прямого отношения не имеет.

Хотя Ху Хуань очень нравился красавице Ди, она решила действовать с большой осторожностью, потому что боялась дурного нрава мужа. «Всю эту чушь он наплел спящую, размечтавшись о госпоже Мэнь», — думала она. — Но если я допущу малейший промах, у него тут же возникнут подозрения, и тогда я буду связана по рукам и ногам. Нет, так не годится! Надо его обмануть и вкушать радость любви

得?”心中算计已定了。

一日，胡生又到铁生家饮酒，此日只他两人，并无外客。狄氏在帘内往来，示意胡生。胡生心照了，留量不十分吃酒，却把大瓶劝铁生。哄他道：“小弟一向蒙兄长之爱，过于骨肉。兄长俯念拙妻，拙妻也仰慕兄长，小弟乘间下说词说他，已有几分肯了。只要兄长看顾小弟，不消说，先要兄长做百来个妓者东道请了我，方与兄长图成此事。”铁生道：“得兄长肯赐周全，一千个东道也做。”铁生见说得快活，放开了量，大碗价吃。胡生只把肉麻话哄他吃酒，不多时烂醉了。胡生只做扶他的名头，抱着铁生进帘内来。

狄氏正在帘边，他一向不避忌的，就来接手搀扶，铁生已自一些不知。胡生把嘴唇向狄氏脸上做要亲的模样，狄氏就把脚尖儿勾他的脚，声唤使婢艳雪、卿云两人来扶了家主进去，刚剩得胡生、狄氏在帘内。胡生便抱住不放，狄氏也转身来回抱，胡生就求欢道：“渴极了！今日得谐天上之乐，三生之缘也。”狄氏道：“妾久有意，不必多言。”褪下裤来，就在堂中椅上坐了，跷起双脚，任胡生云雨起来。可笑铁生心贪胡妻，反被胡生先淫了妻子。正是：

舍却家常慕友妻，谁知背地已偷期。
卖了馄饨买面吃，恁样心肠痴不痴？

胡生风流在行，放出手段，尽意舞弄，狄氏欢喜无尽，叮嘱胡生不可泄漏。胡生道：“多谢尊嫂不弃小生，赐与欢会。却是尊兄许我多时，

В ПОЛНОМ СПОКОЙСТВИИ И БЕЗОПАСНОСТИ».

Однажды Ху Хуань пришел к Те Жуну выпить вина. Других гостей в этот день не было, и они сидели вдвоем. Красавица хозяйка то и дело появлялась из-за занавески, бросая на гостя красноречивые взгляды. Ху Хуань понял ее безмолвные намеки. Сам он решил пить поменьше, но зато без конца подливал из большой бутыли своему приятелю. С уст Ху Хуаня текли лживые речи.

— Ты давно уже относишься ко мне лучше, чем к родному брату! О, старший брат, ты снизошел до моей глупой жены, и она тоже к тебе неравнодушна. Я выбрал удобный случай и рассказал ей о нашем разговоре, и она почти согласилась. Но прежде ты должен оказать мне небольшую услугу. Своди меня к певичкам. А после мы обо всем договоримся.

— Уважаемый брат, если ты согласен на такой щедрый дар, я готов водить тебя к певичкам хоть тысячу раз! — воскликнул обрадованный Те.

На радостях он потерял чувство меры и принял хлестать вино громадными чарами, а коварный гость все подливал ему и подливал, и очень скоро хозяин напился до беспамятства. Ху Хуань, делая вид, будто заботится о друге, обхватил его за пояс и повел в соседнюю комнату, отгороженную бамбуковой занавеской. В комнате была красавица Ди. Она и раньше никогда не уклонялась от встречи с гостем и сейчас приблизилась к нему без всякого стеснения, словно бы затем, чтобы помочь ему вести бесчувственного Те Жуна. Ху Хуань вы-

тянул губы трубочкой, давая понять госпоже Ди, что хочет ее поцеловать, а женщина как будто невзначай прикоснулась своей остроносой туфелькой к его ноге. Затем хозяйка кликнула служанок Янь Сюэ и Цин Юнь и велела им отвести мужа в спальню. Когда влюбленные остались одни, Ху крепко ее обнял.

— Как долго жажду я вашей любви! Сегодня счастливый день настал! Это воля судьбы! — воскликнул он.

— Я тоже давно жду этой встречи, не будем же терять времени понапрасну.

Жалкий, Те Жун! Ты стремился завладеть чужой женой, но сам попался в капкан, который поставил другому! Поистине верно гласят стихи:

Герой к чужой жене
Испытывал влеченье,

С его соперником
Сошлась его жена;

Хотел купить муку —
И продавал печенье.

Затея праздная —
О, как она смешна!

Ху Хуань был великим искусствником в любовных делах, а тут постарался обнаружить и все свое усердие, и весь опыт, и красавица Ди была наверху блаженства.

— Смотри только, чтоб никто ничего не узнал, — предупредила она Ху Хуаня.

— Я бесконечно благодарен госпоже за то, что она не отвергла презренного и подарила ему эти радостные мгновения. Что же касается брата Те, то он много раз сам

就知道了

也不妨碍。”狄氏道：“拙夫因贪贤阃，故有此话。虽是好色心重，却是性刚心直，不可惹他。只好用计嫌他，私图快活，方为长便。”胡生道：“如何用计？”狄氏道：“他是个酒色行中人，你访得有甚名妓，牵他去吃酒嫖宿，等他不归来，我与你就好通宵取乐了。”胡生道：“这见识极有理。他方才欲营勾找妻来，许我妓馆中一百个东道。我就借此机会，撺唆一两个好妓者绊住了他，不怕他不留恋。只是怎得许多缠头之费供给他？”狄氏道：“这个多在我身上。”胡生道：“若得尊嫂如此留心，小生拚尽着性命，陪尊嫂取乐。”两个计议定了，各自散去。

元来胡家贫，铁家富，所以铁生把酒食结识胡生，胡生一面奉承，怎知反着其手？铁生家道虽富，因为花酒面上费得多，把膏腴的产业逐渐费掉了。又遇狄氏搭上了胡生，终日撺掇他去出外取乐，狄氏自与胡生治酒欢会，珍馐各具，日费不赀。狄氏喜欢过甚，毫不吝惜，只乘着铁生急迫，就与胡生内外撺哄他，把产业贱卖了。狄氏又把价钱藏起些，私下奉养胡生。胡生访得有名妓，就引着铁生去入马，置酒留连，日夜不归。狄氏又将平日所藏之物，时时寄些与丈夫，为酒食犒赏之助。只要他不归来，便与胡生畅情作乐。

铁生道是妻贤不妒，越加放恣，自谓得意。有两日归来，狄氏见了，千欢万喜，毫无嗔妒之意。铁生感激不胜，梦里也道妻子是个好人。

有一日，正安排了酒果，要与胡生享用，恰遇铁生归来，见了说道：“为何置酒？”

предлагал мне сблизиться с вами. Если он что и узнает — не беда.

— Он говорил так только потому, что хочет сойтись с твоей супругой. При всей своей слабости к женщинам, он человек решительный и прямой — лучше его не задевать. Будем водить его за нос и пользоваться нашим счастьем втайне.

— Как же это сделать?

— А вот как. Он большой любитель вина и женщин. Сведи его с какой-нибудь знаменитой певицкой — пусть пьет вино и распутничает, а мы тем временем сможем проводить в радости целые ночи.

— Прекрасно придумано! — воскликнул Ху. — Он как раз обещался сводить меня в веселое заведение — все для того, чтобы получить мою жену. Теперь я этим воспользуюсь и подговорю певицек или даже двух, чтобы они заманили его в сети и держали при себе как можно дольше. Но на певицек потребуется много денег.

— Это я беру на себя, — ответила госпожа Ди.

— О, госпожа, вы так добры ко мне! Ради того, чтобы доставить вам радость, я не пошажу даже собственной жизни!

Порешив на этом, они простились, и гость удалился.

Надо вам знать, что Ху Хуань жил в бедности, и богатый Те Жун старался привязать его к себе, устраивая пирушки с обильными возлияниями и угощениями. Ху Хуань лебезил перед богатым другом, и никто не мог бы предположить, что он обвел богача вокруг пальца.

Те Жун владел большим состоянием, но вино и женщины требовали немалых расходов, и богатст-

ва его начали постепенно таять. А тут еще госпожа Ди, которая спуталась с Ху, советовала мужу искать любовных утех на стороне, а тем временем устраивала свидания с возлюбленным, потчуж его изысканными яствами и соря деньгами без счета. В радости своей она совсем забыла о бережливости, и когда Те Жун стал испытывать денежные затруднения, она вместе с Ху Хуанем уговорила мужа продать землю первому подвернувшемуся покупщику. Те Жун продал, а жена тут же припрятала часть вырученных денег, чтобы и впредь угощать своему возлюбленному. Ху Хуань свел Те Жуна с певицами, и тот беспробудно пьянствовал и сутками не возвращался домой, а госпожа Ди время от времени посыпала ему немного денег — из тех, что она припрятала, — чтобы он мог заплатить за вино, расплатиться с певицами. Лишь бы он подольше не приходил домой, и она оставалась наедине с Ху Хуанем!

— Моя мудрая жена совсем не ревнива, — говорил Те Жун и, очень этим довольный, поглязял в распутстве все глубже.

Однажды он вернулся раньше, чем его ждали. Жена встретила его радостная и веселая, без тени недовольства. Те Жун был очень расстроган. «Какой прекрасный человек моя уважаемая супруга», — думал он, и эта мысль посещала его даже во сне.

Как-то красавица Ди приготовила вино и фрукты, готовясь принять возлюбленного, и вдруг появился муж.

— По какому случаю угощение? — удивился он.

狄氏道：“晓得你今日归来，恐怕寂寞，故设此等待，已着人去邀胡生来陪你了。”铁生道：“知我心者，我妻也。”须臾胡生果来，铁生又与尽欢，商量的只是街衙门中说话，有时醉了，又挑着门氏的话，胡生道：“你如今有此等名姬相交，何必还顾虑糟糠之质？果然不嫌丑陋，到底设法上你手罢了。”铁生感谢不尽。却是口里虽如此说，终日被胡生哄到妓家，醉梦不醒，弄得他眼花缭乱，也那有闲日子去与门氏做绰趣工夫？

胡生与狄氏却打得火一般热，一夜也间的。碍着铁生在家，须不方便。胡生又有一个吃酒易醉的方，私下传授了狄氏，做下了酒。不上十来杯，便大醉软摊，只思睡去。自有了此方，铁生就是在家，或与狄氏，或与胡生，吃不多几杯，已自颓然在旁。胡生就出来，与狄氏换了酒，终夕笑语淫戏，铁生竟是不觉得。有番把归来时，撞着胡生、狄氏正在欢饮，胡生虽悄悄地避过，杯盘狼籍，收拾不迭，铁生问起，狄氏只说“某亲眷到来，留着吃饭，怕你来强酒，吃不过，逃去了”，铁生便就不问。只因前日狄氏说了不肯交兑的话，信以为实，道是个心性贞洁的人。那胡生又狎昵奉承，惟恐不及，终日陪嫖妓、陪吃酒的，一发那里疑心着？况且两个有心人算一个无心人，使婢又做了脚，便有些小形迹，也都遮饰过了。到底外认胡生为良朋，内认狄氏为贤妻，迷而不悟。街坊上人知道此事的，渐渐多了，编着一只《金(音可)调山坡羊》来嘲他道：

那风月场，那一个不爱？只是自有了娇妻，也落得个自在，又

— Я знала, что сегодня ты приишь домой. Чтобы ты не скучал, я приготовила угощенье и пригласила Ху Хуаня.

— Ты словно читаешь у меня в мыслях! — воскликнул Те Жун.

Вскоре и в самом деле пришел Ху Хуань, и друзья повели веселую беседу о певичках. Опьянев, Те Жун снова заговорил о красавице Мэнь.

— Ты же познакомился со знаменитой певичкой! — сказал ему Ху Хуань. — К чему тебе такая грубая и неотесанная женщина, как моя жена! Но если ее убожество тебе не противно, я что-нибудь придумаю: она будет твою.

Те Жун рассыпался в благодарностях, а Ху Хуань, ограничившись обещанием, по-прежнему таскал приятеля по веселым домам, и тот в пьяном дурмане забывал и госпожу Мэнь, и вообще все на свете. Между тем друг его и жена пылали жарким огнем и старались все не пропустить ни единой ночи. Единственную помехою могло оказаться присутствие мужа. Но и тут Ху Хуань нашел выход. Он знал способ, как быстро усыпить человека, и передал этот секрет госпоже Ди, которая стала сама готовить сонное зелье. Когда Те Жун оставался дома, он выпивал с женою или другом несколько чарок вина, а к вину был подмешан сонный напиток, и его тут же начинала одолевать дремота, он быстро хмелел и в бессилии валился на бок. Тогда на столе появлялось хорошее вино, и Ху Хуань с госпожою Ди проводили вечер в веселой беседе или в любовных утехах, а муж ни о чем не догадывался.

Иногда Те Жун возвращался, когда пирушка была в самом разгаре. Ху Хуань моментально исчезал, но на столе оставалась посуда, которую не успевала прибрать госпожа Ди. На расспросы мужа она неизменно отвечала так:

— Да вот приходил твой родственник, — и она называла имя, — и я оставила его пообедать. А потом он ушел, боясь, как бы ты не напоил его допьяна. Вот видишь, он даже есть не кончил.

Те Жуна такой ответ вполне удовлетворял. Помня, как возмутилась госпожа Ди, когда он открыл свой замысел насчет обмена женами, Те Жун ни в чем ее не подозревал.

— Чистая, добродетельная женщина, — говорил он себе.

Не сомневался он и в своем друге. Тот по-прежнему угождал Те Жуну и всячески перед ним заискивал. Целыми днями они вместе веселились у певичек и пили вино. Впрочем, трудно ли двум хитрецам одурачить одного простака? Им удалось замести следы даже тогда, когда из-за нескромности служанок по городу поползли кое-какие слухи. Те Жун находился в полном неведении. Он по-прежнему считал Ху Хуаня лучшим другом, а свою жену мудрой и добродетельной. Соседи, однако ж, мало-помалу сообразили, что и как, и, потешаясь над богачом, сложили насмешливую песенку:

Госещает он
Веселые дома,
От певичек
Греховодник без ума.
А красавицу жену
Оставляет он одну.

何须终日去乱走胡行，反把个贴肉的人儿送别人还债！你要把别家的一手擎来，谁知在家的把你双手托开。果然是余的倒先余了，你曾见他那门儿安在？割猫儿尾拌着猫饭来，也落得与人用了些不疼的家财。乖乖，这样贪花，只算得折本消灾。乖乖，这场交易，不做得公道生涯。

却说铁生终日耽于酒色，如醉如梦过了日子，不觉身子淘出病来，起床不得，眠卧在家。胡生自觉有些不便，不敢往来。狄氏通知他道：“丈夫是不起床的，亦且使婢们做眼的多，只管放心来走，自不妨事。”胡生得了这个消息，竟自别无顾忌，出入自擅。惯了脚步，不觉忘怀了，错在床面前走过。铁生忽然看见了，怪问起来道：“胡生如何在里头走出来？”狄氏与两个使婢同声道：“自不曾见人走过，那里甚么胡生？”铁生道：“适才所见，分明是胡生，你们又说没甚人走过，难道病眼模糊，见了鬼了？”狄氏道：“非是见鬼，你心里终日想其妻子，想得极了，故精神恍惚，开眼见他，是个眼花。”

次日，胡生知道了这话，说道：“虽然一时扯谎哄了他，他后边病好了，必然静想得着，岂不疑心？他既认是鬼，我有道理，真个把个鬼来与他看看。等他信实是眼花了，以免日后之疑。”狄氏笑道：“又来调唆，那里得有个鬼？”胡生道：“我今夜乘暗躲在你家后房，落得与你欢乐。明日我妆做一个鬼走了出去，却不是一举两得？”果然是夜狄氏安顿胡生在别房，却叫两个使婢在床前相伴家主，自推不耐烦伏侍，图在别床安寝。撇了铁生，径与胡生睡了。

Обменять ее готов
В тот же день

На другую,
На прельстительную Мэнь.

Одураченный,
Еще не знает он,

Что обмен
Наполовину совершен!

Поживиться он хотел в чужом дому,
Тем же самым отвечали и ему.

Aх, ловкач! Ну и хват!
Сам, безумец, виноват!

Пожелал сорвать цветок.
А каков всему итог?

Сам себе он удружили.
Торг друзей нечестным был.

Те Жун по-прежнему проводил целые дни в пьянстве и блуде, а потому в скором времени занемог. Все чаще оставался он дома, а там и с постели подняться был уже не в силах. Ху Хуань решил, что встречаться с возлюбленной в доме мужа более невозможно, но красавица Ди уведомила его, что болезнь Те Жуна не помеха для их свиданий.

Муж не встает с постели, к тому же и служанки в случае чего всегда нас предупредят. Можешь приходить спокойно, нам никто не угрожает.

Получив такое известие, Ху откинул все свои сомнения и страхи. Он снова стал ходить в дом друга и настолько к этому привык, что забыл о всякой осторожности. Както раз, в задумчивости, он прошел мимо самой постели больного, и Те Жун его заметил.

— Почему это Ху Хуань остался у нас во внутренних комнатах?

Я видел, как он только что оттуда вышел,—спросил жену удивленный Те Жун.

— Ху Хуань? Ты ошибаешься! Здесь никого не было!—воскликнула жена, и служанки в один голос ей поддакнули.

— Я видел собственными глазами—это был Ху, а вы толкуете, будто здесь никто не проходил! Нетужели от болезни у меня и в глазах помутилось? А может быть, я увидел обратную?

— Никакой это не обратень!—возразила жена.—Просто ты целыми днями думаешь о госпоже Мэнь, вот тебе и показалось, что перед тобою ее муж, Ху Хуань.

Назавтра она рассказала о случившемся Ху Хуаню.

— На этот раз ты его провела,—промолвил Ху.—Но когда он поправится и поразмыслит обо всем на досуге, у него непременно родятся тяжелые подозрения. Вот если бы он убедился, что видел обратную, тогда все было бы иначе. Надо и в самом деле показать ему обратную. Только так мы сможем очиститься от подозрения.

— Легко сказать!—засмеялась госпожа Ди.—Где же нам взять обратную?

— Нынче вечером я спрячусь у вас в дальней комнате, и мы проведем ночь в удовольствиях и радости, а завтра поутру выйду передовой обратной.

На том и порешили. Вечером госпожа Ди впустила возлюбленного в дальнюю комнату дома. Служанкам она велела не отходить от постели больного хозяина, а сама, сославшись на усталость, сказала, что хочет отдохнуть. Оставив мужа, она направилась к Ху Хуаню и про-

一晚。

明日，打听得铁生睡起朦胧，胡生把些旋涂了面孔，将鬓发染红了，用绵裹了两只脚，要走得无声，故意在铁生面前直冲而出。铁生病虚的人，一见大惊，喊道：“有鬼！有鬼！”忙把被遮了头，只是颤。狄氏急忙来问道：“为何大惊小怪？”铁生哭道：“我说昨日是鬼，今日果然见鬼了。此病凶多吉少，急请个师巫，替我禳解则个。”

自此一惊，病势渐重。狄氏也有些过意不去，只得去访求法师。其时，离原上百里，有一个了卧禅师，号虚谷，戒行为诸山首冠。铁生以礼请至，建忏悔法坛，以祈佛力保祐。

是日，卧师入定，过时不起，至黄昏始醒。问铁生道：“你上代有个绣衣公么？”铁生道：“就是吾家公公。”卧师又问道：“你朋友中有个胡生么？”铁生道：“是吾好友。”狄氏见说着胡生，有些心病，也来侧耳听着。卧师道：“适间所见甚奇。”铁生道：“有何奇处？”卧师道：“贫僧初行，见本宅土地，恰遇宅上先祖绣衣公在那里诉冤，道其孙为胡生所害。土地辞是职卑，理不得这事，教绣衣公道：‘今日南北二斗会降玉笥峰下，可往诉之，必当得理。’绣衣公邀贫僧同往。到得那里，果然见两个老人，一个着绯，一个着绿，对坐下棋。绣衣公叩头仰诉，老人不应，绣衣公诉之不止。棋罢，方开言道：‘福善祸淫，天自有常理。尔是儒家，乃昧自取之理，为无益之求。尔孙不肖，有死之理，但尔为名儒，不宜绝嗣，尔孙可以不死。胡生宣淫败度，妄诱尔孙，不受报于

.vela с ним всю ночь. Наутро, когда служанки доложили, что больной задремал, Ху Хуань намазал лицо синей краской, а волосы красной, обмотал ноги ватой, чтобы двигаться совершенно бесшумно, и в таком виде появился перед Те Жуном. Те Жун, ослабевший от долгой болезни, перепугался насмерть.

— Оборотень! Дьявол! — закричал он и, дрожа всем телом, натянул на голову одеяло.

— Что с тобою? Чего ты так испугался? — подбежала к нему жена.

— Я же говорил тебе, что вчера приходил оборотень; вот сегодня я снова его увидел, — со слезами вскричал Те Жун. — Видно, конец мой недалек! Надо поскорее позвать монаха-заклинателя, чтобы он рассеял и прогнал наваждение.

После этого недуг стал мучить Те Жуна сильнее прежнего, и жене, которая чувствовала себя виноватой, ничего не оставалось, как послать за монахом. В ста ли от их городка жил монах Ляо Во, носивший святое имя Сюйгу. Он славился по всей округе редкостным благочестием. Ляо Во явился в дом Те Жуна, и его сразу отвели в мольельню, чтобы он просил Будду о спасении больного. Ляо Во погрузился в созерцание и пребывал в неподвижности до самых сумерек.

— Был ли у тебя предок, исполнявший должность судьи? — спросил он Те Жуна, когда тот очнулся.

— Такую должность занимал мой дед.

— А есть ли среди твоих приятелей человек по имени Ху?

— Да, он мой близкий друг.

Услыхав имя возлюбленного, госпожа Ди насторожилась и приставила ухо к двери.

— У меня только что было удивительное видение.

— Какое же именно, учитель?

— Погрузившись в созерцание, я увидел духа этой местности и твоего деда, который пришел к нему с жалобой.

«Ху причиняет зло моему внukу», — говорил твой дед. Дух, однако же, не принял его жалобу и отверг его мольбу, сославшись на то, что чин его невелик. Тогда твой дед сказал: «Сегодня духи Южного и Северного Ковша спускаются с небес у горного пика Юйсыфэн. Я обращусь к ним, и они, конечно, рассмотрят по справедливости мою просьбу». Твой дед попросил меня пойти вместе с ним. Когда мы достигли гор, то увидели двух старцев. Они сидели друг против друга и играли в шахматы. Один был одет в пурпурный халат, другой — в зеленый. Твой дед поклонился им и поведал свою обиду, но старцы не удостоили его ответом!

Дед не отступил и продолжал просить. Наконец игра кончилась, и один из старцев сказал: «Небо благославляет добродетельных и карает распутных — таков его непреложный закон. Ты ученый конфуцианец и должен знать эту истину — зачем же ты обращаешься к нам с бессмысленной просьбой? Твой внук беспутен, он заслуживает смерти. Все же ты славный конфуцианец и не должен остаться без потомства. Мы помним об этом, и потому он не умрет. Ху Хуань — отъявленный блудодей; он и сам живет недостойно, и твоего внука вовлекает в соблазн. Если ему не воздастся по заслугам в мире

人间，必受罪于阴世。尔且归，胡生自有主者，不必仇他，也不必訴我。’說罢，顧貧僧道：‘爾亦有緣，得見吾輩。爾既見此事，爾須與世人说知，也使知禍福不爽。’言訖而去。貧僧定中所見如此。今果有绣衣公與胡生，豈不奇哉？”狄氏听见大惊，没做理会处。铁生也只道胡生诱他嫖荡，故公公訴他，也还不知狄氏有这些缘故。但见说可以不死，是有命的，把心放宽了，病体減动好些。反是狄氏替胡生耽忧，害出心病来。

不多几时，铁生全愈，胡生腰痛起来，旬日之内，痼疾大发。医者道是活色过度，水竭无救。铁生日日直进卧内问病，一向通家，也不避忌。门氏在床边伏侍，遮遮掩掩。见铁生日常周济他家的，心中带些感激，渐渐交通说话，眉来眼去。铁生出于久慕，得此机会，老大撩拨。调得情熟，背了胡生眼后，两人已自搭上了。铁生从来心愿，赔了妻子多时，至此方才勾帳。正

是：

一报还一报，皇天不可欺。

向来打交易，正木在斯时。

门氏与铁生成了此事，也似狄氏与胡生起初一般的如胶似漆。晓得胡生命在旦夕，到底没有好的日子了，两人恩山义海，要搬到头夫妻。铁生对门氏道：“我妻甚贤，前日尚许我接你来，帮衬我成好事，而今若得娶你同去，是绝妙的了。”门氏冷笑了一声道：“如此肯帮衬人，所以自家也会帮衬。”铁生道：“他如何自家帮衬？”门氏道：“他与我丈夫往来已久，晚间时常不在我家里睡，但看你出外，就到你家去了。你难道一些不知？”

смертных, кара настигнет его за гробом. Возвращайся обратно. Не жалуйся больше и не гневайся на Ху Хуаня — над ним уже отяготела рука владыки. — Потом старец взглянул на меня и продолжал: — Тебе тоже было предопределено встретиться с нами. Ты все узнал, ступай же и объясни людям, что их долг — твердо и неукоснительно различать меж добром и злом».

И оба старца ушли. Вот что я увидел, погрузившись в созерцание. А сейчас я узнаю, что у тебя и в самом деле был дед судья и есть друг по имени Ху Хуань. Разве это неудивительно?

Выслушав речь монаха, красавица Ди очень испугалась и не знала, что делать.

— Да, Ху Хуань действительно толкал меня на путь разврата, дед жаловался не без основания,— промолвил Те Жун.

Он еще не догадывался, какая доля вины лежит на его супруге. Узнав от монаха, что часы его жизни продлены судьбою, он возликовал, и недуг начал мало-помалу покидать его тело. Наоборот, госпожа Ди, тревожась о будущем своего возлюбленного, впала в тоску, и у нее открылась сердечная болезнь. Спустя немного Те Жун был совершенно здоров. Ху Хуань же, напротив, стал жаловаться на боль в пояснице, а дней через десять у него пошли нарываы по всему телу. Позвали врача, и тот сказал:

— От чрезмерного винопийства и любовной страсти в теле большого резко уменьшилось количество влаги. Спасти его невозможно.

Те Жун ежедневно навещал приятеля, и жена Ху Хуаня, которая не отходила от его постели, не из-

бегала его, памятуя о давней дружбе между их семьями. Видя, как Те Жун хлопочет и старается помочь, она прониклась к нему благодарностью, разговаривала с ним и переглядывалась. Те Жун, как мы знаем, давно питал нежные чувства к госпоже Мэнь и теперь не упускал счастливой возможности расположить и привязать ее к себе как можно болееочно. И вот наконец за спиной Ху Хуаня свершилось то, к чему всей душой стремился Те Жун и ради чего, сам того не ведая, он пожертвовал собственною женой. Верно гласят стихи:

Отворотится Небо от обмана,
За все воздастся поздно
или рано.

Бесчестный торг они вели
друг с другом,
И каждому досталось по заслугам.

Мэн и Те Жун стали неразлучны, словно склеенные лаком,— точь-в-точь как прежде красавица Ди и Ху Хуань. Зная, что судьба Ху на исходе и что надежд на его спасение нет, они поклялись стать супругами и жить, блюя справедливость и добродетель. Однажды Те Жун сказал своей возлюбленной:

— Моя жена мудрая женщина. Она еще давно согласилась принять тебя в наш дом и даже помогала мне сблизиться с тобою. Как было бы хорошо, если бы мы зажили все вместе!

— Ну, она и себя не забывала — усмехнулась Мэнь.

— Как так? — удивился Те Жун.

— Она давно спуталась с моим мужем, и он часто не ночевал дома. Стоило тебе уйти, как он сразу бежал к вам. Неужели ты ничего не знал?

铁生方才如

梦初觉，如醉方醒，晓得胡生骗着他，所以卧师入定，先祖有此诉。今日得门氏上手，也是果报。对门氏道：“我前日眼里亲看见，却被他们把鬼话遮掩了。今日若非娘子说出，到底被他两人瞒过。”门氏道：“切不可到你家说破，怕你家的怪我。”铁生道：“我既有了你，可以释恨。况且你丈夫将危了，我还家去张扬做甚么？”悄悄别了门氏，回家里来，且自隐忍不言。

不两日，胡生死了。铁生吊罢归家，狄氏念着旧情，心中哀痛，不觉掉下泪来。铁生此时有心看人的了，有甚么看不出？冷笑道：“此泪从何而来？”狄氏一时无言。铁生道：“我已尽知，不必瞒了。”狄氏紫涨了面皮，强口道：“是你相好往来的死了，不觉感叹堕泪，有甚么知不知，瞒不瞒！”铁生道：“不必口强。我在外面宿时，他何曾在自家家里宿？你何曾独自宿了？我前日病时亲眼看见的，又是何人？还是你相好往来的死了，故此感叹堕泪。”

狄氏见说着真话，不敢分辨，默默不乐。又且想念胡生，阖眼就见他平日模样，恹恹成病，饮食不进而死。

死后半年，铁生央媒把门氏娶了过来，做了续弦。铁生与门氏甚是相得。心中想着卧师所言，祸福之报，好生警悟。对门氏道：“我只因见你姿色，起了邪心，却被胡生先淫媾了妻子，这是我的花报。胡生与吾妻子背了我淫媾，今日却一时俱死，你归于我，这却是他们的花报。此可为妄想邪淫之戒。先前卧师入定转来，已说破了。我如今悔心已起，家业虽破，还好收拾支撑。我与你安分守己过日罢了。”铁生就礼拜卧师为师父，受了五戒，戒了邪淫，也再不放门氏出去游荡了。

汉沔之间，传将此事出去，晓得果报不虚。卧师又到处把定中所见劝

Te Жун словно пробудился от сна или прозрел после долгого опьянения. Значит, Ху Хуань его обманывал! Вот на что, оказывается, жаловался дед духам в присутствии монаха Ляо Во! Но теперь госпожа Мэнь в руках Те Жуна, и это веление судьбы.

— Да, во время болезни я видел его собственными глазами, но он сумел меня обмануть. Если бы ты мне не рассказала, я так бы ничего и не узнал,— промолвил Те Жун.

— Только не говори жене, а то она рассердится на меня,—сказала Мэнь.

— Ты стала мою, и никакой злобы против них у меня нет. Вдобавок дни твоего мужа сочтены. Стоит ли заводить дома ссору?

Он вернулся к себе и ничего не сказал жене. Не прошло и двух дней, как Ху Хуань умер. Красавица Ди плакала, не в силах скрыть своего горя, но теперь Те Жуну были понятны ее слезы.

— Отчего ты так горько плачешь? — усмехнулся он.

Госпожа Ди не ответила.
— Тебе нечего скрывать, я все знаю,— продолжал он.

— Что ты знаешь? Что скрывать? — воскликнула жена и покраснела. — Ведь умер твой друг, вот я и прослезилась.

— Как бы не так! Может быть, ты еще скажешь, что спала одна, когда меня не бывало дома? Или станешь утверждать, что Ху ночевал у себя? А когда я болел, кого я увидел? Оборотня? Он был твоим любовником. Сейчас он умер — вполне понятно, что ты проливаешь слезы.

Все это было чистой правдой, и госпожа Ди не могла возразить ни единственным словом.

Госпожа Ди непрестанно думала о Ху Хуане, и он все время стоял у нее перед глазами как живой. От скорби и тоски она захворала, не могла ни есть, ни пить и вскорости умерла. Через полгода после ее смерти Те Жун заслал сватов к Мэнь и взял ее в жены — как говорится, продолжил нить жизни. Супруги жили в большом согласии. Те Жун часто вспоминал слова Ляо Во о воздании за добро и зло и прозрении, которое проистекает от праведной жизни.

— Я видел только твою красивую наружность, и во мне родилось нечистое чувство, — говорил он Мэнь. — Но вот Ху спутался с моей женой, и это было карою за мои блудливые вожделения. Но кара постигла и их обоих. Они обманывали меня за моей спиной, и вот они мертвы, а ты стала мою. Это должно послужить нам предупреждением против дурных помыслов и греховных побуждений. Так наставлял меня монах после того, как возвратился к жизни из глубин созерцания. Теперь я прозрел душою. Пусть я разорился — кое-что еще можно вернуть. Мы будем жить честно и безмятежно.

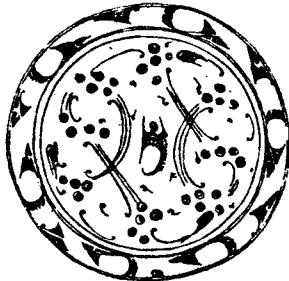
Те Жун назвал Ляо Во своим наставником и дал обет не нарушать пяти запретов⁶. Прежде всего, он решил положить конец распущенности и не пускал свою супругу Мэнь гулять одну.

И там, где эта история случилась, все узнали, что возмездие за грехи неминуемо. Монах Ляо Во повсюду рассказывал о том, что он увидел, погрузившись в созерцание,

⁶ Пять запретов — запреты, которых должны были придерживаться буддийские монахи: не убивать живого, не грабить, не предаваться блуду, не лгать, не пьяняствовать.

人，变了好些风俗。有诗为证：

江汉之俗，其女好游。自非文化，谁不可求！睹色相悦，彼此
营勾。宁知捷足，反占先头！诱人荡败，自己绸缪。一朝身去，由
土人收。眼前还报，不爽一筹。奉劝世人，莫爱风流。

и убеждал людей исправиться.
А вот стихи, сложенные в память об
этом:

Так повелось когда-то в Хань
и в Цзян:
С мужьями шли прогуливаться
жены,

И всякий ветреник, от страсти
пьян,
Глазел на них, их прелестью
прельщенный.

Красивых и нарядных жен своих
Мужья с собою в город выводили;

А сами домогались жен чужих,
Не ведая, что их опередили.

Хуань над другом посмеялся
всласть.
За это и его постигла кара:

Внезапно жизнь его оборвалась,
Он умер от любовного угаря.

Был грешен сам, других сбивал
с пути
И под конец не избежал мучений.

От справедливой кары не уйти
Любителям веселых приключений.

二刻拍案惊奇卷之十七

凌濛初 (1580--- 1644)

同窗友认假作真
女秀才移花接木

诗曰：

万里桥边薛校书，枇杷窗下闭门居。
扫眉才子知多少，管领春风总不如。

这四句诗，乃唐人赠蜀中妓女薛涛之作。这个薛涛，乃是女中才子，南康王韦皋做西川节度使时，曾表奏他做军中校书，故人多称为薛校书。所往来的，是高千里、元微之、杜牧之一班儿名流。又将浣花溪水造成小笺，名曰“薛涛笺”，词人墨客，得了此笺，犹如拱璧。真正名重一时，芳流百世。

国朝洪武年间，有广东广州府人田洙，字孟沂，随父田百禄到成都赴教官之任。那孟沂生得风流标致，又兼才学过人。

Сюэ Тао (768—831) — известная поэтесса, оставившая после себя большое поэтическое наследие.

Танский — см. «Тан». Тан — династия, правившая в Китае с 618 по 907 г.

Вэй Гао (745—805) — крупный сановник и полководец.

Гао Инь (? — 837) — полководец, губернатор многих провинций; имел титул князя области Бохай. Известен и как поэт.

Юань Чжэнъ (779—831) — знаменитый поэт.

Ду Му (803—852) — известный поэт и литератор; занимал высокие должностные посты.

Хун-у. — Этим девизом (см.) обозначались 1368—1398 гг. правления императора Тай-цзу.

Девица-сюцай ловко
подменяет одно
другим

Лин Мэнчу(1580--- 1644)

перевод В.А.Вельгуса

комментарии В.А.Вельгуса
и И.Э.Циперович

Дом у моста Ваньлицяо стоит,
цветет мушимула под окном.
Там секретарь *Сюэ Тао живет,
взаперти коротает дни.
Разве мало талантливых женщин
на свете найдешь среди людей?
Но с ней ни одна не сравнится
ни талантами, ни умом.

Эти стихи написаны *танским поэтом и преподнесены сычуаньской гетере Сюэ Тао. Сюэ Тао была женщиной редкого дарования. *Вэй Гао, князь района Нанькан, в бытность свою наместником в Сычуани, все-подданнейшим докладом представлял ее к должности военного секретаря. Поэтому ее обычно называли «секретарь Сюэ Тао». Сюэ Тао встречалась с видными людьми, а среди ее друзей были такие выдающиеся личности, как *Гао Пянь, *Юань Чжэнъ, *Ду Му и другие. Известно, что Сюэ Тао сама изготавляла бумагу для письма, причем брала для этого воду из речки Хуанъхуа. Бумагу эту называли «листками Сюэ Тао», и если любителю поэзии и ценителю изящного удавалось достать такой листок, то он берег его, как драгоценную яшму. Поистине, так славилась в свой век Сюэ Тао, что помнили о ней в грядущих поколениях.

Рассказывают, что при нашей династии, в годы *«Хун-у», жил некий Тянь Чжу, родом из города Гуанчжоу, что в провинции Гуандун. *Второе имя его было Мэнъни. Когда его отец Болу получил должность учителя в Чэнду, Мэнъни поехал вместе с ним в этот город. Мэнъни был молод, красив, изящен и превосходил сверстников умом и познаниями. Он был сведущ и

书画琴棋之类，无不通晓。学中诸生日与嬉游，爱同骨肉。过了一年，百禄要遣他回家。孟沂的母亲心里舍不得他去，又且寒官冷署，盘费难处，百禄与学中几个秀才商量，要在地方上寻一个馆与儿子坐坐，一来可以早晚读书，二来得些馆资，可为归计。这些秀才巴不得留住他，访得附郭一个大姓张氏要请一馆宾，众人遂将孟沂力荐于张氏，张氏送了馆约，约定明年正月元宵后到馆。至期，学中许多有名的少年朋友一同送孟沂到张家来，连百禄也自送去。张家主人曾为运使，家道饶裕。见是老广文带了许多时髦到家，甚为喜欢，开筵相待。酒罢各散，孟沂就在馆中宿歇。

到了二月花朝日，孟沂要归省父母。主人送他节仪二两，孟沂袋在袖子里了，步行回去。

偶然一个去处，望见桃花盛开，一路走去看，境甚幽僻，孟沂心里喜欢，伫立少顷，观玩景致。忽见桃林中一个美人，掩映花下，孟沂晓得是良人家，不敢顾盼，径自走过。未免带些卖俏身子，拖下袖来，袖中之银，不觉落地。

Каллиграфия высоко ценилась китайцами во все времена как особый вид искусства. Часто ученый был одновременно поэтом, художником и каллиграфом. Надписи, выполненные каллиграфическим почерком, висели в домах образованных людей; красиво написанными иероглифами украшались веера, изделия из фарфора, лака и т. д.

Облавные шашки считались игрой образованных людей, стратегов. Шашки в виде белых и черных пуговок, количеством 180 штук, ставились в точках пересечения линий (общее число таких точек-позиций равнялось 361). Суть игры состояла в том, чтобы окружить («обложить облавой») шашки противника. Тогда они считались уничтоженными, позиции занятыми. Выигрыш определялся количеством занятых позиций.

Сюцай — первая ученая степень (см. «Государственные экзамены»); сюцаями (то есть талантливыми) иногда называли и людей начитанных, хорошо знакомых с классической литературой, но не обязательно выдержавших первые экзамены. Начиная с династии Сун (Х — XIII вв.) сюцаями (студентами) называли также лиц, обучавшихся в государственных училищах.

Праздник цветов считался днем цветения всех цветов и отмечался как народный праздник.

в *калиграфии, и в живописи, и в музыке, и в *облавных шашках. *Сюцаи, учившиеся у Тянь Болу, проводили с Мэнъи целые дни и любили его, как родного.

Прошел год с тех пор, как они приехали в Чэнду, и Тянь Болу стал подумывать о том, не пора ли отправить Мэнъи домой. Но матери не хотелось расставаться с сыном, да и нелегко было скромному чиновнику собрать нужную сумму на дорогу. Тогда Тянь Болу поговорил с некоторыми сюцаями, желая оставить пока сына в Чэнду и подыскать ему место учителя. Он надеялся, что, учительствуя, Мэнъи сможет продолжать свою учебу, а заработанные деньги откладывать на дорогу. Товарищи Мэнъи по школе только и думали, как бы устроить так, чтобы их друг остался с ними, и потому, узнав, что проживающий неподалеку от города богач Чжан собирается нанять учителя, стали усиленно рекомендовать ему Мэнъи. Чжан послал Мэнъи приглашение. Он предлагал молодому учителю приступить к своим обязанностям через пятнадцать дней после новогоднего праздника.

В назначенный срок Мэнъи в сопровождении своих приятелей, людей очень известных, явился в дом Чжанов. Вместе с ним пришел даже Тянь Болу.

Когда Чжан, в прошлом скромный чиновник по перевозкам, а теперь известный богач, увидел, что новый учитель явился вместе с видными талантливыми сюцаями и что с ними пришел сам уважаемый учитель Тянь Болу, он очень обрадовался, устроил пир, и все разошлись только после угощения. С этого дня Мэнъи остался в доме Чжана.

Настал второй месяц, пришел *праздник цветов, и Мэнъи решил навестить родителей. *Запрятив в руки два *лана серебра, которые хозяин преподнес ему в виде праздничного подарка, Мэнъи отправился в путь. Неожиданно его взору открылась роща пышно расцветших персиковых деревьев. Кругом стояла полная тишина. У Мэнъи было так радостно на душе, что он загляделся на окружавшую его прелест и тут сквозь густой узор цветов и ветвей вдруг увидел красавицу. Понимая, что здесь, должно быть, живет добропорядочная семья, Мэнъи не посмел оглядываться на женщину, но в его походке невольно появилось нарочитое изящество — он грациозно взмахнул рукавом и при этом даже не обратил внимания, что из него выпало се-

美人看见，便叫随侍的丫鬟拾将起来，送还孟沂。孟沂笑受，致谢而别。

明日，孟沂有意打那边经过，只见美人与丫鬟仍立在门首。孟沂望着门前走去，丫鬟指道：“昨日遗金的郎君来了。”美人略略敛身，避入门内。孟沂见了丫鬟，叙述道：“昨日多蒙娘子美情，拾还遗金，今日特来造谢。”美人听得，叫丫鬟请入内厅相见。孟沂喜出望外，急整衣冠，望门内而进。美人早已迎着，至厅上相见。

礼毕，美人先开口道：“郎君莫非是张运使宅上西宾么？”孟沂道：“然也。昨日因馆中回家，道经于此，偶遗少物，得遇夫人盛情，命尊姬拾还，实为感激！”美人道：“张氏一家亲戚，彼西宾即我西宾，还金小事，何足为谢？”孟沂道：“欲问夫人高门姓氏，与敝东何亲？”美人道：“寒家姓平，成都旧族也。妾乃文孝坊薛氏女，嫁与平氏子康，不幸早卒，妾独孀居于此。与郎君贤东，乃乡邻姻娅，郎君即是通家了。”孟沂见说是孀居，不敢久留，两杯茶罢，起身告退。美人道：“郎君便在寒舍过了晚去。若贤东晓得郎君到此，妾不能久留款待，觉得没趣了。”即分付快办酒馔。

ребро. Красавица заметила это, приказала служанке поднять серебро и вернуть его Мэнъи.

На следующий день, когда Мэнъи возвращался к Чжанам, он умышленно пошел той же дорогой и опять увидел красавицу, а также ее служанку. Обе женщины стояли у ворот. Мэнъи направился прямо к ним.

— Идет молодой человек, который вчера обронил здесь серебро, — сказала служанка своей госпоже.

Красавица тотчас скрылась, а служанка осталась.

— Вчера вы были так любезны, что подобрали и вернули мне мое серебро, — сказал он ей, — и вот сегодня я специально пришел поблагодарить вас.

Услышав это, красавица велела служанке пригласить гостя в дом. Мэнъи обрадовался. Поспешно оправив на себе шапку и платье, он вошел внутрь. Красавица встретила Мэнъи и провела его в гостиную, где они поклонились друг другу.

— Не учитель ли вы из дома господина Чжана? — спросила она.

— Да, это так, — ответил Мэнъи. — Вчера по дороге домой я обронил тут одну вещицу. Вы были так любезны, что велели вашей служанке подобрать ее и вернуть мне. Я очень и очень признателен.

— Чжаны — наши родственники. Их учитель все равно что наш учитель, и за такой пустяк, право, не стоит благодарить.

— Хотел бы узнать у вас, уважаемая госпожа, вашу почтенную фамилию и в каком родстве вы с моим хозяином.

— Фамилия ничтожной семьи нашей — Пин. Род наш старинный, из Чэнду. Моя девичья фамилия — Сюэ. Я была отдана замуж за Кана, одного из сыновей семьи Пин, но, увы, рано овдовела и теперь живу здесь одна. А почтенный ваш хозяин доводится мне зятем, поэтому мы с вами, можно сказать, свои.

Узнав, что перед ним вдова, Мэнъи не посмел задерживаться и, выпив чай, сразу же поднялся и стал прощаться.

— Посидите еще, переночуйте у нас, а утром пойдете к Чжанам, — остановила его красавица. — Если ваш любезный хозяин узнает, что вы были здесь, а я не сумела гостеприимно принять вас, мне, право, будет очень неловко.

Она тут же распорядилась, чтобы подали вино

不多时，设着两席，与孟沂相对而坐，坐中殷勤劝酬。笑语之间，美人多带些谑浪话头。孟沂认道是张氏至戚，虽然心里技痒难熬，还拘拘束束，不敢十分放肆。美人道：“闻得郎君倜傥俊才，何乃作儒生酸态？妾虽不敏，颇解吟咏。今遇知音，不敢爱丑，当与郎君赏鉴文墨，唱和词章，郎君不以为鄙，妾之幸也。”遂叫丫鬟取出唐贤遗墨，与孟沂看。孟沂从头细阅，多是唐人真迹手翰诗词，惟元稹、杜牧、高骈的最多，墨迹如新。孟沂爱玩不忍释手，道：“此希世之宝也，夫人情种此类，真是千古韵人了。”美人谦谢。两个谈话有味，不觉夜已二鼓，孟沂辞酒不饮。

美人延入寝室，自荐枕席道：“妾独处已久，今见郎君高雅，不能无情，愿得奉陪。”孟沂道：“不敢清耳，固所愿也。”两个解衣就枕，鱼水欢情，极其缠绵。枕边切切叮咛道：“慎勿轻言，若贤东知道，彼此名节丧尽了。”次日，将一个卧狮玉镇纸赠与孟沂，送至门外道：

和 яства. Вскоре были накрыты два столика, красавица села против Мэнъи и стала усердно потчевать его. В разговорах и шутках она позволяла себе немало вольностей, и душа Мэнъи так и загоралась, но перед родственницей хозяина он старался быть сдержаным.

— Я слышала о вас как о талантливом и остроумном человеке, свободной и широкой натуре. Почему же вы строите из себя такого чинного и чопорного ученого? — упрекнула его женщина. — Я хоть и не очень смышлена, но немного разбираюсь в поэзии. И раз уж мне сегодня довелось встретиться с вами, человеком духовно близким, я с удовольствием показала бы вам кое-какие образцы поэзии и каллиграфии, посочиняла с вами стихи. Если вы согласитесь, почту за счастье.

И она тут же приказала служанке вынуть рукописи танских поэтов и показала их Мэнъи.

Мэнъи внимательно прочитал все, с начала до конца. Это были стихи, собственноручно написанные танскими поэтами. Среди них больше всего было рукописей Юань Чжэня, Ду Му и Гао Пянья. Бумага казалась совсем новой, тушь — свежей. Мэнъи любовался ими, не будучи в силах выпустить их из рук.

— Это ведь редчайшие, драгоценные вещи! — вымолвил он наконец. — И вы их так любите! О, какая необыкновенная, поэтическая душа!

Красавица скромно благодарила.

Они увлеклись беседой и не заметили, как наступила вторая *стража. Мэнъи уже отказывался от вина, и тут красавица пригласила его в опочивальню.

— Я давно живу одна. И вот сегодня, увидев вас и поняв все ваше благородство, я не смогла остаться к вам равнодушной. Я не возражала бы, если бы вы побыли со мной, — сказала красавица, указывая на ложе.

— Я не смел сам просить вас об этом.

Они разделись и легли. И для обоих это была ночь нежности, радостной близости. Красавица между тем не раз настоятельно предупреждала его:

— Только не проговоритесь. Если ваш хозяин узнает, мы будем опозорены.

На следующее утро красавица подарила Мэнъи пресс для бумаги в виде лежащего яшмового льва, проводила Мэнъи до ворот и на прощание сказала:

“无事就来走走，勿学薄幸人。”

孟沂道：“这个何劳分付？”

孟沂到馆，哄主人道：“老母想念，必要小生归家宿歇。小生不敢违命留此，从今早来馆中，晚归家里便了。”主人信了说话道：“任从尊便。”自此孟沂在张家，只推家里去宿，家里又说在馆中宿，竟夜夜到美人处宿了。整有半年，并没一个人知道。孟沂与美人赏花玩月，酌酒吟诗，曲尽人间之乐。

两人每每你唱我和，做成联句，如《落花二十四韵》、《月夜五十韵》，斗巧争妍，真成对手。诗句太多，恐看官每厌听，不能尽述。只将他两人《四时回文诗》表白一遍。美人诗道：

花朵几枝柔傍砌，柳丝千缕细摇风。

霞明半岭西斜日，月上孤村一树松。（《春》）

凉回翠簟冰人冷，齿沁清泉夏月寒。

— Когда у вас будет свободное время, непременно заходите; не уподобляйтесь бесчувственным людям.

— Об этом и напоминать излишне,— ответил Мэнъи.

Возвратясь, он сказал хозяину:

— Старушка-мать очень соскучилась по мне и непременно хотела, чтобы я ночевал дома. Я не посмел ей отказать. И вообще теперь я буду приходить утром, а вечером возвращаться домой.

Хозяин поверил ему.

— Как вам угодно,— ответил он.

С тех пор Чжанам Мэнъи говорил, что ночует дома, а родным — что в доме Чжана; сам же каждую ночь проводил у красавицы.

Так прошло полгода, и никто ничего не подозревал.

Мэнъи с красавицей любовались луной, цветами, пили вино, напевали стихи — словом, изведали все радости человеческие на земле. Часто они сами сочиняли стихи: один начинал, другой продолжал или один отвечал на стихи другого и так далее. Так они сложили двадцать четыре строфы на тему «Опавшие цветы», пятьдесят строф на тему «Лунная ночь». И еще много других строк сложили они, состязаясь в изяществе и красоте слога, и всегда видели друг в друге достойных соперников. Но чтобы не наскучить читателю, не стану приводить все их сочинения, а приведу лишь их стихи о четырех временах года. Стихи красавицы были:

Весна

На тоненьких стебельках
свисают бутоны с крыльца;
Стройные ивы качая,
листею шуршит ветерок.
Солнце на запад склонилось,
вершины в вечерних лучах над сосновою.

Лето

Прохладою веет едва
от тонкой летней циновки.
И только вода родника
немного в жару освежает.

香篆袅风清缕缕，纸窗明月白团团。（《夏》）

芦雪覆汀秋水白，柳风凋树晚山苍。

孤帏客梦惊空馆，独雁征书寄远乡。（《秋》）

天冻雨寒朝闭户，雪飞风冷夜关城。

鲜红炭火围炉暖，浅碧茶瓯注茗清。（《冬》）

这个诗怎么叫得“回文”？因是顺读完了，倒读转去，皆可通得。最难得这样浑成，非是高手不能。美人一挥而就，孟沂也和他四首道：

芳树吐花红过雨，入帘飞絮白惊风。

黄添晓色青舒柳，粉落晴香雪覆松。（《春》）

С гусем последним он шелт свой привет.... — В китайской литературе, где «дикий гусь» иносказательно обозначал «письмо», часто встречается выражение «послать весть с диким гусем».

Курятся, плавут благовонья
сквозь прорезь в оконной бумаге,
Круглая светит луна
в окно сквозь резную бумагу.

Осень

Прибрежный тростник — в нежнейшем пуху,
и воды белыми стали;
Ветер срывает с деревьев листву,
в сизой дымке — вечерние горы.
За пологом странник очнулся от сна —
как пусто, грустно вокруг!
И *с гусем последним он шелт свой привет
с дороги в родительский дом.

Зима

Воздух морозный, дождь ледяной,
утро — а дом на запоре.
Ветер холодный, летящий снег,
вечер — и город замрет.
Румяным огнем горят угольки —
уютно, тепло у печи.
И в бирюзовые чашки прозрачные
чай ароматный налит.

Красавица была тонким знатоком поэзии, искусно сочиняла стихи, и написала она их единным махом кисти. Но и Мэнъи, не задумываясь, тотчас ответил ей стихами на эти же четыре темы:

Весна

Деревья цветут, аромат источая,
дождь оросил лепестки;
Взлетает за ветром сквозь легкие шторки
взметнувшийся белый пух.
Утренний свет желтизны добавляет
в зелень раскидистых ив.
Сосны в снегу ароматном стоят,
покрыты цветочной пыльцой.

瓜浮瓮水凉消暑，藕叠盘冰碧嚼寒。

斜石近阶穿笋密，小池舒叶出荷团。（《夏》）

残石绚红霜叶出，薄烟寒树晚林苍。

鸾书寄恨羞封泪，蝶梦惊愁怕念乡。（《秋》）

风卷雪蓬寒罢钓，月辉霜柝冷敲城。

浓香酒泛霞杯满，淡影梅横纸帐清。（《冬》）

孟沂和罢，美人甚喜。真是才子佳人，情味相投，乐不可言。却是“好物不坚牢”，自有散场时节。

一日，张运使偶过学中，对老广文田百禄说道：“令郎每夜归家，不胜奔走之劳，何不仍留寒舍住宿，岂不为便？”百禄道：“自开馆后，一向只在公

Мэй — обычно переводят как «китайская сливка». Прелест цветения мэй часто воспевается в китайской поэзии и является одним из излюбленных мотивов китайской живописи.

Лето

В жару освежает душистая дыня
из жбана с холодной водой,
Прохладней становится, если поешь
лотос из таза со льдом.
Возле ступеней между камней
пробились ростки бамбука,
А на пруду среди листьев зеленых
лотос в бутонах-шарах.

Осень

Опадают последние лепестки,
иней на листьях лежит,
Стелется легкий туман вечерами,
дымка окутала лес.
Тоскою полно письмо от любимой,
на нем — отметины слез,
Грущу я, увидев во сне мотылька,—
тем более дом родной.

Зима

Ветром скрутило заснеженный парус —
удочку в стужу бросаю;
Иней блестит под луной на вальках,
город проснулся от стужи.
В густом ароматном вине отражаясь,
заря наполняет бокал.
Под тенью прозрачной — под веткою *мэй
тихо в шатре из бумаги.

Молодая женщина осталась очень довольна стихами Мэнъи. Это поистине была прекрасная пара — красавица и гений. Вкусы и чувства их были едины, и о счастье их нет слов, чтобы рассказать.

Но приятное недолговечно, и всему настает конец. Как-то раз, проходя мимо школы, господин Чжан зашел к Тянь Болу и в разговоре с учителем, между прочим, сказал:

— Ваш сын каждый день возвращается домой, это очень утомительно для него. Не лучше ли было бы ему оставаться у меня?

— Не понимаю, о чём вы говорите, — недоумевал Тянь Болу. — С тех пор как он у вас учится, он

家。止因老妻前日有疾，曾留得数日，这几时并不曾来家宿歇，怎么如此说？”张运使晓得内中必有蹊跷，恐碍着孟沂，不敢尽言而别。

是晚孟沂告归，张运使不说破他，只叫馆仆尾着他去，到得半路，忽然不见。馆仆赶去追寻，竟无下落，回来对家主说了。运使道：“他少年放逸，必然花柳人家去了。”馆仆道：“这条路上，何曾有甚么伎馆？”运使道：“你还要到他衙中问问看。”馆仆道：“天色晚了，怕关了城门，出来不得。”运使道：“就在田家宿了，明日早晨回来我不妨。”

到了天明，馆仆回话，说是不曾回衙。运使道：“这等，那里去了？”正疑惑间，孟沂恰到。

运使问道：“先生昨宵宿于何处？”孟沂道：“家间。”运使道：“岂有此理？学生昨日叫人跟随先生回去，因半路上不见了先生，小仆直到学中去问，先生不曾到宅，怎如此说？”孟沂道：“半路上偶到一个朋友处讲话，直到天黑回家，故此盛仆来时问不着。”馆仆道：“小人昨夜宿在相公家了，方才回来的。田老爹见说了，甚是惊慌，要自来寻问，相公如何还说着在家的话？”孟沂支吾不来，颜色尽变。运使道：“先生若有别故，当以实说。”

постоянно noctует в вашем доме и только вот недавно, когда заболела жена, несколько ночей подряд провел с нами.

Чжан понял, что тут что-то неладно, но, не желая ненароком поставить Мэнъи в неудобное положение, решил не продолжать этого разговора. В тот вечер, когда Мэнъи, прощаясь, сказал, что уходит домой, Чжан не стал ему что-либо говорить, но послал слугу проследить за ним. На полпути Мэнъи вдруг исчез. Слуга всюду разыскивал его, однако нигде не нашел и вернулся доложить об этом хозяину.

— Что ж, он молод, да и человек по натуре увлекающийся. Наверняка завернул в закоулок веселых домов,— рассуждал вслух хозяин.

— Но по этой дороге нет никаких домов и заведений,— заметил слуга.

— Ты все же пойди к его отцу и узнай, не там ли он.

— Уже поздно, боюсь, закроют городские ворота и я не успею вернуться.

— Ничего, переночуешь у них, а завтра утром вернешься и расскажешь мне обо всем.

На следующий день слуга возвратился и доложил, что Мэнъи у родителей не ночевал.

— Куда же он тогда делся?— недоумевал хозяин.

Как раз в это время появился Мэнъи.

— Скажите, где вы сегодня ночевали?— спросил у него Чжан.

— Дома,— ответил Мэнъи.

— Удивительное дело! Вчера я велел слуге следовать за вами, и так как вы на полпути исчезли, то слуга пошел к вашим родителям. Оказалось, что вас и там нет. Как же так?

— По дороге я зашел к одному приятелю потолковать и вернулся домой уже поздно вечером, поэтому ваш слуга и не застал меня, когда пришел к нам.

— Я ночевал сегодня у вас и только что оттуда,— заметил слуга.— Когда ваш батюшка узнал, что вас нет здесь, он так перепугался, что собрался сам сегодня прийти. узнать, что случилось. А вы говорите: вернулись домой! Как же так?

Мэнъи изменился в лице.

— Если у вас есть какие-то причины не ночевать ни у меня, ни дома, вы должны поведать мне правду,— сказал Чжан.

不过,只得把遇着平家薛氏的话说了一遍,道:“此乃令亲相留,非小生敢作此无行之事。”运使道:“我家何尝有亲戚在此地方?况亲中也无平姓者。必是鬼祟。今后先生自爱,不可去了。”孟沂口里应承,心里那里信他?傍晚又到美人家里,备对美人说形迹已露之意。美人道:“我已先知道了。郎君不必怨悔,亦是冥数尽了。”遂与孟沂痛饮,极尽欢情。到了天明,哭对孟沂道:“从此永别矣。”将出酒墨玉笔管一枝,送与孟沂道:“此唐物也,郎君慎藏在身,以为记念。”挥泪而别。

那边张运使料先生晚间必去,叫人看着,果不在馆。运使道:“先生这事儿必要做出来,这是我们做主人的干系,不可不对他父亲说知。”遂步至学中,把孟沂之事备细说与百禄知道。百禄大怒,遂叫了学中一个门子,同着张家馆仆,到馆中唤孟沂回来。

孟沂方别了美人,回到张家。想念道:“他说永别之言,只是怕风声败露。我便耐守几时,再去走动,或者还可相会。”正踌躇间,父命已至,只得跟着回去。

Мэнъи понял, что скрыть свои похождения ему не удастся, и был вынужден рассказать о том, как встретил госпожу Сюэ из семьи Пин.

— Ваша родственница предложила мне остаться. Сам я не посмел бы решиться на такое! — добавил он в заключение.

— У меня здесь нет никаких родственников, — заявил Чжан. — Да и среди всей моей родни нет никого по фамилии Пин. Это какое-то наваждение, нечистая сила! Советую вам поберечь себя и больше неходить туда.

Мэнъи пообещал, что так и поступит, но словам хозяина, конечно, не поверил и вечером опять явился к красавице. Когда он поведал ей о том, что их тайна раскрыта, она сказала:

— Я уже знаю об этом. Не огорчайтесь и не сетуйте: так уж суждено, пришла пора нам расстаться.

В этот вечер она вволю пила с Мэнъи, и они беспрепядельно предавались веселью. Когда стало светать, она заплакала и сказала:

— Теперь мы расстаемся навеки.

С этими словами она достала кисть, ручка которой была из яшмы с черными вкраплениями, и, поднося ее Мэнъи, сказала:

— Это вещь танской эпохи, храните ее при себе как память.

Тут, роняя слезы, они простились.

Между тем Чжан, предполагая, что ночью Мэнъи, несмотря ни на что, снова пойдет на свидание, велел посмотреть, у себя ли он.

Мэнъи действительно в кабинете не оказалось. «Да, конечно, он этого не прекратит! Как хозяин я тоже виноват, поэтому мой долг все рассказать отцу», — решил Чжан и тут же пошел к Тянь Болу.

Узнав о случившемся, Тянь Болу разгневался до нельзя. Он велел одному из своих слуг немедленно пойти со слугою Чжана за Мэнъи. Молодой человек уже вернулся от возлюбленной, но не переставал думать о ней. «Она говорила, что мы расстаемся навеки, — рассуждал он, — вероятно, она боится, как бы не узнали о наших встречах. Придется, пожалуй, некоторое время неходить к ней. Потом, быть может, удастся снова бывать вместе».

За этими размышлениями и застали его слуги. Ничего другого не оставалось, как следовать за ними домой.

百禄一见，喝道：“你书倒不读，夜夜在那里游荡！”孟沂看见张运使一同在案了，便无言可对。百禄见他不说，就拿起一条柱杖，劈头打去，道：“还不实告？”孟沂无奈，只得把相遇之事，及录成联句一本，与所送镇纸、笔管二物多将出来道：“如此佳人，不容不动心。不必罪儿了。”百禄取来逐件一看。看那玉色，是几百年出土之物，管上有篆刻“渤海高氏清玩”六个字。又揭开诗来，从头细阅，不觉心服。对张运使道：“物既稀奇，诗又俊逸，岂寻常之怪？我每可同了不肖子，亲到那地方去查一查踪迹看。”遂三人同出城来。

将近桃林，孟沂道：“此间是了。”进前一看，孟沂惊道：“怎生屋宇俱无了？”百禄与运使齐抬头一看，只见水碧山青，桃株茂盛，荆棘之中，有冢累累。张运使点头道：“是了，是了。此地相传是唐妓薛涛之墓。后人因郑谷诗有‘小桃花绕薛涛坟’之句，所以种桃百株，为春时游赏之所。贤郎所遇，必是薛涛也。”百禄道：“怎见得？”张运使道：“他说所嫁是平氏子康，分明是平康巷了。又说文孝坊，城中并无此坊，‘文孝’乃是数字，分明是教坊了。平康巷教坊，乃是唐时妓女所居。”

Чжуань — один из древних стилей написания китайских иероглифов.

Чжэн Гу — годы жизни: ? — 896.

Гетера.— К периоду Тан (618—907) уже сложился институт гетер; для IX в., по-видимому, можно говорить о зарождении института частных гетер, в современном понимании — публичных домов; в XII в. в столице сунского Китая — городе Бяньляне — существовали целые кварталы таких домов.

Как правило, гетеры были образованными женщинами, хорошими певицами и танцовщицами, играли на музыкальных инструментах, иные обладали и поэтическим даром. В качестве красивых и приятных собеседниц их нередко приглашали на пиры, составить компанию в загородной прогулке и т. п.

— Заниматься, значит, не занимаешься! Так где же ты шатаешься по ночам? — набросился на Мэнъи отец.

В присутствии Чжана молодой человек не посмел лгать и потому молчал. Рассердившись, что сын не отвечает, Тянь Болу схватил посох и с размаху ударили Мэнъи по голове.

— Будешь говорить?! — заорал он.

Мэнъи пришлось рассказать о встрече с красавицей, показать стихи, составленные ими обоими, и ее подарки: кисть и пресс для бумаг.

— Не вините меня, отец! Это такая красавица, что остаться равнодушным к ней невозможно.

Тянь Болу внимательно осмотрел подарки. По цвету яшмы он определил, что вещам этим несколько столетий. На ручке кисти он заметил выгравированную в стиле *«чжуань» надпись: «Безделушка принадлежит Гао из Бояхая». Затем он внимательно с начала до конца прочел стихи, и невольно они покорили его.

— И вещи редкие, и стихи изящные! — сказал он Чжану. — Это, знаете, наваждение не из обычных! Не пойти ли нам вместе с моим непутевым отпрыском туда посмотреть?

Они отправились за город, и, когда подходили к персиковой роще, Мэнъи сказал:

— Это здесь.

Войдя в рощу, он огляделся и воскликнул:

— Как же так! Ни дома, ничего! Куда же все девалось!

Тянь Болу и Чжан увидели перед собой густые деревья, голубую гладь озера, зеленые холмы. Сквозь терновник виднелась могила.

— Ах, вот оно что! — промолвил Чжан, качая головой. — Ведь здесь, по преданию, находится могила известной гетеры Сюэ Тао. В стихах танского поэта *Чжэн Гу сказано: «Персиков роща младая вокруг могилы Сюэ Тао растет», и потому люди посадили тут сто персиковых деревьев, и это стало местом весенних прогулок. Та, кого повстречал ваш сын, наверняка была Сюэ Тао.

— Почему вы так думаете? — спросил Тянь Болу.

— Прежде всего вот почему: она сказала, что была замужем за человеком из семьи Пин, которого звали Кан, а это явный намек на переулок Пинкан, где в танские времена жили гетеры. Затем она говорила, что ее

今云薛氏，不是薛涛是谁？且笔上有高氏字，乃是西川节度使高骈。骈在蜀时，涛最蒙宠爱，二物是其所赐无疑。涛死已久，其精灵犹如此，此事不必穷究了。”

百禄晓得运使之言甚确，恐怕儿子还要着迷，打发他回归广东。后来孟沂中了进士，常对人说，便将二玉物为证，虽然想念，再不相遇了。至今传有《田洙遇薛涛》故事。

小子为何说这一段鬼话？只因蜀中女子，从来号称多才，如文君、昭君，多是蜀中所生，皆有文才。所以薛涛一个妓女，生前诗名不减当时词客，死后犹且诗兴勃然，这也是山川的秀气。唐人诗有云：

锦江膩滑峨眉秀，幻出文君与薛涛。

诚为千古佳话。至于黄崇嘏女扮为男，做了相府掾属，今世传有《女状元》本，也是蜀中故事。可见蜀女多才，自古为然。至今两川风俗，女人

Чжаоцзюнь. — С именем Ван Чжаоцзюнь (Ван Цян) связана широко известная легенда. Чжаоцзюнь, красавицу из гарема императора Юань-ди (I в. до н. э.), император никогда не призывал к себе, так как каждый раз выбирал очередную подругу по портретам, а придворный художник, не получив от нее, как от других девиц, взятки, изобразил ее уродливой. Как самую некрасивую император и отдал ее в жены вождю гуннов-сюнну. О красоте Ван Чжаоцзюнь император узнал лишь на прощальной аудиенции, устроенной по случаю отъезда вождя, и тут же влюбился в нее. Но договор был заключен, и Ван Чжаоцзюнь пришлось уехать на север, где она вскоре умерла, тоскуя по родине.

Хуан Чунгу (Х в.). — История о том, как талантливая девица, спрота Чунгу, выдавала себя за мужчину и состояла на службе в канцелярии министра, легла в основу известной пьесы XVI в. «Дева-чжуаньюань» («чжуаньюань» — почетное звание для лица, лучше других выдержавшего экзамен при дворе).

девичья фамилия Сюэ,— так кто же она, как не Сюэ Tao! Кроме того, на ручке кисти стоит фамилия Гао — наверняка это сычуаньский наместник — Гао Пянь. Когда он был в Сычуани, самым большим его благородством было пользоваться именно Сюэ Tao. И несомненно, кисть и пресс — подарки, полученные ею от Гао Пяня. Сюэ Tao давно умерла, а душа ее, по-видимому, все еще не находит покоя. И, пожалуй, не стоит нам дальше вникать в это дело,— сказал в заключение Чжан.

Тянь Болу понимал, что Чжан, вероятно, прав, но, боясь за сына, что он не сумеет освободиться от чар знаменитой гетеры, отправил его на родину, в Гуандун.

Впоследствии Мэнъи выдержал экзамен на степень *цзиньши. Он часто рассказывал людям о своей необычайной встрече и в доказательство показывал полученные им в подарок вещицы. И, несмотря на то, что он много думал о красавице, ему больше никогда не довелось увидеть ее.

Предание о том, как Мэнъи повстречал Сюэ Tao, до сих пор еще живет в народе.

Вы спросите, зачем я рассказал вам такую чертовщину? А вот зачем. Я хочу обратить ваше внимание на то, что сычуаньские женщины издавна славились своими талантами. Например, *Вэньцзюнь и *Чжаоцзюнь — обе были родом из Сычуани, и обе обладали литературным дарованием. И вот даже простая гетера Сюэ Tao была столь талантлива, что еще при жизни прославилась стихами не менее, чем знаменитые поэты, а после смерти жила все тем же поэтическим вдохновением. Нет сомнения, что это дар природы, влияние окружающих гор и рек.

*Полноводна река Цзиньцзян,
Прелестны горы Эмэй.
Породили они талантливых женщин,
Таких, как Вэньцзюнь и Сюэ Tao.*

Так писал один из танских поэтов о Сычуани. А была еще такая, как *Хуан Чунгу. Она носила мужское платье и состояла на службе у министра царства Ранне Шу; ее прозвали академик-девица; она тоже родом из Сычуани, и это безусловно говорит о том, что тамошние женщины издревле были талантливы. Нравы и обычаи в Сычуани и поныне таковы, что женщины

自小从

师上学，与男人一般读书，还有考试进庠，做青衿弟子。若在别处，岂非大段奇事？而今说着一家子的事，委曲奇诧，最是好听。

从来女子守闺房，几见裙钗入学堂？

文武习成男子业，婚姻也只自商量。

话说四川成都府绵竹县，有一个武官，姓闻，名磷，乃是卫中世袭指挥。因中过武举两榜，累官至参将，就镇守彼处地方。家中富厚，赋性豪奢，夫人已故，房中有一班姬妾，多会吹弹歌舞。有一子，也是妾生，未满三周。有一个女儿，年十七岁，名曰蜚娥，丰姿绝世，却是将门将种，自小习得一身武艺，最善骑射，直能百步穿杨，模样虽是娉婷，志气赛过男子。他起初因见父亲是个武出身，受那外人指目，只说是个武弁人家，必须得个子弟在黉门中出入，方能结交斯文士夫，不受人的欺侮。争奈兄弟尚小，等他长大不得，所以一向妆做男子，到学堂读书。外边走动，只是个少年学生，到了家中内房，方还女扮。

如此数年，果然学得满腹文章，博通经史。这也是蜀中做惯的事，遇着

Классические книги — девять канонических книг, составляющих основу конфуцианской учености: «Книга перемен» («Ицзин»), «Книга песен» («Шицзин»), «Книга исторических деяний» («Шуцзин»), «Книга обрядов» («Лицзи») и «Летопись Чуньцю» («Чуньцю»), известные в китайской литературной традиции под общим названием «Пятикнижие»; «Великое учение» («Дасюэ»), «Учение о середине» («Чжунъюн»), «Беседы и суждения» («Луньюй») и «Мэн-цзы», вошедшие в литературу под общим названием «Четверокнижие».

с детства учатся наравне с мужчиной и даже держат экзамены и поступают в высшие училища. Случись это в другом месте, сочли бы неслыханным делом!

Ну а теперь начну рассказ об одной удивительной, необычайной и очень интересной истории.

Истари так уж давно повелось —
девицам сидеть взаперти.
Когда и какой доводился из них
в школу учиться ходить?
Та, о которой теперь расскажу,
все делала, как мужчина,
И, как устроить свадьбу свою,
она решила сама.

В Сычуани, в области Чэнду, в уезде Мяньчжу, жил один военный, по фамилии Вэнь, по имени Цюэ, — наследственный командующий местным гарнизоном. Он выдержал два военных экзамена, дослужился до высокого чина и в должности командующего гарнизоном охранял те места. Это был человек щедрой и широкой натуры, и жил он богато. Жена его уже умерла. Были у него вторые жены — все талантливые, умели играть на музыкальных инструментах, танцевать, петь. Одна из вторых жен родила ему сына. Была у него и семнадцатилетняя дочь Фэйэ — девушка редчайшей красоты. Это была достойная дочь своего отца: еще в детстве она овладела искусством боя, прекрасно ездила верхом и так метко стреляла из лука, что могла за сто шагов попасть в ивовый листок. И хотя с виду она казалась нежной и изящной, но силой и твердостью характера превосходила любого мужчину. Девушка знала, что над ее отцом, как над человеком военным, нередко издеваются, называя «грубым воякой». Если бы кто-нибудь из их семьи был бы сюзаем и вращался в ученых кругах, среди литераторов, тогда им не пришлось бы терпеть обиды от людей. Но увы, брат ее был мал — ему тогда не исполнилось еще трех лет, — и рассчитывать на него в ближайшее время не приходилось. Поэтому Фэйэ давно наряжалась мальчиком, ходила в школу и всюду появлялась как юноша-учащийся. Только дома она переодевалась в женское платье. Так прошло несколько лет. За это время она овладела большими знаниями, отлично изучила *классические книги и историю. И однажды, когда к ним в город в положенное время при-

提学到来，他就报了名，改为胜杰（说是胜过豪杰男人之意），表字俊卿，一般的入了队，去考童生。一考就进了学，做了秀才。他男扮久了，人多认他做闻参将的小舍人，一进了学，多来贺喜，府县迎送到家。参将也只是将错就错，一面欢喜开宴：盖是武官人家，秀才乃极难得的。从此参将与官府往来，添了个帮手，有好些气色。为此，内外大小却像忘记他是女儿一般的，凡事尽是他支持过去。

他同学朋友，一个叫做魏撰，字子中。两人多是出群才学，英锐少年，与闻俊卿意气相投，学业相长。况且年纪差不多，魏撰之年十九岁，长闻俊卿两岁；杜子中与闻俊卿同年，又是闻俊卿月生大些。三人就像一家弟兄一般，极是过得好，相约了同在学中一个斋舍里读书。两个无心，只认做一伴的好朋友；闻俊卿却有意，要在两个里头拣一个嫁他。两个人并起来，又觉得杜子中同年所生，凡事仿佛些，模样也是他标致些，更为中意，比魏撰之分外说得投机。

杜子中见闻俊卿意思又好，丰姿又妙，常对他道：“我与兄两人，可惜多做了男子。我若为女，必当嫁兄；兄若为女，我必当娶兄。”

Шэнцзе — в переводе: «Смелых превосходящий».

Цзюньцин — в переводе: «Способностью и умом выдающийся».

ехал инспектор — экзаменатор учащихся их провинции, она подала заявление на участие в экзаменах, в котором назвала себя *Шэнцзе, и придумала себе второе имя — *Цзюньцин, как бы говоря тем самым, что она ни в чем не уступает выдающимся и смелым мужчинам. Вместе с юношами-сверстниками она держала экзамены в училище. К счастью, ее литературная звезда сияла у нее над головой: она выдержала экзамены с первого же раза и стала сюцаем. Давно уже ходила она наряженная юношой, и все принимали ее за сына Вэнь Цюэ. Как только стало известно, что Цзюньцин выдержал экзамен и поступает в училище как сюцай, к ним в дом стали приходить с поздравлениями, а представители уездных и областных властей встретили молодого ученика, когда он возвращался с экзаменов, и проводили до самого дома. «Ошибка так уж ошибка», — решил отец и задал в честь дочери пир: ведь это большая радость, чтобы в военной семье был сюцай.

С тех пор у Вэнь Цюэ появился помощник, который помогал ему в делах, что, конечно, прибавило ему достоинства и чести в отношениях с местными властями. В доме и стар и мал — все словно позабыли, что Фэй девочка, и в любом деле распоряжалась она.

Надо сказать, что у Фэй было два хороших приятеля — оба ее соученики. Одного из них звали Вэй Цзяо, второе имя его было Чжуаньчжи, другого — Ду И, второе имя — Цзычжун. Все трое были почти ровесниками: Чжуаньчжи исполнилось девятнадцать лет, и он был старше Цзюньцина на два года, а Цзычжун был чуть-чуть моложе Фэй. Все трое были дружны, словно родные братья, и в училище занимались в одном кабинете. Они находили много общего, делились мыслями и в ученых беседах совершенствовали свои знания. Юноши, ничего не подозревая, считали Цзюньцина своим товарищем, она же имела в виду одного из них выбрать себе в мужья и потому нередко задумывалась над тем, кто из них лучше. Цзычжун был одних лет с ней, во многих отношениях похож на нее, красивее Чжуаньчжи, а потому нравился ей больше, и беседы с ним текли всегда задушевнее. Цзычжун находил Цзюньцина очень интересным, красивым молодым человеком и часто говорил ей:

— Жаль, что мы с тобою мужчины, не то, будь я женщиной, непременно вышел бы за тебя замуж, а будь ты женщиной, я женился бы на тебе.

魏撰之听得，便取笑道：“而今世界盛行男色，久已颠倒阴阳，那见得两男便嫁娶不得？”闻俊卿正色道：“我辈俱是孔门弟子，以文艺相知，彼此爱重，岂不有趣？若想着淫昵，便把面目放在何处？我辈堂堂男子，谁肯把身子做顽童乎？魏兄该罚东道便好。”魏撰之道：“适才听得杜子中爱慕俊卿，恨不得身为女子，故尔取笑。若俊卿不爱此道，子中也就变不及身子了。”杜子中道：“我原是两下的说话，今只说得一半，把我说得失便宜了。”魏撰之道：“三人之中，谁叫你独小些？自然该吃亏些。”大家笑了一回。

俊卿归家来，脱了男服，还是个女人。自家想道：“我久与男人做伴，已是不宜。岂可他日舍此同学之人，另寻配偶不成？毕竟止在二人之内了。虽然杜生更觉可喜，魏兄也自不凡，不知后来还是那个结果好？姻缘还在那个身上？”心中委决不下。

他家中一个小楼，可以四望，一个高兴，趁步登楼。见一只乌鸦在楼窗前飞过，却去住在百来步外一株高树上，对着楼窗“呀呀”的叫。俊卿认得这株树乃是

Конфуций (551—479 гг. до н. э.).— Под этим именем известен Кун Цю (он же Кун Чжунни), основатель древнекитайской этико-политической школы философов. Конфуцианство, развиваемое и пропагандируемое многочисленными учениками Конфуция, сыграло огромную роль в формировании китайской культуры и со времен династии Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.) стало основной идеологией господствующих классов феодального Китая.

— Мужская любовь сейчас в моде,— как-то подшутил над ним Чжуаньчжи.— Давно уже все перемешалось, да и где это сказано, что двое мужчин не могут пожениться?

— Все мы следуем учению *Конфуция,— серьезно заметила Цзюньцин.— Дружба зиждется на учебе, на обретении знаний, и потому мы друг друга уважаем и ценим. Выдавать себя за почитателей Конфуция и думать о разврате, как же тогда в глаза глядеть людям? И вообще, разве это достойно гордых, смелых мужчин? Нет, Чжуаньчжи, штраф! За тобой угощение!— сказала в заключение Цзюньцин.

— Я просто пошутил. Ну, представляешь,— услышать, что ты очень нравишься Цзычжуну и что он не прочь стать женщиной!— оправдывался Чжуаньчжи.— Но если тебе мои соображения не по душе, то ничего не поделаешь, ведь Цзычжуну никак не превратиться в женщину.

— Я говорил и другое: говорил, что ничего не имею против, если Цзюньцин станет женщиной, а ты привязался только к первой половине моего высказывания. Ты меня ставишь в глупое положение,— заявил Цзычжун.

— Хочешь не хочешь, а придется тебе сносить кое-какие обиды,— перебил его Чжуаньчжи.— Кто виноват, что ты самый младший из нас?

Поговорили, посмеялись, и Цзюньцин пошла домой. Вернувшись к себе, она снова переоделась в женское платье. «Я все время нахожусь среди мужчин, и это становится не совсем удобным,— подумала она.— Но неужели нельзя выбирать супруга из своих товарищей, а надобно искать неизвестно кого на стороне? Нет, то будет один из них,— решила она.— Цзычжун очень и очень славный, но Чжуаньчжи тоже неплох. С кем же из них будет мне лучше и кто из них моя судьба?»

Долго она думала над всем этим, но никак не могла прийти к определенному решению.

Дом у них был с маленькой башней, откуда можно было оглядеть всю окрестность. Занятая своими мыслями, Цзюньцин не заметила, как поднялась на башню. В это время ворон опустился на ветку высокого дерева, которое росло неподалеку, шагах в ста от башни. Он смотрел в сторону Цзюньцин и громко каркал. Дерево это было хорошо знакомо Цзюньцин: оно возвышалось

学中斋前之树，心里道：“叵耐这业畜叫得不好听，我结果他去。”跑下来自己卧房中，取了弓箭。跑上楼来，那乌鸦还在那里狠叫。俊卿道：“我借这业畜，卜我一件心事则个。”扯开弓，搭上箭，口里轻轻道：“不要误我。”飕的一响，箭到处，那边乌鸦坠地。这边望去看见，情知中箭了，急急下楼来，仍旧改了男装，要到学中看那枝箭的下落。

且说杜子中在斋前闲步，听得鸦鸣正急，忽然扑的一响，掉下地来。走去看时，鸦头上中了一箭，贯睛而死。子中拔了箭出来道：“谁有此神手？恰恰贯着他头脑！”仔细看那箭杆上，有两行细字道：“矢不虚发，发必应弦。”子中念罢，笑道：“那人好夸口！”魏撰之听得，跳出来急叫道：“拿与我看！”在杜子中手里接了过去。正同看时，忽然子中家里有人来寻，子中掉着箭自去了。魏撰之细看之时，八个字下边还有“蜚娥记”三小字。想道：“蜚娥乃女人之号，难道女人中有此妙手？这也诧异！适才子中不看见这三个字，若见时，必然还要称奇了。”

沈吟间，早有闻俊卿走将来。看见魏撰之捻了这枝箭，立在那里，忙问道：“这枝箭是兄拾了么？”撰之道：“箭自何来的？兄却如此盘问！”俊卿道：“箭上有字的么？”撰之道：“因为有字，在此念想。”俊卿道：“念想些甚么？”

во дворе училища перед самым их кабинетом. «До чего противно кричит! — подумала Цзюньцин. — Сейчас я расправлюсь с тобой!» Девушка быстро спустилась к себе в спальню, взяла лук и стрелу и снова взбежала на башню. Ворон все еще сидел на дереве и каркал. «Воспользуюсь-ка я этим случаем и загадаю одно заветное желание...» С этой мыслью Цзюньцин вложила стрелу, натянула лук.

— Не подведи! — прошептала она и выстрелила. Резкий свист, и ворон упал на землю.

Цзюньцин поняла, что попала в цель, тотчас сбежала вниз, переоделась в мужское платье и направилась в училище за своей стрелой.

Тем временем Цзычжун прогуливался возле кабинета. Он видел, как неистово каркавший ворон вдруг свалился на землю, и подошел к нему. Стрела угодила птице в глаз. «Интересно, — кто этот чудесный стрелок — ведь сумел попасть прямо в голову?», — подумал Цзычжун, вынимая стрелу и внимательно ее разглядывая. Тут он заметил на стреле мелко выведенную надпись: «Мимо цели не бьет». Цзычжун прочел надпись вслух и рассмеялся: «Ну и хвастун!»

Эти слова услышал Чжуаньчжи и выбежал из кабинета.

— А ну покажи, что у тебя! — сказал он Цзычжуну и взял у него стрелу. Вместе они стали ее рассматривать, но в это время за Цзычжуном прислали из дома, и он ушел.

Внимательно разглядывая стрелу, Чжуаньчжи заметил, что под надписью очень мелкими знаками стояло еще «Фэйэ».

«Фэйэ?.. Это же женское имя. Неужели среди женщин есть такие искусные стрелки? Просто поразительно! Цзычжун не обратил внимания, что здесь еще стоит имя. Вот удивился бы!»

Тем временем во дворе появилась Цзюньцин.

— Это ты нашел стрелу? — спросила она Чжуаньчжи, как только увидела его, задумавшегося, со стрелой в руках.

— Я, а что? Почему ты спрашиваешь?

— На стреле написано что-нибудь?

— В том-то и дело. Поэтому я стою тут над ней и думаю.

— О чем?

撰之道：“有‘蜚娥记’三字，蜚娥必是女人，故此想着。难道有这般善射的女子不成？”俊卿搗个鬼道：“不敢欺兄，蜚娥即是家姊。”撰之道：“令姊有如此巧艺！曾许聘那家了？”俊卿道：“未曾许人家。”撰之道：“模样如何？”俊卿道：“与小弟有些厮像。”撰之道：“这等，必是极美的了。俗语道：‘未看老婆，先看阿舅。’小弟尚未有室，吾兄与小弟做个撮合山何如？”俊卿道：“家下事多是小弟作主，老父面前，只消小弟一说，无有不依。只未知家姐心下如何。”撰之道：“令姊面前，也在吾兄帮衬，通家之雅，料无推拒。”俊卿道：“小弟谨记在心。”撰之喜道：“得兄应承，便十有八九了。谁想姻缘却在此枝箭上？小弟谨当宝此，以为后验。”便把箭来收拾在拜匣内了，取出羊脂玉佩一个，递与俊卿道：“以此奉令姊，权答此箭，作个信物。”俊卿收来束在腰间。撰之道：“小弟作诗一首，道意于令姊，何如？”俊卿道：“愿闻。”撰之道：

闻得罗敷未有夫，支机肯许问津无？
他年得射如泉雉，珠重今朝金仆姑。

Визитная шкатулка — небольшой продолговатый ящик, предназначенный для визитных карточек или подарков.

Ло Фу (V — IV вв. до н. э.) — жена управляющего-эконома при князе удела Чжао; известна как красавица и целомудренная женщина.

Но камень даст ли девица тому, кто ищет брод? — Подразумевается учащийся. По легенде, некий путешественник, плывя по реке, увидел на берегу девушку, вручившую ему на память в знак своей благосклонности каменное колечко от воротника.

Жугао. — В древней летописи «Цзочжуань» (IV — III вв. до н. э.) говорится о некоем Цзя Жугао, человеке с уродливой внешностью, женившемся на красавице. Жена Жугао не разговаривала с мужем и не улыбалась ему. Лишь через три года, когда Жугао подстрелил фазана, красавица заговорила с ним и улыбнулась. Здесь намек на желание Чжуаньчжи обратить на себя внимание женщины, вызвать у нее улыбку.

— Там написано «Фэйэ», а Фэйэ — это, конечно, женщина, вот я и задумался: неужели среди женщин есть такие меткие стрелки?

— Ну что же, не буду скрывать от тебя: Фэйэ — это моя старшая сестра, — соврала Цзюньцин.

— Твоя сестра?! И так превосходно стреляет?! — воскликнул Чжуаньчжи. — Скажи, а она просватана?

— Нет еще.

— А как она выглядит? — допытывался Чжуаньчжи.

— Немного похожа на меня.

— Ну если так, значит, она очень красивая. В старой пословице верно говорится: «Не видел невесту — погляди на шурина». Жены у меня нет, — продолжал Чжуаньчжи. — Послушай, не взялся бы ты быть моим сватом?

— Ну что ж, у нас дома в общем-то хозяин я. Стоит мне только отцу слово сказать, и он на все согласится. Но вот как сама сестра, не знаю.

— Пожалуйста, замолви и перед ней за меня словечко. При нашей дружбе, я думаю, ты не откажешься.

— Ладно, буду иметь в виду.

Чжуаньчжи обрадовался.

— Раз ты согласен, дело, можно сказать, уложено. Кто мог подумать, что моя судьба будет зависеть вот от этой стрелы? Обязательно сохранию ее.

Он спрятал стрелу в *визитную шкатулку, затем, протягивая Цзюньцин яшмовую подвеску, сказал:

— Вот это подношу твоей сестре для скрепления слова как подарок в ответ на стрелу.

Цзюньцин привязала подвеску к поясу.

— А что, если я сочиню сейчас стихи для твоей сестры и попрошу тебя передать их ей?

— Давай послушаю, — сказала Цзюньцин, и Чжуаньчжи проскандировал:

Узнал я, что не замужем
красавица *Ло Фу.

*Но камень даст ли девица
тому, кто ищет брод?

Чтоб подстрелить когда-нибудь
фазана, как *Жугао,
я бережно храню
заветную стрелу.

俊卿笑道：“诗意最妙，只是兄貌不陋，似太谦了些。”撰之笑道：“小弟虽不便似贾大夫之丑，却与令姊相并，必是不及。”俊卿含笑自去了。

从此撰之胸中，痴痴里想着闻俊卿有个姊姊，美貌巧艺，要得为妻，有了这个念头，并不与杜子中知道。因为箭是他拾着的，今自己把做宝贝藏着，恐怕他知因，来要了去。谁想这个箭元有来历，俊卿学射时节，便怀有择配之心。竹干上刻那二句，固是夸着发矢必中，也暗藏个应弦的哑谜。他射那乌鸦之时，明知在书斋树上，射去这枝箭，心里暗卜一卦：看他两人那个先拾得者，即为夫妻，为此急急来寻下落。不知是杜子中先拾着，后来掉在魏撰之手里。俊卿只见在魏撰之处，以为姻缘有定，故假意说是姐姐，其实多暗隐着自己的意思。魏撰之不知其故，凭他捣鬼，只道真有个姐姐罢了。

俊卿固然认了魏撰之是天缘，心里却为杜子中十分相爱，好些撇打不下。叹口气道：“一马跨不得双鞍，我又违不得天意。他日别寻件事端，补还他美情罢。”明日来对魏撰之道：

— Хорошо сказано, — шутливым тоном заметила Цзюньцин, — но только ты слишком уж скромничаешь, сравнивая себя с Жугао. Вовсе ты не безобразен.

— Ну, хоть я и не такой некрасивый, каким был в свое время Жугао, но мне наверняка далеко до твоей сестры.

Цзюньцин улыбнулась на это и ушла.

С тех пор Чжуаньчжи одолевала одна мысль: «У Цзюньцина есть красавица сестра, которая еще и великолепно стреляет. Непременно нужно добиться, чтобы она досталась мне в жены». Однако своим мыслями он не поделился с Цзычжуном; как-никак, стрелу поднял тот, и Чжуаньчжи боялся, что, расскажи он ему, у Цзычжуна тоже может возникнуть желание посвататься к сестре Цзюньцина. Словом, он молчал и никогда об этой стреле не заговаривал.

А надо сказать, что, когда Цзюньцин еще только начинала учиться стрелять, уже тогда она думала о выборе жениха. И хотя слова, которые она вырезала на стреле: «Мимо цели не бьет», были, конечно, преувеличением, но она вкладывала в них особый смысл, свое заветное желание. Когда Цзюньцин стреляла в ворона, она прекрасно знала, что птица сидит на дереве, которое растет в училище возле их кабинета, и потому, спуская тетиву, загадала: кто из двоих друзей подберет стрелу, тот ее суженый. Поэтому она тогда так торопливо направилась в училище посмотреть, у кого оказалась стрела. Она не знала, что стрелу поднял Цзычжун и что только потом она попала к Чжуаньчжи. И, увидев стрелу в его руках, она подумала, что вопрос о замужестве решен, и нарочно сказала Чжуаньчжи о своей сестре, имея в виду самое себя. А Чжуаньчжи, ничего не подозревая и ни о чем не ведая, поверил, что у Цзюньцина есть сестра.

Итак, полагая, что Чжуаньчжи — это спутник жизни, назначенный ей самим небом, Цзюньцин уже в душе с этим смирилась, но отказаться от Цзычжуна, с которым она очень дружила, ей было жалко, и она как-то со вздохом сказала себе: «Ну что же, одну лошадь не седлают двумя седлами! Да и против воли неба не пойдешь — как-нибудь иначе придется отблагодарить Цзычжун за его добрые чувства ко мне».

На следующий день она сказала Чжуаньчжи:

“老父与家姊面前，小弟十分撺掇，已有允意，玉闹妆也留在家姊处了。老父的意思，要等秋试过，待兄高捷了，方议此事。”魏撰之道：“这个也好，只是一言既定，再无翻变才妙。”俊卿道：“有小弟在，谁翻变得？”魏撰之不胜之喜。

时值秋闱，魏撰之与杜子中、闻俊卿多考在优等，起送乡试，两人来拉了俊卿同去。俊卿与父参将计较道：“女孩儿家只好瞒着人暂时做秀才要子。若当真去乡试，一下子中了举人，后边露出真情来，就要关着奏请于子。事体弄大了，不好收场，决使不得。”推了有病不行，魏、杜两生只得撇了，自去赴试。揭晓之日，两生多得中了。

闻俊卿见两家报了，也自欢喜。打点等魏撰之迎到家时，方把求亲之话与父亲说知，图成此亲事。不想安绵兵备道与闻参将不合，时值军政考察，在按院处开了款数，递了一个揭帖，诬他冒用国课、妄报功绩、侵克军粮、累赃巨万。按院参上一本，奉圣旨：着本处抚院提问。此报一至，闻家合门慌做了一团，也就有

Цзюйжэнь — вторая ученая степень

Вестники — те, кто первыми сообщали экзаменовавшимся или их близким о результате экзаменов. Обычно такие люди получали за свой труд вознаграждение.

Государственные экзамены были введены в Китае в 121 г. и просуществовали вплоть до 1905 г. Экзамены на первую ученую степень (сюцай) проводились в уездном городе, на вторую (цзюйжэнь) — в области, на третью и высшую (цзыньши) — в столице. С 973 г. после столичных экзаменов устраивался экзамен при дворе, где экзаменатором был сам император. С 1375 г. трое лучших из выдержавших этот экзамен зачислялись в придворную Академию (Палату ученых). Сдать такие экзамены, а следовательно, получить ученую степень, которая обеспечивала соответствующее положение в обществе и материальные блага, всегда было заветной меч-

— Яшмовую подвеску я передал сестре и много говорил о тебе с ней и с отцом. Они будто бы склонны согласиться, только отец сказал, что окончательно оба всем договоримся, когда ты выдержишь осенние экзамены.

— Что ж, слово сказано! — довольный, воскликнул Чжуаньчжи. — Лишь бы твои ему не изменили.

— А я на что?! Хотел бы я посмотреть, кто посмеет изменить данному мне слову!

Чжуаньчжи был страшно рад.

И вот настали осенние экзамены. Чжуаньчжи, Цзычжун и Цзюньцин выдержали уездные экзамены в числе лучших, и всех троих должны были направить на экзамен в область. Чжуаньчжи и Цзычжун уговаривали друга поехать с ними. Цзюньцин, советуясь об этом с отцом, говорила:

— Какое-то время я могла, конечно, водить людей за нос и шутки ради ходить в сюцаях, но ехать на экзамены в область — это уж слишком! Представь себе, вдруг я выдержу на *цзюйжэня, а потом выяснится, что я женщина, последует донос, и дело примет такой оборот, что потом не расхлебать. Нет, держать экзамен в области ни в коем случае нельзя.

Сославшись на болезнь, Цзюньцин отказалась ехать. Чжуаньчжи и Цзычжуну осталось отправиться на экзамены вдвоем. Когда в области вывесили списки выдержавших экзамены, они оба оказались в их числе. Цзюньцин, узнав о том, что и в дом к Чжуаньчжи и в дом Цзычжуну прибыли *вестники с поздравлениями, очень обрадовалась и решила, что, когда Чжуаньчжи вернется домой, она расскажет своему отцу о сватовстве. Но случилось иначе.

Окружной военный инспектор не ладил с Вэнь Цюэ. Воспользовавшись военной инспекцией, которая как раз в это время проводилась в уезде, инспектор послал в областной суд донесение, в котором обвинял Вэнь Цюэ в растрате сумм, полученных от государственных налогов, в присвоении несуществующих заслуг, в хищении довольствия и, наконец, в том, что он, мол, таким вот нечестным путем скопил огромные богатства. Областной суд послал об этом доклад императору, и вскоре был получен приказ, в котором инспектору провинции предписывалось расследовать дело.

Когда весть об этом дошла до Вэнь Цюэ, все его домашние всполошились. К Вэнь Цюэ стали приходить

许多衙门人寻出事端来缠扰。还亏得闻俊卿是个出名的秀才，众人不敢十分罗唣。过不多时，兵道行个牌到府来，说是奉旨犯人，把闻参将收拾在府狱中去了。闻俊卿自把生员出名，去递投诉，就求保候父亲。府间准了诉词，不肯召保，俊卿就央了同窗新中的两个举人去见府尊。府尊说：“碍上司分付，做不得情。”三人袖手无计。此时魏撰之自揣道：“他家患难之际，料说不得求亲的闲话。”只好不提起，且一面去会试再处。

两人临行之时，又与俊卿作别。撰之道：“我们三人，同心之友。我两人喜得侥幸，方恨俊卿因病蹉跎，不得同登，不想又遭此家难。而今我们匆匆进京去了，心下如割，却是事出无奈。多致意尊翁，且自安心听问。我们若少得进步，必当出力相助，来自此冤。”子中道：“此间官官相护，做定了圈套陷人。闻兄只在家营救，未必有益。我两人进去，倘得好处，闻兄不若径到京来商量，与尊翁寻个出场。还是那边上流头，好辨白冤枉，我辈也好相机助力。切记，切记！”撰之又私自叮嘱道：“令姊之事，

той образованного человека. Осуществить эту мечту было далеко не просто: надо было затратить не один год, чтобы подготовиться к экзаменам (следовало хорошо знать и классические книги древности, и старинную поэзию, обладать изящным слогом и каллиграфическим почерком); приходилось нести и большие материальные затраты, связанные с переездами и жизнью вне дома, с приобретением книг и многими другими расходами. В минский период система государственных экзаменов, по существу, вырождается: тщательный отбор абитуриентов по их социальному происхождению, взяточничество и продажность среди экзаменаторов приводили к тому, что, как правило, лишь представители господствующего класса имели к ним доступ и возможность их благополучного прохождения.

какие-то приказные с придирками то по одному, то по другому делу. Хорошо еще, что Цзюньцин был известным сюзаем, и особенно распоясываться никто не смел. Но через некоторое время к Вэнь Цюэ явились люди с распоряжением из военного ведомства, заявили, что его как преступника арестовывают по приказу свыше, что никаких послаблений в отношении него поэтому не может быть допущено, и забрали в тюрьму.

Цзюньцин как сюзай написала от себя жалобу, в которой просила, чтобы ей разрешили взять отца на поруки. В области прицяли жалобу, но выдать Вэнь Цюэ на поруки не согласились. Тогда Цзюньцин попросила Чжуаньчжи и Цзычжуну поговорить лично с правителем области, но тот ответил, что ничем помочь не может, поскольку в отношении Вэнь Цюэ имеется распоряжение свыше. Цзюньцин, Чжуаньчжи и Цзычжун не знали, что еще предпринять.

«Теперь у них такая беда, что им, конечно, не до сватовства,— рассуждал Чжуаньчжи.— Придется с этим повременить, ехать на столичные экзамены, а там будет видно». Перед отъездом, прощаясь с Цзюньциной, он сказал:

— Все мы — близкие друзья, двоим из нас повезло, а вот тебе, Цзюньцин, к сожалению, не довелось из-за болезни держать вместе с нами последние экзамены, а тут еще и в семье у тебя такое несчастье. Сейчас мы должны срочно ехать в столицу на экзамен, но в сердце у нас словно острый нож. Что ж тут поделаешь! Просим передать привет твоему отцу, а ты не волнуйся и спокойно жди. Если нам удастся хоть немного выдвинуться, мы, конечно, приложим все усилия, чтобы смыть эту обиду.

— У нас тут чин чина выгораживает,— говорил в свою очередь Цзычжун,— и ясно, они будут строить всякие козни, чтобы погубить человека. Если ты, Цзюньцин, будешь хлопотать за отца только здесь, на месте, то вряд ли из этого выйдет толк. Мы теперь будем в столице, и если нам повезет с экзаменами, лучше всего приезжай прямо к нам, обдумаем все и найдем какой-нибудь выход. Все-таки в столице, где все высшее начальство, легче добиться справедливости, да и нам будет виднее по обстоятельствам, как и чем лучше помочь. Прошу тебя, помни об этом!

— А что до твоей сестры,— шепнул ей Чжуань-

万万留心。不论得意不得意，此番回来，必求事谐了。”俊卿道：“闹妆现在，料不使兄失望便了。”三人洒泪而别。

闻俊卿自两人去后，一发没有商量可救父亲。亏得官无三日急，倒有七日宽，无非凑些银子，上下分派一分派，使用得停当，狱中的也不受苦，官府也不来急急要问，丢在半边，做一件未结公案了。

参将与女儿计较道：“这边的官司既未问理，我们正好做手脚，我意要修上一个辨本，做成一个备细揭帖，到京中诉冤。只没个能干的人去得，心下踌躇未定。”闻俊卿道：“这件事须得孩儿自去。前日魏、杜两兄临别时，也教孩儿进京去，可以相机行事，但得两兄有一人得第，也就好做靠傍了。”参将道：“虽然你是个女中丈夫，是你去毕竟停当。只是万里程途；路上恐怕不便。”俊卿道：“自古多称缇萦救父，以为美谈，他也是个女子，况且孩儿男妆已久，游庠已过，一向算在丈夫之列，有甚去不得？虽是路途遥远，孩儿弓矢可以防身。倘有甚么人盘问，凭着胸中见识，也支持得他过，不足为虑。只是须得个男人随去，这却不便。

Тиин.— По преданию, во времена императора Вэнь-дзи (179—156 гг. до н. э.) некий Чуньюй И, начальник уезда, за совершенный им проступок был препровожден в столицу, заключен в тюрьму и приговорен к телесному наказанию. Его дочь Тинн последовала за ним в столицу и стала молить императора о прощении отца, предлагая себя в рабыни, чтобы ценой своей свободы искупить его вину. Растроганный император освободил Чуньюй И и отменил наказание.

Ямэнь.— Так в Китае, начиная примерно с X—XI вв. и до 1911 г., обычно называли правительственные учреждения.

чжи,— то, пожалуйста, имей в виду: чем бы ни кончилась моя поездка в столицу, вернувшись, непременно буду добиваться сватовства.

— Яшмовая подвеска у нее,— ответила Цзюньцин,— и будь покоен, я сделаю свое.

При расставании все трое прослезились.

После отъезда друзей Цзюньцин уже не с кем было советоваться, что предпринять и как помочь отцу. Но, к счастью, в казенных *ямэнях на срочном разборе дела в три дня не настаивают, зато откладывают дела на недели. Все сводится к тому, что нужно собрать сколько-то денег и умело распределить взятки между высшими и низшими чинами. Тогда положение заключенного в тюрьме облегчается, власти перестают настаивать на немедленном разборе, дело откладывается в сторону и превращается в одно из «незаконченных». Взвесив все это, Вэнь Цюэ как-то при свидании с дочерью сказал:

— Поскольку дело мое здесь пока не разбирают, сейчас как раз удобный момент действовать. Я думаю написать объяснение и составить жалобу; единственное, что меня останавливает, это то, что нет такого смышленного и толкового человека, который мог бы поехать хлопотать за меня в столицу.

— По этому делу надо ехать мне самой,— сказала Цзюньцин.— Да и друзья недавно, уезжая, тоже советовали мне ехать в столицу и уже в зависимости от обстоятельств действовать. Они мне помогут. Но было бы, конечно, еще лучше, если бы хоть один из них выдержал экзамены!

— Ты у меня отважная! Если ты сама поедешь, это, конечно, будет неплохо. Но путь-то далекий — боюсь, в дороге тебе будет трудно и неудобно.

— Батюшка, вы ведь знаете, что издревле все восхищаются историей *Тиин, которая спасла отца. Она тоже была девицей. А у меня еще есть преимущество перед ней: я давно выдаю себя за мужчину, училась в училище, и никому в голову не приходит, что я женщина. Так почему бы мне не отправиться в столицу? Что тут такого? Путь хоть и далек, но у меня с собой будут лук и стрелы — защитить себя я сумею, а если кто спросит о чем-нибудь таком, о чем не спрашивают женщин, то я все-таки кое-что знаю и не растеряюсь, не выдам себя — беспокоиться за меня нечего. Только действительно будет неудобно, если я возьму с собой

孩儿想得有个道理：家丁闻龙夫妻，多是苗种，多善弓马，孩儿把他妻子也扮做男人，带着他两个，连孩儿共是三人一起走。既有妇女伏侍，又有男仆跟随，可以放心一直到京了。”参将道：“既然算计得停当，事不宜迟，快打点动身便是。”

俊卿依命，一面去收拾，听得街上报进士，说魏、杜两人多中了。俊卿不胜之喜，来对父亲说道：“有他两人在京做主，此去一发不难做事。”就拣定一日，作急起身。在学中动了一个游学呈子，批个文书执照，带在身边了。路经省下来，再察听一察听上司的声口消息。

你道闻小姐怎生打扮？

飘飘巾帻，覆着两鬓青丝；窄窄靴鞋，套着一双玉笋。上马衣

裁成短后，蛮狮带妆就偏垂。囊一张玉靶弓，想开时舒臂扭腰多体态；插几枝雁翎箭，看放处猿啼雕落逞高强。争羨道能文善武的小郎君，怎知是女扮男妆的秀秀士。

Выбрать день — см. «Благоприятный (счастливый) день».

одного слугу. Но тут можно вот что сделать: пусть меня сопровождает Вэнь Лун со своей женой. Оба они родом из племени мяо, а у них там все прекрасные наездники и стрелки. Жену его я наряжу мужчиной, и втроем мы отправимся в путь. Будут у меня тогда и женщина-слуга, и мужчина-проводник, так что можно ехать спокойно.

— Раз ты все так хорошо обдумала, то незачем и откладывать, — сказал Вэнь Цюэ. — Соберись и сразу в путь.

Цзюньцин попрощалась с отцом и ушла готовиться в дорогу. На улице она услышала, как вестники кричали, что Чжуаньчжи и Цзычжун выдержали экзамены. Обрадованная, она вернулась к отцу и сообщила ему об этом.

— Ну, теперь, когда они оба смогут помочь тебе, действовать будет совсем уж нетрудно, — сказал он на прощание.

* Выбрав день для отъезда, Цзюньцин стала укладывать вещи. В училище она подала заявление, что отправляется учиться в странствии, и получила соответствующую грамоту. По пути она решила заехать в областной город, чтобы разузнать там, как настроено начальство.

Как же, вы думаете, выглядела эта девушка в дороге?

Вьется по ветру головная накидка,
Прикрывая черные волосы, ниспадающие на щеки;
Узкие-узкие сапожки облегают ножки,
Подобныеросткам бамбука.
Верхом на коне,
В шароварах, в коротенькой куртке;
С широкого пояса, сжавшего талию туга,
Свисает подвеска со львом.
Лук и колчан под рукой,
Стрелы с гусиными перьями.
Нетрудно представить себе,
Как прелестна она истройна,
Когда на коне повернется
И натянет свой лук;
Там, где стрела пролетит,—
Жалобный крик обезьян,
Подстрелиенный ястреб падает вниз.
Крики восторга — ученому юноше,
И всем невдомек, что это
Мужчиной одетая дева.

一路来到了成都府中，闻龙先去寻下了一所幽静饭店。闻俊卿后到，歇下了行李，叫闻龙妻子取出带来的山菜几件，放在碟内，向店中取了一壶酒，斟着慢吃。

又道是“无巧不成话”，那坐的所在与隔壁人家窗口相对，只隔得一个小天井。正吃之间，只见那边窗里一个女子，掩着半窗，对着闻俊卿不转眼的看。及至闻俊卿抬起眼来，那边又闪了进去。遮遮掩掩，只不走开。忽地打个照面，乃是个绝色佳人。闻俊卿想道：“原来世间有这样标致的！”看官，你道此时若是个男人，必然动了心，就想妆出些风流家数，两下做起光景来。怎当得闻俊卿自己也是个女身，那里放在心上？一面取饭来吃了，且自衙门前干事去。到得出去了半日，傍晚转来，俊卿刚得坐下，隔壁听见这里有声，那个女子又在窗边来看了。俊卿私下自笑道：“看我做甚？岂知我与你是一般样的！”

正嗟叹间，只见门外一个老姥走将进来，手中拿着一个小榼儿。见了俊卿，放下榼子，道了万福，对俊卿道：“间壁景家小娘子，见舍人独酌，送两件果子与舍人当茶。”俊卿开看，乃是南充黄柑，顺庆紫梨各十来枚。俊卿道：“小生在此经过的，与娘子非亲非戚，

Наньчунские апельсины — сорт, названный по уезду Наньчун (prov. Сычуань).

Шуньцинские груши — сорт груш, названный по местности Шуньцин (prov. Сычуань).

И вот она со своими провожатыми прибыла в город Чэнду. Вэнь Лун отправился вперед, чтобы разыскать гостиницу поукромнее и почище, и, когда разыскал, проводил туда Цзюньцин. Путники сняли поклажу. Цзюньцин приказала жене Вэнь Луна приготовить что-нибудь поесть из захваченных с собой припасов, а сама попросила, чтобы ей подали *чайник вина, села за стол и, не торопясь, стала пить. Но, как говорится, «без случайностей не бывает рассказа».

Как раз напротив того места, где сидела Цзюньцин, было окно соседнего дома, от которого гостиницу отделял только маленький дворик. Окно это было чуть приоткрыто, а возле него стояла девица, и, пока Цзюньцин пила вино, девушка не спускала с нее глаз. Когда же Цзюньцин поднимала глаза, та скрывалась, но от окна не отходила. В какой-то момент взгляды их встретились, и Цзюньцин успела заметить, что девушка эта изумительно красива.

«Вот, оказывается, какие красивые женщины бывают на свете!» — подумала Цзюньцин.

Читатель! Будь Цзюньцин мужчиной, сердце ее, конечно, не осталось бы равнодушным; она, наверно, постаралась бы произвести впечатление на красавицу и уж непременно, так или иначе, дать ей понять о своих чувствах. Но Цзюньцин сама была женщиной и потому, не обращая никакого внимания на незнакомку, приступила к обеду, а поев, отправилась в ямэн заниматься делами. Так она провела полдня и вернулась в гостиницу только к вечеру. Не успела она сесть, как красавица из дома напротив, засыпав голоса, опять подошла к окну и стала смотреть в сторону Цзюньцин.

«Что ты глядишь на меня? — смеялась в душе Цзюньцин. — Если бы ты только знала, что я такая же, как и ты!..»

В это время в комнату вошла старушка с коробкой в руке. Подойдя к Цзюньцин, она положила перед ней коробку, поздоровалась и сказала:

— Это от молодой госпожи Цзин, — она видела, что вы пьете один, и велела поднести вам фрукты.

Цзюньцин открыла коробку: там были *наньчунские апельсины и *шуньцинские груши — тех и других штук по десять.

— Я оказался здесь случайно, проездом, — отвечала ей Цзюньцин, — с молодой госпожой ни в родст-

如何承此美意？”老姥道：“小娘子说来：此间来万去千的人，不曾见有似舍人这等丰标的，必定是富家的出身。及至问人来，说是参府中小舍人。小娘子说，这俗店无物可口，叫老媳妇送些物来解渴。”俊卿道：“小娘子何等人家，却居此间壁？”老姥道：“这小娘子是井研景少卿的小姐，只因父母双亡，他依着外婆家住。他家里自有万金家事，只为寻不出中意的丈夫，所以还未嫁人。外公是此间富员外，这城中极兴的客店，多是他家的房子，何止有十来处，进益甚广。只有这里幽静些，却同家每住在隔壁。”他也不敢主张把外甥许人，恐怕错了对头，后来怨怅。常对景小娘子道：“凭你自家看得中意的，实对我说，我就主婚。”这个小娘子也古怪，自会拣相人物，再不曾说那一个好。方才见了舍人，便十分称赞，敢是舍人有些姻缘动了。”俊卿不好答应，微微笑道：“小生那有此福？”老姥道：“好说，好说。老媳妇且去着。”俊卿道：“致意小娘子：多

ve, ни в знакомстве не состою и потому не смею считать себя достойным чести принять ее любезное подношение。

— Госпожа сказала, что среди тысяч и тысяч людей, останавливающихся здесь, ей еще никогда не случалось видеть человека такой красоты, такой приятной, располагающей внешности. Она решила, что вы непременно благородного происхождения, расспрашивала о вас и узнала, что вы сын господина Вэнь Цюэ. Госпожа сказала, что здесь, в захолустной гостинице, не найти ничего вкусного, и велела мне поднести вам вот это, немного утолить жажду.

— Кто такая ваша госпожа и почему она живет здесь, возле гостиницы?

— Она дочь помощника министра господина Цзина из Цзинъяни,— отвечала старушка.— Родители ее умерли, и она живет у своей бабки по матери. Молодая госпожа очень богата, владеет десятками и десятками тысяч, но никак не может найти себе жениха по вкусу. Дед ее по матери — известный в округе господин Фу. Самые большие гостиницы в этом городе почти все принадлежат ему. Домов у него не один десяток, и доходы огромные. Обычно он со всей своей семьей живет здесь, возле гостиницы, где более тихое место. Господин Фу не решается сам сватать внучку за кого-нибудь, так как боится, что пара окажется неподходящей и потом его же будут упрекать. Поэтому он всегда говорит ей: «Ты уж сама смотри и прямо мне скажи, кто тебе понравится, того я и буду сватать». Но молодая госпожа такая странная, она ведь на редкость хорошо разбирается в людях, однако до сих пор еще ни разу не говорила, что ей кто-то пришелся по душе. А вот сейчас увидела вас и так стала хвалить, так расхваливать... Бояюсь, что самой судьбою вам суждено соединиться, и, вероятно, настало время.

Цзюньцин нечего было ей на это ответить. Улыбнувшись, она лишь сказала:

— Ну, где мне такое счастье!

— Ну-ну-ну,— пробормотала стащушка.— Ладно уж, я пошла.

— Поблагодарите, пожалуйста, госпожу и передайте ей, что я премного тронут ее подарком и сожалею, что мне остается только в душе быть признатательным за

承佳惠，客中无可奉答，但有心感盛情。”老姥去了。

俊卿自想一想，不觉失笑道：“这小娘子看上了我，却不枉费春心！”吟诗一首，聊寄其意。诗云：

为念相如渴不禁，交梨邛橘出芳林。

却惭未是求凰客，寂莫囊中绿绮琴。

次日早起，老姥又来。手中将着四枚剥净的熟鸡子，做一碗盛着，同了一小壶好茶，送到俊卿面前道：“舍人吃点心。”俊卿道：“多谢妈妈盛情。”老姥道：“这是景小娘子昨夜分付了，老身支持来的。”俊卿道：“又是小娘子美情，小生如何消受？有一诗奉谢，烦妈妈与我带去。”俊卿就把昨夜之诗写在笺纸上，封好了付妈妈，诗中分明是推却之意。

妈妈将去与景小姐看了。景小姐一心喜着俊卿，见他以相如自比，反认做有意于文君，后边二句不过谦让些说话。遂也回他一首，和其末韵，诗云：

Цинь — китайский музыкальный инструмент, обычно переводимый как «цитра».

Ты жаждешь повстречать Сянжу — намек на чувства Вэньцзюнь (см.) к Сыма Сянжу.

Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.) — известный поэт

ее заботы и внимание. Гередапись также, что, находясь в пути, я не имею возможности ответить ей любезностью.

Когда старуха ушла, Цзюньцин призадумалась: «Приглянулась, видите ли, я ей. Знала бы она, что понапрасну расточает свои чувства!» И, рассмеявшись своим мыслям, она тут же по этому поводу напела стихи:

*Ты жаждешь повстречать Сянжу,
душа полна мечтой.
Я из садов душистый плод
кладу перед собой.
Увы мне! Не привычен я
быть гостем у красоток,
И потому в чехле держу
я *цинь узорный свой¹.

На следующий день старуха пришла опять. На этот раз она принесла чашу с очищенными вареными яйцами и чайник, от которого исходил чудесный аромат. Поставив все это перед Цзюньцин, она сказала:

— Прошу вас позавтракать.
— Благодарю вас, матушка, за ваши заботы,— ответила Цзюньцин.

— Это госпожа Цзин велела мне приготовить угождение и принести вам,— сказала старушка.

— Опять любезные заботы молодой госпожи Цзин! — воскликнула Цзюньцин. — Прямо не знаю, как быть... Тут у меня есть стихи в знак благодарности ей, прошу, передайте их барышне.

Цзюньцин написала вчерашнее стихотворение на бумаге, запечатала и передала старушке. В этом стихотворении, как вы понимаете, был намек на отказ.

Старуха отнесла стихи Цзин, та прочла их, но, увлеченная своими чувствами к молодому человеку, подумала, что он сравнивает себя с Сыма Сянжу и этим хочет сказать, что неравнодушен к ней, как Сянжу к Вэньцзюнь. Последние же строки она просто приняла за проявление скромности и тут же сочинила ответные стихи на те же рифмы:

¹ Это и следующее стихотворение в переводе Л. Меньшикова.

宋玉墙东思不禁，愿为比翼止同林。
知音已有新裁句，何用重挑焦尾琴?
吟罢，也写在乌丝茧纸上，教老姥送将来。

俊卿看罢，笑道：“元来小姐如此高才，难得！难得！”俊卿见他来缠得紧，生一个计较，对老姥道：“多谢小姐美意，小生不是无情。争奈小生已聘有妻室，不敢欺心妄想。上覆小姐，这段姻缘种在来世罢！”老姥道：“既然舍人已有了亲事，老身去回覆了小娘子，省得他牵肠挂肚空想坏了。”老姥去得，俊卿自出门去，打点衙门事体，央求宽缓日期。诸色停当，到了天晚才回得下处。是夜无词。

来日天早，这老姥又走将来，笑道：“舍人小小年纪，倒会掉谎！老婆滚到身边，推着不要。昨日回了小娘子，小娘子教我问一问两位管家，多说道舍人并不曾聘娘子过。小娘子喜欢不胜，已对员外说过，少刻员外自来奉拜说亲，好歹要成事了。”俊卿听罢，吊了半晌道：“这冤家帐那里说起？只索收拾行李起来，趁早去了罢。”分付闻龙与店家会了钞，急待起身。只见店家走

Перерождение.— По буддийским представлениям, живые существа, в зависимости от своего поведения при жизни, после смерти перерождаются в одном из шести царств, на которые делится мир живых существ: небожителей, титанов, людей, животных, голодных духов и чистилище. После новой смерти следует новое перерождение; и до тех пор, пока в результате морального самоусовершенствования личность не освободится от всякой скверны, она не сможет выйти из этого потока перерождений и успокоиться в nirване, то есть в вечном блаженстве.

Так близко — за стеной моей
*Сун Юй объят мечтой.
О, если б вместе в дальний лес
мне улететь с тобой!
Кто музыку постиг мою,
уже прочел стихи,—
И потому не достаю
я цинь узорный свой.

Написав эти стихи на шелку, она велела старухе отнести их Цзюньцин. Та прочла стихи и рассмеялась.

— Оказывается, госпожа очень талантлива! — сказала она и, видя, что от нее никак не хотят отстать, придумала выход. — Поблагодарите госпожу за ее любезность, — обратилась она к старухе. — Я, конечно, не бесчувствен, но дело в том, что я уже обручен, а потому не смею идти против своей совести и мечтать о невозможном. Доложите, пожалуйста, об этом госпоже и скажите, что нашим судьбам суждено будет соединиться лишь в следующем *перерождении.

— Ну, раз вы уже обручены, ничего не поделаешь. Пойду скажу ей об этом, чтобы она напрасно не мучила себя.

Старушка ушла, а Цзюньцин отправилась в ямень хлопотать об отсрочке расследования. Когда она устроила все дела и вернулась, наступил уже вечер.

Ночь прошла без всяких происшествий.

На следующий день утром опять пришла старуха и, улыбаясь, сказала:

— Такой молодой человек, а уже научился врат! Девица сама подкатывается к нему в жены, а он, видите ли, отталкивает ее и отказывается. Вчера, когда я ей доложила обо всем, она велела мне расспросить ваших слуг, и они оба сказали, что вы не просватаны. Госпожа так обрадовалась, что сразу же рассказала о вас нашему господину, и он сам сейчас придет к вам с поклоном и будет говорить о сватовстве. Так или иначе, но теперь уже дело должно быть уложено.

Цзюньцин только таращила глаза. Она долго молчала и наконец пробормотала:

— Откуда такая беда свалилась мне на голову? Остается одно: поскорей собрать пожитки и в путь.

Решив ехать, она распорядилась, чтобы Вэнь Лун расплатился за гостиницу, и уже было поднялась, как появился управляющий гостиницей.

进来报道：“主人富员外相拜闻相公。”说罢，一个七十多岁的老人家笑嘻嘻进来。堂中望见了闻俊卿，先自欢喜，问道：“这位小相公想就是闻舍人了么？”老姥还在店内，也跟将来说道：“正是这位。”富员外把手一拱道：“请过来相见。”闻俊卿见过了礼，整了客座，坐了。

富员外道：“老汉无事不敢冒叩新客，老汉有一外甥，乃是景少卿之女，未曾许着人家。舍甥立愿不肯轻配凡流，老汉不敢擅做主张，凭他意中自择。昨日对老汉说：‘有个闻舍人下在本店，丰标不凡，愿执箕帚。’所以要老汉自来奉拜，说此亲事。老汉今见足下，果然俊雅非常。舍甥也有几分姿容，况且粗通文墨，实是一对佳偶，足下不可错过。”闻俊卿道：“不敢欺老丈，小生过蒙令甥谬爱，岂敢自外？一来令甥是公卿閥閱，小生是武弁门风；恐怕攀高不着；二来老父在难中，小生正要入京辨冤，此事既不曾告过，又不好为此担阁，所以应承不得。”员外道：“舍人是簪缨世家，况又是黉宮名士，指日飞腾，岂分甚么文武门楣？若为令尊之事，慌速入京，

Служить ему с совком и метелкой — то есть быть женой-хозяйкой.

— Хозяин гостиницы, господин Фу, явился навестить вас,— доложил он и не успел еще договорить, как в комнату, улыбаясь, вошел старик Фу. На вид ему было за семьдесят. Когда он взглянул на Цзюньцин, на его лице изобразилась радость, и он спросил:

— Вы господин Вэнь, молодой человек?

Старуха, которая все еще была здесь, подошла к нему.

— Именно он,— сказала она.

Фу, сложив руки в знак приветствия, произнес:

— Будем знакомы!

Цзюньцин поклонилась в ответ, и они сели.

— Без дела я, старый, не посмел бы тревожить молодого гостя,— заявил Фу.— Но у меня есть внучка — это дочь Цзина, помощника ministra,— она еще не просватана. Внучка твердо решила не выходить за первого попавшегося, а я в этом деле не посмел быть ей указчиком и предоставил выбирать самой. Вчера она мне сказала, что в нашей гостинице остановился некий господин Вэнь, что, мол, выглядит он человеком необычным и она готова *служить ему с совком и метелкой. Вот я и пришел сам с поклоном поговорить о браке. Я вижу, что вы действительно человек необычайной внешности и благородных манер; ну и моя внучка не лишена красоты, к тому же она еще немного грамотна, так что поистине вы отличная пара. Советую вам не упускать такого случая.

— Не буду вас обманывать, почтеннейший. Я удостоился незаслуженного внимания со стороны вашей внучки и, конечно, не посмел бы этим вниманием пренебрегать,— ответила Цзюньцин.— Но первое, что меня останавливает, — это то, что ваша внучка из семьи знатного сановника, я же из простой военной семьи и, боюсь, недостоин ее; кроме того, батюшка мой сейчас в беде, и я как раз направляюсь с жалобой в столицу. Откладывать хлопоты об отце и задерживаться здесь я не вправе, к тому же на сватовство я должен прежде всего получить разрешение родителей. Поэтому сейчас я дать согласие никак не могу.

— Вы достойный отпрыск семьи доблестных воинов и вдобавок еще видный ученый, не сегодня завтра вы взлетите очень высоко. Какой же тут может быть разговор о военной семье или семье не военной! Что же касается дела вашего отца, из-за которого вы спешите

何不把亲事议定了？待归时稟知令尊，方才完娶。既安了舍甥之心，又不误了足下之事，有何不可？”

闻俊卿无计推托，心下想道：“他家不晓得我的心病，如此相逼。却又不好十分过却，打破机关。我想魏撰之有竹箭之缘，不必说了，还有杜子中更加相厚，倒不得不闪下了他。一向有个主意，要在骨肉女伴里边别寻一段姻缘，发付他去。而今既有此事，我不若权且应承，定下在这里。他日作成了杜子中，岂不为妙？那时晓得我是女身，须怪不得我说谎。万一杜子中也不成，那时也好开交了，不像而今碍手。”算计已定，就对员外说：“既承老丈与令甥如此高情，小生岂敢不受人提挈？只得留下一件信物在此为定，待小生京中回来，上门求娶就是了。”说罢，就在身上解下那个羊脂玉闹妆，双手递与员外道：“奉此与令甥表信。”

富员外千欢万喜，接受在手，一同老姥去回覆景小姐道：“一言已定了。”员外就叫店中办起酒来，与闻舍人饯行。俊卿推却不得，吃得尽欢而罢，相别了，起身上路。少不得风餐水宿，夜住晓行。

不一日，到了京城。叫闻龙先去打听魏、杜两家新进士的下处，问着了杜子中一家，元来那魏撰之已在部给假回去了。

在 столицу, то почему бы нам не договориться о сватовстве сейчас, а потом, когда вы вернетесь домой, доложите вашему батюшке, и тогда уж можно будет сыграть свадьбу. Так мы и внучку мою успокоим, и делам вашим не помешаем.

Цзюньцин не знала, как ей отделаться. «Они ничего не ведают и так пристают, что мне просто неудобно без конца отказываться. Но не могу же я выдать свою сокровенную тайну, — думала она. — Стрела у Чжуаньчжи, так что о нем нечего и говорить. Остается Цзычжун, с которым я еще более дружна и которого все-таки придется оставить. Я ведь уже думала найти ему суженую среди моих подружек и таким образом уладить с ним дело. Раз теперь так получилось, то лучше, пожалуй, согласиться сейчас сосватать эту девицу, а потом составить счастье Цзычжуна. Прекрасный выход! Когда они узнают, что я женщина, то винить меня не станут. Если же Цзычжун не согласится, все равно потом легче будет отговориться, во всяком случае я не буду в таком затруднении, как сегодня».

Решив так, она сказала господину Фу:

— Раз вы и ваша внучка так любезны, я не посмею отказаться от добра и чести! Я оставлю здесь что-нибудь в подтверждение слова, а когда вернусь из столицы, явлюсь к вам со сватовством.

При этом Цзюньцин сняла с пояса ящиковую подвеску, которую дал ей Чжуаньчжи, и, преподнеся ее обеими руками господину Фу, добавила:

— Передайте это вашей внучке в знак верности слову.

Господин Фу был рад бесконечно. Он принял подвеску и вместе со старушкой пошел к Цзин.

— Все, договорились! — сказал он ей и тут же велел приготовить вина для проводов господина Вэня.

Цзюньцин было неудобно отказываться. Пришлось пить. Выпили они вволю, и только после пиршства она простилась с господином Фу и отправилась в путь.

В дороге всяко приходилось: и есть в поле на ветру, и ночевать в лодке на реке; вечером останавливались, а утром двигались дальше. Прошел так не один день, пока они достигли столицы. Цзюньцин велела Вэнь Луну разузнать, где живут Чжуаньчжи и Цзычжун. Оказалось, что Цзычжун еще в столице, а Чжуаньчжи, получив отпуск, вернулся домой.

杜子中见说闻俊卿来到，不
胜之喜，忙差长班来接到下处。

两人相见，寒温已毕。俊卿道：“小弟专为老父之事，前日别时，承兄每分付入京图便，切切在心。后闻两兄高发，为此不辞跋涉，特来相托，不想魏撰之已归。今幸吾兄尚在京师，小弟不致失望了。”杜子中道：“仁兄先将老伯被诬事款，做一个揭帖逐一辨明，刊刻起来，在朝门外逢人就送。等公论明白了，然后小弟央个相好的同年在兵部的，条陈别事，带上一段，就好到本籍去生发出脱了。”俊卿道：“老父有个本稿，可以上得否？”子中道：“而今重文轻武。老伯是按院题的，若武职官出名自辨，他们不容起来，反致激怒，弄坏了事，不如小弟方才说的为妙。仁兄不要轻率。”俊卿道：“感谢指教。小弟是书生之见，还求仁兄做主行事。”子中道：“异姓兄弟，原是自家身上的事，何劳叮咛？”俊卿道：“撰之为何回去了？”子中道：“撰之原与小弟同寓了多时，他说有件心事，要归来与仁兄商量。问其何事，又不肯说。小弟说，仁兄见吾二人中了，未必不进京来。

Цзычжун безмерно обрадовался, узнав, что приехал Цзюньцин. Он немедленно велел слугам встретить его и проводить к себе. Они поздоровались, немного потолковали о том о сем, и Цзюньцин сразу же заговорила о цели своего приезда.

— Я здесь специально по делу отца. Вы с Чжуаньчи в свое время советовали мне непременно приехать в столицу, и вот, когда я узнал, что вы оба так выдвинулись, решил, как бы ни был труден путь, ехать сюда и просить вас о помощи. Жаль, что Чжуаньчи уехал. Но хорошо, что ты еще здесь, так что надежда у меня не потеряна.

— Ты сначала составь подробную бумагу о том, как отец твой был несправедливо обвинен, дай вырезать это на досках, отпечатать и вручай каждому сановнику, которого встретишь возле императорского дворца. Когда люди будут знать, в чем суть, и у них на этот счет составится определенное мнение, я попрошу одного друга, чтобы он при случае в докладе Военной палате упомянул об этом деле, и тогда дадут распоряжение выяснить все на месте и освободить твоего отца.

— Отец уже составил вчерне подобное прошение. Может быть, его можно просто и подать?

— В нынешний век дорожат гражданскими чинами, а не военными. Твой отец арестован областным судом, и, если он сам, человек военный, будет себя оправдывать, вряд ли это поможет; наоборот, скорее это возбудит против него гнев, и тогда все будет испорчено. Лучше сделать так, как я тебе советую. Действовать надо осмотрительно.

— Благодарю тебя. И помни, я простой, мало что понимающий учащийся, а потому я и впредь буду просить тебя руководить мной и давать советы в этих делах.

— Мы свои, как братья, и это наше общее дело,—о чём может быть речь! — ответил Цзычжун.

— А почему все-таки Чжуаньчи уехал? — спросила Цзюньцин.

— Мы были все время вместе, но недавно он заявил, что хочет вернуться домой, так как у него есть одно дело, по поводу которого должен поговорить с тобой, — ответил Цзычжун. — Я спрашивал, какое, но он не захотел мне сказать. Я говорил ему, если ты узнаешь, что мы оба выдержали экзамен, наверняка и сам

他说这是不可期的，况且事体要来家里做的，必要先去，所以告假去了。正不知仁兄却又到此，可不两相左了？敢问仁兄：他果然要商量何等事？”俊卿明知是为婚姻之事，却只做不知，推说道：“连小弟也不晓得他为甚么，想来无非为家里的事。”子中道：“小弟也想他没甚么，为何恁地等不得？”

两个说了一回，子中分付治酒接风。就叫闻家家人安顿好了行李，不必另寻寓所，只在此间同寓。盖是子中先前与魏家同寓，今魏家去了，房舍尽有，可以下得闻家主仆三人。子中又分付打扫闻舍人的卧房，就移出自己的榻来，相对铺着，说：“晚间可以联床清话。”俊卿看见，心里有些突兀起来。想道：“平日与他们同学，不过是日间相与，会文会酒，并不看见我的卧起，所以不得看破。而今弄在一间房内了，须闪避不得，露出马脚来怎么处？却又没个说话可以推掉得两处宿，只是自己放着精细，遮掩过去便了。”

虽是如此说，却是天下的事是真难假，是假难真。亦且终日相处，这些细微举动，水火不便的所在，那里妆饰得许多来？闻俊卿日间，虽是长安街上去送揭帖，做着男人的勾当；晚间宿歇之处，有好些破绽现出在杜子中的

приедешь в столицу. Чжуаньжи возразил, что на это надеяться нельзя, и дело, мол, такое, которое требует его присутствия дома. Он решил не задерживаться, взял отпуск и, не дожидаясь назначения на должность, уехал. А ты вдруг сам приехал сюда, вот вы и разминулись. Но скажи-ка, пожалуйста, по какому это делу он хотел посоветоваться с тобой?

Цзюньцин понимала, что Чжуаньжи думал о сватстве, но сделала вид, что не знает, и ответила:

— Я и сам не понимаю, думаю, по каким-нибудь своим домашним делам.

— Я тоже думаю, ничего особенного у него нет, — сказал Цзычжун. — А почему это ему так не терпелось повидать тебя?!

Они поговорили немного, потом Цзычжун распорядился, чтобы подали вина, а слугам Цзюньцин сказал, чтобы они не искали гостиницу и устраивались прямо у него.

В этом помещении они жили вдвоем с Чжуаньжи, а теперь, когда Чжуаньжи уехал, места вполне хватало, чтобы разместиться Цзюньцин и ее слугам. Цзычжун велел прибрать спальню для Цзюньцина и распорядился, чтобы и его постель перенесли туда и поставили напротив постели приятеля, заявив, что так им будет удобнее по вечерам беседовать. У Цзюньцина при этом забилось сердце. «Я училась с ним, это верно, — думала она, — но мы бывали вместе только днем в училище или на пирах и литературных беседах, а в домашней обстановке они меня никогда не видели, потому и не подозревали, что я женщина. Нынче, когда придется спать в одной комнате и все время находиться у него на глазах, трудно будет чем-нибудь да не выдать себя. Как быть?» Однако найти подходящий предлог для того, чтобы ночевать в разных комнатах, Цзюньцин не смогла, и ей оставалось только вести себя умно и осторожно, дабы тайна ее не была раскрыта.

Так решила Цзюньцин. Но делá на свете складываются иначе, и из правды не сделаешь лжи, а из лжи не сделаешь правды. Тем более тут: все дни они проводили вместе, и, естественно, то в каких-то мелочах, то в тех или иных щекотливых положениях она выдавала себя. Днем, когда Цзюньцин отправлялась в город раздавать бумаги, она отлично играла роль мужчины, однако вечером, когда оба отдыхали дома, она нет-нет да забывалась, и это, разумеется, не проходило мимо внимания

眼里了。杜子中是聪明的人，有甚省不得的事？晓得有些诧异，越加留心闲覲，越看越是了。

这日俊卿出去忘锁了拜匣，子中偷揭开来看，多是些文翰柬帖。内有一幅草稿，写着道：

成都绵竹县信女闻氏，焚香拜告关真君神前：愿保父闻确冤
情早白，自身安稳还乡，竹箭之期、闹妆之约各得如意。谨疏。

子中见了，拍手道：“眼见得公案在此了！我枉为男子，被他瞒过了许多时，今不怕他飞上天去！只是后边两句，解他不出，莫不许过了人家？怎么处？”心里狂荡不禁。

忽见俊卿回来，子中接在房里坐了，看着俊卿，只是笑。俊卿疑怪，将自己身子上下前后看了又看，问道：“小弟今日有何举动差错了？仁兄见哂之甚。”子中道：“笑你瞒得我好。”俊卿道：“小弟到此来做的事，不曾瞒仁兄一些。”子中道：“瞒得多哩，俊卿自想么！”俊卿道：“委实没有。”子中道：“俊卿记得当初同斋时言语么？原说弟若为女，必当嫁兄，兄若为女，必当娶兄。可惜弟不能为女，谁知兄果然是女，却瞒了小弟，不然，娶兄多时了。怎么还说不瞒？”俊卿见说着心中病，脸上通红起来道：

Гуань Юй (III в.) — прославленный полководец эпохи Троеца, один из героев романа Ло Гуаньчжунна (ок. 1330 — ок. 1400) «Троеца»; посмертно получил титул князя, а в 1594 г. был канонизирован и объявлен богом-покровителем войны — Гуаньди; считается также духом-покровителем литературы и торговли. В честь Гуаньди в Китае воздигнуто множество храмов.

Цзычжун — человека умного, понимавшего, что к чему. Он почувствовал, что с его другом творится что-то странное, и стал внимательно приглядываться к нему. И чем больше он наблюдал, тем больше недоумевал. И вот однажды, когда Цзюньцин, отправляясь в город, позабыла запереть свой ящичек-шкатулку, Цзычжун открыл ее и среди разных писем и визитных карточек увидел лист бумаги, на котором было написано: «Искренне верующая девица Вэнь из города Мянъчжоу из области Чэнду возжигает курение, кланяется долу перед божеством *Гуань Юем и просит его о том, чтобы несправедливое обвинение против отца было скорее снято, чтобы она благополучно вернулась домой и выполнила обещание, связанное со стрелой и яшмовой подвеской, и чтобы все остались удовлетворены. С искренним почтением обращаюсь».

— Вот они, улики! — закричал Цзычжун, хлопая в ладоши. — И это меня, мужчину, она сумела так долго дурачить! Но ничего, посмотрим теперь, куда она от меня денется.

Не понимал он только двух последних фраз, где говорилось о стреле и подвеске. «Что это значит? Неужели она просватана?» Сердце его было в смятении, и он ходил сам не свой. Как раз в это время вернулась Цзюньцин. Он ее встретил, провел в комнату. Они сели. Глядя на Цзюньцин, он улыбался. Цзюньцин в удивлении осмотрела себя с ног до головы и спросила:

— Что у меня неладно, что ты все время смотришь на меня и смеешься?

— Смеюсь над тем, как ты здорово обманывал меня, — ответил Цзычжун.

— Ни в чем я тебя не обманывал.

— Еще как! А ну, подумай сам!

— Нет, право же, нет!

— А ты помнишь наш разговор в училище? — сказал Цзычжун. — Я ведь говорил тогда, что если бы я был женщиной, то непременно вышел бы за тебя, а если бы ты была женщиной, то взял бы тебя в жены. Я сожалел, что я не женщина, но зато, оказывается, ты женщина. Только ты скрывала это от меня, не то я давно бы уже взял тебя в жены. Как же после этого ты говоришь, что меня не обманывала?

Слова попали в самую цель, и лицо Цзюньцина залилось краской.

“谁是这般说?”子中袖中摸出这纸疏头来道：“这须是俊卿的亲笔!”俊卿一时低头无语。

子中就挨过来，坐在一处了，笑道：“一向只恨两雄不能相配，今却遂了人愿也。”俊卿站了起来道：“行踪为兄识破，抵赖不得了。只有一件：一向承兄过爱，慕兄之心，非不有之，争奈有件缘事，已属了撰之，不能再以身事兄，望兄见谅。”子中愕然道：“小弟与撰之同为俊卿畜友，论起相与意气，还觉小弟胜他一分，俊卿何得厚于撰之薄于小弟？况且撰之又不在此间，现钟不打，反去炼铜，这是何说？”

俊卿道：“仁兄有所不知，仁兄可看疏上竹箭之期的说话么？”子中道：“正是不解。”俊卿道：“小弟因为与两兄同学，心中愿卜所从。那日向天暗祷，箭到处先沾得者即为夫妇，后来这箭却在撰之处，小弟诡说是家姐所射，撰之遂一心想慕，把一个玉佩作为定。此时小弟虽不明言，心已许下了。此天意有属，非小弟有厚薄也。”子中大笑道：“若如此说，俊卿宜为我有无疑了。”

— Откуда ты это взял?

Тогда Цзычжун вынул из рукава ее молитвенную записку и сказал:

— Это ведь написано твоей рукой.

Цзюньцин нечего было ответить, и она опустила голову. Цзычжун придвигнулся к ней, сел рядом и, улыбаясь, сказал:

— Я все жалел, что мы оба мужчины и не можем соединиться, а вот ныне настало время исполниться моему желанию.

Цзюньцин вскочила:

— Вы распознали мою тайну, и мне не отпереться. Знаю, что вы всегда ко мне прекрасно относились, и не скажу, чтобы я не была расположена к вам. Но вопрос со сватовством решен в пользу Чжуаньчжи, и я уж ничего не могу обещать вам. Так что прошу вас понять меня и извинить.

Цзычжун был поражен.

— Чжуаньчжи и я,— сказал он,— мы оба учились с тобой, все трое дружили. Но если говорить об отношениях между нами, о сходстве душ, то, мне кажется, я несколько ближе тебе, чем Чжуаньчжи. Почему же ты отдаешь предпочтение ему и пренебрегаешь мною? Кроме того, Чжуаньчжи здесь нет. Так зачем же отбрасывать близкое и добиваться далекого? Как же так?

— Вы прочли в молитвенном листке последние строки, где говорится о стреле? — спросила Цзюньцин.

— Да, прочел, но ничего не понял, — ответил Цзычжун.

— Дело в том, — продолжала Цзюньцин, — что вы оба мои друзья. Я загадала, за кого из вас выйти, и, когда стреляла в ворона, я перед небом обещала себе, что тот, кто поднимет стрелу, будет моим мужем. И вот эта стрела оказалась у Чжуаньчжи. Я соврала ему и сказала, что это стрела моей сестры. С тех пор Чжуаньчжи все думает о ней и в подтверждение слова передал сестре яшмовую подвеску. Я тогда хотя прямо ничего и не сказала ему, но в душе уже дала согласие. В этом воля неба, и только потому я отдаю предпочтение одному и пренебрегаю другим.

Цзычжун рассмеялся.

— Если так, — сказал он, — то ты, без всякого сомнения, должна быть моей.

俊卿道：“怎么说？”子中道：“前日斋中之箭，原是小弟拾得。看见干上有两行细字，以为奇异。正在念诵，撰之听得走出来，在小弟手里接去看。此时偶然家中接小弟，就把竹箭掉在撰之处，不曾取得，何曾是撰之拾取的？若论俊卿所卜天意，一发正是小弟应占了。撰之他日可问，须混赖不得。”俊卿道：“既是曾见箭上字来，可记得否？”子中道：“虽然看时节仓卒无心，也还记是‘矢不虚发，发必应弦’八个字，小弟须是造不出。”

俊卿见说得是真，心里已自软了，说道：“果是如此，乃天意了。只是枉了魏撰之望空想了许多时，而今又赶将回去，日后知道，甚么意思？”子中道：“这个说不得。从来说：‘先下手为强。’况且元该是我的。”就拥了俊卿求欢道：“相好弟兄，而今得同衾枕，天上人间，无此乐矣。”俊卿推拒不得，只得含羞走入帏帐之内，一任子中所为。有一首畜调《山坡羊》单道其事：

这小秀才有些儿怪样，走到罗帷，忽现了本相。本是个黉宫里
折桂的郎君，改换了章台内司花的主将。金兰契，只觉得肉味馨
香；笔砚交，果然是有笔如枪。皱眉头，忍着疼，受的是良朋针砭；
趁胸怀，揉着窍，显出那知心酣畅。用一番切切偲偲，来也，哎呀，
分明是远方来，乐意洋洋。思量，一撮一撮，是联句的篇章；慌忙，
为云为雨，还错认了龙阳。
事毕，闻小姐整容而起，叹道：“妾一生之事，付之郎君，妾愿遂矣。只是
哄了魏撰之，如何回他？”忽然转了一想，将手床上一拍道：“有处法了。”杜
子中倒吃了一惊道：“这事有甚处法？”

小姐道：“好教郎君得知：妾身前日行

— Почему?

— Стрелу-то поднял я. Я удивился, увидев на стреле надпись, и, когда читал ее вслух, Чжуаньчжи услышал, вышел из кабинета и взял у меня стрелу. Пока он ее рассматривал, за мной пришли, я ушел, а стрела так и осталась у него. Нет, это не он поднял стрелу, и если ты таким образом вопрошала волю неба, то судьба пала на меня. Мы можем потом спросить у Чжуаньчжи: от правды никуда не уйдешь!

— Если ты видел надпись на стреле, то должен помнить, что там было написано...

— Хоть я и не придал надписи особого значения, но все-таки помню, что там было сказано: «Мимо цели не бьет». Вот! И уж этого-то я сам сочинить никак не мог...»

Услышав, что Цзычжун в точности передал то, что было написано на стреле, Цзюньцин заколебалась.

— Если так,— сказала она,— это действительно воля неба. Но только жалко Чжуаньчжи: выходит, он зря надеялся и ждал столько времени, а теперь еще поехал из-за этого домой... Каково будет ему потом, когда он узнает!

— Так нельзя рассуждать,— возразил ей Цзычжун.— Издревле известно, что «выгадывает тот, кто первым бьет». Кроме того, не будь всей этой истории со стрелой, ты все равно должна была бы принадлежать мне.

С этими словами он стал обнимать Цзюньцин и добиваться ее ласки.

— Давнишние друзья, а теперь будем на одной подушке под одним одеялом... Ни на небе, ни на земле никогда такой радости не бывало,— бормотал он.

У Цзюньцин не было сил отказать ему, она стыдливо зашла за занавес и предоставила ему полную волю...

Потом, когда Цзюньцин привела себя в порядок, она со вздохом сказала:

— Всю свою жизнь я теперь отдаю тебе; мои желания, мои мечты сбылись. Но выходит, что я обманула Чжуаньчжи. Что я ему скажу?

Вдруг, хлопнув рукой по постели, она воскликнула:

— Нашла выход!

— Какой может быть выход?— в недоумении и тревоге спросил Цзычжун.

— Так знай же,— ответила она.— На пути сюда

至成都，在店内安歇，主人有个甥女，窥见了妾身，对他外公说了，逼要相许。是妾身想个计较，将信物权定，推说归时完娶。当时妾身意思，道魏撰之有了竹箭之约，恐怕冷淡了郎君。又见那个女子才貌双全，可为君配，故此留下这头姻缘。今妾既归君，他日回去魏撰之问起所许之言，就把这家的说合与他成了，岂不为妙？况且当时只说是姊姊，他心里并不曾晓得是妾身自己，也不是哄他了。”子中道：“这个最妙，足见小姐为朋友的美情。有了这个出场，就与小姐配合，与撰之也无嫌了。谁晓得途中又有这件奇事！还有一件要问：途中认不出是女容，不必说了。但小姐虽然男扮，同两个男仆行走，好些不便。”小姐笑道：“谁说同来的多是男人？他两个元是一对夫妇。一男一女，打扮做一样的。所以途中好伏侍走动，不必避嫌也。”子中也笑道：“有其主必有其仆，有才思的人，做来多是奇怪的事。”小姐就把景家女子所和之诗拿出来与子中看。子中道：“世间也还有这般的女人！魏撰之得此，也好意足了。”

小姐再与子中商量着父亲之事，子中道：“而今说是我丈人，一发好措词出力。我吏部有个相知，先央他

я остановилась в гостинице в Чэнду. Внучка владельца увидела меня и сказала своему деду, что я ей понравился, и они непременно хотели, чтобы я женился на ней. Я оставила им подвеску Чжуаньчжи в подтверждение своего слова и отложила свадьбу до возвращения из столицы. Сватовством этим я тогда заручилась, имея в виду тебя. Ведь с Чжуаньчжи я уже была как бы помолвена благодаря стреле, а тебя мне не хотелось обижать. Кроме того, девушка та талантлива, красива и была бы тебе достойной парой. Но теперь, раз я принадлежу тебе, то, когда мы вернемся домой и Чжуаньчжи заговорит о сватовстве, мы ему сосватаем ту девицу. Так никто не останется в обиде, тем более что с Чжуаньчжи я говорила о сестре и он не знал, что это я сама. В общем выйдет, что я его и не обманула.

Цзычжун был изумлен.

— Великолепно! — воскликнул он. — Это показывает твою верность дружбе. При таком исходе, если я и женюсь на тебе, то Чжуаньчжи ничего не сможет иметь против. Оказывается, у тебя в пути случилась еще такая удивительная история, — продолжил он. — Только вот что я хочу спросить: конечно, в пути никто не мог распознать в тебе женщину, но ведь тебя сопровождали двое мужчин, и из-за этого тебе, наверное, пришлось испытать много неудобств.

— А кто тебе сказал, что они оба мужчины? — засмеялась Цзюньцин. — Это муж и жена. Но чтобы избежать всяких недоразумений, женщина переоделась мужчиной.

— Каков хозяин, таковы и слуги! — рассмеялся в свою очередь Цзычжун. — Сообразительные и умные люди всегда вытворяют что-нибудь удивительное.

Цзюньцин показала Цзычжуну стихи, которые написала молодая госпожа Цзин.

— Бывают же на свете такие женщины! — воскликнул Цзычжун, восхищенный стихами. — Нет, Чжуаньчжи должен быть доволен, что ему достанется эта девица.

Затем Цзюньцин стала с ним советоваться относительно отца.

— Ну, теперь он мой тесть, так что сейчас мне тем более удобно будет ходатайствовать и хлопотать, — сказал Цзычжун. — У меня в Палате чинов есть один хороший приятель. Надо будет попросить его, чтобы он

把做对头的兵道调了地方，就好营为了。”小姐道：“这个最是要着，郎君在心则个。”

子中果然去央求吏部，数日之间，推升本上，已把兵道改升了广西地方。子中回来覆小姐道：“对头改去，我今作速讨个差，与你回去，救取岳丈了事。此间辨白已透，抚按轻拟上来，无不停当了。”小姐愈加感激，转增恩爱。

子中讨下差来，解饷到山东地方，就便回籍。小姐仍旧扮做男人，一同闻龙夫妻，擎弓带箭，照前妆束，骑了马，傍着子中的官轿，家人原以舍人相呼。

行了几日，将过鄚州，旷野之中，一枝响箭擦着官轿射来。小姐晓得有歹人来了，分付轿上：“你们只管前走，我在此对付他。”真是忙家不会，会家不忙，扯出囊弓，扣上弦，搭上箭。只见百步之外，一骑马飞也似的跑来，小姐掣开弓，喝声道：“着！”那边人不防备的，早中了一箭，倒撞下马，在地下挣扎。小姐疾鞭着坐马，赶上前轿，高声道：“贼人已了当了，放心前去。”一路的人多称赞小舍人好箭，个个忌惮，子中轿里得意，自不必说。

перевел в другое место нашего врага — военного инспектора округа, тогда вызволить твоего отца будет проще.

— Да, да, это очень важно. Пожалуйста, имей это в виду, — сказала Цзюньцин.

Цзычжун действительно пошел в Палату чинов, поговорил там с приятелем, и через несколько дней Палатой чинов был подан доклад, в результате которого военного инспектора переводили с повышением в провинцию Гуанси. С этим известием Цзычжун явился к Цзюньцин.

— Врага перевели, — сказал он. — Теперь мне остается поскорее добиться назначения, вернуться домой и постараться освободить тестя. Здесь уже все устроено, а там обратимся к инспектору провинции, он вынесет соответствующее благоприятное решение, напишет доклад в столицу, и все будет в порядке.

Цзюньцин была ему очень благодарна за заботу об отце и еще больше привязалась к Цзычжуна.

Цзычжун добился назначения сопровождать провинт в провинцию Шаньдун, с тем чтобы потом отправиться на родину. Цзюньцин и жена Вэнь Луна, по-прежнему переодетые мужчинами, вооруженные луком и стрелами, а также Вэнь Лун верхом сопровождали паланкин Цзычжуна. Слуги, как и раньше, называли Цзюньцин молодым господином.

Через несколько дней они подъезжали к городу Мочжоу. Вдруг над степью просвистела стрела и задела паланкин. Цзюньцин поняла, что это разбойники, и сказала носильщикам:

— Следуйте дальше, а я здесь встречу, кого нужно. И действительно, «кто суетится — не мастер, кто мастер — не суетится». Цзюньцин спокойно вынула лук из чехла, приготовила стрелу. В сотне шагов показался всадник, во весь опор мчавшийся прямо на них. Тут она натянула тетиву и с криком: «В цель!» — выпустила стрелу. Стрела угодила в разбойника, не ожидавшего нападения, он свалился с лошади и в судорогах бился на земле. Ударив хлыстом коня, Цзюньцин пустилась вскачь.

— С разбойником покончено, едем дальше, — спокойно и громко сказала она, догнав паланкин.

Все восхищались искусной стрельбой храброго молодого господина. О том, как был доволен Цзычжун, говорить не приходится.

自此完了公事，平平稳稳到了家中。父亲闻参将，已因兵道升去，保候在外了。小姐进见，备说了京中事体，及杜子中营为，调去了兵道之事。参将感激不胜，说道：“如此大恩，何以为报？”小姐又把被他识破，已将身子嫁他，共他同归的事也说了。参将也自喜欢道：“这也是郎才女貌，配得不枉了。你快改了妆，趁他今日荣归吉日，我送你过门去罢。”小姐道：“妆还不好改得，且等会过了魏撰之着。”参将道：“正要对你说，魏撰之自京中回来，不知为何只管叫人来打听，说我有个女儿，他要求聘。我只说他晓得些风声，是来说你了，及至问时，又说是同窗舍人许他的，仍不知你的事。我不好回得，只是含糊说等你回家。你而今要会他怎的？”小姐道：“其中有许多委曲，一时说不及，父亲日后自明。”

正说话间，魏撰之来相拜。元来魏撰之正为前日婚姻事在心中，放不下，故此就回。不想问着闻舍人，又已往京。叫人探听舍人有个姐姐的说话，一发言三语四，不得明白。有的说参将只有两个舍人，一大一小，并无女儿；又有的说，参将有个女儿，就是那个舍人。弄得魏撰之满肚疑心，胡猜乱想。见说闻舍人回来了，所以亟亟来拜，要问明白。

Покончив с делами в провинции Шаньдун, они спокойно добрались до родных краев. К тому времени инспектора военного округа уже перевели в Гуанси, и Вэнь Цюэ был отпущен на поруки. Цзюньцин подробно рассказала отцу о том, как Цзычжун хлопотал за него, как добился перевода инспектора. Вэнь Цюэ был очень растроган.

— Как же нам теперь отблагодарить его? — спросил он дочь.

Тогда она рассказала отцу, как Цзычжун раскрыл, что она женщина, как она обещала выйти за него замуж и как они возвращались на родину.

— Он талантлив, ты хороша — прекрасная пара! — радостно воскликнул Вэнь Цюэ. — Живо переодевайся. У них в доме сегодня празднуют торжественный и счастливый день его возвращения, я тебя и отправлю к ним.

— Нет, сейчас мне еще нельзя переодеваться. Сначала надо повидать Чжуаньчжи.

— Да, я как раз хотел тебе сказать, — вспомнил отец. — С того дня, как Чжуаньчжи вернулся из столицы, он, не знаю зачем, то и дело посыпает людей разузнать о нас, говорит, что у меня есть дочь и что он хочет свататься. Сначала я думал, что он кое о чем проводал и что речь идет о тебе, но когда стал расспрашивать его, оказалось, что это ты как его школьный друг пообещала ему сосватать кого-то. Не зная твоих дел, я не мог ничего ему сказать определенного и отировался, что надо, мол, подождать твоего возвращения. Но теперь-то зачем тебе нужно его видеть?

— Тут столько всего, что сразу и не расскажешь. Потом ты сам увидишь, в чем дело.

В это время доложили, что явился с визитом Чжуаньчжи.

Чжуаньчжи все беспокоился из-за сватовства и именно поэтому уехал из столицы сразу после экзаменов. Узнав, что Цзюньцин уехал в столицу, он стал наводить справки о его сестре. Но тут одни говорили одно, другие — другое, и он так ничего и не понял. Кто говорил, что у Вэнь Цюэ двое сыновей и нет дочери, кто говорил, что у него есть дочь и что эта дочь будто бы и есть тот самый молодой господин. Словом, Чжуаньчжи совсем запутался. Поэтому, узнав, что Цзюньцин вернулся, он немедленно пришел навестить друга, расспросить его и толком узнать обо всем.

闻小姐照旧时家数，接了进来。寒温已毕，撰之急问道：“仁兄，令姊之说如何？小弟特为此赶回来的。”小姐说：“包管兄有一位好夫人便了。”撰之道：“小弟叫人宅上打听，其言不一，何也？”小姐道：“兄不必疑，玉闹妆已在一个人处，待小弟再略调停，准备迎娶便了。”撰之道：“依兄这等说，不像是令姐了。”小姐道：“杜子中尽知端的，兄去问他他就明白。”撰之道：“兄何不就明说了？又要小弟去问。”小姐道：“中多委曲，小弟不好说得，非子中不能详言。”说得魏撰之愈加疑心。

他正要去拜杜子中，就急忙起身，来到杜子中家里，不及说别样说话，忙问闻俊卿所言之事。杜子中把京中同寓，识破了他是女身，已成夫妇的始末根由说了一遍。魏撰之惊得木呆道：“前日也有人如此说，我却不信，谁晓得闻俊卿果是女身！这分明是我的姻缘，平白错过了。”子中道：“怎见得是兄的？”撰之述当初拾箭时节就把玉闹妆为定的说话，子中道：“箭本小弟所拾，原系他向天暗卜的。只是小弟当时不知其故，不曾与兄取得此箭在手，今仍归小弟。

Цзюньцин встретила его, как обычно, в своей прежней роли. Поздоровавшись и поговорив немного, Чжуаньчжи спросил:

— Послушай, старина, как насчет твоей сестры? Ведь я специально из-за этого вернулся сюда.

— Не беспокойся. Ручаюсь, что жена у тебя будет хорошая,— ответила ему на это Цзюньцин.

— Я посыпал тут к вам, хотел навести справки о твоей сестре, но кто говорит одно, кто — другое. В чем дело?

— Ты не сомневайся, твоя яшмовая подвеска уже отдана одной девушке. Мне надо будет только еще кое о чем переговорить, и тогда готовься к свадьбе.

— Судя по твоим словам, это не твоя сестра!

— Обо всем этом тебе подробно расскажет Цзычжун, он все знает. Спроси его.

— А почему бы тебе сейчас не сказать мне прямо, в чем дело? Зачем посыпать меня еще куда-то?

— Тут такие запутанные подробности, что мне самому неудобно говорить. Рассказать может только Цзычжун.

Чжуаньчжи был окончательно сбит с толку, сомнения и подозрения наполняли его душу. Он и сам собирался нынче же навестить Цзычжуна, поэтому простился с Цзюньцин и поспешил к нему.

Придя к другу, он сразу же начал с того, что передал ему свой разговор с Цзюньцин, и спросил, что все это означает. Тогда Цзычжун рассказал ему, как они с Цзюньцин вместе жили в столице и как он узнал, что она женщина. Не скрыл он и того, что они с Цзюньцин уже стали, собственно, мужем и женой.

Чжуаньчжи остался от удивления.

— Мне ведь говорили, что он — женщина, но я не верил,— пробормотал он.— Оказывается, это действительно так. Это ведь явно была моя судьба, и я ее упустил.

— Почему ты так считаешь?— спросил в недоумении Цзычжун.

И Чжуаньчжи рассказал ему, как он дал ей яшмовую подвеску в тот день, когда они нашли стрелу.

— Но стрелу ведь нашел я,— напомнил Цзычжун.— А она на эту стрелу, оказывается, загадала желание и дала обет небу. Я об этом ничего не знал, а то бы забрал тогда у тебя стрелу. Но теперь Цзюньцин

原是天意。兄前日只认是他令姐，原未尝属意他自身。这个不必追悔，兄只管闹妆之约不脱空罢了。”撰之道：“符已去矣，怎么还说不脱空？难道当真还有个令姐？”子中又把闻小姐途中所遇景家之事说了。一遍道：“其女才貌非常。那日一时难推，就把兄的闹妆权定在彼。而今想起来，这就有个定数在里边了。岂不是兄的姻缘么？”撰之道：“怪不得闻俊卿自己不好说，元来有许多委曲！只是一件：虽是闻俊卿已定下在他家，又不曾晓得明白，小弟难以自媒，何由得成？”子中道：“小弟与闻氏虽已成夫妇，还未曾见过岳翁，打点就是今日迎娶。少不得还借重一个媒妁，而今就烦兄与小弟做一做。小弟成礼之后，代相恭敬，也只在小弟身上撮合就是了。”撰之大笑道：“当得，当得。只可笑小弟一向在睡梦中，又被兄占了头筹，而今不使小弟脱空，也还算是好了。既是这样，小弟先到闻宅去道意，兄可随后就来。”

魏撰之讨大衣服来换了，竟抬到闻家。此时闻小姐已改了女妆，不出来了，闻参将自己出来接着。魏撰之述了杜子中之言，闻参将道：“小女娇痴慕学，得承高贤不弃。今幸结此良缘，蒹葭倚玉，惶恐惶恐。”闻参将已见女儿说过，是件整备。

все-таки будет моей женой, и в этом воля неба. А ты вообще думал о ее сестре, а не о ней самой, так что со- жалеть и горчаться не надо, главное для тебя сейчас, чтобы договор, скрепленный яшмовой подвеской, не остался пустым словом.

— Где уж там, раз стрела не моя. Может быть, у нее действительно есть сестра?..

Тогда Цзычжун рассказал о том, как Цзюньцин встретила в пути молодую госпожу Цзин и как ее сватали.

— Это необычайно красивая и талантливая девушка, — добавил он. — Цзюньцин пришлось дать согласие на брак и оставить там яшмовую подвеску. Если подумать, то в этом можно увидеть предопределение неба, и выходит, это твоя судьба.

— То-то она говорила, что ей самой неудобно об этом говорить, — вспомнил Чжуаньчжи. — Вон, оказывается, какие тут хитросплетения! Только вот что: хотя Цзюньцин уже и договорилась относительно госпожи Цзин, но ведь та ничего не знает, и мне самому неловко свататься к ней. Как быть?

— Мы хоть и стали с Цзюньцин мужем и женой, но еще не представились моему тестю, — сказал Цзычжун. — Собираемся устроить свадьбу сегодня. Нам нужен будет сват, и я прошу тебя помочь мне. А после свадьбы я отвечу тебе тем же, можешь положиться на меня.

— Идет, идет! — рассмеялся Чжуаньчжи. — Смешно только, что я до сих пор был как во сне, а ты взял да опередил меня. Хорошо хоть, что я вообще не останусь без жены. Ну, ладно, раз уж так порешили, я иду сейчас в дом Вэней замолвить за тебя слово, а ты можешь явиться туда вслед за мной.

Надев парадное платье, Чжуаньчжи отправился к Вэнь Цюэ. На этот раз Цзюньцин была уже одета как женщина и не вышла встречать его. Вышел сам Вэнь Цюэ и пригласил его в зал. Они сели, и Чжуаньчжи изложил цель своего прихода.

— Моя дочь — избалованная фантазерка, которая увлеклась учением. Но ее не оставили своим вниманием талантливые люди. Брак этот — такая удача для нас, что я просто смущен, — говорил Вэнь Цюэ, у которого уже все было готово, чтобы сегодня же отправить дочь в дом зятя и отпраздновать свадьбу.

门上报说：“杜爷来迎亲了。”鼓乐喧天，杜子中穿了大红衣服抬将进门，真是少年郎君，人人称羡。走到堂中，站了位次，拜见了闻参将。请出小姐来，又一同行礼。谢了魏撰之，启轿而行。迎至家里，拜闻参将。请出小姐来，又一同行礼。谢了魏撰之，启轿而行。迎至家里，拜闻参将。请出小姐来，又一同行礼。谢了魏撰之，启轿而行。迎至家里，拜闻参将。请出小姐来，又一同行礼。喜喜欢欢，一桩事完了。

只有魏撰之有些眼热，心里道：“一样的同窗朋友，偏是他两个成双。平时杜子中分外相爱，常恨不将男作女，好做夫妇，谁知今日竟遂其志！也是一段奇话。只所许我的事，未知果是如何。”

次日，就到子中家里贺喜，随问其事。子中道：“昨晚弟妇就和小弟计较，今日专为此要同到成都去。弟妇誓欲以此报兄，全其口信，必得佳音方回。”撰之道：“多感，多感！一样的同窗，也该记念着我的冷静，但未知其人果是如何？”子中走进去，取出景小姐前日和韵之诗，与撰之看了。撰之人果是如何？”子中道：“弟妇赞之不容口，大略不道：‘果得此女，小弟便可以不妒兄矣。’”子中道：“弟妇赞之不容口，大略不道：‘果得此女，小弟便可以不妒兄矣。’”俱大笑而别。

杜子中把这些说话与闻小姐说了。闻小姐道：

Красный.— Красный цвет в Китае — цвет радости: в красное одевалась невеста, в красном паланкине она отправлялась в дом жениха, на красной бумаге писались свадебные приглашения и т. д.

В это время доложили, что господин Лу Цзычжун приехал за невестой. Раздалась громкая музыка.

Цзычжун, в *красном халате, сошел с паланкина возле ворот и направился в дом. Народ восхищался им. Войдя в зал, он занял место, которое ему как жениху подобало занять, и поклонился Вэнь Цюэ. Тут вывели невесту. Они вместе поклонились Вэнь Цюэ, затем поблагодарили Чжуаньчжи, сели в паланкины и отправились в дом Цзычжуна. Там они поклонились небу и земле, алтарю предков. Старых друзей объединило теперь родство, и в радости завершился их свадебный обряд.

Чжуаньчжи с некоторой завистью смотрел на них. «Мы с ним оба были ее однокашниками и друзьями, но сочетаться с ней довелось ему, а не мне,— подумал он.— Цзычжун всегда ее очень любил и сожалел, что нельзя мужчину превратить в женщину и стать им мужем и женой. И вот его мечты сбылись. Удивительная история... Интересно, как будет с их обещанием мне...»

На другой день Чжуаньчжи явился к Цзычжуну с поздравлениями и спросил о своем деле.

— Вчера она говорила со мной и сказала, что сегодня специально из-за этого поедет со мной в Чэнду,— ответил ему Цзычжун.— Она непременно хочет сдержать свое слово и отблагодарить тебя, при этом она обещала, что вернется только с хорошими вестями.

— Премного благодарен за добрые намерения,— ответил Чжуаньчжи.— Мы ведь друзья, и вам, конечно, нельзя забывать о моем одиночестве. Но только я не знаю, что представляет собой эта девица!

Тогда Цзычжун пошел во внутренние покоя, принес стихи госпожи Цзин и показал их Чжуаньчжи.

— Ну, если мне достанется такая девица, то я могу не завидовать тебе,— сказал Чжуаньчжи, прочитав стихи.

— Цзюньцин так расхваливает ее, что она, вероятно, не обманет твоих ожиданий,— заметил Цзычжун.

— Ну что ж, если все уладится, это будет чудо из чудес. Итак, жду!— сказал Чжуаньчжи под конец, и, смеясь, они простились.

Когда Цзычжун передал их разговор Цзюньцин, та сказала:

“他盼望久了的，也怪他不得。只索作急成都去，周全了这事。”小姐仍旧带了闻龙夫妻跟随，同杜子中到成都来，认着前日饭店，歇在里头了。

杜子中叫闻龙拿了帖，径去拜员外。员外见说是新进士来拜，不知是什么缘故，吃了一惊。慌忙迎接进去，坐下了，道：“不知为何大人贵足赐瑞贱地？”子中道：“学生在此经过，闻知有位景小姐，是老丈令甥，才貌出众。有一敝友，也叨过甲第了，欲求为夫人，故此特来奉访。”员外道：“老汉是有个甥女，他自要择配。前日看上了一个进京去的闻舍人，已纳下聘物，大人见教迟了。”子中道：“那闻舍人也是敝友，学生已知他另有所就，不来娶令甥了，所以敢来作伐。”员外道：“闻舍人也是读书君子，既已留下信物，两心相许，怎误得人家儿女？舍甥女也毕竟要等他的回信。”子中将出前日景小姐的诗笺来道：“老丈试看此纸，不是令甥写与闻舍人的么？因为闻舍人无意来娶了，故把与学生做执照，来为敝友求令甥，即此是闻舍人的回信了。”

— Он давно уже ждет, и осуждать его за нетерпение не приходится. Надо немедля отправляться в Чэнду и постараться все устроить.

И опять, взяv с собой Вэнь Луну и его жену, она вместе с Цзычжуном направилась в Чэнду и остановилась в той же гостинице.

Цзычжун велел Вэнь Луну отнести свою визитную карточку господину Фу и сам отправился вслед за ним. Узнав, что новый цзиньши явился к нему с визитом, господин Фу даже испугался, не понимая, в чем дело. Он поспешил выйти навстречу гостю, провел его к себе и, когда они сели, спросил:

— Не знаю, чем я обязан тому, что такой знатный человек переступил порог моего ничтожного дома.

— Я здесь проездом, — ответил Цзычжун. — Узнал, что у вас живет некая госпожа Цзин, которая выделяется красотой и талантом, и что она доводится вам внучкой. А у меня есть приятель. Он тоже выдержал нынче экзамен на цзиньши, и вот я пришел с визитом к вам, чтобы просить вашу внучку стать его женой.

— Да, у меня есть внучка, — ответил господин Фу. — Но она сама хотела выбрать себе мужа, и вот недавно ей понравился некий господин Вэнь, который останавливался здесь проездом в столицу. Уже принят подарок, и вы, к сожалению, опоздали.

— Господин Вэнь тоже мой друг, — говорил Цзычжун, — и я знаю, что он уже помолвлен и не явится за вашей внучкой. Потому-то я, собственно, и посмел обратиться к вам со сватовством.

— Ведь господин Вэнь — человек образованный, — ответил ему на это хозяин, — и раз уж он оставил здесь подарок в подтверждение слова, то, значит, и та и другая сторона сердцем согласны. Неужели он мог после всего этого подвести женщину? Думаю, что моя внучка все-таки захочет дождаться ответа от него самого.

Тогда Цзычжун вынул стихи госпожи Цзин и сказал:

— Прошу вас, посмотрите, ведь это стихи, написанные вашей внучкой господину Вэню, не так ли? Господин Вэнь, решив не брать вашу внучку в жены, отдал их мне в подтверждение своего отказа и с тем, чтобы я мог просить вас за другого своего друга. Это и есть ответ самого Вэня.

员外接过来看，认得是甥女之笔，沉吟道：“前日闻舍人也曾说道聘过了，不信其言，逼他应承的，元来当真有这话！老汉且与甥女商量一商量，来了，回覆大人。”员外别了，进去了一会觉得道：“适间甥女见说，甚是不快。他也说得是；就是闻舍人负了心，是必等他亲身见一面，还了他玉闹妆，以为决方可别议姻亲。”子中笑道：“不敢欺老丈说，那玉闹妆也即是敝友魏撰之聘物，非是闻舍人的。闻舍人因为自己已有姻亲，不好回得，乃为敝友转定下了。是当日埋伏机关，非今日无因至前也。”员外道：“大人虽如此说，传消递息，最妙，最妙！”就叫前日老姥来接取杜夫人。

老姥一见闻小姐举止形容，有些面善，只是改妆过了，一时想不出，一路相看，只管迟疑。接到间壁，里边景小姐出来相接，各叫了万福。闻小姐对景小姐笑道：

Господин Фу принял стихи и, узнав в них руку Цзин, пробормотал:

— В свое время молодой человек говорил, что он обручен, но я не поверил и заставил его согласиться. Оказывается, это правда. Что ж, пойду посоветуюсь с внучкой и тогда дам ответ.

Через некоторое время Фу вернулся и сказал:

— Внучка моя крайне удивлена. Она говорит, что если господин Вэнь действительно изменил своему слову, то она все-таки непременно хочет лично видеть его, вернуть ему яшмовую подвеску в знак разрыва и только тогда будет говорить о другом сватовстве.

— Ну что ж, не посмею обманывать вас, — рассмеявшись, сказал Цзычжун. — Яшмовая подвеска, которая сейчас у вашей внучки, — это, собственно, обручальный подарок от моего друга Вэй Чжуаньчжи, она вовсе не принадлежит господину Вэню. Дело в том, что господин Вэнь, будучи сам обручен и не находя возможным отказаться от сватовства, решил заручиться словом для нашего общего с ним друга Вэй Чжуаньчжи. Это было задумано Вэнем еще тогда, и поэтому сегодняшний мой визит не случаен.

— Понимаю вас и охотно вам верю. Но разве смирится с этим моя внучка? Нет, нужно, чтобы сам господин Вэнь с ней объяснился, тогда уж и будем решать.

— Господин Вэнь не сумеет явиться к вам, — ответил Цзычжун. — Но со мною моя жена, которая может встретиться с вашей внучкой. Пусть она расскажет ей все, и ваша внучка непременно поверит.

— Ну что ж, раз супруга ваша здесь, пусть она поговорит с внучкой, — ответил Фу. — Вдвоем они смогут откровенно побеседовать, а это лучше, чем разговоры через посредников.

Старик призвал уже знакомую нам старушку, велел ей отправиться за госпожой Ду и проводить ее к Цзин.

Увидев Цзюньцин, старушка обнаружила в ее облике и манере что-то знакомое, но так как Цзюньцин была в женском платье, то та никак не могла вспомнить, где ее видела. Дорогой она все думала об этом, однако припомнить так и не смогла. Когда они прошли в дом, навстречу им вышла госпожа Цзин. Они поклонились друг другу, и Цзюньцин, смаясь, спросила ее:

“认得闻舍人否？”景小姐见模样厮象，还只道或是舍人的姊妹，答道：“夫人与闻舍人何亲？”闻小姐道：“小姐恁等识人，难道这样眼钝？前日到此过蒙见爱的舍人，即妾身是也。”景小姐吃了一惊。仔细一认，果然一毫不差。连老姥也在旁拍手道：“是呀！是呀！我方才道面庞熟得紧，那知就是前日的舍人？”景小姐道：“请问夫人，前日为何这般打扮？”闻小姐道：“老父有难，进京辨冤，故乔妆作男以便行路。所以前日过蒙见爱，再三不肯应承者，正为此也。后来见难推却，又不敢实说真情，所以代友人纳了聘，以待后来说明。今纳聘之人，已登黄甲，年纪也与小姐相当。故此愚夫妇特来奉求，与小姐了此一段姻亲，报答前日厚情耳。”

景小姐见说，半晌做声不得。老姥在旁道：“多谢夫人美意。只是那位老爷姓甚名谁？夫人如何也叫他是友人？”闻小姐道：“幼年时节，曾共学堂，后来同在庠中。与我家相公三人，年貌多相似，是异姓骨肉。知他未有亲事，所以前日就有心替他结下了。这人姓魏，好一表人物，

— Узнаете господина Вэня?

Госпожа Цзин сразу обратила внимание на то, что внешностью ее гостья очень похожа на Вэня, но подумала, что, быть может, это его сестра, и потому в свою очередь спросила:

— Вы, вероятно, родственница господина Вэня?

— Вы всегда так хорошо узнаете людей, неужели теперь ваш взор стал непроницателен? Ведь я — тот самый господин Вэнь, который недавно проездом был здесь и к которому вы отнеслись так любезно.

Госпожа Цзин вздрогнула. Внимательно всматриваясь в женщину, она убедилась, что это действительно одно и то же лицо. А старушка захлопала в ладоши и воскликнула:

— А я-то все думала: какое знакомое лицо! Оказывается, она и есть тот господин.

— Позвольте спросить вас, — заговорила наконец госпожа Цзин, — почему вы тогда были одеты по-иному?

— Отец мой, видите ли, оказался в беде, я направилась в столицу хлопотать по его делу и переоделась мужчиной для удобства в пути, — ответила Цзюньцин. — И именно поэтому, когда вы оказали мне честь, я не хотела соглашаться на сватовство. Но когда я поняла, что от сватовства мне не отказаться — а рассказать вам правду я тогда не решалась, — то и придумала оставить вам подарок за моего друга, с тем чтобы потом все разъяснить. Ныне этот человек значится в списках выдержавших столичные экзамены, по возрасту вполне вам подходит, и мы с мужем решили явиться сюда с просьбой. Хочется завершить ваше сватовство и отблагодарить вас за вашу любезность.

Госпожа Цзин выслушала Цзюньцин и долго после этого молчала.

— Благодарю вас за любезность, — вставила свое слово старушка. — Но только кто тот господин, за которого вы просите, как его фамилия и имя и почему вы его называете вашим другом?

— В детстве мы с ним вместе ходили в школу, затем вместе учились в училище, и все мы трое — я, муж и он — почти одного возраста и с детских лет дружны, как братья. Я знала, что мой друг еще не просватан, и поэтому именно его имела в виду. Фамилия его — Вэй, имя — Чжуаньчжи. Он благороден, красив и почти

就是我相公同年，也不辱没了小姐，小姐一去也就做夫人了。”景小姐听了这一篇说话，晓得是少年进士，有甚么不喜欢？叫老姥陪住了闻小姐，背地去把这些说话备细告诉员外。员外见说是许个进士，岂有不撺掇之理？真个是一让一个肯，回覆了闻小姐，转说与杜子中。一言已定，富员外设起酒来谢媒。外边款待杜子中，内里景小姐作主，款待杜夫人。两个小姐说得甚是投机，尽欢而散。

约定了回来，先教魏撰之纳币，拣个吉日，迎娶回家。花烛之夜，见了模样，如获天人。因说起闻小姐闹妆纳聘之事，撰之道：“那聘物元是我的。”景小姐问：“如何却在他手里？”魏撰之又把先时竹箭题字，杜子中拾得，掉在他手里，认做另有个姐姐，故把玉闹妆为聘的根由，说了一遍。一齐笑道：“彼此夙缘，颠颠倒倒，皆非偶然也。”

明日，魏撰之取出竹箭来，与景小姐看。小姐道：“如今只该还他了。”撰之就提笔写一柬与子中夫妻道：

既归玉环，返卿竹箭。

одних лет с вами. Этот брак не унизит вас, и, выйдя за него замуж, вы сразу же станете сановной госпожой.

Выслушав все это и узнав, что речь идет о молодом цзиньши, девушка осталась довольна. Она велела стружке побывать с гостьей, а сама отправилась к дедушке рассказать ему обо всем. Тот, зная, что сватается молодой цзиньши, тоже стал всячески одобрять этот брак.

Вскоре молодая госпожа Цзин вернулась к Цзюньцин и попросила ее сказать Цзычжуну, что все решено. Господин Фу устроил пир в благодарность за сватовство и сам принимал Цзычжуну. А во внутренних покоях Цзин принимала и угождала Цзюньцин. Они очень сошлись, говорили по душам, и радостно закончился их пир.

Они договорились, что Чжуаньчжи должен сначала по всем правилам, как и следует после сговора, поднести подарок, а затем выбрать день и отпраздновать свадьбу.

В свадебную ночь, когда Чжуаньчжи увидел свою жену, у него было такое чувство, словно он обрел небесную фею. Он заговорил о яшмовой подвеске, которую оставила ей Цзюньцин.

— Ведь то был мой обручальный подарок по сговору, — сказал он.

— А как же он очутился у нее? — спросила его жена.

И тогда Чжуаньчжи рассказал ей всю историю, связанную со стрелой и надписью на ней, поведал о том, как Цзычжун подобрал эту стрелу, как эта стрела потом очутилась у него, как он думал, что у Цзюньцин есть сестра, и как подарил ей яшмовую подвеску. Молодые долго смеялись и сошлись на том, что, по-видимому, так было суждено судьбой и вся эта путаница произошла, вероятно, не случайно. На следующий день Чжуаньчжи достал стрелу и показал ее жене.

— Теперь надо бы вернуть эту стрелу, — сказала она мужу.

Тогда Чжуаньчжи написал записку супругам Ду:

Вы возвратили подвеску —
вам возвращаю стрелу.

两段姻缘，各从其便。一笑，一笑。

写罢，将竹箭封了，一同送去。

杜子中收了，与闻小姐拆开来看，方见八字之下，又有“蜚娥记”三字。问道：“‘蜚娥’怎么解？”闻小姐道：“此妾闺中之名也。”子中道：“魏撰之错认了令姊，就是此二字了。若小生当时曾见此二字，这箭如何肯便与他？”闻小姐道：“他若没有这箭起这些因头，那里又绊得景家这头亲事来？”两人又笑了--回。也题了一柬戏他道：

环为旧物，箭亦归宗。两俱错认，各不落空。一笑，一笑。

从此两家往来，如同亲兄弟姊妹一般。两个甲科合力与闻参将辨白前事，世间情面那里有不让绅的？逐件赃罪，得以开释，只处得他革任回卫，闻参将也不以为意了。后边魏、杜两人，俱为显官。闻、景二小姐各生子女，又结了婚姻，世交不绝。

这是蜀多才女，有如此奇奇怪怪的妙话。

Каждый решает путь сам —
с кем ему свадьбу сыграть.
Ха-ха!
Ха-ха!

Затем он упаковал стрелу, вложил туда записку и отправил Цзычжуну. И только тут, когда Цзычжун стал снова рассматривать стрелу, он обнаружил под известными уже ему строками еле заметную надпись «Фэй».

— Что означает «Фэй»? — спросил Цзычжун у жены.

— Это мое девичье имя, — сказала она.

— Значит, из-за этой вот надписи Чжуаньчжи и решил, что у тебя есть сестра? Если бы я тогда увидел это имя, ни за что не оставил бы стрелу у него.

— Но если бы всего этого не случилось, то мы не сосватали бы Цзин.

Они рассмеялись, и Цзычжун в ответ тоже написал шутливую записку супругам Вэй:

Подвеска попала в надежные руки,
стрела обитает в колчане;
Хоть оба ошиблись, однако никто
не знает безбрачья печали.

Ха-ха!
Ха-ха!

С тех пор обе семьи дружили домами, и между ними установились такие близкие отношения, как между родными братьями и сестрами.

Оба цзиньши стали помогать Вэнь Цюэ, чтобы с него были сняты возведенные на него обвинения.

Ну а положение вещей на свете известно: разве кто-нибудь откажет ходатайству видных людей? Обвинения отпадали одно за другим, и дело кончилось тем, что Вэнь Цюэ был только отстранен от должности.

Но это уже нисколько не волновало самого Вэнь Цюэ.

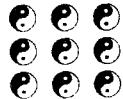
Впоследствии Чжуаньчжи и Цзычжун стали видными сановниками, а жены их народили им сыновей и дочерей; дети, в свою очередь, женились и повыходили замуж; и дружба этих двух родов из поколения в поколение не прерывалась.

Вся эта удивительная, необыкновенная история могла случиться только в Сычуани, где так много талантливых девиц. И по сравнению с этим случаем исто-

卓文君成都当垆，黄崇嘏相府

掌记，又平平了。诗曰：

世上夸称女丈夫，不闻巾帼竟为儒。
朝廷若也开科取，未必无人待价沽。

рия о том, как Вэньцзюнь в городе Чэнду стояла за стойкой и отпускала вино, а также история с Хуан Чунту, которая была на службе у министра, выглядят самыми заурядными происшествиями.

И есть стихи, которые могут подтвердить сказанное:

Многие хвалят женщин иных,
храбростью равных мужчинам.
А слыхано ль, чтобы под женским платком
кладезь учености был?!
Но если бы только правитель велел
экзамен для женщин ввести,
Немало нашлось бы талантливых дев,
способных достойно служить.

содержание

Фэн Мэнлуун 冯梦龙

Цзян Сингэ вновь видит жемчужную рубашку.....	8 --- 115
蒋兴哥重会珍珠衫	
Две монахини и блудодей.....	116 --- 177
赫大卿遗恨鸳鸯绦	
Продавец масла покоряет Царицу цветов.....	178 --- 297
卖油郎独占花魁	

Лин Мэнчу 凌濛初

Любовные игрища Вэнъжэня.....	298 --- 349
闻人生野战翠浮庵	
静观尼昼锦黄沙巷	
Наказанный сластолюб.....	350 --- 383
乔兑换胡子宣淫	
显报施卧师入定	
Девица -сюцай ловко подменяет одно другим.....	384 --- 471
同窗友认假作真	
女秀才移花接木	

«ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО»

учебное издание

**Идея, составление, художественное решение и
изготовление оригинал- макета –
Н.Н.Воропаев**

ООО ПО «Седиал» ©, 14.12.2000 г.
Лиц. ЛР № 00707 от 02.08.2000 г.
Тир.100 экз.